Николай Леонов КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РОССИИ



Н.С. ЛЕОНОВ

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РОССИИ

1991-2000

Н. С. ЛЕОНОВ

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РОССИИ 1991–2000



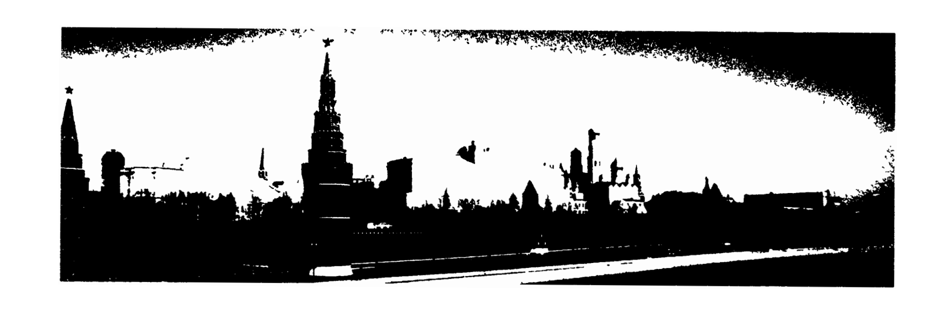
Москва
2002

ББК 63.3(2)6
Л 47

Н. С. Леонов.
Крестный путь России. 1991–2000. — М.: Издательство «Русский Дом», 2002. — 528 с.

Николай Сергеевич Леонов — генерал-лейтенант, доктор исторических наук — живой свидетель описываемых событий и участник многих из них, дает им свою интерпретацию, окрашенную глубоким патриотизмом и болью о судьбе Отечества.

ISBN 5-901505-03-4



СДАЛ — ПРИНЯЛ!!!

7 мая 2000 года. Ослепительное солнечное утро. Пронизывающий холодный северный ветер. Большой Кремлевский дворец набит российской элитой, охраной и челядью. Большой сбор сыгран по случаю вступления в должность нового президента России Владимира Владимировича Путина. Основная часть должностных лиц, перед которыми должен присягать глава государства, почетные гости находятся в Георгиевском зале дворца и могут видеть только на мониторах саму церемонию, которая происходит в скромном по размерам Андреевском зале, куда допущены наиболее близкие и самые незаменимые лица. На центральном возвышении рядом с рыхлым телом, увенчанным тестообразным лицом с заплывшими глазами, принадлежащими бывшему президенту страны Борису Николаевичу Ельцину, едва видна маленькая фигурка В. В. Путина. Оба заметно волнуются, — это видно по той скованности и зажатости, которые нельзя скрыть. После обязательных протокольных выступлений председателя Центральной избирательной комиссии и председателя Конституционного суда, фиксирующих факт вступления в должность нового главы государства, слово берет Б. Н. Ельцин. Ему по закону вовсе не обязательно было присутствовать на этом торжественном акте. Он еще в канун новогодних праздников, т.е. четыре с лишним

месяца назад, сложил свои президентские полномочия и, выговорив себе гарантии неподсудности и немыслимые в демократическом государстве привилегии, удалился на покой на положении осыпанного милостями пенсионера. Когда-то на популярный частушечный мотив «Семеновны» наши мужики в деревне пели: «Самолет летит, колеса стерлися, мы не ждали вас, а вы приперлися». Примерно по этому рецепту действовал и Б. Ельцин. Ему не хотелось терять, может быть, последней возможности дать самому себе оценку и принародно, вероятно, в остатний раз дать «ценные указания» своему преемнику. Ельцин заговорил о своих заслугах в деле утверждения демократии и свободы в России, о том, как ему удалось сохранить величие и достоинство государства. Как великое достижение подавалась свершавшаяся «впервые в истории» мирная передача власти. И лишь чуть-чуть Ельцин корил себя за то, что ему как первопроходцу приходилось идти в деле преобразования России методом проб и ошибок. Говорил тяжело, с долгими паузами, едва преодолевая одышку. Его слова о том, что он берег Россию как зеницу ока и завещает своему сменщику хранить Родину-мать, были уже явным перебором по части бесстыдства.

Никакого покаяния за содеянное перед людьми не прозвучало в словах этой «резиновой куклы», которая прощалась с народом. Она на это не способна.

Иными оценками проводили Ельцина на покой граждане России. «Слава Богу!» — крестился по всем уголкам страны народ. «Наконец-то убрался, ирод проклятый!» — не стесняясь гремели работяги во время перекуров. «Хуже не будет, потому что некуда!» — заключали люди в галстуках. В западных газетах теперь уже открыто писали о бездарном правлении Ельцина, о том, что новому руководителю придется поднимать страну, «измученную десятилетием упадка, коррупции и преступности».

За десять лет в огромной степени по вине Б. Ельцина произошла самая крупная геополитическая катастрофа века, эпицентром которой оказались историческая Россия, Москва, Кремль. В результате исчезла великая держава с тысячелетней

историей, уникальной культурой, религией. Грубыми сапогами властолюбия и корысти был растоптан и, по всей видимости, навсегда погашен неповторимый очаг мировой цивилизации. Причиной этого всемирного катаклизма было не внешнее нашествие, не стихийное бедствие, которое когда-то погубило Атлантиду, не было ни внутреннего взрыва общества, способного привести к взаимному самоистреблению граждан, ни повального мора, ни истребительного голода, ни эпидемии самоубийств. Во главе очень дисциплинированного общества, отличающегося редкостным трудолюбием, доверчивостью и природной добротой, оказались в результате неестественной системы отбора люди с качествами, противопоказанными для роли лидеров. Б. Ельцин был одним из них, может быть, самым ярким антилидером, который так и не понял, что нельзя называть «заботой о России» свои усилия по уничтожению страны, что величия и достоинства государства не достичь, загоняя его на одно из последних мест в мире по экономическим показателям, а половину населения России опуская ниже уровня нищеты, ведущей человека к полной деградации. Ельцину до сих пор невдомек, что и демократия, и свобода несовместимы с назначением своего собственного преемника, что нелепо говорить о мирной передаче власти, когда речь идет о простой смене физического лица на высшем государственном посту при сохранении власти в руках тех же политических и экономических сил. И уж совсем бессовестно признаваться, что Россию пытались лечить «методом проб и ошибок» те самые люди, которые своим личным здоровьем действительно дорожили как зеницей ока, не жалея ни средств, ни совести.

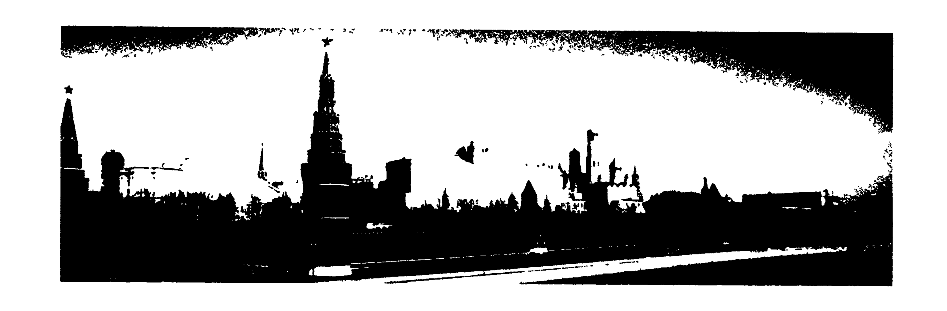
В том же зале, в той же толпе, замеченные только пронырливыми журналистами, тоскливо жались к стенам другие главные действующие лица этой жуткой эпохи. Гости старались не замечать бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС, потом первого президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева. Он давно уже никто и ничто. Его натужно время от времени вытаскивают на публику под любым предлогом, даже по случаю

болезни и смерти жены, лишь бы не дать свершиться при его жизни естественному историческому приговору — полному забвению этого квазилидера.

В другом углу щелкоперы и бумагомаратели проклятые увидели сухонького, болезненного вида старичка, с трудом поднимавшегося со стула, когда начинали играть так называемый «гимн» России, оказавшийся на поверку вариантом польского гимна, случайно попавшим в папку бумаг М.И. Глинки и взятым на вооружение скорыми на руку «демократами». Щелкоперы опознали в нем бывшего председателя Комитета государственной безопасности, пытавшегося в августе 1991 года спасти великую державу путем так называемого августовского путча.

В этот день — 7 мая 2000 года — началась новая полоса в истории нашего государства. Закончилась эпоха, хотя и длившаяся всего 10 лет, но вполне заслужившая название эпохи, ибо она подобна геологическому разлому в судьбе страны и народа.

А начиналось это так...



АВГУСТ 1991 г. «ПУТЧ»

К лету 1991 года вся тогда еще огромная страна под названием Советский Союз бурно разогревалась на костре политических страстей и готова была закипеть со дня на день. Невыносимая усталость от шестилетней пустой болтовни М. Горбачева, его невразумительных и для собственного окружения, и для общества шараханий из одной крайности в другую, неспособности сформулировать внятную политическую линию, раздражала его мелкая провинциальная изворотливость, ловкачество, интриганство с единственной целью сохранить власть в своих руках — все это привело к тому, что ресурс доверия к нему со стороны общества был исчерпан окончательно. За годы своего пребывания на высших постах государства он полностью растратил полученный в наследство от прежних времен политический капитал, выпустил из рук все основные рычаги управления страной, и прежде всего средства массовой информации, и теперь беспомощно барахтался в потоке событий, увлекавшем его в гибельный водоворот. Экономика страны шла резко под откос, объемы производства сократились на 20% по сравнению с доперестроечным 1985 годом, цены неуклонно ползли вверх, появилась безработица. Социальное напряжение росло, забастовки, особенно среди шахтеров, стали будничным явлением. Никакого вразумительного плана действий М. Горба-

чев предложить не мог, а дееспособной партийно-государственной команды у него уже давно не было. Сознавая ограниченность своих лидерских способностей, он с первых дней пребывания на макушке власти сделал ставку на формирование Политбюро из непримиримых по своим взглядам людей. Так, Е. Лигачев оказался полной противоположностью Б. Ельцину, А. Яковлев — антитезой В. Крючкову, Э. Шеварднадзе вел свою игру. До самого конца своей политической карьеры М. Горбачев не смог собрать вокруг себя коллектив единомышленников, что всегда было показателем истинно большого масштаба руководителя. Люди, поработав рядом с ним, рано или поздно уходили. Кто молча, кто с чувством нескрываемой горечи, кто с открытой неприязнью. М. Горбачев не был ни интеллектуальным магнитом, ни политическим вождем, не обладал и личной харизмой, т.е. особой индивидуальной привлекательностью.

Появление такого человека на политическом Олимпе было бы невозможно, если бы действовали нормальные правила естественного отбора лидеров. Лишь крайняя ограниченность круга лиц (Политбюро ЦК КПСС), их физическая изношенность, забота о своих личных интересах могли вынести на вершину власти заурядного, серого партийного функционера.

Истины ради следует сказать, что к этому времени интеллектуально и нравственно деградировала и большая часть верхушки партийно-государственного руководства. Воспитанная в духе беспрекословной дисциплины и подчинения Центру, она утратила бойцовские качества прежних революционеров, способность к честному беспристрастному анализу обстановки и, что самое страшное, стала нецелесообразной. Это особенно наглядно проявилось во время работы последнего Пленума ЦК КПСС, состоявшегося 24—25 апреля 1991 года, на котором решался вопрос о выборе пути развития страны. Среди вариантов был предложен и так называемый «китайский» образец перехода к управлению посредством экономических и рыночных инструментов, но с сохранением сильной государственной власти, в рамках закона и законными методами. На М. Горбачева обру-

шились потоки жесткой критики, «партократы» уже чувствовали запах приближающегося к ним пожарища, дали волю своему раздражению... Но когда вконец измотанный М. Горбачев поставил вопрос о своей отставке с поста Генерального секретаря, члены ЦК дрогнули, испугались своей «смелости» и стали даже просить Горбачева остаться на капитанском мостике. Именно на этом Пленуме была потеряна последняя возможность сбросить с ног изношенные вконец горбачевские лапти и попробовать пойти, как встарь, босыми ногами по росистой траве. Но сил уже не было... Мало кто заметил, что на Пленуме забыли, что собрались для того, чтобы наметить пути развития страны. Наступал маразм.

На этом фоне в стране сформировался и быстро рос центр оппозиционных сил, возглавляемых Борисом Николаевичем Ельциным, который с 12 июня 1991 г. был уже конституционно избранным президентом РСФСР. На его стороне концентрировались высшие партийные сановники, которые демонстративно вышли из КПСС, — вроде А.Н. Яковлева и Э.А. Шеварднадзе, они со все более крепнущим убеждением критиковали партию, в которой десятилетиями кропотливо делали свою карьеру. Плечом к плечу с Ельциным стояли выдвинувшиеся в годы перестройки молодые политики типа А. Собчака, Г. Попова (первый избранный мэр Москвы), Г. Старовойтовой и др. Усилиями А.Н. Яковлева почти все средства массовой информации к лету 1991 г. оказались в руках оппозиции. Социальной и материальной опорой оппозиционного блока стала новая, родившаяся в годы перестройки российская буржуазия. Б. Ельцин пользовался широкой популярностью и поддержкой в кругах массовой интеллигенции — врачей, учителей, сотрудников научно-исследовательских учреждений, работников культуры и т.д., которые чувствовали явное несоответствие между своей ролью в обществе и приниженным социальным положением, полунищенским существованием. Оппозиционный блок был достаточно разношерстным, но его прочно объединяло неприятие таких «ценностей» советского строя, как отсутствие демок-

ратических свобод, цензура, ограничение прав личности. Подавляющее большинство людей, симпатизировавших оппозиционному блоку, плохо представляло себе, что означало понятие «рыночные отношения», но им опостылела постоянная нехватка продуктов питания и предметов первой необходимости, очереди, талоны, пайки. Б. Ельцин строил свою политическую борьбу на резкой критике существовавшего строя, на отрицании всего и вся. Демонизация социалистической системы носила тотальный характер, и это находило эмоциональный отклик в душах людей.

Никакой позитивной программы оппозиция не предлагала, боясь вызвать на себя огонь критики. В общем, работа велась в соответствии со словами из «Интернационала»: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим...» и т.д.

Личное противостояние Б. Ельцина и М. Горбачева привнесло во внутриполитическую борьбу бездну византийского коварства, лжи и лицемерия. Оба были озабочены в первую очередь своим личным местом в политической табели о рангах в России, в их действиях не просматривается искренняя озабоченность о судьбах страны и народа. Начали они свою публичную свалку под публичные заявления о том, что хотят раскрыть с большей эффективностью преимущества социалистического строя. Каждый доказывал, что он хочет и умеет сделать это лучше других. Ельцин пошел на разрыв с Горбачевым в 1987 г., заявив, что он стремится к ускорению перестройки. Это уже потом политическая стихия понесла его по пути мимикрии в «демократическое», а потом и в открыто антикоммунистическое поле, где травы оказались и гуще и сочнее для амбиций и карманов. М. Горбачев продержался на своих симпатиях к «социалистическому выбору» ровно до тех пор, пока эта позиция давала ему личные карьерные преимущества. Как только «социализм» оказался не кошельком в кармане, а камнем на шее, М. Горбачев сразу же отказался от него, а потом потихонечку, бочком-бочком пробрался в те же антикоммунистические пампасы, где и

щиплет травку по сей день. Оба закончили свою карьеру как отъявленные антикоммунисты. Субъективно они руководствовались карьерными соображениями, а объективно стояли во главе противостоящих социальных и политических сил. Б. Ельцин поднял знамя реставрации буржуазных порядков в России, а М. Горбачев вяло размахивал флагом сохранения социализма в реформированном виде.

Невиданное доселе ослабление центральной власти в Москве не могло не породить возникновения мощного сепаратистского движения в национальных республиках, входивших в состав СССР. Руководители союзных республик довольно быстро сменили свои костюмы коммунистов-интернационалистов на националистические свитки, халаты, бешметы. Каждому хотелось, по старой поговорке, стать Иваном Ивановичем в своей деревне, чем оставаться Ванькой в городе. Давно известно, что проще всего можно зажарить для себя яичницу, разводя огонь межнациональных конфликтов. История наций всегда хранит столько пожароопасного хлама, что стоит поднести к нему спичку, как заполыхает с таким трудом выстроенный дом. Бывший премьер-министр СССР В. Павлов вспоминал, что в 1989 г. руководители всех союзных республик, входивших в СССР, представили в правительство расчеты, «неопровержимо» свидетельствовавшие о том, что национальный доход, произведенный на их территории, вывозился в другие республики. Ни одна республика не получала помощь и поддержку, а все только ее кому-то оказывали. Грузия, например, насчитала, что каждый год превышение вывоза с ее территории в Россию над ввозом составляло 4 млрд рублей (тогда рубль был почти равен доллару). Сейчас можно только горько усмехнуться, читая дикие свидетельства тех дней. Все видели решение большинства своих проблем в отделении от Союза ССР. Закоперщиками в этой кампании были, естественно, прибалтийские республики, но не уступали им и закавказские. К лету 1991 г., опираясь на положения Конституции СССР, предусматривавшие право союзных республик на свободный выход из состава СССР, многие и по-

ставили вопрос о предоставлении им полной самостоятельности. Возникла проблема создания нового государственного образования вместо СССР. Начался так называемый Новоогаревский процесс (заседания проходили в госособняке, находившемся в Ново-Огареве, под Москвой), в ходе которого предполагалось разработать новый Союзный договор, который заменил бы Договор о создании СССР, подписанный в 1922 году. Проект нового договора составлялся в спешке и втайне от общественности, ибо его содержание было настолько шокирующим, что не удалось бы избежать сокрушительной критики со стороны самых широких масс народа. Главное, что вызывало неприятие нового договора, было полное несоответствие его содержания воле народов СССР, выраженной в итогах Всесоюзного референдума, проведенного 17 марта 1991 г. Подавляющее большинство участников референдума (74%) высказалось за сохранение Советского Союза в реформированном виде. В Новоогаревском проекте договора речь шла о превращении СССР в федерацию суверенных государств. Но и под этим договором вовсе не собирались подписываться представители республик. Их лидерам давно надоел коварный, вертлявый Горбачев, но им внушал недоверие и напористый, будьдозерный характер Б. Ельцина.

На 20 августа 1991 г. по решению Горбачева было намечено открытие процедуры подписания нового договора, текст которого был только за три дня до этого опубликован в печати и сразу вызвал взрыв недовольства. По логике вещей крупный государственный деятель не бросает своего поста в столь критический момент, когда на повестке дня стоит упразднение великого государства, однако М. Горбачев решил, что он чрезмерно утомился, и 3 августа уехал из Москвы в Крым, где уединился с семьей на роскошной, специально для него недавно построенной вилле недалеко от Фороса. Между прочим, следует отметить, что советские, а потом и российские государственные мужи никогда не обращали внимания на бедственное положение финансов страны, на прогрессирующую нищету населения,

ставя при этом во главу угла заботу о личном комфорте и роскоши. Стало давно нормой, что очередное верховное лицо в первую очередь было озабочено строительством и обустройством новых резиденций с учетом своих вкусов и капризов своих домочадцев. Никто из них не желал жить в домах своих предшественников. Поэтому Россия с каждой волной обновления своих руководителей приучалась запоминать новые названия резиденций как под Москвой, так и на юге. Вот в такой девственной приморской вилле под Форосом и заперся М. Горбачев, «оставив на хозяйстве» вице-президента СССР Г. Янаева, который был малоизвестной личностью, выделявшейся даже на сером фоне тогдашних советских руководителей своей бесцветностью. Горбачев упорно добивался избрания именно этого человека на пост вице-президента СССР, исходя из известного принципа подбора кадров, гласившего: «чем темнее небосвод, тем ярче звезды». Маховик разрушения государства тем временем раскручивался все быстрее и быстрее. СССР уже находился в коматозном состоянии. И вот тогда в головах оставшихся в Москве руководителей КПСС и правительства с огромным опозданием родилась мысль, что с Горбачевым невозможно ни искать, ни тем более выстраивать какой-либо путь выхода из затягивавшейся петли кризиса.

Десятилетиями практики руководства страной эта группа деятелей была приучена к тому, чтобы решать все основные вопросы келейно, не обращаясь ни к народу, ни к многомиллионным массам членов своей партии. Весь период перестройки, а впоследствии и реформ центры власти Кремль и Старая площадь (где до 1991 г. находились службы ЦК КПСС, а потом администрации президента РФ), по существу, игнорировали народ. Лишь эпизодически использовалась форма референдума, но и в этих случаях результаты либо игнорировались, либо объявлялись «консультативными» и не имеющими обязательного характера в том случае, если они не соответствовали политическим целям их организаторов. Верхушка КПСС и советского правительства даже перед перспективой неизбежности

крушения их власти так и не решилась обратиться к своей 20-миллионной армии коммунистов, к широким массам народа с призывом о поддержке гибнущего строя. Максимум, на что они решались, — это созывать Пленумы ЦК и партийную конференцию, но там была та же верхушка, пораженная теми же пороками и слабостями. Этот давно наметившийся разрыв коммунистической верхушки с основной массой членов партии и широкой общественностью страны с годами превратился в пропасть, глубина и ширина которой увеличивалась в кризисные периоды.

Оставшиеся в Москве руководители, вошедшие вскоре в состав так называемого ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению) ни раньше, ни теперь не думали о каких-либо шагах политического характера с целью переломить настроение народных масс в стране или мобилизовать ресурсные возможности партии. Поставленные крайним дефицитом времени перед необходимостью принимать решение, они в личных встречах, телефонных переговорах стали склоняться к мысли о том, что единственный выход из создавшейся ситуации — объявление чрезвычайного положения в стране, что это последний шанс спасти СССР и, возможно, социализм. По материалам следствия, опубликованным впоследствии, видно, что главную роль играли в переговорах и консультациях премьер-министр В. Павлов, председатель Комитета государственной безопасности В. Крючков, заместитель председателя Совета обороны О. Бакланов (председателем Совета обороны был сам М. Горбачев), вице-президент Г. Янаев, министр обороны Д. Язов. Все они вошли в состав ГКЧП, лишь когда было объявлено о его создании, а до той поры вели бесконечные обмены мнениями о том, что делать, делились оценками с каждым днем ухудшавшейся ситуации.

Наконец, 17 августа 1991 г. В. Крючков проявил инициативу и собрал своих единомышленников на одном из объектов, принадлежавшем разведке, ставшем известным потом как объект АВС, расположенном в лесном массиве между Ленинским проспектом и Теплым Станом, неподалеку от МКД.

На этом совещании, длившемся час с небольшим, проходившем сумбурно, без определенной повестки дня, без председательствующего, было принято одно согласованное решение: направить в Форос к М. Горбачеву группу уполномоченных лиц в составе О. Бакланова, В. Болдина (заведующего общим отделом ЦК КПСС), В. Варенникова (командующего сухопутными войсками МО) и О. Шенина (секретаря ЦК КПСС, занимавшего в отсутствие М. Горбачева место временного руководителя компартии). Делегации была поставлена задача проинформировать М. Горбачева об ухудшающейся ситуации в стране и получить его согласие на объявление в стране чрезвычайного положения. В том случае, если М. Горбачев не даст согласия и своей санкции на объявление этой меры, предполагалось попросить его временно передать президентские полномочия своему заместителю Г. Янаеву и молчаливо согласиться с теми мерами, которые предпримут в связи с «чрезвычайным положением».

Появление гонцов в Форосе вызвало, как легко себе представить, панику в душе Горбачева. Когда ему доложили о приезде посланцев из Москвы, он в течение целого часа не решался выйти к ним, лихорадочно обдумывая ситуацию. Его единственным советником была Раиса Максимовна. Первой мыслью, которая сразу овладела им, был страх, что приехали уведомить его о снятии со всех постов, а может быть, и объявить ему об аресте. В эту минуту он мог защититься только одним: своей легитимностью, самим фактом избрания его президентом СССР на съезде народных депутатов год назад. Но оставался и второй, более мощный ресурс: если его товарищи по партии и правительству захотят лишить его самого дорогого — власти, то он может обратиться к оппозиционному блоку, к Б. Ельцину за защитой. Горбачев понимал, что для первого президента РФ он представляет куда меньшую опасность, нежели та группа, которая прислала своих эмиссаров в Форос. При таких еще остававшихся на руках козырях Горбачев решил бороться до конца. Он вышел к московским посланцам уже внутренне запрограмми-

рованным на полный отказ от любых предложений. Беседа, естественно, приняла далеко не дружественный характер. Последний президент СССР не соглашался ни на что, никакие аргументы на него не действовали.

Но Горбачев не был бы Горбачевым, если бы его слова носили решительный и категоричный характер и были подкреплены хоть какими-то действиями. Он мог принять меры к временному задержанию делегации, для этого у него было достаточно полномочий и находившихся в его подчинении сил. Он мог бы немедленно позвонить в Кремль Г. Янаеву (связь в то время работала) и потребовать немедленно прекратить до его возвращения все действия по подготовке введения чрезвычайного положения. Ему ничего не стоило просто сесть в самолет и прибыть в Москву, если уж там заваривалась такая крутая каша. Ничего этого он не сделал.

Гонцы вернулись из Фороса в Москву вечером 18 августа и сразу же направились в Кремль, где их ждали основные участники будущего ГКЧП. Вспоминает тогдашний премьер-министр СССР В. Павлов: «Из доклада приехавших товарищей однозначно следовало, что Горбачев выбрал свой обычный метод поведения — вы делайте, а я подожду в сторонке, получается — я с вами, нет — я ваш противник и не в курсе дела. Об этом свидетельствовали и его ссылка на самочувствие, и пожелание успеха накануне, и «делайте, что хотите сами» под предлогом завершения лечебных процедур». Подобная манера поведения, этакая политическая вертлявость, была хорошо известна в близком окружении Горбачева. Еще раньше во времена событий в Баку, в Тбилиси, в Вильнюсе, где использование вооруженных сил приводило к человеческим жертвам, первой публичной реакцией Горбачева было отмежевывание от личной ответственности под любым предлогом (отсутствия в Москве, болезни и пр.). Исходя из такого давно привычного понимания поведения и прощальных слов Горбачева, в Кремле началась лихорадочная работа по созданию ГКЧП и подготовке его первых шагов. После жаркой дискуссии Г. Янаев подписал указ о

своем вступлении в должность исполняющего обязанности президента. В этом указе зияла чудовищная дыра правового характера в виде ссылки на болезнь Горбачева, ничем не подкрепленной. Сколько ни дискутировали участники совещания, они так и не смогли договориться, кто же из них должен возглавить в качестве председателя сам комитет по чрезвычайному положению. Все наотрез отказались. Боязнь взять на себя полноту ответственности за все предстоящее, неуверенность в успехе предприятия, страх уже витали над головами участников собрания. А. Лукьянов, представлявший в то время законодательную власть, отказался войти в состав ГКЧП под предлогом того, что это-де структура исполнительной власти и негоже смешивать одну с другой. Министр иностранных дел А. Бессмертных также отклонил предложение войти в состав ГКЧП, объяснив свою позицию тем, что ему легче будет разъяснять мировому общественному мнению те или иные шаги нового комитета, не будучи формально его членом. Б. Пуго, министр внутренних дел — находился в очередном отпуске и прилетел в Москву только 18 августа, как говорится, «с корабля на бал», он, не колеблясь, дал согласие на включение его в состав ГКЧП. По своим политическим взглядам и личному характеру, жесткому и прямому — Пуго не мог остаться в стороне от надвигавшихся событий.

Участие двух других членов ГКЧП — В. Стародубцева и А. Тизякова — носило в какой-то мере декоративный характер. Первый символически представлял сельскохозяйственный сектор страны, будучи председателем Крестьянского союза, а второй, соответственно, — промышленный, поскольку был президентом Ассоциации государственных предприятий и объединений. Они вдвоем были своего рода серпом и молотом, символизирующими единство страны на позициях ГКЧП. Оба ничего не знали о подготовке «путча» и находились вне Москвы, куда были вызваны за день до событий.

Для меня, к тому времени занимавшего достаточно высокий пост начальника Аналитического управления Комитета го-

сударственной безопасности и члена коллегии КГБ, все происходившее было неведомо. Я, как и большинство руководителей управлений, находился в отпуске и понятия не имел о подготовке ГКЧП. Я был вызван на работу за день до объявления чрезвычайного положения, и мне было предложено набросать проект Обращения к советскому народу. Я был и остаюсь убежденным сторонником той точки зрения, что только сильная государственная власть в нашей стране способна была сохранить единство державы, предотвратить экономическую разруху и обеспечить безопасность нашим гражданам. Самая элементарная политологическая подготовка позволяла без труда прогнозировать, что произойдет с государством в случае захвата власти разношерстной оппозицией во главе с Б. Ельциным, движимым только политическим честолюбием. Мне казалось, что все руководство страны решилось перевести стрелки на китайский путь развития вместо того, чтобы, уподобляясь буридановой ослице, топтаться на месте, не зная, что делать.

Несмотря на море литературы, разлившееся после августа 1991 года и призванное доказать наличие заговора, изображавшего ГКЧП как некое «чудище зло, озорно, стозевно и лайяй», намеренное восстановить тоталитарное государство и диктатуру партии, убедить в этом здравомыслящего человека весьма трудно. Вся так называемая заговорщическая работа была проделана за 4 часа — с 20 до 24 часов 18 августа 1991 г. Тексты основных документов были заготовлены заранее в структуре КГБ, да и то, насколько нам известно, в течение двух-трех предыдущих дней. Никакого плана проведения и обеспечения репрессивных акций не было, равно как не существовало разработанного и согласованного плана использования вооруженных сил для обеспечения чрезвычайного положения. Не было подготовлено ни печатных, ни аудиовизуальных материалов, крайне необходимых для политического подкрепления столь ответственной акции. Даже такая элементарнейшая мера, как отключение связи, для всех возможных политических оппонентов не была предусмотрена. Оставались открытыми все аэропорты, границы.

Заместитель министра обороны В. Ачалов, находившийся все эти роковые 4 часа в кабинете В. Павлова, где заваривался «заговор-путч», давал такие показания на следствии: «Целый вечер 18 августа в кабинете... шел какой-то словесный базар, трудно было разобраться, кто и что здесь решает. Не видно было среди присутствующих государственных мужей...» Было даже кем-то сказано, что, может быть, и не надо ничего делать, а все оставить как есть до возвращения Горбачева. Но в этот момент решающее влияние на всех оказали слова В. Болдина, который сказал: «Кто здесь находится, все сожжены. Об этом я могу сказать точно, так как хорошо знаю президента. Мы теперь все повязаны...». Самый старший по положению, вице-президент Янаев, которого с величайшим трудом удалось затащить в Кремль, послав за ним пару офицеров, силой оторвавших его от хмельного застолья, жалобно заскулил, желая уползти с борцовского ковра: «Если товарищи сочтут целесообразным, я готов подать в отставку в любой момент». Но товарищи были не готовы к тому, чтобы разрешать дезертировать подельникам в последний момент.

После полуночи «заговорщики» стали разъезжаться по своим дачам и квартирам. Лишь хозяин кабинета В. Павлов до такой степени разволновался, накурился и передозировался кофе с виски, что около 4 часов утра потерял сознание и рухнул на диван в комнате отдыха. Офицер охраны и личный шофер доставили его на дачу в Архангельское, где врачи констатировали у него развитие гипертонического криза.

Несмотря на весь этот организационный и политический бедлам, заранее обрекавший на провал всякую попытку наведения порядка в стране, все-таки были подписаны основные документы. В них говорилось о создании ГКЧП, к которому переходила вся полнота власти, объявлялось о введении на срок до 6 месяцев чрезвычайного положения в СССР с 4 часов утра 19 августа 1991 г. Постановлением № 1 временно приостанавливалась деятельность политических партий и общественных движений, запрещалось проведение митингов, уличных шествий,

демонстраций, а также забастовок. Издание некоторых оппозиционных газет было приостановлено. Договорились, что 26 августа будет созван Верховный Совет СССР, который санкционирует задним числом принятые меры и одобрит документы. Велика мудрость, заложенная в народной пословице: «Коли первую пуговицу застегнешь неправильно, то все остальные пойдут наперекосяк». Только один член ГКЧП — маршал Д. Язов — счел себя серьезно связанным теми обязательствами, которые вытекали из договоренностей в Кремле. В 6 часов утра 19 августа он созвал заседание коллегии Министерства обороны, а минутами раньше отдал приказ о введении в Москву Таманской мотострелковой и Кантемировской танковой дивизий, благо они стоят в военных городках вблизи от столицы. Кроме того, в столицу выдвигалась 106-я дивизия воздушно-десантных войск, в обычное время дислоцирующаяся в районе г. Тулы. Военная машина завертелась.

Специфической особенностью Москвы со времен советской власти и до сих пор остается нахождение ее в ожерелье военных городков, где дислоцированы самые привилегированные боеспособные соединения, обладающие громадной огневой мощью. Здесь и Таманская мотострелковая дивизия, и Кантемировская танковая, и дивизия внутренних войск, и другие части. Рядом находится военная база Кубинка, где располагаются воздушно-десантные части, соединения боевой авиации и пр. Присутствие этих войск у самого порога Москвы свидетельствует о страхе властей перед возможным выступлением против них народа, о стремлении иметь под рукой военную силу, чтобы использовать ее в период острых столкновений в борьбе за власть. Эти соединения были использованы в 1953 г. (во время ареста Л. Берии и его подельников), в 1957 г. (в период борьбы с так называемой «антипартийной группировкой») и в 1991 г. во время описываемых событий.

Задачей любых истинных демократов России будет удаление этих соединений от Москвы и размещение их там, где того

требуют государственные интересы. В этом смысле Москва должна быть похожа на Париж, Рим, Лондон или иную мирную столицу.

К середине дня 19 августа воинские части вошли в город. Всего в составе задействованных частей и соединений было более 300 танков, около 270 боевых машин пехоты, 150 бронетранспортеров и 430 автомобилей. Численность личного состава не превышала 4600 человек. Поднятые по тревоге и спешно переброшенные в Москву войска сразу же почувствовали отсутствие политического руководства, что выражалось в расплывчатости поставленных целей, в нерешительных, часто изменяющихся приказах. Формально надлежало взять под охрану Центральный телеграф, ТАСС, телецентр в Останкино, радиостанции, ТЭЦ, водонапорные станции, мосты и подъезды к ним. Но этот набор объектов свидетельствовал о механическом перенесении опыта прошлых революций. Армия вошла в город, не понимая, от кого надо защищать порученные ей объекты, — ведь им никто не угрожал. Во всем мире путчисты — разумеется, если это настоящие путчисты, — действуют активно, наступательно. Они берут штурмом или уничтожают своих политических противников, их опорные пункты, их боевые силы и средства. В Москве ничего подобного не происходило. Войска вошли и встали. Дело доходило до курьезов: в 13.50 к Белому дому, где находилось российское руководство во главе с Ельциным, подошел один батальон 106-й дивизии ВДВ, с которым прибыл генерал А. Лебедь. Он развернул танки кормой к зданию, а стволы орудий мрачно смотрели в пространство в сторону неизвестного противника. А. Лебедь вроде бы выполнял приказ об охране государственных учреждений, а окружающие воспринимали эти танки, как перешедшие на сторону противников ГКЧП. Нельзя не улыбаться, читая воспоминания свидетелей опереточных, с трагическим отсветом событий тех дней. Войска двигались по улицам в сопровождении автомашин ГАИ, как будто речь шла о разведении парадных расчетов. Б. Ельцин, ехавший в то утро из государственной дачи в Архангельском в

Белый дом на Краснопресненской набережной на своем автомобиле с «мигалкой» в сопровождении охраны, обгонял боевые машины, которые с готовностью уступали ему дорогу. У него время от времени сжималось от страха сердце, что вот-вот он будет арестован, а офицеры только брали под козырек и ели глазами мчавшееся мимо начальство. Москвичи вообще умирали от удивления, глядя, как танки, БМП и БТРы покорно останавливались перед красными сигналами светофоров, пропуская потоки обычного городского транспорта. Все это походило на какой-то театр абсурда.

Не менее поразительным было полное отключение средств массовой информации от политических событий. В руках ГКЧП были Останкинский телецентр, основные радиостанции, но они молчали. На всех каналах лилась классическая музыка или показывали ставший эталоном бездеятельности балет «Лебединое озеро». Историкам современности и политологам не известны другие случаи аналогичной бездеятельности в моменты, когда, казалось бы, шла борьба за власть, за судьбу страны. Более того, когда у Б. Ельцина и его сторонников прошел первый шок ошеломленности и они стали быстро запускать в действие имевшийся в их распоряжении пропагандистский аппарат, выяснилось, что ГКЧП (в состав которого входил глава КГБ) не знал адресов редакций и передатчиков радиостанций. Допустить, что, например, В. Крючков профессионально не знал, что надо делать, невозможно, потому что КГБ достаточно плотно контактировал с Министерством внутренних дел Польши в период подготовки и введения в этой стране чрезвычайного положения в декабре 1981 г. и тщательно изучал все этапы проведения в жизнь комплекса мероприятий. Есть все основания полагать, что внутриполитическая обстановка в Польше в то время была куда более сложной и опасной, чем в августе 1991 г. в СССР, и все же там введение чрезвычайного положения было проведено в жизнь безупречно и с большим эффектом.

В состав ГКЧП входили, как известно, руководители двух ведомств — КГБ и МВД, — в распоряжении которых имелись

более чем достаточные силы для задержания и изоляции тех лиц, которые могли бы рассматриваться как политические противники, и, тем не менее, с удивлением мы обнаруживаем полную неготовность инициаторов введения чрезвычайного положения к проведению арестов. Более всего внимание уделялось вопросу об изоляции Б. Ельцина. Но этот вопрос так и остался вопросом. Ни разу, ни в одном документе ГКЧП не упоминается возможный арест российского президента. На словах якобы шли разговоры о вероятности такого шага, но никаких практических действий не предпринималось. Точно так же обстояло дело и с другими известными представителями так называемого демократического движения. Если верить слухам, то за все дни «путча» был на несколько часов задержан лишь депутат Гдлян, этим и органичились «репрессивные» действия.

Сам комитет по чрезвычайному положению собрался в Кремле только в 10 часов утра 19 августа и принял два решения: провести в 17.00 пресс-конференцию и объявить в Москве комендантский час во исполнение чрезвычайного положения. Пресс-конференция, проводившаяся в здании агентства «Новости» на Зубовском бульваре, прошла без участия главных действующих лиц (не было ни Крючкова В., ни Язова Д.), вяло, серо. Она скорее сыграла деморализующую роль для ГКЧП и его сторонников, показав, что инициаторы всей заварухи не имеют ни четкого плана действий, ни воли, ни решимости идти до конца по избранному пути. Апофеозом лживости и беспомощности ГКЧП стали слова Янаева, который в ответ на вопрос о здоровье М. Горбачева сказал: «Я надеюсь, что мой друг, президент Горбачев, будет в строю, и мы будем с ним вместе работать». Оператор телевидения, показывавший проведение этой пресс-конференции, остроумно заметил и выделил крупным планом дрожавшие руки Янаева. Они тряслись то ли от страха, то ли от пьянки, то ли от обеих причин вместе, и стали символом всего поведения ГКЧП в эти дни.

Совсем иначе складывались дела в Белом доме, в окружении Б. Ельцина. Там довольно быстро разобрались в оценке

складывающейся ситуации, поняли, что обстановка крайне благоприятна для взятия власти ввиду полного кризиса и развала общесоюзного правительства. Б. Ельцин, И. Силаев, председатель Совета министров РСФСР, Р. Хасбулатов, исполнявший обязанности председателя Верховного Совета РСФСР, подписали 19 августа обращение «К гражданам России», в котором в качестве причины происходивших событий выдвигалось только предстоявшее подписание нового Союзного договора, предотвратить которое пытались «реакционные силы силовыми методами». А вот вытекавшие отсюда меры носили энергичный, мобилизующий характер. ГКЧП объявлялся незаконным, как и все его решения и распоряжения. Всем органам местной власти предписывалось подчиняться только законам и Указам президента РСФСР. Выдвигалось требование дать возможность Горбачеву выступить перед народом. Был поставлен вопрос о созыве чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Авторы обращения призвали военнослужащих не принимать участие в государственном перевороте, а всех трудящихся страны — к всеобщей бессрочной забастовке.

Белый дом не давал опомниться своим соперникам в борьбе за власть. Объявив всю союзную власть парализованной, Б. Ельцин своим указом подчинил себе все структуры КГБ, МВД и Минобороны СССР, действующие на территории России. Всякий, кто осмелится выполнять указания ГКЧП, подлежит немедленному отстранению от исполнения служебных обязанностей, а органы Прокуратуры РСФСР обязаны принять меры для привлечения таких лиц к уголовной ответственности.

К исходу дня 19 августа Б. Ельцин своим очередным указом, тональность которых становилась все жестче и жестче с каждым часом, объявил членов ГКЧП изменниками народа, Отчизны и Конституции и поставил их вне закона, по существу дав карт-бланш на расправу над ними. «Как Президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку. Судьба России и Союза в ваших руках», — завершал он этот необычный документ.

Руководство Московской мэрии во главе с Г. Поповым и Ю. Лужковым встало однозначно на сторону Б. Ельцина. По распоряжению Юрия Михайловича стали возводиться баррикады, особенно много их было на Садовом кольце, использовался муниципальный пассажирский транспорт — троллейбусы, автобусы. Втайне началось массовое изготовление бутылок с зажигательной жидкостью для борьбы с бронетехникой на городских улицах. Весь строительный мусор привезли грузовики по распоряжению городских властей для строительства заграждений около Белого дома. Сейчас нельзя наверняка говорить, кто оплачивал подвоз горячей пищи (пиццы) и горячительных напитков прямо на «баррикады», но, видимо, без содействия местных властей не обошлось. Слово «баррикады» неслучайно употреблено в кавычках, потому что, по свидетельству всех очевидцев и особенно военных, проводивших рекогносцировку подступов к Белому дому, эти сооружения не представляли собой сколь-нибудь серьезной угрозы для потенциальных нападавших. Они носили символический, психологический характер, подчеркивая больше решимость вступить в схватку, нежели надежду победить в ней.

Как же относилось население России и Москвы к происходящему в стране? Россия замерла в ожидании развязки, она по исторической привычке привыкла следовать судьбе своей столицы. Галина Старовойтова, одна из самых яростных сторонниц «демократического» движения, упорно повторяла: «Главное — победить в Москве, Россия последует ее примеру». Она была права, ведь в столице сосредоточены все властные структуры, вся финансовая мощь, отсюда управляются средства массовой информации. В самой столице перевес в симпатиях, в общественной энергетике, в пассионарности был явно на стороне Белого дома. Около него уже с утра начали собираться люди, одни пришли просто поглазеть, но многие — с твердой решимостью сразиться с драконом в лице ГКЧП. Публика была разношерстная: и становившиеся привычными «мордовороты» с золотыми кольцами на волосатых пальцах, и кипящая энтузиаз-

мом учащаяся и служилая молодежь. Сами лозунги борьбы за свободу и демократию способны зажечь сердца и души, они не могут оставить равнодушной особенно молодежь, которая будущее видит, как небо в алмазах. То, что все префектуры, депутатский корпус были на стороне Белого дома, неудивительно: чиновники всегда следуют за своим начальством. Но Ю.М. Лужков, тогдашний вице-мэр Москвы и глава московского правительства, в своей брошюрке «72 часа агонии», выпущенной сразу же после событий, вынужден был признать, что основные массы московского рабочего люда стояли, скорее, на позициях ГКЧП, нежели поддерживали «демократов». Крупный коллектив московского индустриального гиганта — завода им. Лихачева отказался выполнять указания московских властей. Все предприятия военно-промышленного комплекса, которых множество в столице, занимали также выжидательно-враждебную позицию по отношению к Белому дому. Лужков вспоминал случай, когда один из председателей райсовета в столице, получив предписание объявить всеобщую забастовку, написал на ней резолюцию: «Не исполнять!» Собственно, никакой всеобщей забастовки в столице так и не было. Работали все коммунальные службы, магазины, городской транспорт. А уж про страну и говорить нечего. Это было грозным предупреждением для Б. Ельцина.

Численность так называемых защитников Белого дома в истории останется навечно весьма приблизительной величиной. В самом здании находилось около 400 человек, у которых имелось большое количество стрелкового вооружения, включая автоматы и пулеметы. Около здания на импровизированных баррикадах собралось, по разным оценкам, от 5 до 50 тысяч человек. Именно такие цифры назывались органам следствия различными лицами, подвергавшимися допросам в связи с событиями тех дней. «Демократы», как правило, преувеличивали численность защитников, а лица со стороны ГКЧП имели тенденцию преуменьшать. Офицеры КГБ, посланные в те дни для оценки численности защитников Белого дома на предмет под-

готовки возможных силовых акций, определили ее в 15—20 тыс. человек. Но одни голые цифры ничего сами по себе не значат. Сотни тысяч рабочих и служащих Москвы, пассивно сидевших на своих предприятиях и не выполнявших распоряжений мэрии, не шли ни в какое сравнение с десятками тысяч активных противников ГКЧП, которые с утра до ночи окружали колонны бронетехники, кормили и поили солдат, призывая их перейти на сторону народа. Жрицы любви, вкусившие прелесть свободы своей профессии, готовы были принести себя в жертву на алтарь отечества. Коротко стриженые крепыши с канистрами в руках задарма наливали в пластиковые стаканчики водку, и все это под распаляющие крики: «Путчистов под суд!», «ГКЧП на виселицу!», «Фашизм не пройдет» и т.д. В воздухе уже витал дух безнаказанности. Милиции не было и в помине, она будто испарилась. Люди уже знали, что Б. Ельцин гарантировал им правовую защиту и моральную поддержку.

В такой обстановке любая, даже малая искра могла вызвать пожар. И он чуть было не занялся в ночь с 19 на 20 августа. По приказу военного коменданта Москвы с 23 часов 19 августа до 5 утра следующего дня устанавливался комендантский час. Во исполнение этого приказа 76 единиц бронетехники из состава Таманской дивизии и 760 человек личного состава вышли от площади Маяковского вправо и влево по Садовому кольцу с целью взять под контроль основные магистрали, которые вели к центру города. Но когда часть боевых машин подошла к пересечению Садового кольца с проспектом Калинина (Новый Арбат) и спустилась в туннель под проспектом, то к ужасу своему водители увидели, что путь им перекрыт тройным заслоном из троллейбусов, а со всех сторон надвигалась ревущая толпа, вооруженная палками, камнями, стальными арматурными прутьями. Люди стали карабкаться на броню, разбивать смотровые приборы, закрывать брезентом смотровые щели, засовывать в гусеницы все, что попадалось под руку. Одна из бронемашин слепо закружилась на месте и ударилась об опору тоннеля, от удара раскрылась дверь в десантное отделение, и туда немедленно

бросился какой-то парень с металлическим ломом в руках. Он замахнулся на автоматчика, истошно вопившего, чтобы парень покинул машину, но тут водитель дал газ, и парень с ломом упал головой об асфальт с такой силой, что лопнул череп. Ярость толпы взвилась смерчем. Она кинулась к машине, но изнутри ударила автоматная очередь. Стреляли не в людей, а в воздух, но часть пуль отрикошетила от болтавшейся стальной двери, и один человек был убит на месте, а пятеро ранены.

В машину полетели бутылки с горючей жидкостью, она вспыхнула. Когда водитель-механик, открыв люк, выбрался из горящей машины, его тут же облили горючей смесью и подожгли. Другие члены экипажа (трое) тоже выбрались и, пытаясь погасить пылающего товарища, стали отступать к другим боевым машинам, стоявшим неподалеку, все время стреляя поверх голов для устрашения. Какой-то молодой человек по фамилии Кричевский, метнув в отступавших камень, двинулся в сторону БМП, но был сражен выстрелом в голову. Это остановило толпу, понявшую, что грань уже перейдена и дальше огонь пойдет на поражение. Военные отступили, забрав своего обгоревшего товарища. На этом и закончились все «боевые действия» этих несчастных, окаянных дней. Единственные жертвы — Комарь, Усов и Кричевский — отмечены званиями героев России, им были устроены пышные похороны на Ваганьковском кладбище, но имена их почти сразу же забыли. Один из троллейбусов, задняя часть которого была покорежена бронетранспортером, пытавшимся преодолеть баррикаду, был впоследствии перетащен и поставлен во дворе Музея революции, как вещественное свидетельство героических подвигов в августовские дни. Несколько лет он удивлял посетителей своей неуместностью рядом с боевым броневиком и боевыми орудиями времен Октябрьской революции. Потом его тихо и незаметно убрали и отправили на переплавку, чтобы он не напоминал об августовском фарсе.

Пришлось подробно рассказать об этом инциденте, чтобы лишний раз подчеркнуть, что ни армия, ни органы охраны по-

рядка не нападали на мирных граждан, не провоцировали их. Наоборот, они сами стали объектом опасной агрессии со стороны толпы, которая была распалена пропагандой, распространяемой Белым домом. Органы прокуратуры не нашли в действиях военных никакого состава преступления, они защищали свою жизнь и вверенную им технику.

Тем временем в Форосе, на роскошной вилле, М. Горбачев как ни в чем не бывало продолжал отдыхать, нежась в морской воде под горячим крымским солнышком. Вокруг него сложилась настоящая черная легенда. Его представляли пленником, лишенным средств связи, заблокированным с суши и с моря вооруженными силами гэкачепистов. Так в памяти многих наивных граждан он и остался беззащитным страдальцем и чуть ли не мучеником. Да, такая версия была крайне необходима для Б. Ельцина и его соратников. Гавриил Попов, Геннадий Бурбулис, да и сам Б. Ельцин прекрасно поняли, что глубоко ненавидимый ими и искренне презираемый Горбачев мог оказаться ценнейшим союзником в силу его легитимности в борьбе за власть против ГКЧП. Привлечь Горбачева на свою сторону хоть на месяц, хоть на три — это уже означало обеспечить себе победу, ибо лишало членов ГКЧП какой-либо правовой поддержки, видимости законности. Именно поэтому по распоряжению Крючкова В.А. с вечера 18 августа были прерваны все каналы телефонной связи с форосской виллой, были приняты меры по блокированию близлежащего аэродрома «Бельбек» и усилению охраны самой виллы. Эти меры были направлены не на ограничение свободы Горбачева, а на предотвращение контактов с ним со стороны Ельцина и его команды. Было известно, что Горбачев панически боялся Ельцина, и одного телефонного звонка оказалось бы достаточным, чтобы Михаил Сергеевич встал по стойке «Смирно!». Именно поэтому с молчаливого согласия самого Горбачева был разыгран еще один фарс, на этот раз «форосского пленения». Не утруждая читателей пересказом того, как он гулял, плавал, обедал, лечился, смотрел фильмы в домашнем зале и т.д., должен твердо и ясно сказать, что ни разу за

все время своего «сидения» он, президент СССР, не сделал ни одной даже самой простой попытки вырваться из «плена». Никто не посмел бы его остановить, если бы он решил выйти за ворота и уехать в любом направлении, у домашней пристани его дачи стояли прогулочные мощные катера, на которых можно было уехать хоть в Севастополь, на аэродроме «Бельбек» стояли в полной готовности президентский самолет и вертолет. Те, кто лепил миф о «форосском пленнике», не могут привести ни одного факта, который говорил бы о том, что охрана и обслуживающий персонал виллы ограничивали свободу президента или не выполняли его указаний. Все дело в том, что его устраивала такая ситуация, она позволяла ему остаться как бы в стороне от схватки, начавшейся в Москве. Он спокойно мог наблюдать за развертыванием событий и постараться примкнуть к победителям, когда исход борьбы станет ясным. Любопытен такой факт: на вилле было отключено и телевидение, но дочь Горбачева Ирина Вирганская-Горбачева, находившаяся вместе с отцом, потребовала твердо и недвусмысленно у начальника охраны Генералова, чтобы телевизор был включен, и с 16.30 19 августа президент мог следить за всем, что происходило в стране. Он, в частности, видел злосчастную пресс-конференцию, и дрожащие руки Янаева произвели на него ошеломляющее впечатление. Он понял, куда клонятся весы. И в ночь на 20 августа стал сочинять свое «обращение к народу, правительствам, государствам и мировой общественности», намереваясь записать его на видеопленку и потом кусочками переправить в Москву известинскому журналисту Александру Бовину для предания гласности. Вот ведь какую мелкотравчатую задумку пришлось сочинять, вместо того чтобы честно и открыто поднять мужской, президентский голос в соответствии со своими обязанностями главы государства.

День 20 августа стал критическим в политическом противостоянии. С утра в Кремле началось очередное заседание ГКЧП в неполном составе. Настроение у его участников было подавленное, доклады об обстановке в столице и стране — неутеши-

тельные. Отовсюду информировали о пассивной, выжидательной позиции местных властей, о нарастающей активности российского руководства. Комендантский режим в Москве оказался неэффективным. Для усиления охраны общественного порядка было решено вызвать в Москву дополнительно два полка воздушно-десантных войск. Но самым важным стало решение разработать вариант применения силовых мер для нейтрализации российского руководства. В Министерстве обороны в кабинете замминистра В. Ачалова в полдень собрались генералы В. Вареников, В. Ачалов, Б. Громов, Н. Калинин, П. Грачев, А. Лебедь, В. Карпухин (командир подразделения КГБ «Альфа»), которые несколько часов набрасывали план возможного штурма Белого дома. Рассматривались разные схемы: одни говорили, что достаточно более плотного блокирования здания, чтобы склонить руководство России к поддержке ГКЧП, другие высказывались за более активные действия, которые предполагали оттеснение силами внутренних войск скоплений гражданских лиц от здания, а затем овладение его внутренними помещениями подразделением «Альфа» с применением оружия, если этого потребует обстановка. Кто-то предлагал высадить на крыше здания штурмовой десант с вертолетов.

А. Лебедь и В. Карпухин выезжали на место предполагаемых событий для личного ознакомления с ситуацией. Оба они пришли к убеждению, что намеченная операция будет сопровождаться большим кровопролитием. И хотя никакого реально разработанного плана действий не было, все же сама задумка получила кодовое название «Гром», который так и не прогремел. Предполагалось задержать Б. Ельцина и отправить его под домашний арест в подмосковное охотничье хозяйство «Завидово». Время шло. Раздрай и растерянность в лагере ГКЧП нарастали. Вот как описывает ситуацию один из авторов, работавших с материалами следствия: «С военными, в том числе и с сотрудниками госбезопасности, происходило нечто противоестественное. Те, кому наверху надлежало издавать приказы, не были уверены в том, что это надо делать. Те, кто их получал

сверху, сомневались, следует ли их исполнять. Те, кому некуда было деваться, с одной стороны, выполняли приказы, с другой — делали все, чтобы их блокировать: одну часть подчиненных направляли на взятие Белого дома, вторую — на его защиту от тех, кто будет на него покушаться.

И при этом бесконечные дискуссии: выполнять приказ или не выполнять. Заместитель В. Карпухина, например, считал, что если шесть танков и бронетранспортеров, защищающих дом, ударят по группе «Альфа», половина ребят погибнет и к зданию подойдет только часть. И он прав. «Альфа» не рассчитана на борьбу с регулярной армией, с бронетехникой. Бронежилеты против снарядов — бессмыслица. И колебания заместителя понять можно. Да и у самого Карпухина сомнений не меньше, особенно если учесть, что бронетехнику к дому привел и поставил генерал Лебедь, который сейчас едет, как и он, чтобы составить окончательный план штурма. Где же логика? Лебедь против Лебедя? (Кеворков В.И. «Кремлевская оперетка». М. 1997, изд-во. «Гея», стр. 206.).

К вечеру стали проявляться контуры неизбежной развязки. Отсутствие политического боеспособного центра, безволие, растерянность большинства ведущих членов ГКЧП привели к тому, что начали выходить из подчинения, казалось бы, самые надежные подразделения. В 21.00 В. Карпухин встретился с командирами пяти штурмовых групп, которым надлежало выполнить главную часть операции «Гром». Все они высказались за то, чтобы не начинать акцию во избежание кровопролития. Стая львов отказалась выполнять команды баранов. А дальше лавина распада стала молниеносно набирать скорость. Последовали приказы войскам: в столице оставаться на местах и не двигаться, чтобы не дать основания для слухов о якобы готовящемся штурме. Решение вернуть войска в казармы с наступлением светлого времени суток было уже принято. Дивизия внутренних войск получила приказ оставаться в своем подмосковном гарнизоне.

А в это время в Кремле практически прекратил свое существование ГКЧП, потому что О. Бакланов заявил о своем выхо-

де из его состава «по причине неспособности этого органа стабилизировать обстановку в стране». Вслед за ним с таким же заявлением выступил Тизяков, на прощание бросивший слова: «Комитет не представляет собою ничего, кроме говорильни обо всем и ни о чем». Д. Язов действовал самостоятельно, без оглядки на вчерашних товарищей.

На утро 21 августа он созвал коллегию Министерства обороны и дал указание о выводе войск из Москвы в районы постоянной дислокации. В этот момент ему позвонили из Кремля и пригласили на очередное заседание ГКЧП, на что министр отреагировал резко: «Я в эти игры больше не играю». Он принял решение ехать в Форос, покаяться перед М. Горбачевым и тем заслужить если не прощение, то снисхождение. Об этом поставил в известность других членов ГКЧП, которые сами приехали к нему в министерство и даже пытались отговорить от решения вывести войска из столицы, но все было напрасно. Маршал свое решение принял.

Остальным ничего не оставалось, как присоединиться к тем, кто решил безоговорочно капитулировать перед Горбачевым, хотя предыдущие двое суток они вели войну с Ельциным. Сама нелепая наивность членов ГКЧП, надежда на то, что после всего происшедшего они смогут сохранить свою свободу, а может быть, и посты, будет вечно поражать историков нашего времени. Полет в Форос — это чисто русский сюрреализм в политике. Слава Богу, что он не дополнился трагедией, так как в Белом доме, узнав о том, что «ИЛ-62» с гэкачепистами на борту направляется в Форос или, может быть, куда-то еще, стали думать, как бы перехватить его и посадить на российской территории. И тогда генерал Е. Шапошников, командующий ВВС, уже давно перебежавший в лагерь Б. Ельцина, предложил послать истребители и сбить самолет. К слову сказать, этот генерал, ставший вскоре после описываемых событий маршалом, еще раньше вносил идиотские предложения вроде посылки бомбардировщиков на Кремль, где, дескать, заседали гэкачеписты. Правы те, кто говорит, что у некоторых военных на плечах не голова, а атомная головка.

Буквально вслед за самолетом с гэкачепистами в Форос был направлен другой самолет — с командой победителей во главе с А. Руцким, которые должны были вызволить из «неволи» Горбачева, привезти его в Москву, а заодно и доставить на суд и расправу «смутьянов», думавших спрятаться под крылышком Горбачева.

В Форосе ситуация уже полностью переменилась. Горбачев отказался принять прилетевших с повинной членов ГКЧП, и они пять часов просидели в гостевом доме, ожидая решения своей судьбы. Принял он только А. Лукьянова и своего заместителя на посту генсека КПСС В. А. Ивашко, которых осыпал упреками. По восстановленной правительственной связи Горбачев первым делом попросил соединить его с Б. Ельциным и, услышав его торжествующий баритон: «Дорогой Михаил Сергеевич, как мы рады, что вы живы. Мы сорок восемь часов стоим насмерть!» — понял, что не все шансы остаться на плаву потеряны.

Сразу после этого он попросил соединить его с президентом США Д. Бушем, который очень обрадовался звонку и заверил, что и впредь будет оказывать ему всяческую поддержку. Супруга американского президента просила передать Раисе Максимовне, что она все эти дни молилась за них, и вот, видите, помогло. Действительно, молитва из-за океана не пустой звук. Она придает уверенности и решительности.

Обратно вылетели быстро, собрав наскоро самые необходимые вещи. Предложение Горбачева задержаться до следующего дня было вежливо отвергнуто. Руцкой не мог рисковать успехом этой операции, он не был уверен в надежности военных. Да к тому же у него имелся прямой приказ Б. Ельцина немедленно возвращаться в Москву, «ковать железо, пока горячо», использовать состояние шока, в котором находились страна и все общесоюзные организации.

Крючкова посадили для гарантии безопасности в тот же самолет, в котором возращались торжествующие победители вместе с семьей Горбачева. Разница была в том, что его разместили

в хвостовом отсеке под присмотром двух охранников, в то время как остальная компания шумно пировала в правительственном салоне.

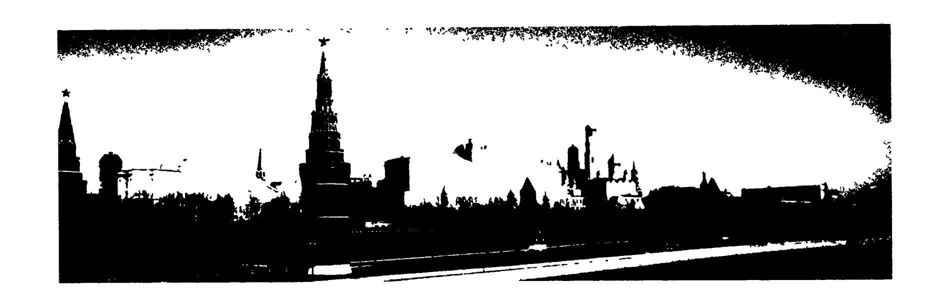
В правительственном аэропорту Внуково-2 по парадному трапу в свете телевизионных юпитеров спустились сиявшие триумфаторы, среди которых явно растерянный, непривычно по-дачному одетый, шествовал Горбачев с Раисой Максимовной и домочадцами. В это же время из хвостового отсека в темноте спутился Крючков В., которого ожидали представители прокуратуры и МВД, объявившие ему об аресте. Прямо на аэродроме были арестованы все, кто не пользовался депутатской неприкосновенностью. Остальных, кого сочли причастными к «делу о путче», взяли в ближайшие дни, когда были соблюдены внешние приличия и формальности. Один из членов ГКЧП, Б. Пуго, покончил с собой 22 августа в своей квартире, предварительно выстрелив в голову своей жене, с которой они договорились одновременно уйти из жизни.

Августовские события были практически бескровными. Их исход решен не пулями, не силой, а словами, воззваниями, указами, увещеваниями. Число погибших на улицах — всего три человека — несравненно меньше, чем число людей, покончивших с собой в состоянии глубокого шока, духовной депрессии. Среди них оказался маршал Советского Союза С. Ахромеев, бывший военным консультантом Горбачева. Он повесился в своем кремлевском рабочем кабинете. Свела счеты с жизнью прекрасная поэтесса-фронтовичка Юлия Друнина, не смирившаяся с крушением коммунистических идеалов, служению которым она отдала всю жизнь. Выбросился из окна управделами ЦК КПСС Н. Е. Кручина... Ушедшие по своей воле в мир иной люди понимали, что закончившиеся события являются красной разделительной полосой в судьбе страны, за которой начнется иная, разрушительная жизнь, в ней не останется камня на камне от прежнего уклада, к которому они привыкли за последние 70 с лишним лет. Однако подавляющее большинство населения страны не понимало, какая громадная ставка была на кону в эти

августовские дни. Эти события были бескровными и прошли при пассивном, созерцательном отношении со стороны большинства, потому что люди относились к ним, как к вульгарной борьбе за власть. Ведь и та и другая стороны уже давно признали себя сторонниками многоукладности в экономике, многопартийности в политике, свободы слова. Обе стороны не отказывались от социализма как общественной системы, от Советского Союза как государственной формы. Ни в одном из документов, выпущенных в дни «путча» в Белом доме или в Кремле, не говорилось о классовом, социально-экономическом содержании политического конфликта. Он сознательно замазывался, поэтому люди не чувствовали угрозы своим личным интересам, своему социальному статусу. Внешне все крутилось вокруг вопроса о подписании Союзного договора и разделении властных полномочий между Кремлем и Белым домом. Эти заботы не в состоянии поднять на активную борьбу дейтвительно широкие массы народа.

Активность же защитников Белого дома, их решимость идти до конца объясняется как раз тем, что они понимали личную угрозу своим интересам. Нарождавшаяся новая буржуазия проявила себя как агрессивная напористая сила. Именно она была, как в старину говорили, «движущей силой» августовских событий. В наивных романтиках, искренних правдолюбцах, честных людях на Руси никогда не было недостатка. Именно их фотографии на баррикадах около Белого дома массово тиражировались на листовках, в брошюрах и книгах. Но никому в голову потом не пришло поинтересоваться, что стало с этими прекраснодушными людьми, поискать их, привести в телестудию хотя бы в дни, когда отмечаются годовщины августовских событий.

На сцене российской исторической драмы опустился занавес, подходило время для следующего действия.



АГОНИЯ И СМЕРТЬ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

Начиная с 21 августа, когда обозначился крах ГКЧП, в стране, особенно в Москве и крупных городах, нагнеталась атмосфера социальной мести, вендетты. Ее главными жертвами стали коммунисты и сотрудники КГБ. Несмотря на то, что КПСС практически была устранена от всякого участия в событиях последнего времени, если не считать политиканских телодвижений крайне узкого круга лиц из числа ее руководства, по ней был нанесен главный удар. Г. Бурбулис на клочке бумажки шариковой ручкой написал первый антикоммунистический донос: «В ЦК КПСС идет форсированное уничтожение документов. Надо срочное распоряжение Генсека — временно приостановить деятельность здания ЦК КПСС. Лужков отключил электроэнергию. Силы для выполнения распоряжения президента СССР — Генсека у Лужкова есть. Бурбулис». Этот «документ» был положен на стол М. Горбачеву и тот 23 августа твердым почерком недрогнувшей руки вывел: «Согласен. М. Горбачев». Начался массовый захват партийного имущества: административных зданий, учебных заведений, издательств, типографий, домов отдыха, служебных дач и т.д. Это были первые трофеи победителей 23 августа. Прямо в ходе заседания сессии Верховного Совета РСФСР под улюлюканье в одночасье став-

ших яростными антикоммунистами депутатов Б. Ельцин подписал указ о роспуске КПСС. Вызванный на эту сессию М. Горбачев подвергся невероятным унижениям со стороны Б. Ельцина, который обращался с ним, как с нашкодившим учеником. Попытка М. Горбачева выступить в защиту социалистических ценностей и коммунистической перспективы была ошикана. Ему прямо было дано понять, что плодами победы над ГКЧП будут пользоваться только «демократы» во главе с Ельциным, а президенту СССР достанется классическая дырка от бублика.

В тот же день деморализованный Секретариат ЦК КПСС (или то, что от него оставалось) принял постановление о том, что «ЦК КПСС должен принять трудное, но честное решение о самороспуске, судьбу республиканских компартий и местных партийных организаций определят они сами». Днем позже, снова в зале заседаний сессии Верховного Совета РСФСР, М. Горбачев согласился с запретом своей партии, сложил с себя полномочия генсека и призвал ЦК самораспуститься.

Повсеместно началась «охота на ведьм». Давно известно, что у победы много родителей, а поражение — всегда сирота. Отовсюду, из всех щелей, как тараканы, стали выползать полчища «борцов против коммунизма», норовивших свести счеты со своими врагами, преследование которых разворачивалось с ужасающим размахом. Ю.М. Лужков писал об этих днях так: «Москва, страна стали перед прямой угрозой расследовательского угара: образовывались всевозможные комиссии, учинялись допросы, собирались свидетельства очевидцев, которые были не на баррикадах, а в коридорах, курилках, что-то слушали и что-то услышали. Рекой текли письменные и устные доносы о неблагонадежности-неверности святому престолу демократии. Сводились старые и новые счеты, велись подкопы под прямых и более высоких начальников, чье место приглянулось какому-то проходимцу.

Надо было немедленно остановить эту вакханалию мстительных наветов, лжи, всевозможных разбирательств и уже вызванного ими страха. Мы хорошо знаем, что так начинается красный террор...

Надо защищать военных, милицию, сотрудников госбезопасности — всех тех, кто не стал прямым соучастником заговорщиков. Пусть каждый из них станет судьей самому себе, своим действиям».[1]

Весьма красочно описывает обстановку, сложившуюся после «путча» в Вооруженных силах, полковник Генерального штаба Виктор Баранец в своей книге «Потерянная армия»: «После августа в Вооруженных Силах буйным цветом расцвело стукачество. Министерство обороны и Генеральный штаб оно затронуло тоже. Шел негласный и жесткий конкурс на занятие вакантных должностей. Не все генералы и офицеры выдерживали испытание на порядочность и нередко применяли запрещенные методы устранения соперников — наушничество, представление компромата на конкурентов членам президентской комиссии. (Речь идет о созданной в августе 1991 г. президентской комиссии во главе с бывшим в течение 20 лет начальником Главного военно-политического управления генерал-полковником Дмитрием Волкогоновым по очистке Вооруженных Сил от «неблагонадежных» генералов и офицеров.)

Август 1991 г. положил начало массовой чистке в рядах высшего и среднего командного состава, направленной на выдвижение прежде всего широкого слоя генералитета, демонстрирующего лояльность новому режиму и готового верно служить ему. Лояльность часто была формой плохо скрываемого лицемерия... Уже тогда началось гигантское моральное разложение в генеральском и офицерском корпусе...»

Мне самому, занимавшему в те дни должность начальника Аналитического управления КГБ в звании генерал-лейтенанта, довелось быть свидетелем таких же событий в нашем ведомстве. Буквально на другой день ко мне в кабинет зашел заместитель председателя КГБ Г.Ф. Титов и предложил написать рапорт о моем поведении в дни «путча». На мой вопрос, как следовало писать такой документ, поскольку даже мой тогдашний непос-

---

[1] Лужков Ю. М. «72 часа агонии». М., 1991.

редственный начальник В.А. Крючков был арестован и находился в «Матросской Тишине», я получил ответ: «Напиши так, чтобы потом не пришлось переписывать!». Через полчаса я отправил требуемый документ, в котором значилось следующее: «В период с 19 по 21 августа я не получал никаких указаний от руководства Комитета и, следовательно, не отдавал никаких приказов личному составу управления». По «кремлевскому» телефону мне непрестанно звонили какие-то люди и, не представляясь, сыпали угрозами и настоятельно советовали «убраться», припоминая мои публичные выступления в пользу сохранения Советского Союза и уважения народной воли, выраженной в мартовском референдуме 1991 г.

Поскольку по указу Ельцина руководство КГБ СССР было дезорганизовано (за три дня сменилось три руководителя: сначала КГБ подчинили российскому КГБ, затем на сутки был назначен Л. Шебаршин — руководитель разведки, а уж 22 августа прибыл В. Бакатин с мандатом председателя КГБ (в коридорах появились самозваные гости, по-хозяйски распоряжавшиеся в здании). Меня, как молния, поразила весть о том, что на наш этаж пришла комиссия в составе О. Калугина, Г. Якунина и группы американцев, которые ищут какие-то документы. Выйдя из кабинета, я, действительно, увидел вальяжно шествовавших триумфаторов. И сразу предупредил их, что в свой кабинет не пущу и служебную документацию буду защищать в соответствии с уставом. Группа прошествовала мимо.

Потом, через несколько лет, когда вернувшийся на Родину А. Солженицын сел писать свою задушенную молчанием книгу «Россия в обвале», он также не смог пройти мимо описанного феномена массового политического хамелеонства. Вот его слова: «...Почти мгновенно родилось множество, почти толпы, «демократов» (у него это слово набрано курсивом). Это множество тем более поражало, что среди верхушки новоявленных — различалось лишь 5—6 человек, которые прежде боролись против коммунистического режима. А остальные — взмыли в безопасное теперь небо из столичных кухонных посиделок — и это еще не худший вариант. Иные орлы новой демократии перепорхну-

ли прямо по верхам из «Правды», из журнала «Коммунист», из коммунистических академий, из обкомов, а то — из ЦК КПСС. Из вчерашних политруков мы получили даже не просто демократов, а самых радикальных. Да некоторые и объясняли: «Мы находились на вершинах коммунистической власти только ради того, чтобы вместо нас тех постов не заняли худшие».

Только из армии за первый год после победы «демократии» было выброшено 300 генералов и 65 тысяч офицеров. Такой же чистке были подвергнуты и остальные силовые ведомства. По масштабности и радикализму эти репрессии вполне сравнимы с событиями 1937—1938 годов. Не было, правда, ни судов, ни физического уничтожения людей. Шла их гражданская ликвидация. Атмосфера морально-политического террора была вполне сопоставима с теми злосчастными годами. Август 1991 г. вынес на поверхность политической жизни страны в несчетном количестве беспринципных проходимцев, карьеристов, шкурников, для которых единственным побудительным мотивом действий были личные корыстные интересы. Забыв Бога, не ведая таких понятий, как честь, совесть, они набросились на добычу в виде имущества, чинов, дорогих машин... Ни о каких интересах государства не было ни малейшей заботы, новые хозяева страны были готовы, не задумываясь, предать все историческое наследство России, лишь бы удержать и укрепить свою власть. О многострадальном народе вообще перестали даже упоминать. Он уже никого не интересовал.

Неописуемые бедствия, выпавшие на долю России и ее жителей в последнее десятилетие XX века, в громадной степени определяются морально-нравственным убожеством людей, захвативших нечаянно власть в августе 1991 г., выпавшую из рук таких же деградировавших, оторвавшихся от народа партократов.

Сам Б. Ельцин вскоре после «победы» уехал отдыхать в Сочи и на две недели выпал из всех видов государственной работы. Он расслаблялся после своего звездного часа, когда в театральной позе с танка у Белого дома еще молодой и красивый, звал Россию к светлому будущему. А тем временем великая

историческая Родина начала стремительно рассыпаться. 24 августа Верховный Совет Украины принял акт о государственной независимости Украины, на другой день уже Белоруссия провозгласила свою независимость, 27 августа их примеру последовала Молдавия. В эти же дни Б. Ельцин публично заявил о признании независимости трех прибалтийских республик. 30 августа Верховный Совет Азербайджана одобрил Декларацию о независимости республики...

Вчерашние союзные республики отлетали от России, как листья по осени от осиновой ветви. Они уже были подготовлены к этому шагу пятилетней немощной суетой М. Горбачева, сложившейся практикой самостоятельного решения своих домашних проблем. Затянувшаяся на много лет борьба за власть между Горбачевым и Ельциным окончательно подорвала авторитет и силы Центра. Руководители бывших союзных республик, откровенно презиравшие Горбачева за словоблудие, также открыто опасались оказаться под контролем крутого на руку, властолюбивого Б. Ельцина. Хотя кое-кто по инерции продолжает повторять, что, дескать, августовский «путч» стал причиной развала Советского Союза, правда состоит в том, что развал был уже практически совершившимся фактом к августу 1991 г. «Путч» стал лишь предлогом для легализации сепаратистских планов.

В окружении Б. Ельцина нашлись, однако, отдельные люди, которые увидели в вакханалии суверенитетов серьезную опасность для государственных интересов России и для судеб десятков миллионов русских людей. 27 августа тогдашний пресс-секретарь президента РСФСР Павел Вощанов выступил с заявлением о том, что в случае прекращения союзнических отношений «РСФСР оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ. Сказанное относится ко всем сопредельным республикам, за исключением трех прибалтийских». Нам не известно, согласовывалось ли это заявление с Б. Ельциным, скорее всего согласовывалось, но он предпочел остаться за кулисами. Это нормальное, поистине государственное соображение,

ибо касается судьбы 25 миллионов русских людей, оказавшихся не по своей вине сразу на чужбине. Кроме того, такая постановка вопроса позволяла вернуться к проблеме Крыма — чисто русской территории, подаренной в свое время Хрущевым Украине по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Боже! Что началось после заявления П. Вощанова! Конечно, громче всех запротестовала Украина, к ней присоединились Казахстан, потом Белоруссия... Запад однозначно выступил против намерений России пересматривать свои границы с соседними республиками. В его планы никогда не входило укрепление России, независимо от того, какой строй в ней был или мог быть. Это для Запада геостратегическая аксиома, исходя из которой выстраиваются все практические действия.

Как всегда в унисон с Западом, завыли наши доморощенные демократы. Они выступили с заявлением, в котором не отрицали, что административные границы между республиками были определены произвольно, много раз пересматривались и изменялись, но позиция, заявленная П. Вощановым, противоречит интересам России, ибо, дескать, ведет к осложнению межреспубликанских отношений, к возможности столкновений и даже к войне. Они пугали тем, что «жизнь и благополучие наших соотечественников в других республиках будет поставлена под угрозу». В конце концов они потребовали от Ельцина немедленно дезавуировать заявление П. Вощанова, признать «признанный мировым сообществом принцип нерушимости границ», т.е. дать полный отбой.

В этом заявлении видна только политическая заинтересованность Запада, что подчеркивается ссылкой на «мировое сообщество», ибо трудно предположить, что один из его подписантов, историк Ю. Афанасьев, мог не знать, что мировое сообщество признает такой способ решения территориальных проблем, как референдум, в ходе которого население спорных областей высказывает свою волю и желание присоединиться к той или иной стране. Так решался вопрос о государственной принадлежности Триеста, Саарской области и др. после Второй

мировой войны. Этот метод гораздо гуманнее и справедливее с правовой точки зрения, чем силовое закрепление несправедливых, произвольных границ.

Как бы там ни было, но Б. Ельцин дрогнул и сломался под этим скоординированным нажимом со всех сторон. Он дал указание А. Руцкому, вице-президенту России, срочно выехать в Киев и там в беседах с Кравчуком снять возникшую напряженность, дезавуировав слова своего пресс-секретаря П. Вощанова.

Неменьшее политическое противодействие получили заявления Геннадия Бурбулиса (он из третьесортного партийного порученца при Свердловском обкоме партии превратился к осени 1991 года в «серого кардинала» при Ельцине, самого влиятельного распорядителя государственными делами России), о том, что, дескать, Россия считает себя правопреемницей бывшего Советского Союза. Эти слова были расценены как проявление традиционных имперских амбиций. Каждая республика претендовала на свою долю не только общесоюзного имущества, но и силового компонента и политического авторитета. Дело осложнялось тем, что ядерное оружие находилось на территории четырех бывших республик — РСФСР, Украины, Белоруссии и Казахстана. Примечательно, что на Западе претензии России на правопреемство не встретили столь резкого отторжения, как попытки пересмотреть границы с бывшими союзными республиками. Это объяснялось тем, что США и их союзники были крайне обеспокоены самим фактом возможного появления в мире сразу трех новых ядерных держав, между которыми могли возникнуть острые конфликты, вплоть до военных столкновений, что представило бы серьезную угрозу для всего мира. США в течение многих лет ревностно выращивали и пестовали режим нераспространения ядерного оружия в мире. Даже в самые лютые годы холодной войны, когда США были не в состоянии вести мало-мальски разумный диалог с СССР ни по каким международным проблемам, они в необыкновенно конструктивной манере, даже дружески, вели переговоры с советскими представителями именно по вопросам нераспростране-

ния ядерного оружия. Чем меньше ядерных держав в мире, тем более уверенно чувствуют себя США, обладающие подавляющим превосходством в обычных вооруженных силах над любым государством или блоком государств. Поэтому правительство США, исходя из своих стратегических соображений, стало поддерживать российские заявления о правопреемственности.

Вторым важным аргументом западных держав в оправдание их «пророссийской позиции» в этом вопросе было желание иметь одно государство, несущее ответственность за огромные внешние долги Советского Союза, приближавшиеся к отметке 100 млрд долларов. Следует заметить, что ни одна из самостоятельных республик не выражала ни малейшего желания взять на себя хотя бы часть общесоюзного долга, каждая скрупулезно высчитывала только те выгоды, которые она может получить в случае развода.

Общее настроение в политических верхах всех республик, еще формально входивших в СССР, сводилось к тому, что Союз как таковой уже нежизнеспособен. Центр в их глазах представлялся смертельно больным родителем, у одра которого шла циничная борьба за раздел имущества. Какие-то опасения сохранялись из-за неизбежности катастрофических последствий разрыва экономических связей, и эти опасения продолжали подпитывать в течение всей осени и начала зимы 1991 года слабые надежды на сохранение общего экономического пространства. Был даже подписан Договор об экономическом сообществе, создан временный комитет по управлению народным хозяйством, но все страхи за благополучие десятков миллионов простых людей, за цивилизованное будущее своих стран отступали перед напором политического честолюбия, националистического угара и личных амбиций. Августовский «путч» только усилил скорость распада. Личный авторитет Горбачева давно был окончательно утерян, после августа он потерял единственную политическую опору — Коммунистическую партию — и теперь нескоординированно махал ручками и ножками в пустоте, пытаясь только сохранить за собой лично хоть какую-нибудь видимость верховной власти.

В первых числах сентября 1991 г. был созван внеочередной Съезд народных депутатов СССР (пятый по счету и последний в истории этих съездов). По свидетельству очевидцев, это был уже съезд сепаратистов, разбитых по национально-территориальным квартирам. Депутаты съезда, еще недавно выступавшие за сохранение СССР, за уважение суверенной воли народа, выраженной на мартовском референдуме, теперь наскоро перекладывали рули своего политического курса и прятались под зонтик воинствующего национализма.

В специальном заявлении, которое зачитал перед депутатами съезда Н. Назарбаев, от имени президента СССР и 10 согласившихся с ним руководителей отдельных республик предлагалось подготовить Договор о Союзе Суверенных Государств, в котором каждая из республик «будет самостоятельно определять форму своего участия в Союзе». Было предложено обратиться в ООН о признании союзных республик субъектами международного права и т.д. И все-таки неисправимый болтун М. Горбачев в заключительном слове по привычке заявил, что «съезд оказался на высоте, принял оптимальные для нынешнего момента решения, заложил фундамент будущего СНГ».

До самого декабря 1991 г. продолжался агонизирующий процесс поисков спасения Союза в какой-либо форме. В ноябре в Ново-Огареве, в бывших дачах Управления делами ЦК КПСС, возобновился процесс консультаций между представителями республик по вопросу о проекте Союзного договора, но ситуация становилась с каждым днем все хуже и хуже. Украина демонстративно устранилась даже от участия в этих консультациях. Б. Ельцин немедленно использовал этот фактор для укрепления своей позиции. Он заявил, что если Украина не подпишет новый договор, то и Россия этого делать не будет. Один сепаратист нахлестывал другого, каждый норовил обскакать друг друга. Но все-таки все поглядывали на пример России, которая стояла во главе всей борьбы с Центром и его структурами. Б. Ельцин выбивал одну за другой все опоры союзного правительства. Он уже давно издал указ о подчинении всех союзных

структур республиканским, стал инспирировать слухи о том, что союзное правительство обязано платить высокую арендную плату за помещения, которые оно занимает в Москве и других российских городах. Когда Горбачев, действовавший бессвязно, как в сомнамбулическом сне, распорядился напечатать несколько миллиардов рублей (деревянных, необратимых), закупив для этого за дефицитную валюту бумагу, краски и пр., Ельцин распорядился взять под российский контроль золотой запас страны и рассмотреть в срочном порядке вопрос об отделении банковской системы России от союзной. Сама по себе ситуация, когда в Москве действовали два правительства — российское и союзное — два президента, власть которых уже не признавалась за пределами РСФСР, была абсолютным нонсенсом. Развязка неуклонно приближалась. Между тем Горбачев, казалось, полностью утратил способность адекватно воспринимать и оценивать обстановку. Он как ни в чем не бывало ездил в Мадрид на конференцию, посвященную разрешению ближневосточного кризиса, затем нанес визит французскому президенту Миттерану... В эти же предсмертные для Союза дни он умудрился написать никому не нужную брошюру о своем «заточении» в Форосе, где на 72 страницах пытается доказать свое алиби в деле ГКЧП. По Москве плывут слухи, что за эту брошюру американские издатели заплатили ему полмиллиона долларов. Американцы вообще активно подкармливают всех политавторов, которые топчут и клянут вчерашний день страны и свой собственный. Два прокурора — Степанков и Лисов, — которые вели дела арестованных по делу ГКЧП, нарушая тайну следствия и принцип презумпции невиновности, сразу же публикуют известные им показания арестованных и свидетелей, также фабрикуют грубо обвинительный опус и публикуют его за рубежом за крупные гонорары. Вадим Бакатин, выполнивший заказ на развал КГБ и передавший американцам технологические секреты о новейшей системе аудиоконтроля, установленной в помещениях строящегося в Москве здания посольства США, также публикует свои «мемуары», а потом похваляется,

что он получил за это 100 тысяч долларов, на которые и построил себе дачу. Ельцин, ревностно относящийся к любым шагам Горбачева, в том числе и к его денежным заработкам, дает согласие своему лондонскому литературному агенту Энрю Нюрнбергу сочинить свои собственные мемуары, но уже за семизначный гонорар. Пошло-поехало! Литературное «наследство», оставшееся от тех дней и вышедшее из-под пера руководителей и активистов «демократической» революции, не имеет ничего общего с отражением реальной обстановки в стране в то время. Оно было продиктовано стремлением оправдаться в глазах Запада в своих «коммунистических заблуждениях» в прошлом, заявить о себе как о борце за «свободу и демократию» и, самое главное, заработать на этом приличные деньги. Все эти «труды» писались под вкусы западного читателя и под договоры с западными издателями. Крупные гонорары были скрытой формой оплаты политических услуг, оказанных этими авторами Западу. На российском книжном рынке эти опусы появились значительно позже и не вызвали практически никакого политического эффекта.

К середине ноября 1991 года за столом переговорщиков в Ново-Огареве о судьбах Союза осталось уже всего семь участников: Россия, Белоруссия и пять среднеазиатских республик. Остальные окончательно слиняли. 1 декабря на Украине был проведен референдум о полной независимости Украины и подтверждении полномочий Кравчука как президента. По итогам референдума Украина стала окончательно «незалежной». Соединенные Штаты заявили о своей готовности установить с нею дипломатические отношения, а Борис Ельцин признал независимость Украины. Союзный договор, не успев родиться, уже умер, а Горбачев по-прежнему продолжал писать послания парламентариям всех республик, призывая их обсудить и подписать документ в его последнем согласованном виде.

Тем временем, еще с середины ноября 1991 г., шли секретные переговоры между Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем относительно решающих совместных действий по ликвидации

Союза и устранению мешавшего всем и ставшего лишним на политической арене М. Горбачева. По-видимому, Горбачев инстинктом затравленного зверя почувствовал, что капкан захлопывается. На 9 декабря он пригласил к себе на совещание для обсуждения складывающейся ситуации Ельцина, Кравчука, Шушкевича и Назарбаева. В воскресенье 8 декабря, когда Назарбаев приземлился во Внуковском аэропорту, к нему подошел представитель Ельцина и предложил срочно связаться по телефону со своим патроном. Оказалось, что тот уже находился в Минске, куда прибыл также Кравчук со своим премьер-министром. Назарбаев получил приглашение срочно вылететь в Белоруссию для составления и подписания важных документов. Назарбаев не имел ни малейшего представления о замышлявшихся шагах и не располагал возможностями для консультаций со своими советниками и законодателями, не говоря уже о том, и что было в высшей степени оскорбительно, чтобы получить приглашение в последний момент. В этих условиях он ответил отказом.

Последний акт исторической драмы разыгрывался в глухом лесном урочище в центре Беловежской Пущи, где еще во времена Н. Хрущева был построен охотничий домик для развлечений высших партийных сановников. Он никогда не пользовался популярностью, редко видел гостей, и там, тоскливо коротая годы службы, несли охрану милиционеры да, скучая, убивали время несколько семей обслуживающего персонала, которые занимались заготовкой грибов и ягод, возделыванием садов и огородов. Место встречи было предложено Л. Кравчуком, который не скрывал, что, собравшись там, легче было сохранить в тайне свои планы. Не думаю, что, предлагая провести встречу в окрестностях Бреста, Кравчук вспомнил о значении этого города в истории нашего государства. В самом деле, еще в самом конце XVI века именно Брест стал местом, где было совершено предательство против Православия. Здесь два изменника-епископа подписали, опять-таки тайком от остального духовенства и тем более прихожан, пакт-унию с католическими иерархами,

по которому они признали папу римского своим духовным главой и наставником. Именно здесь зародилось само понятие «униатство», превратившееся в орудие прозелитизма католической церкви на западных окраинах Русского государства.

Печальную славу снискал себе город Брест и весной 1918 года, когда в его крепости-цитадели большевики во главе с Л. Троцким вели переговоры о сепаратном мире с немцами. Этот мир даже сами вожди коммунистической партии называли «похабным», ибо он предусматривал переход под контроль немцев Украины, предоставление независимости Польше, Прибалтике, уничтожение русского Черноморского флота, выплату унизительной контрибуции. Брестский мир означал практически капитуляцию России и выход ее из войны. Он вызвал тогда глубокий раскол даже в рядах самих коммунистов и поставил В. Ленина перед необходимостью пригрозить отставкой, если партийно-государственная верхушка не согласится с условиями договора.

Защита Брестской крепости в июне–июле 1941 года стала также символом головотяпства политических и военных руководителей Советского Союза, которые совершенно ошибочно оценивали обстановку в мире и на своих западных рубежах, прозевали концентрацию немецких войск в пограничной полосе, не приняли никаких разумных мер для организации обороны. Гарнизон Брестской крепости, выведенный в летние лагеря, оказался в первый день войны отрезанным от своих крепостных фортов, лишенным боеприпасов, продовольствия и пр. Остававшиеся в крепости тыловые подразделения, медицинские и иные вспомогательные службы были обречены на героическое, но, увы, бесполезное для судьбы войны сопротивление.

Теперь Брест и Беловежская Пуща были избраны для ликвидации Советского Союза. Сами главные действующие лица — Ельцин, Кравчук и Шушкевич, находились во власти страха. Свидетели тех событий утверждали, что все они взбадривали себя изрядными дозами спиртного. Они понимали, что идут на незаконное, преступное дело. Даже если предположить,

что Советский Союз себя изжил, что Горбачев стал тормозом на пути реформ, то почему бы не сесть за стол переговоров всем тем руководителям республик, которые входили в состав Советского Союза, заявить об упразднении Договора о создании СССР от 1922 г., составить и принять соответствующий документ, который затем утвердить в своих парламентах? Ельцин, как и его подельники, до последнего момента лгали своим народам, утверждая, что они в той или иной форме хотели бы сохранить Союз. Заговорщический характер их действий объяснялся тем, что они не желали даже малейшей проволочки, чтобы не дать времени опомниться ни Горбачеву, ни руководству армии, ни народу. Они хотели поставить всех перед свершившимся фактом, вызвать очередной политический шок и тем самым развязать себе руки окончательно. В поддержке Запада эти деятели не сомневались. Государственный секретарь США Д. Бейкер всю осень 1991 г. колесил по столицам бывших республик СССР, вел активную обработку Ельцина, Кравчука, Шушкевича, подталкивая их к развалу Союза.

Беловежский сговор был преступным и противоправным, ибо эти три лица не имели никаких полномочий решать судьбу великого государства, созданного по воле всех народов, населявших территорию исторической России — СССР. Договор 1922 г. принимался и подписывался в Кремле на основании решений специально созванного Съезда полномочных представителей. Вообще великие события совершаются открыто, при всенародном одобрении, на центральных площадях столиц, под торжественный звон колоколов. Поведение беловежских подельников очень смахивало на суетливую сходку уголовников в притоне, где они делили добычу после ограбления дома.

Под основным документом — Соглашением о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) — стоят подписи Б. Ельцина и Г. Бурбулиса (от России), Л. Кравчука и В. Фокина (от Украины), С. Шушкевича и В. Кебича (от Белоруссии). Документ констатирует, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое

существование». Вместо него провозглашается создание СНГ, открытого для присоединения к нему других независимых государств. Это было свидетельство о смерти некогда великой державы с тысячелетней историей.

Цели и принципы Содружества излагались в двух сопутствующих документах, один из которых назывался «Заявление глав государств», а другой — «Заявление руководителей правительств». Главы государств в своем заявлении постарались хоть как-то снять с себя вину за ликвидацию СССР, утверждая, что именно «недальновидная политика Центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества». Заговорщики ссылались на то, что переговоры о подготовке нового Союзного договора зашли в тупик, что объективный процесс выхода республик из состава Союза ССР и образования независимых государств стал реальным фактом, но почему-то забыли отметить, что именно они и были подлинными инициаторами этих негативных процессов. Авторы Заявления еще не предвидели, к каким чудовищным экономическим и социальным последствиям приведет их решение об упразднении СССР, ведь с момента подписания соглашения «на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих стран, в том числе бывшего СССР, деятельность органов прежнего Союза прекращается».

Документ, подписанный главами правительств, был посвящен координации экономической политики трех членов Содружества. Жизнь показала, что все написанное в нем — о сохранении единого экономического пространства, о сохранении единой валюты — рубля, о проведении однотипной бюджетно-налоговой политики, координации внешнеэкономической и таможенной политики и т.д. — было чистейшим волюнтаристским бредом. Вся логика поведения беловежских подельников была ориентирована в противоположном направлении, а наборы цветистых фраз были адресованы народам-пациентам, которые надо было анестезировать в канун тяжелого предстоящего эксперимента.

9 декабря 1991 г. Беловежские соглашения стали известны всем и вызвали, как и планировалось, политический шок. М. Горбачев составил заявление, зачитанное по телевидению, в котором квалифицировал принятые документы как «антиконституционные». И на этом его «протест» выдохся. Дальше он промямлил что-то о том, что-де судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос, дескать, должен решаться только конституционным путем, с участием всех суверенных государств и с учетом воли их народов. Несмотря на то, что из-под него уже вышибли табуретку и он болтался в петле, Горбачев все-таки продолжал лелеять какие-то химерические надежды. Когда 9 декабря у него в кабинете собрались Ельцин и Назарбаев, то вроде было решено, что Беловежские соглашения будут разосланы «как инициатива» парламентам всех республик и будут обсуждаться наряду с проектом Договора о Союзе суверенных государств. После обсуждения Верховными Советами этих документов и принятия решения в пользу одного или другого из них, как полагал Горбачев, наверное, встанет вопрос о созыве Съезда народных депутатов. Наивность, граничащая со слабоумием! Публично это выглядело именно так. Полный паралич воли первого и последнего президента СССР подчеркивался тем, что он с этого дня занялся решением только своих личных вопросов.

Между тем беловежские подельники торопились узаконить свои соглашения, чтобы сделать процесс необратимым. Уже 10 декабря Кравчук и Шушкевич смогли созвать свои Верховные Советы и ратифицировать соглашения о создании СНГ. 12 декабря Верховный Совет РСФСР также ратифицировал представленные документы. Только шесть депутатов нашли в себе мужество проголосовать против расчленения СССР, и лишь один — С.Н. Бабурин — публично осудил беловежский сговор. Ратификационные процедуры были проведены в скорострельном режиме, документы практически не обсуждались, морально-психологический климат не позволял вести квалифициро-

ванный анализ представленных документов. Россия, Украина и Белоруссия отозвали своих депутатов из Союзного парламента, в котором осталась только группа дезориентированных, не имевших инструкции из своих столиц депутатов среднеазиатских республик.

Брошенные на произвол судьбы, пять среднеазиатских республик бросились догонять ушедший не по их вине поезд. 13 декабря в Ашхабаде собрались главы государств региона. Они выразили готовность примкнуть к Беловежским соглашениям при условии, что их будут считать равноправными участниками со статусом учредителей. Ясное дело, что против этого никто возражать не стал. Тогда Н. Назарбаев предложил расширить круг участников новой конференции, пригласив славян и руководителей закавказских республик в Алма-Ату на 21 декабря 1991 года.

М. Горбачев, которого даже туда не пригласили, все еще на что-то надеется и сочиняет очередное письмо, в котором заклинает не допустить разрыва в правопреемстве и сохранить в любой форме Союз с открытыми внутренними границами, общим гражданством, целостной системой военно-стратегической безопасности и т.д. Его обращение — набор эклектических предложений, на которые реальные политики уже не обратили внимания. Алма-атинское совещание, на котором присутствовали руководители 11 бывших республик (не было только Грузии и трех прибалтийских стран), одобрило создание СНГ в ельцинской редакции, без наличия какого-либо союзного центра. Поистине можно было сказать — «финита ля комедиа».

25 декабря в 19.00 по московскому времени по первой программе телевидения М. Горбачев обратился в последний раз к народу. Он объявил о прекращении им своей деятельности в качестве президента СССР, маловразумительно добавив, что принимает это решение «по принципиальным соображениям». Каким? — Он оказался выброшенным из политической жизни в силу неспособности удержать руль государственного корабля, из-за своей беспомощности в борьбе с более энергичными и во-

левыми политическими конкурентами, из-за полной потери доверия со стороны народа. Какие могут тут быть «принципиальные соображения»? Далее в своей обычной манере он перечислял виртуальные достижения его администрации, закончив глухим и лапидарным признанием, что «кризис общества еще более обострился». Все страшные последствия перестройки, естественно, относились на счет объективных трудностей, нашу нетерпимость, низкий уровень политической культуры, боязнь перемен и т.д. Никакой трезвой оценки своей собственной деятельности в его выступлении не было и в помине. Жалкие общие слова — вот все, что мог найти в своем репертуаре последний руководитель великой умирающей цивилизации.

В тот же день над Кремлем был спущен флаг Союза ССР и поднят трехцветный, никем не утвержденный, флаг России.

Горбачеву оставили небольшую дачу под Москвой, право пользоваться кремлевской клиникой, пенсию в размере зарплаты, две автомашины и 20 человек охраны и обслуги.

Теперь забота о поддержании, как стало модно говорить, «имиджа» Горбачева и о подпитке его денежными ресурсами легла на плечи Запада. Автору приходилось слышать от знакомых ему американских дипломатов, что госдепартамент обратился с циркулярным письмом ко всем дипломатическим представителям США за рубежом, в котором настоятельно рекомендует оказывать постоянный нажим на правительства дружественных США стран, с тем чтобы они содействовали политической выживаемости М. Горбачева, т.е. приглашали его для чтения лекций, участия в симпозиумах, конференциях. Неоднократно деловые круги и политическая верхушка США приглашали М. Горбачева, давали в его честь благотворительные обеды, билеты на которые стоили по нескольку тысяч долларов. Горбачев, полностью оправдывая поговорку «кто платит, тот и заказывает музыку», постоянно эволюционировал в заданном направлении, превращаясь с каждым годом во все более оголтелого антикоммуниста. Попытка его принять участие в реальной политической жизни России, выставив свою кандидату-

ру на пост президента, окончилась чудовищным провалом. Он не получил и одного (!) процента голосов, но, несмотря на это, продолжал упорно цепляться за любую возможность остаться хотя бы в роли жалкого статиста на политической арене. В подаренных ему зданиях бывших партийных школ он создал «Фонд Горбачева», интеллектуальное или духовное творчество которого равно нулю. Позже он создал социал-демократическую партию России, влияние которой измеряется величиной, размером которой, как говорят математики, можно пренебречь. Единственно, кто не оставляет его без внимания, — это наши ориентированные на Запад пресса и телевидение. Их усилиями была раздута слезливая, душещипательная кампания, когда супруга Горбачева, Раиса Максимовна, оказалась в результате поразившего ее смертельного недуга в западной клинике. В этот раз, забыв о реальной всенародной ненависти к чете Горбачевых в последние годы его администрации, средства массовой информации явно пережимали в подаче по-человечески трогательной информации, но с явно политическими целями. Надо было хотя бы этим чуть-чуть поддуть газа в воздушный пузырь имиджа Горбачева, чтобы он хотя бы некоторое время поболтался в русском политическом пространстве. Горбачев, некогда имевший неограниченный мандат на управление огромной страной, заканчивает свою жизнь жалким приживалой Запада и крайне правых сил России. В самое последнее время он согласился даже стать публичным защитником прозападного «Медиа-моста», вступившего в конфликт с Российским государством.

История уже вынесла ему при жизни приговор. Дальше его ждет суд Божий.

Мне вспоминается моя тщетная попытка, предпринятая еще в мае 1991 года, за 7 месяцев до Беловежья, повлиять хоть как-то на судьбу Советского Союза. Тогда в связи с планом Б. Ельцина создать свой отдельный — российский — Комитет государственной безопасности В. Крючков договорился о личной встрече с Б. Ельциным в Белом доме. Он пригласил и меня

(вместе с двумя другими генералами) принять участие в этой поездке. По дороге к Краснопресненской набережной я обратился к своему тогдашнему шефу со следующими словами: «Владимир Александрович! Сохранение СССР как великой державы превосходит по своей значимости все другие целеустановки, которые раздирают сейчас нашу политическую жизнь. Вы сейчас пойдете к Борису Николаевичу, предложите ему поддержку как единственному реальному кандидату на пост президента СССР вместо полностью изжившего себя М. Горбачева. Легитимность Горбачева условна, потому что он избран Съездом народных депутатов (да и то с немалым трудом), а страна нуждается в президенте, избранном всенародным прямым голосованием. Поставьте вопрос о проведении таких выборов и пообещайте поддержку Ельцину. Как бы ни был неприятен Борис Николаевич — сейчас он непобедим. Но он всего лишь человек, жизнь которого ограничена коротким сроком. Пусть будет он президентом всего СССР, но такой ценой будет сохранена держава. Для страны и народов — это безусловно плохой, но все-таки лучший вариант, нежели распад и гибель СССР. Я уверен, что он ухватится за это предложение». Я ссылался на библейскую притчу о Соломоновом суде, на котором две матери оспаривали право на ребенка и когда Соломон вынес вердикт о том, чтобы разрубить дитя пополам и каждой претендентке отдать по одной половинке, то настоящая мать закричала, что пусть отдадут ребенка ее сопернице, но оставят в живых младенца.

По приезде в Белый дом В. Крючков уединился с Ельциным, а нам дали в собеседники Г. Бурбулиса. Я так и не узнал, сказал ли наш бывший шеф об этом варианте Б. Ельцину или нет. Скорее всего не сказал. До сих пор я не уверен, что это предложение было абсолютно нереальным.

1991 год будет, безусловно, отмечен в анналах русской истории как один из самых трагических. По разрушительности последствий, происшедших в этот короткий период событий, для судьбы страны и народа он может быть сравнен только с 1237–

1238 гг., когда обрушившаяся на Русь татаро-монгольская орда уничтожила политическую независимость русских княжеств, ополовинила население и оставила на месте процветавших городов и сел дымящиеся пепелища.

Особенность нашей национальной катастрофы 1991 г. состоит в том, что огромное государство рухнуло без воздействия каких-либо мощных внешних сил, не было войны, опустошительных географических или биологических катастроф, внутренних взрывов и гражданских войн. Государство исчезло даже не в момент смерти всемогущего тирана — диктатора, доселе силой державшего в узде обширную страну и многочисленные народы. Исследователи нашей истории будут долго ломать голову над истинными причинами распада СССР и, возможно, так и не найдут однозначного ответа. Мы, свидетели и очевидцы этого всемирного геополитического катаклизма, первыми стали задавать себе вопрос: был ли распад СССР исторически детерминирован, предопределен, а следовательно, объективно неотвратим, или же исторически сложившееся государство в границах Российской империи, затем СССР, пало в результате действия субъективных факторов, т.е. действия лиц, которые оказались в тот момент во главе государства и в верхнем эшелоне власти в Центре и на местах? В поисках ответа на этот вопрос ни в коем случае нельзя принимать во внимание свидетельства самих участников этого развала. Их заинтересованность в собственной исторической реабилитации очевидна. Они несокрушимо будут доказывать, что избранный ими путь был единственно правильным, закрывая глаза на те факты, которые не стыкуются с их линией поведения.

Равным образом следует проигнорировать мнения и суждения западных политологов, чья ангажированность не позволяет им объективно взглянуть на ход нашей отечественной истории. За редкими, поистине эпизодическими исключениями западные исследователи заражены загодя антирусскими предрассудками, отражающими вековые стереотипы антипатии к России. В подавляющем большинстве западные исследователи исходят

и будут исходить из предпосылки враждебности к России и все, что наносит ущерб Русскому государству, будет рассматриваться ими как положительное и объективное явление, а всякое укрепление Русского государства неотвратимо будет трактоваться как следствие субъективных и к тому же негативных сил. Это, к сожалению, почти аксиома для всех западников, пытающихся дать оценку событиям в России. Такая почти врожденная враждебность Запада к России в большой степени проистекает из чувства мести за те катастрофические поражения, которые Запад терпел в своих попытках покорить Россию. Шведы и немцы никогда не смирятся с позором разгрома их войск Александром Невским, поляки не забудут Минина и Пожарского, заставивших их есть кошек и собак в осажденном Кремле, кичливые французы ни за что не простят русских, разгромивших великую армию Наполеона, и будут считать своими победами все поражения, которые они потерпели на снежных просторах России, а немцы во веки веков будут помнить о штурме Берлина в 1945 г., которым закончился их поход в Россию. После Второй мировой войны весь Запад, объединившийся в НАТО, почти полвека жил в унизительном страхе перед военной мощью Советского Союза, страхе, доводившем до сумасшествия их собственных государственных деятелей, хотя СССР реально никогда не угрожал Западу и шел на полшага сзади в создании с каждым разом все более смертоносных орудий войны, оберегая только свою независимость. Запад сам создал химеру русской угрозы, сочинил фальшивку под названием «Завещание Петра Великого», поверил в нее, довел себя до полной истерики в годы холодной войны и даже сейчас не в состоянии адекватно оценивать то, что у нас происходит. Вот почему при всем уважении к умению западных специалистов накапливать и систематизировать фактический материал их оценки и выводы о российских делах заслуживают самого критического, а чаще скептического отношения.

С учетом всего этого в поисках ответа на вопрос, был ли распад СССР, совершившийся в 1991 г., результатом объектив-

ных процессов или итогом разрушительных действий конкретных исторических лиц и сил, следует исходить только из анализа конкретных фактов и обстоятельств нашей страны и того времени.

Самым главным аргументом в этом споре должна являться позиция народа или народов СССР, так как во всех конституциях мало-мальски демократических стран мира записано, что народ является носителем суверенитета, воля народа является высшей властью в стране. Никому никуда не деться от того факта, что общенародный референдум, проведенный 17 марта 1991 г. на всей территории Советского Союза, дал на этот вопрос однозначный ответ: 70% народа сказали свое «да» на вопрос желаете ли вы жить в обновленном Советском Союзе. Только власти прибалтийских республик отказались тогда проводить у себя этот референдум в официальном порядке, хотя опросные пункты были открыты и желающие могли высказать свое отношение к вопросу, «быть или не быть СССР». Можно честно сказать, что проведение референдума сильно запоздало, он проводился в условиях уже разваливавшейся политической надстройки, при враждебности основных средств массовой информации по отношению к самой идее референдума. И несмотря на это, народ квалифицированным большинством, т.е. более чем двумя третями голосов, решил, что желает жить в составе единого государства — СССР.

Воля народа, высказанная свободно, без какого-либо принуждения, не соответствовала личным интересам и амбициям большой группы тогдашних ведущих политиков во главе с Б. Ельциным, и они, лишь слегка маскируя свои действия, твердо гнули свою линию на развал единого государства, при осуществлении которого они могли получить личную неограниченную власть на территории РСФСР. Итак, следует подчеркнуть, что после 17 марта 1991 г. их сепаратистские действия являются противоправными и антинародными. В прессе, купленной и трижды перекупленной, дешевые «аналитики» пытались иногда отрицать правовую обязательность результа-

тов референдума, ссылаясь на чисто консультативное значение всенародного опроса. Это свидетельствует только о правовом невежестве подобных авторов, их лакейской ангажированности. М. Горбачев, тогдашний президент Советского Союза, в силу своего безволия не смог опереться на ясно выраженную волю народа и использовать свои полномочия для обуздания сепаратистов. Он в такой же мере стал действовать вопреки интересам народа, как и Ельцин и его подельники. Вся разрушительная работа велась скрытно от общественного мнения, на закрытых государственных дачах (новоогаревский процесс), без обнародования позиций отдельных руководителей республик в ходе дискуссий. Секретность стала ответом на референдум 17 марта. Закулисность, заговорщический характер сепаратистских действий окрашивают всю вторую половину 1991 г.

Союзные правительственные структуры — армия, органы суда и прокуратуры, службы государственной безопасности — покорно наблюдали за назреванием смертельно опасного для государства кризиса, и лишь в самый последний момент их руководители предприняли нелепую попытку спасти положение путем создания ГКЧП и демонстрации силы без намерения применить ее. Этот пример старческого эксгибиционизма будет долгие века оставаться темой для ехидства и саркастических оценок будущих историков.

На всем обширном пространстве Советского Союза в те годы не было сколь-нибудь значимых выступлений народов против СССР, если не считать опять-таки Прибалтику, где сепаратистские настроения носили уже укоренившийся характер. Массовые митинги (события в Тбилиси и Баку) собирались только в столицах, их созывали ясно очерченные политические инициативные группы, заинтересованные в искусственном разжигании межнациональных разногласий с целью оседлать власть в своих республиках. На Украине, в Белоруссии, в республиках Средней Азии таких выступлений не было вообще, если не считать вспышку в Алма-Ате, спровоцированную сторонниками снятого первого секретаря ЦК КП Казахстана Ку-

наева. Разумеется, национальный вопрос в СССР и тогда не был решен полностью, но правды ради надо сказать, что ненависти между нациями, составлявшими Советский Союз, не было. Об этом свидетельствует хотя бы сам факт наличия в стране 70 млн смешанных браков, сильное взаимопроникновение наций на территории своих соседей: до полумиллиона армян и азербайджанцев проживали не на своих национальных территориях, 25 миллионов русских жили за пределами РСФСР, около 10 миллионов представителей других национальностей постоянно проживали и работали в России. Армия была многонациональной, ни у кого не вызвало страха, что грузины, азербайджанцы, украинцы или военнослужащие других национальностей обслуживают самые совершенные виды оружия, в том числе и ракетно-ядерные. Разумеется, слишком скоропалительными выглядели в советские годы попытки провозгласить «новую историческую общность» — «советский народ», но в исторической перспективе дело шло именно к этому. Нагнетание национальных чувств в конце 80-х годов было искусственным и отвечало только честолюбивым интересам узких групп политиков.

Имелась ли какая-либо экономическая подоплека развала Советского Союза? Вряд ли! Ведь Российская империя и ее наследник СССР складывались столетиями как единый экономический организм. Страна имела единую транспортную систему, которая расширялась и строилась с целью обеспечения тесной связи между всеми ее составными частями. В XX веке мало-помалу создалась общая энергетическая база, венцом которой стало формирование Единой Энергетической Системы с перераспределением ресурсов по всей стране для создания надежной базы развития промышленности и сельского хозяйства. Такой же единой была система связи. Как бы ни кляли в 90-е годы плановую экономику, но она была ориентирована на более глубокую интеграцию экономики союзных республик в общесоюзный народнохозяйственный организм. Более того, в послевоенные годы была выдвинута задача переориентировать

бюджетные потоки таким образом, чтобы в короткий исторический отрезок времени добиться примерного равенства в экономическом уровне развития республик. Понятно, что воплощение в жизнь этой стратегической задачи требовало жертв от наиболее развитых республик в пользу более отсталых. Само по себе это никак не могло породить экономический сепаратизм в национальных республиках. Протесты, однако, были, в частности, со стороны прибалтийских республик, которые хотели бы получить право вести дела на основе хозрасчета, т.е. делиться прибылями с Центром не по установленным нормам, а в точном соответствии с той долей, которую они намеревались оставить у себя в зависимости от успехов хозяйствования. То есть они хотели, чтобы им оставляли справедливую долю заработанного, а не драли все под гребенку, как поступал Госплан.

Самой щедрой донорской республикой всегда была Российская Федерация. Поднятие целины в Казахстане, строительство крупных ирригационный сетей в Узбекистане и Туркмении, создание предприятий машиностроения, энергетической базы — все это происходило не только с помощью РСФСР, но зачастую и возводилось руками русских людей, которые там оставались в качестве рабочей силы и инженерно-технического персонала. Даже в прибалтийских республиках гонимое и ненавидимое русское население составляет костяк коллективов промышленных предприятий. Миллионы русских специалистов высшей квалификации и просто мастеров своего дела непрерывным потоком текли в национальные республики, помогая решающим образом развитию окраинных территорий.

РСФСР была и оставалась главной базой топливно-энергетического комплекса государства. Здесь находятся основные нефтяные и газовые месторождения, отсюда веером расходились распределительные трубопроводы. Россия была и основным производителем электроэнергии, хотя политика Центра состояла в том, чтобы обеспечить быстро развивающуюся промышленность республик своими собственными энергоресурса-

ми. Во исполнение этих планов и строились атомные электростанции в Литве (Игналинская), на Украине, в Армении (Ереванская), блок теплоэлектростанций на базе Карагандинского угольного месторождения и т.д. Иначе говоря, ни одна из союзных республик своими собственными силами не в состоянии была решить проблему энергообеспечения. Последующие годы наглядно показали, что искусственный разрыв экономических связей между бывшими республиками, превратившимися в самостоятельные государства, привел к катастрофическому падению производства.

Но было бы некорректно говорить, что вообще экономические факторы отсутствовали в наборе аргументов сепаратистов. В политической борьбе Ельцин и его единомышленники размахивали лозунгом экономического изоляционизма. В основе их взглядов лежало утверждение, что, дескать, все остальные республики являются нахлебниками, все они в неоплатном долгу перед РСФСР и что разрыв с ними станет трамплином для быстрого взлета русской экономики к уровню высокоразвитых стран. Развивая эти узкопровинциальные взгляды, сепаратисты широко пропагандировали также тезис о необходимости разрыва всех экономических связей со странами, которые десятками лет поддерживали дружественные отношения с СССР. На смену неоправданной интернациональной щедрости советской власти пришло примитивно понятое желание освободиться от всех международных обязательств, что повлекло за собой и потерю огромных долгов наших бывших клиентов Советскому Союзу.

В пику российским изоляционистам их клонированные близнецы в бывших национальных республиках не менее громко кричали о том, что Россия всегда грабила их, высасывала все соки, обрекая на прозябание. При этом они и тогда и потом, до самого последнего времени, всегда смотрели в практическом плане на Россию как на источник получения выгод и прибытков, шла ли речь о вульгарном воровстве русского газа из международных магистральных трубопроводов, проходящих по территории Украины, или о сотнях миллионов долларов, ежегодно

посылаемых гражданами окраинных государств, проживающими и работающими в России, своим сородичам, оставшимся в своих «титульных» государствах.

В роковое время подготовки развала СССР — во второй половине 80-х годов — общее ухудшение экономического положения в СССР, уход значительной массы товаров в зону черного рынка (торговля по блату, «из-под прилавка») создавали обстановку нарастающего недовольства населения, приводившего к острым вспышкам местного бытового национализма. Эти вспышки, начинавшиеся в большинстве случаев на почве экономических неурядиц, стали перерастать в кровавые столкновения. Где-то не поделили землю, кто-то обвинил представителей другой национальности в том, что те наживаются, контролируя торговую сеть, и т.д. Трагические события потрясали тогда Азербайджан, Карабах, Киргизию, Таджикистан, Осетию, но при этом все столкновения происходили вне России и без участия русских. Вина России и власти Центра в том, что она не смогла дать надлежащую оценку этим преступным событиям и принять адекватные меры по пресечению их. Кровь словами не остановишь! Бесчисленные комиссии, создававшиеся и незаметно исчезавшие, блудливая говорильня только содействовали росту насилия. Но, что важно для нас, во всем этом не было никакого глубинного сепаратизма, способного угрожать целостности СССР.

Подводя итог сказанному, невольно приходишь к выводу, что СССР не распался сам собой, как часто принято говорить, а был ликвидирован группой национал-сепаратистов, среди которых Б. Ельцин и Л. Кравчук играли, без сомнения, ведущую роль, причем Ельциным руководила одна навязчивая идея: как можно скорее и радикальнее избавиться от М. Горбачева, которого он презирал и ненавидел до глубины души.

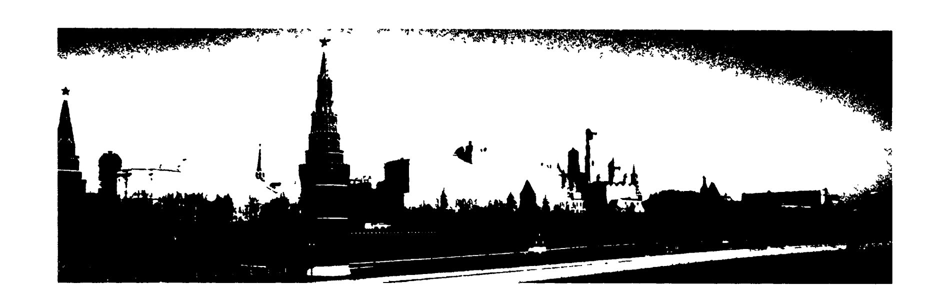
Почти все могильщики союзного государства совсем недавно принадлежали к высшему партийному и государственному руководству СССР, воспитывались и публично клялись в верности идеалам дружбы народов, никто из них не был ни теорети-

3 Зак 22409

ком, ни идеологом сепаратизма, не отбывал наказания за свою национал-сепаратистскую деятельность. Все они радикально поменяли свою окраску, когда увидели, что Центр потерял рычаги контроля над ситуацией в стране и можно, ничем не рискуя, стать Иваном Ивановичем в своей «деревне», чем продолжать быть Ванькой в Москве.

Все они, поменяв свой личный статус, вкусили прелести высшей власти: доступ в высший свет сообщества глав государств, личные лайнеры, почетные караулы, полная бесконтрольность в праве распоряжаться богатством и судьбой своей страны и ее народа, убежденность, что именно они стали творцами нового этапа истории своих стран. У них в скором времени изменились походка, манера разговаривать, появились новые жесты. Сапармурат Ниязов, бывший первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана, а теперь пожизненный президент своей «республики», поставивший себе при жизни огромный, покрытый золотом памятник, поворачивающийся вслед за движением солнца, стал просто-напросто сублимацией типичного руководителя нового постсоветского государства, для которого личная власть является высшей ценностью земной жизни.

Разумеется, Запад не моргнув глазом поддержал всех вчерашних членов Политбюро в их стремлении к расчленению союзного государства. Новые страны, возникшие на руинах СССР, были молниеносно приняты в члены ООН, чтобы получить международную гарантию своей независимости на случай, если вдруг обстоятельства сложатся неблагоприятным образом для сепаратистов. Всякая попытка вновь вернуть их в Союз могла быть сорвана теперь уже с помощью международного сообщества. Это была своего рода гарантия необратимости разрушения Советского Союза, которую выдавал Запад.



РОССИЯ В САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ПЛАВАНИИ

После получения контроля над властью в результате краха ГКЧП, Б. Ельцин некоторое время раздумывал о дальнейших действиях. 28 октября 1991 г. он выступил с программным заявлением перед депутатами Верховного Совета РСФСР, в котором объявил о том, что делает выбор в пользу радикальных экономических реформ либерального характера. Было твердо сказано, что страна пойдет по пути введения принципов рыночной экономики. За этими словами скрывалось объявление курса на восстановление капитализма в России. «Рыночная экономика» — это щадящие слова вместо грозного слова «капитализм», о котором было решено вообще не упоминать, чтобы не травмировать общественное сознание. Сам Б. Ельцин, естественно, не имел никакого более или менее внятного представления о механизме действия рыночной экономики. В России в целом в тот момент каких-либо авторитетных, разумных экономистов, четко представляющих себе пути перехода к рыночной экономике, не было. Разрекламированная в демократической печати так называемая программа «500 дней», авторство которой принадлежало академику С. Шаталину и Г. Явлинскому, не

являлось ни в коем случае сколь-нибудь приемлемой основой для практических действий. Автор помнит, что однажды в прямой беседе с глазу на глаз тогдашний Председатель КГБ Крючков В.А. спросил академика: «Послушайте, неужели вы всерьез думаете, что за 500 дней можно реформировать Россию?» Тот, не задумываясь, ответил: «Конечно, нет, но необходимо дать мощный политический залп, чтобы привлечь внимание!». Надо признать, что эта, по-видимому, главная цель была достигнута. Даже теперь, спустя 10 лет, нет-нет да и вспомнят программу под броским названием «500 дней», к тому же чаще всего в позитивном контексте, только потому, что ее никто не пытался даже претворять в жизнь.

Все научные и практические кадры в СССР формировались и работали в условиях плановой экономики, поэтому они оказывались ненужными в новой обстановке. Ельцину пришлось обращаться для воплощения в жизнь своего уже объявленного курса на рыночную экономику к молодым научным работникам экономических институтов, которые были поверхностно и чисто теоретически знакомы с некоторыми трудами западных экономистов. Тогда впервые страна узнала имена таких людей, как Егор Гайдар, который в начале ноября 1991 г. был назначен вице-премьером правительства и одновременно министром экономики и финансов. Его коллегой по кабинету в качестве также вице-премьера, министра труда и социальной защиты стал Александр Шохин. Первому в тот момент было около 35 лет, второму — около сорока. Указом Ельцина 11 ноября в российскую экономическую элиту был введен Анатолий Чубайс, который стал председателем Государственного комитета РСФСР по госимуществу. Ельцин явно не был уверен в способностях этих новых государственных деятелей, поэтому он демонстративно взял на себя лично полномочия премьер-министра, справедливо полагая, что ему тогда будет легче сменить своих замов, если они провалят порученное им дело. Более того, над ними в качестве первого вице-премьера был поставлен Геннадий Бурбулис, который вообще никогда не имел к

экономике никакого отношения и мог только выполнять функции ельцинского порученца-надзирателя. Люди, в руки которых была передана судьба экономики второй по величине индустриальной державы мира, а также жизнь и благополучие 150 миллионов человек, до этого не имели никакого практического опыта управления даже отдельным предприятием или самостоятельным коллективом людей. Это именно их впоследствии Р. Хасбулатов называл «мальчиками в розовых штанишках». Огромные полномочия, предоставленные им Ельциным, позволили называть первые месяцы 1992 г. эпохой «диктатуры младших научных сотрудников».

К несчастью для России, группа «младореформаторов» компенсировала недостаток своих знаний и практического опыта непомерным самомнением и безапелляционностью в формулировании рецептов «оздоровления экономики». На первых порах эти деятели почти гипнотизировали Ельцина своими обещаниями быстрых и эффективных перемен в стране, если они будут рулить реформами. Вот выдержка из первого интервью Егора Гайдара, опубликованного 9 ноября 1991 г. в «Известиях»: «У нас есть практически ясность и относительно диагноза, и относительно того, что надо предпринять. Прежде всего необходимо установить такие правила в экономике, правила игры, как говорят, которые позволят подняться на ноги. Что касается программы, то сейчас невозможно представить подробное, по дням разложенное расписание. Есть общие цели, к которым необходимо двигаться: стабилизация экономики, укрепление рубля, приватизация...» Все эти скомканные, бессодержательные фразы лучше всего свидетельствуют о том, что ничего за душой у экспериментаторов не было. Они просто надеялись на то, что если государство снимет с себя регулирующие обязанности, то стихия свободного рынка сама собой в короткий срок образует новый капиталистический порядок.

В последнее воскресенье декабря 1991 г. Б. Ельцин выступил по телевидению и, накачанный младореформаторами дутым оптимизмом, заявил: «Мы вступаем в 1992 год. Это год осо-

бый. Нам предстоит создать основы новой жизни. Говорил не раз и хочу повторить: нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идет о 6—8 месяцах». Вряд ли эти слова можно характеризовать как ложь, нет, он даже произносил их с чувством известной уверенности. Сам не понимая масштабности и глубины предстоящих перемен, он просто повторял слова своих недозрелых советников и помощников.

Первым шагом гайдаровского кабинета министров было объявление со 2 января 1992 г. о либерализации цен, т.е. о снятии всякого государственного контроля над ценами. Опасаясь социальных последствий отпуска цен, правительство все же сохранило некоторые ограничения. В частности, цены на хлеб, молочные продукты, сахар, растительное масло и детское питание могли быть повышены не более чем в 3,5 раза, на бензин и водку — в 4 раза, на проезд наземным и водным транспортом — в 2 раза, воздушным транспортом — в 3 раза. Вопреки обещанному правительством росту цен в 2—3 раза реальные цены взвились сразу в 10 раз. В одночасье весь народ России оказался нищим и голодным. Даже глубоко убежденный сторонник демократических реформ Лев Остерман в своей дневниковой книге «Интеллигенция и власть в России» (М., 2000 г.) записывает по горячим следам: «Либерализация цен пока проявилась своеобразно. В «Елисеевском» гастрономе продается окорок, красная икра, швейцарский сыр и водка «Кубанская». Интеллигентный покупатель мог бы порадоваться давно забытым деликатесам... но цены бешеные. В «Новоарбатском» — лосось, копченый омуль, импортная ветчина в банках, копченая колбаса, шампанское. А хлеба нет! «Булочная Филиппова» на Тверской — закрыта. Хлеб привезли, но магазину не сообщили его цену». Через несколько дней, уже 10 января, тот же поклонник демократов-реформаторов записывает: «Цены поднялись раз в десять при сохранении дефицита и очередей. Сплошная кутерьма! К примеру, масло сливочное стоит 51 руб. за килограмм, а сметана — 83 рубля. Но ведь масло делают из сметаны, или я ошибаюсь. Судя по нашему магазину, почти прекратился под-

воз молока. Говорят, что молокозаводы требуют за него по 12–15 рублей за литр (прежняя цена — 63 копейки)».

Наше население, давно привыкшее к постоянной борьбе с жизненными трудностями, столкнулось лицом к лицу с давно забытой проблемой: как выжить в новых условиях. Люди старшего поколения еще кое-как помнили годы Второй мировой войны, когда выживание было формой существования, но их дети и внуки узнали, почем фунт лиха, впервые. В самом деле, еще в начале 1991 г. минимальный уровень пенсий и зарплат держался на отметке 100 рублей, а средние заработки людей были в два с половиной раза выше, т.е. составляли 250 рублей. Но в то время цены были следующими: хлеб — 20—30 коп. за килограмм, молоко — 32 коп. за литр, масло и сметана — 2 руб. 50 коп., картофель — 10—25 копеек, причем эти товары всегда имелись на прилавках магазинов. Теперь же, спустя 10 месяцев, после отпуска цен денежные доходы населения возросли в три раза, а цены поднялись в 10—15 раз и продолжали изо дня в день стремительно скакать вверх. Нищета властно забарабанила в двери подавляющего большинства населения России. Голод вернулся в нашу страну из далеких времен.

Политики и политологи явно струхнули перед этими первыми результатами реформ. Они исходили из естественной предпосылки, что подобное резкое обнищание народа не может не привести к адекватному по масштабу социальному протесту. Все заговорили о вероятности новой гражданской войны в стране, а наши разговоры сразу аукнулись на другой стороне Атлантического океана. Американский центр стратегических и международных исследований тогда пришел к заключению: «После 70 лет дурацких разговоров о классовой борьбе в России вот-вот может начаться классовая война».

Правительство Е. Гайдара оказалось под огнем критики со стороны большинства политических партий и организаций, расплодившихся, как вши на теле тяжело заболевшего народа. В Верховном Совете РСФСР сформировалась стойкая оппозиция к шоковой терапии в гайдаровском варианте. По существу,

именно последствия бездумной либерализации цен создали предпосылки для глубокого гражданского конфликта в стране между парламентом и исполнительской властью, между радикал-реформаторами и большинством российской общественности, которая не приняла провозглашенный курс на ускоренную реформу. Например, даже такой безликий политический активист, как В. Аксючиц, возглавлявший Российское христианско-демократическое движение, поспешил заявить, что в лице Е. Гайдара имеет место «леворадикальный уклон в демократическом лагере и российском руководстве». Костяк оппозиции составили народно-патриотические силы России, Российский общенародный союз. Началось формирование умеренно либерального блока под названием «Гражданское согласие», в котором предполагалось объединить директорский корпус промышленности, здравомыслящие остатки бывшей партноменклатуры и госаппарата, чтобы не допустить экономического коллапса России.

Надо заметить, что страхи российских политиков относительно неотвратимости социального взрыва, перед угрозой которого они стали выстраивать свою собственную политическую линию поведения, были навеяны схематическим пониманием ими ситуации в стране. Они думали примерно так: если на страну обрушилась столь разрушительная шоковая волна, то недовольство населения выльется в энергичные протесты и открытые выступления. Оставалось только поймать гребень волны народного возмущения, чтобы на нем ворваться во власть. К ним еще не пришло ясное понимание того, что народ России, потерявший в своей основной массе пассионарность, был тяжело нокаутирован либерализацией цен и утратил способность к организованному сопротивлению. В каждой семье открыто и без тщательного отбора крепких выражений в адрес Б. Ельцина и Е. Гайдара критиковали Кремль и правительство, но вместо того, чтобы идти на улицу и присоединяться к протестным митингам, люди шли в магазины и старались запастись любыми имевшимися в продаже товарами, ибо были уверены в прибли-

жении еще более скверных времен. Они перестали верить политикам. Все правительства в их глазах оказывались банкротами, все заверения руководителей — ложью. Надежда оставалась на помощь Божью и на собственную бытовую предприимчивость. Создался устойчивый разрыв между властью и в более широком смысле политическим истеблишментом с одной стороны и народом как таковым — с другой. Все конфликты, разборки, драки и стычки стали уделом только верхушечного политического слоя, народ в них участия уже не принимал. Его морально-психологическое состояние можно сравнить разве что с мировоззрением Ивана Денисовича, героя знаменитой повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», озабоченного только тем, чтобы прожить очередной день земной юдоли.

Но правительство, также как и его политические оппоненты, боялось, что народ не выдержит и выйдет на улицы. Оно отчаянно просило у западных стран гуманитарную помощь в любой форме, лишь бы стрелка социального напряжения не перевалила за красную критическую черту. Из США и стран Европейского Союза поступали значительные партии консервов из военных, ставших ненужными, запасов муки, риса, сухого порошкового молока. Эти продукты частично распределялись по больницам, школам, обществам ветеранов. Но большая часть продовольствия просто-напросто разворовывалась и поступала в продажу уже как обычный коммерческий товар. Десятки тысяч городских и муниципальных чиновников заработали тогда свои первые миллионы на народной нужде.

Либерализация цен сыграла одновременно роль ликвидатора всех банковских сбережений граждан России. До начала 1992 г. люди привычно хранили свои скромные накопления в отделениях Сберегательного банка. Он был единственным, к тому же правительственным банком страны, в силу этого у народа не было выбора, а следовательно, и не было сомнений по вопросу о надежности. Общий объем накоплений населения, хранившийся на счетах физических лиц, превышал 100 млрд рублей, что к началу либерализации цен соответствовало при-

мерно такой же сумме в американских долларах. Вот эта сумма буквально в одночасье аннигилировалась, испарилась, перестала существовать, что повергло население не просто в шок, а в состояние глубокой комы. Российское правительство не моргнув глазом отказалось от всех внутренних займов, обобрало население. В то же время оно не поспело поступить так же в отношениях с западными кредиторами, перед которыми покорно признали все долги, включая советские, и дали обязательство выплатить их в соответствии с обязательствами. Подобные операции сходят с рук только в таких обществах, где морально подавленный народ не имеет авторитетной и решительной оппозиции, способной защитить его права.

Вспоминаются отчаяние и горе людей, всю жизнь трудившихся во имя государства и теперь обманутых и обобранных до копейки. В Рязанской области, Скопинском районе, в селе Алмазово жила у меня тогда двоюродная сестра Шишкова Манефа Иосифовна, солдатская вдова, неутомимая труженица, как и большинство русских крестьян. Одна она, уже в возрасте под 80 лет, из года в год сдавала по государственным поставкам около тонны мяса, полпуда овечьей шерсти, десятки шкур и множество другой сельскохозяйственной продукции. Работала, как пчела или муравей, который не думает о личной выгоде, потому что детей и близких родственников у нее не было, а личные потребности были минимальными. Сдавая весь прибыток от своего труда государству за низкие до смешного цены, она смиренно складывала эти доходы на сберегательную книжку в ближайшем отделении Сбербанка, вторично кредитуя таким образом государство. И набралось у нее на книжке к моменту явления в российском правительстве Егора Гайдара 11 тысяч рублей. По тем временам их хватило бы на покупку легкового автомобиля или трех мотоциклов с коляской, которые, кстати, имелись тогда в продаже в сельских магазинах. И внезапно, после одной передачи по радио о либерализации цен, все результаты многолетнего тяжелого сельского труда оказались развеянными по ветру, поднятому либеральными реформаторами.

Манефа Иосифовна слегла, замкнулась, перестала вести привычное хозяйство, а через несколько лет тихо преставилась, так и не посмотрев в свои сберегательные книжки, не нужные никому. Таких жизненных драм по стране были десятки миллионов.

Невозможно забыть открытое письмо большой группы пожилых людей-пенсионеров, посланное через печать Б. Ельцину, в котором старики просили «всенародно избранного» построить благотворительные газовые камеры и крематории, куда они могли бы прийти и в пять минут завершить счеты с жизнью вместо того, чтобы страдать и мучиться неизвестно сколько лет.

В начале 1992 г. Министерством юстиции в России было зарегистрировано 27 политических партий и около 800 общественно-политических организаций. Разница между ними едва заметна и обнаруживается только если рассматривать их в юридическую лупу на предмет допуска к участию в парламентских выборах. Все эти политические опенки, высыпавшие обильными кустами на подгнившем и упавшем стволе исторической России, не имели ни социальных корней, ни четкой, вразумительной программы, ни авторитетных общенациональных лидеров, ни организационных структур в регионах, ни даже заметных отрядов рядовых членов. По данным самих лидеров этих партий, представленным в Минюст (можно представить, как пылко летало их воображение), общая численность всех этих политических организаций не достигала и 300 тысяч. На одну партию едва приходилось около десятка тысяч, но и эту цифру нельзя считать близкой к правде. Вся цифирь была плодом недолгого глядения в потолок в неухоженной, случайно найденной прокуренной комнатенке, приспособленной под Центральный комитет очередной партии.

Российская политическая тусовка представляла собой в то время обширную ярмарку тщеславия. Создать «партию» или «общественно-политическое движение» считалось почти признаком хорошего тона, принадлежностью к высшему слою политической элиты. Сама регистрационная процедура была уп-

рощена до крайности под влиянием демократического экстаза. Что ни день, в газетах появлялась информация о возникновении еще одной партии или объединения. Сейчас читателю уже мало что говорят такие названия, как консервативная партия России, национально-республиканская партия, партия конституционных демократов, крестьянская партия, народная партия... и десятки им подобных. В какой-то мере это была реакция на долгие десятилетия засилья одной партии-гегемона — КПСС, в какой-то — отражала отчаянную толкотню на политическом Олимпе с целью отвоевать себе место под солнышком. Безусловным можно считать только одно: размножение политических партий и общественно-политических движений и организаций ни в коей степени не отражало степень политической активности народа. Более того, все проводимые в 1992 г. опросы населения подтвердили факт углубления политической апатии масс. Показателем этого феномена является тот факт, что когда правительство и поддерживавшие его политические структуры «демократической» ориентации решили провести в августе 1992 г. празднование первой годовщины победы над «путчистами», то даже в Москве, где проживает основная масса людей, наживших ся на плодах этой победы, им не удалось собрать более 10 тыс. манифестантов. И в то же время альтернативный митинг, организованный организациями коммунистического толка и, в частности, «Трудовой Москвой», привлек примерно такое же число участников. Все замеры общественных настроений показывали, что больше половины населения разуверилось в политических силах и лидерах.

Стало очевидным разочарование населения в личности президента России Б. Ельцина. В период августовского кризиса 1991 г., во время «путча» ГКЧП его авторитет был действительно высоким. Тогда 85% опрошенных однозначно поддерживали Б. Ельцина, но после начала шоковых реформ, т. е. буквально с января 1992 г., рейтинг президента покатился устойчивыми темпами вниз. Вот показатели по месяцам: январь 1992 г. — 50%, февраль — 48%, март — 40%, апрель — 44%, май — 38%, июнь — 32%, июль — 32%, август — 30%.

Народ России не принял гайдаровские реформы, природным чутьем осознал их погибельность и, не веря никому из новоявленных спасителей, предпочитал топить свое горе в водке.

Пожалуй, главным итогом шоковой терапии было значительное усиление оппозиционных настроений во властных структурах России, где исподволь стало формироваться так называемое третье течение, которое считало себя и некоммунистическим, и не радикал-реформистским. Еще в самом начале 1992 г. был зарегистрирован Российский союз промышленников и предпринимателей, во главе которого стоял Аркадий Иванович Вольский, в свое время пользовавшийся покровительством Ю. Андропова. Вот этот союз, в состав которого входила основная масса директоров промышленных предприятий страны, часть руководителей центральных министерств и ведомств, превратился в становой хребет нового оппозиционного ядра, категорически возражавшего против разбойничьего характера реформ, проводимых Гайдаром. Довольно быстро вокруг РСПП собралась внушительная коалиция центристских сил, которая легко могла стать убедительной альтернативой радикал-демократам. В эту коалицию вошли в то время влиятельные партии: Народная партия «Свободная Россия» во главе с вице-президентом Александром Руцким (100 тыс. членов), Демократическая партия РФ во главе с бывшим партийным выдвиженцем, членом ЦК КПСС, рабочим-строителем Николаем Травкиным (50 тыс. человек), а также Всероссийский союз «Обновление». Блок заручился поддержкой большой группы депутатов Верховного Совета. Фонд Горбачева выразил свою симпатию идеям новой политической группировки. Но самое главное, что на ее стороне стала выступать Федерация независимых профсоюзов России, в рядах которой насчитывалось более сотни отраслевых и региональных организаций с числом членов около 65 млн человек. Вот этот довольно пестрый конгломерат различных политических, экономических и социальных сил получил название «Гражданский союз». Днем его рождения стало 21 июня 1992 г., когда в Москве собрался форум общественных сил, на

котором и было объявлено официально о появлении третьей силы под названием «Гражданский союз».

В принятой учредительным съездом Политической декларации «Гражданский союз» заявлял о том, что он становится в «конструктивную оппозицию к правительству Е. Гайдара», и потребовал немедленной корректировки курса реформ. В подтексте выступлений многих делегатов и между строками принятых документов читалось требование смены правительства «ученых экономистов» на правительство «практиков». Не отвергая необходимости перехода к рыночной экономике, «Гражданский союз» лишь требовал взять более умеренный темп, не допускать резкого падения производства и разрушения основных производственных фондов.

Центристская линия «Гражданского союза» была четко видна и в его политических ориентирах. Союз выступил за сохранение «парламентско-президентской формы правления в России», за завершение построения демократического общества на базе недопущения перекосов в разделении полномочий между различными ветвями власти. Был даже выдвинут лозунг «политического центризма». «Гражданский союз» клялся и божился, что все изменения в политической жизни страны должны проходить только в рамках законности, открещивался от митингов, забастовок, референдумов и других политических действий, дестабилизирующих обстановку. Одним словом, не политические борцы, а милые демократические душки, наивно полагавшие, что все будут придерживаться объявленных ими правил игры.

Автору тогда приходилось принимать участие в качестве гостя во многих мероприятиях, проводившихся «Гражданским союзом». Нельзя было не сочувствовать стремлению союза к устройству России по административно-территориальному принципу, содействию восстановления единого государственного образования на территории бывшего СССР, хотя бы на конфедеративных принципах, объявлению всей зоны СНГ районом жизненно важных интересов России. Сохранение территориальной целостности России рассматривалось вообще как

главная, непреходящая ценность. Руководители «Гражданского союза» не могли не видеть, что центробежные силы уже начали свою разрушительную работу. Чечня в последние месяцы 1991-го и в начале 1992 г. проделала огромную работу по отделению от России. Под руководством Джохара Дудаева были разгромлены все прежние политические и общественные институты, сторонники и активисты которых бежали в Россию. Население оказалось под монопольным воздействием сепаратистских средств массовой информации. 4 января 1992 г. постановлением парламента Чечни были отозваны все депутаты, избранные ранее в союзные представительные органы. Российское правительство официально дало согласие на передачу чеченским властям 50% всего вооружения, находившегося в частях Российской армии, дислоцированных на территории Чечни. Остальные 50% были либо захвачены силой, либо оказались в руках сепаратистов в результате коррупции высших должностных лиц России. Позже активно назывались имена виновных, среди которых фигурировали и. о. премьер-министра Е. Гайдар и занимавший пост министра Вооруженных сил СНГ маршал Е. Шапошников. Предпринятое значительно позже расследование быстро зашло в тупик, повторив судьбу многих других антикоррупционных расследований.

Татарстан активно работал локтями, выторговывая себе суверенные права и особые привилегии. Именно в отношении этой республики были сказаны роковые слова Б. Ельцина: «Берите себе столько суверенитета, сколько сможете проглотить».

Да и чисто русские области в создавшейся хаотической во всех отношениях обстановке были вынуждены заботиться об интересах своего населения. В аграрных районах, где менее остро стояла проблема выживания, руководство не торопилось с гайдаровскими реформами, видя их разрушительное действие. В тех же территориальных образованиях, где все благополучие строилось на добыче и экспорте топливно-энергетических ресурсов, зарождались настроения обособления от России. Отсюда берут истоки такие длительные конфликты, как, например,

сепаратизм Ямало-Ненецкого округа от Тюменской области, в состав которой он всегда входил, а теперь не желал делиться оказавшимися в его руках природными богатствами недр.

«Гражданский союз», занимая ясную позицию по всем этим вопросам, естественно, привлекал к себе симпатии весьма широкого спектра политической общественности. Объективно говоря, у «Гражданского союза» в 1992 г. оказалось достаточно материально-технических ресурсов, под его знаменами собрался крупный интеллектуальный потенциал, его программа и центристская идеология были весьма привлекательными. Если бы в руководстве союза оказались более крупные и авторитетные личности, способные переплавить разнородную коалицию политических сил в крепко сколоченную партию, то на политической сцене России могла бы появиться та самая центристская партия людей здравого смысла, в поисках которой наша страна набила себе немало шишек и синяков. Но таких людей, к несчастью, не было. Вот кто входил тогда в Политический консультативный совет: А. Владиславлев, А. Вольский, И. Дискин, С. Полозков, И. Смирнов, Н. Травкин, И. Ройтман, В. Липицкий, А. Головин и др.

У «Гражданского союза» не было крепкой организационной структуры, он не располагал сколь-нибудь значимыми ресурсами в области информационно-пропагандистской работы, крайне слабы были у него корни в народе. Союз все-таки оставался преимущественно коалицией политиков и политиканов, которые рассчитывали зажарить свою яичницу на пылающем кризисе России.

И тем не менее та группа младореформаторов, которая в 1992 г. контролировала правительство и пользовалась почти монопольным влиянием на президента Б. Ельцина — Г. Бурбулис, А. Чубайс, Е. Гайдар, А. Козырев, М. Полторанин и др., — именно в «Гражданском союзе» увидела своего главного врага и конкурента. В их руках находились средства массовой информации, крупные финансовые ресурсы и административные рычаги, которые были пущены в действие. Тогда-то и появились

такие формулировки, как «заговор реваншистских сил», «красно-коричневые», «партноменклатура» и т. д. Бороться против «Гражданского союза» силовыми, недемократическими приемами было бы слишком рискованным, непопулярным шагом. Поэтому ставка была сделана, с одной стороны, на использование всех ресурсов власти для разжигания внутренних противоречий и разногласий в самом «Гражданском союзе», а с другой — на усиление полномочий лично президента Российской Федерации, чтобы не допустить кардинального изменения государственного курса с помощью парламента, где соотношение сил постепенно менялось в пользу конструктивной оппозиции. Так зародилось противостояние президента и парламента, инициаторами которого были те лица, личная карьера которых была намертво завязана на радикально-шоковых реформах (группа Гайдара, Чубайса, Козырева, Бурбулиса и др.). Именно по их инициативе и под их нажимом Б. Ельцин внес 29 июля 1992 г. на рассмотрение Конституционной комиссии свои предложения, суть которых заключалась в том, чтобы лишить Съезд народных депутатов права вносить сколько-нибудь существенные поправки в Основной закон. Такие поправки могли быть утверждены только в ходе общенародного референдума, причем формулирование вопросов для такого референдума, равно как и выбор времени для его проведения, оставалось привилегией исполнительной власти. Президент просил увеличить его полномочия, предоставив ему право наложения вето на некоторые законы, принимаемые парламентом. Среди других не менее значимых президентских инициатив было его требование ввести прямой запрет на деятельность тех общественных организаций, которые «пропагандируют социальную и национальную вражду и ненависть», а также предоставление ему права назначать в регионы в качестве руководителей местной исполнительной власти своих полномочных лиц.

Идея проведения общероссийского референдума становится на длительный срок псевдодемократической формой борьбы с парламентом. Внешне опрос населения выглядит как наибо-

лее демократическая форма одобрения или отклонения предложенных мер, но в конкретных условиях России это является политической уловкой, результаты которой могут быть с одной стороны сфальсифицированы, а с другой — произвольно интерпретированы. Расчет делается на то, что весь инструментарий проведения такого референдума находится под полным контролем исполнительной власти, в руках которой сосредоточен и контроль над средствами массовой информации. Рассчитывая на то, что гражданское сознание общества в России — на стадии формирования и уровень его развития невысок, президент и стоявшая за его спиной группа младореформаторов были уверены, что такой путь гарантирует им победу. К тому же на референдум выносились не жизненно важные вопросы, как это было в марте 1991 г., когда надо было высказаться о судьбе Советского Союза, а проблемы перераспределения полномочий внутри государственных структур.

Был разработан и другой путь псевдодемократического разворачивания событий в желаемом направлении. Его озвучил в середине июля 1992 г. один из ярых представителей «демократических» сил Гавриил Попов. По этому сценарию было бы целесообразно подготовить Указ президента об избрании (или хуже того, о созыве без выборов) некоего Учредительного собрания. В любом случае треть состава будущей Учредиловки должна была состоять из членов действовавшего Верховного Совета РФ, другую треть предстояло назначить волей президента и исполнительной власти, и последнюю треть должны были составить делегаты политических партий и движений в соответствии с их тогдашним рейтингом (никакой процедуры проверки достоверности рейтингов, разумеется, не предполагалось). Подобный план, носивший абсолютно антиконституционный характер, автоматически гарантировал президенту большинство и в случае его принятия развязывал ему руки для установления абсолютной власти.

Тем временем оживилась деятельность и левопатриотических сил, ощутивших на себе сильное давление снизу, со сторо-

ны обнищавших масс. Руководители коммунистических и близких им по духу организаций не могли не видеть, что в лице «Гражданского союза» они могут получить сильного и опасного конкурента на роль главного центра оппозиции. Надо было предпринимать энергичные шаги, чтобы не затеряться в обострившейся политической борьбе. Так родилась идея о создании Фронта национального спасения (ФНС). 24 октября в Москве, в Парламентском центре, состоялся учредительный съезд Фронта национального спасения, на котором присутствовало почти 1500 делегатов из всех регионов России и из стран — членов СНГ. Интерес к съезду был огромен, для освещения его работы было аккредитовано около 300 представителей средств массовой информации. И в самом деле, это была самая масштабная попытка объединения всех сил левой оппозиции. В съезде участвовали коммунисты, Аграрный союз России, Российский общенародный союз, движение «Трудовая Россия», Союз офицеров, «Всероссийское трудовое совещание» и много более мелких общественных движений и групп. Открывший съезд народный депутат И. Константинов так определил основные задачи Фронта: «Фронт должен объединить представителей трудовых коллективов, профсоюзы, военнослужащих. Надо создать единое движение, которое способно было бы изменить ход истории России. Мы будем бороться за власть и в самое ближайшее время. Мы будем вести борьбу конституционно-законными способами». Этот рефрен о действиях исключительно законными, конституционными средствами в то время был доминирующим в тактике и стратегии всех оппозиционных сил и коалиций. Никто даже не ставил вопроса о том, что надо делать, если президент и исполнительная власть будут бороться с ними неконституционными, незаконными методами. Один из наиболее последовательных и жестких критиков правительства — писатель А. Проханов, выступая на съезде, заявил буквально следующее: «Мы должны взять власть конституционным путем. Хоть через выборы, хоть через второе пришествие Христа».

Одним из основных докладчиков на съезде был С.Н. Бабурин, народный депутат, выступивший на тему «О спасении, тактике и стратегии Фронта национального спасения». Его основной вывод звучал так: «Лимит доверия парламенту исчерпан. Мы должны сами выступать с законопроектами. Если на VII съезде народных депутатов Российской Федерации не удастся переизбрать правительство, то надо ставить вопрос о досрочных перевыборах всего депутатского корпуса и президента».

Работа съезда проходила под триединым требованием: использовать предстоящий съезд народных депутатов, когда бы он ни проводился, для выражения недоверия правительству; ни под каким предлогом не предоставлять Б. Ельцину дополнительных полномочий; использовать складывающуюся кризисную ситуация для взятия власти в свои руки законным образом.

Только один из делегатов съезда — Станислав Терехов, руководитель Союза офицеров, туманно-таинственно говорил о некоем «третьем этапе» борьбы за власть, раскрывать содержание которого не стал, но призвал к нему готовиться.

Всего три дня понадобилось Б. Ельцину, чтобы обрушиться на Фронт национального спасения. Избрав для этого первый попавшийся под руку предлог — участие в заседании коллегии Министерства иностранных дел, — он предложил распустить Фронт национального спасения как «незарегистрированную организацию, деятельность которой противоречит Конституции и законодательству страны, ибо призывает к свержению власти, дестабилизирует общество, натравливая одних людей на других... Это недопустимо». Он выразил готовность взять на себя ответственность за принятие срочных безотлагательных мер. Б. Ельцин тут же поставил перед МИДом задачу разъяснить через дипломатические представительства России за рубежом, какую опасность подобный Фронт может представлять не только для России, стран СНГ, но и для всего мира. «Это страшная опасность, — сказал он, — но на Западе этого пока не понимают».

На следующий день, 28 октября 1992 г., появился указ о запрещении деятельности ФНС на территории Российской Федерации. Так, просто и бесхитростно, расправился Б. Ельцин с надвигавшейся политической грозой слева. Фронт грозил стать реальной силой, пользовался поддержкой и симпатиями большинства народных масс.

В истории России последнего десятилетия неоднократно встречаются похожие или аналогичные ситуации, когда на абсолютно законные, конституционные, парламентские действия оппозиционных сил президент и исполнительная власть отвечают очевидными противоправными, силовыми или административными мерами, прикрывая их формальными отговорками. Действуя по принципу «бей первым», Ельцин и в этом случае пренебрег всеми конституционными нормами и законами РФ. Он нанес удар по принципу политической целесообразности, «по понятиям», как позже сформулировал такое поведение Борис Березовский. Западные страны, постоянно выступающие в мире в самоприсвоенном качестве блюстителей демократии, не только закрывали глаза на подобные скандальные насилия над демократией в России, но даже морально и политически поддерживали громилу Б. Ельцина в его действиях. Их поведение всегда определялось соображениями своей собственной государственной выгоды.

Оппозиционные силы России, вне зависимости от своей политической окраски, социальной опоры и степени критичности по отношению к правительству, хорошо зная необузданный нрав президента и его пренебрежительное отношение к закону, так и не смогли найти противоядие против его антиконституционной нахрапистости. Они все время вели с ним дуэль в неравных условиях. Так и не удалось им «найти приема против лома».

По отношению к «Гражданскому союзу» Б. Ельцину даже не пришлось применять никаких репрессивных акций, поскольку эта классическая политическая коалиция соглашательских оппозиционных сил могла представить реальную опасность только в случае чистой демократической игры на

правовом поле. Но президент в своей политической жизни никогда не играл по правилам. В течение короткого срока существования «Гражданского союза», длившегося немногим более года — с середины 1992 до середины 1993 г., Б. Ельцин нередко давал понять лидерам «Гражданского союза», что готов выслушать их оценки и соображения по поводу сложившейся в стране ситуации и о путях выхода из нее, заведомо зная, что ему наплевать на их точки зрения и предложения. Важно было поглаживать время от времени этого оппозиционного кота по шерстке, использовать его вальяжное парламентское мурлыканье для демократической паказухи и спокойно дожидаться того момента, когда представится возможность просто-напросто сбросить его с колен со словами: «Пошел прочь!» А пока «Гражданскому союзу» давали беспрепятственно играть в свои воображаемые игры, вести виртуальную политику.

На первом форуме (даже название придумано было античное, более высокопарное, нежели поднадоевшие «съезды», «конгрессы», конференции) «Гражданского союза», созванном в Москве в июне 1992 г., было принято постановление о том, что, дескать, новая политическая сила готова взять на себя ответственность за ситуацию в стране и способна сформировать новое правительство. Прямо почти по Ленину, некогда выкрикнувшему: «Есть такая партия!» Вся разница была в том, что Ленин готов был бороться за лидерскую роль своей партии, а деятели «Гражданского союза» выпрашивали у президента, чтобы он дал им возможность немножко порулить государством. На своем форуме они вполне серьезно обсуждали кандидатуры (из своей среды, естественно) на пост премьер-министра, порядок формирования нового правительства, меры по обеспечению поддержки деятельности нового правительства в Верховном Совете России. Все это подкреплялось общими декларациями о том, что-де надо формировать российское правительство исключительно на партийной основе, следуя образцам западной демократии. Вся работа форума была похожа на колоритную иллюстрацию к известной басне о том, как собравшиеся мыши

намеревались повесить на хвост коту колокольчик, чтобы вовремя получать сигнал о приближающейся опасности. Эта затея оказалась неосуществимой только потому, что не нашлось смельчака, который бы взялся повесить этот самый колокольчик на указанное место.

В состав лидеров «Гражданского союза» входили очень известные лица. Но известны они были более всего не какими-то реальными, ощутимыми успехами в политике или экономике, а устойчивым честолюбием и ярко выраженным оппортунизмом, приспособленчеством и способностью к политической мимикрии. Чего стоит один А. Руцкой, проделавший в своей биографии бесчисленное количество цирковых трюков с одной-единственной целью — удержаться на плаву в бурном политическом море России. В тот момент он уже был вице-президентом Российской Федерации, т. е. заместителем Б. Ельцина и, казалось бы, ему не с руки ни в коем случае примыкать к внешне оппозиционной организации, которую пресса обвиняла в подготовке «номенклатурного реванша». Но А. Руцкой решил сыграть ва-банк, полагая, как истинный оппортунист, что будущее наверняка за «Гражданским союзом», а следовательно, ему определенно обеспечено завоевание поста президента. Рядом с ним в руководстве «Гражданского союза» всегда на первых порах находился Аркадий Вольский — председатель Российского союза промышленников и предпринимателей. Он, конечно, значительно образованнее и эрудированнее А. Руцкого. Недаром начинал свою политическую карьеру в качестве помощника Ю. Андропова. Вольский — мастер компромиссов, небольших политических сделок, складных, но неглубоких докладов и выступлений. Одним словом, типичный «аппаратчик» бывшего ЦК КПСС, а потом и российских структур. Ему неведомы в политике величины более крупные, чем аршин. А тут сколотилась почти сама собой такая общероссийская политическая глыба, как «Гражданский союз». Ясно, что голова А. Вольского терялась в непомерной мономаховой шапке новой ответственности. О других его коллегах по руководству «Союзом» и говорить нечего.

Среди них был и говорливый Николай Травкин, у которого язык намного опережал умственные усилия. Как потом порешила сама судьба, потолком его лидерских способностей стала должность руководителя администрации Шаховского района Московской области.

Реальной силой «Гражданского союза» был, конечно, директорский корпус России, т. е. люди, которые держали в своих руках реальный производственный механизм государства. К ГС примыкала Федерация независимых профсоюзов России, т. е. основная масса организованных рабочих. Позиции «Гражданского союза» разделялись многими слоями интеллигенции. При условии сплочения этого блока, т. е. проведения серьезной организационной работы, при наличии вразумительной, т. е. понятной широким массам народа социально-экономической программе, а главное, решительной политической воле руководства «Гражданский союз» мог и в самом деле стать мощным влиятельным фактором в истории России. Но ни одно из этих условий на практике выполнено не было. «Гражданский союз» занялся очередной возней по разработке ненужных «программ» вроде забытого всеми документа «Двенадцать шагов к возрождению России», мелкой суетней по формированию парламентских коалиций, бесконечными консультациями с представителями правительства и администрации президента. Пожалуй, пиком политических достижений «Гражданского союза» было проведение личной встречи между президентом России Б. Ельциным и десятью лидерами ГС, среди которых были А. Руцкой, А. Вольский, Н. Травкин, А. Владиславлев, В. Липицкий и председатель Федерации независимых профсоюзов России И. Клочков. Встреча состоялась 3 ноября 1992 года. Верный своей тактике «вешать лапшу на уши» собеседников, Б. Ельцин заверил руководителей «Гражданского союза», что он, несмотря на развернутую в прессе широкомасштабную кампанию нападок на ГС, считает этот блок своей надежной опорой (!), отмежевывается напрочь от приписываемых ему намерений установить прямое президентское правление в стране. Со своей

стороны лидеры «Гражданского союза», продемонстрировав свою политическую импотенцию, ограничились тем, что передали президенту разработанную в недрах ГС экономическую программу и предложили провести некоторые персональные изменения в составе правительства, на что Б. Ельцин лишь двусмысленно мотнул головой: не ваше, мол, это дело, господа хорошие!

Развитие событий в России шло тем временем своим чередом. Директорский корпус все больше стал интересоваться практическими вопросами приватизации, а не политической судьбой «Гражданского союза», вялая оппортунистическая линия руководства ГС привела к утрате первоначальной привлекательности этой организации. Борзая демократическая пресса мало-помалу прекратила преследование этой безопасной затравленной дичи. К осени 1992 г. центр внутриполитического циклона, его «око», переместился на линию противостояния между Съездом народных депутатов России и Верховным Советом РФ, с одной стороны, и президентом страны и правительством — с другой. А. Руцкой в соответствии со своей жизненной философией вступил в конфронтацию с А. Вольским. В руководстве «Гражданского союза» начались раздоры, за которыми последовали разрывы связей. А дальше политическое прозябание и, наконец, тишина...

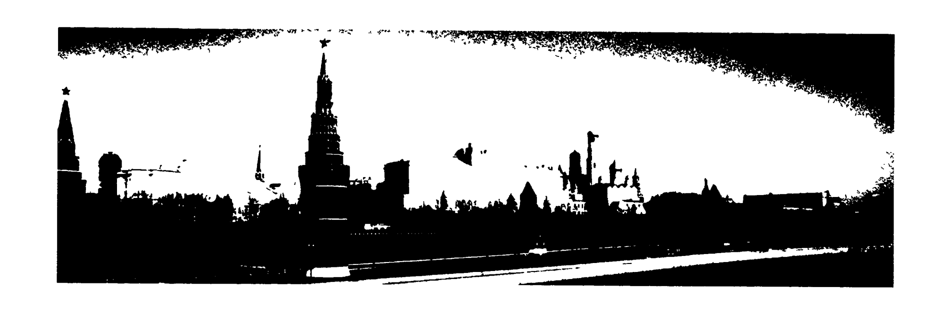
Если Фронту национального спасения Б. Ельцин, как татарский хан, велел перебить позвоночник за противление своей воле, то «Гражданский союз» умер от политической чахотки и анемии. Такова судьба двух наиболее крупных политических коалиций, представлявших оппозицию на самом первом этапе так называемых рыночных реформ в России.

Фронт национального спасения по большому счету представлял интересы неимущих трудовых слоев населения, для которых восстановление крепкого государства было в известной степени гарантией их относительного благополучия, т. е. работы и своевременной ее оплаты. Идеология Фронта в большой степени питалась соками разрушенной советской системы. Запрещение деятельности Фронта было, по существу, закреплени-

ем победы капиталистических порядков в России, торжеством социального реванша богатых над бедными.

«Гражданский союз» не представлял собой столь радикальной альтернативы президенту и правительству, как Фронт национального спасения. Он олицетворял не возвращение к прошлому, а более мягкий, с «человеческим лицом», демократический капитализм в России. Если Фронт был социальным, классовым антиподом российскому правительству и силам, на которые оно опиралось, то «Гражданский союз» представлял ту же имущую верхушку общества, но не допущенную к властным рычагам и старавшуюся получить к ним законный, конституционный доступ.

Однако печальная политическая судьба этих двух политических коалиций вовсе не означала, что спадает накал борьбы в растревоженной стране. Скорее наоборот, 1992 год стал временем невероятного взлета и напряженности внутриполитического противостояния.



ПРИВАТИЗАЦИЯ

Людям старшего поколения хорошо памятна лаконичная и точная фраза классиков: «Политика — есть концентрированное выражение экономики». И в самом деле, если читатель пользуется этим никем не опровергнутым и бесспорно точным инструментом анализа, то за любыми стратегическими программами политиков и различных партий и движений, за всякими тактическими извивами их повседневной деятельности он будет легко видеть глубинные экономические интересы. Вся предыдущая история человечества свидетельствует о том, что только тот, кто является реальным собственником средств производства, материально-технической базы общества, становится и политическим руководителем страны или народа. Политика и экономика не существуют в отрыве друг от друга. Это две стороны одной и той же медали, и они должны быть отчеканены на одном монетном дворе. Всякий кратковременный разрыв между экономикой и политикой приводит к бурным социальным катаклизмам, точно так же, как столкновение холодных и теплых масс воздуха вызывает в природе ураганы, циклоны. Установление в 1917 г. в России власти диктатуры пролетариата в форме Советов при господстве в стране частной собственности неизбежно должно было привести к гражданской войне, что и случилось, к великому несчастью, для страны и ее народа.

Схожие предпосылки сложились в России и к 1991 году. В результате августовских событий к власти в стране пришли политические силы, которые открыто и даже демонстративно связывали свое будущее с торжеством частной собственности, в которой они видели и единственное спасение для стагнирующей России. Следует признать, что к этому времени в общественное сознание уже глубоко вошла мысль о порочности самого принципа государственной собственности на основные производительные силы. В этом людей убеждали видимые и ощутимые успехи капиталистических стран в виде насыщенного потребительского рынка, на это работала вся информационно-пропагандистская машина СССР с самого начала «перестройки». Китайский пример постепенного, но неуклонного расширения частнособственнического сектора в национальной экономике также свидетельствовал об определенных преимуществах разумного сочетания двух систем собственности. Следует при этом заметить, что правящие «элиты» как СССР, так и демократической России практически делали и делают все для замалчивания китайского опыта. Российская общественность как бы отгорожена от китайского опыта занавесом молчания. Наши журналисты и политологи с необъяснимым усердием будут копаться во всех совершенно не нужных нам деталях американских избирательных кампаний, но упорно станут воротить нос в сторону от Китая, где нам можно и следовало бы поучиться многому. В этом сказывается, по-моему, глубокий комплекс неполноценности, иногда приобретающий форму некоего снобизма, высокомерия по отношению к отсталому Востоку, а иногда черты острой ревности и зависти. Ведь Горбачев М. С., когда поехал осенью 1988 г. в Пекин, был гораздо более озабочен не тем, чтобы поучиться у китайцев технологии реформирования социализма, а тем, чтобы научить их своему «новому мышлению», в котором ему мерещилась мессианская задача.

Как бы то ни было, но и советское руководство уже начинало предпринимать шаги в направлении разрешения частной собственности в легальной экономической жизни. Делалось это

робко, как бы в экспериментальном порядке, ощупью и, поэтому нормативная база практически отсутствовала. Фактически приватизация началась в 1988 г., когда был принят закон «О государственном предприятии (объединении)» и было дано согласие на организацию кооперативов.

Тогда родились две концепции, которые в конечном итоге должны были протоптать дорожку частной собственности в бескрайний океан государственных предприятий. Первая концепция называлась «право полного хозяйственного ведения», которым наделялось руководство предприятий. Это право позволяло директорам вести свободно всю хозяйственную деятельность, руководствуясь только соображениями экономической эффективности. Поначалу они не имели права проводить сделки с оборудованием, ибо государство формально сохраняло право собственности на эти предприятия, более того, требовалось согласие соответствующего министерства на проведение коммерческих сделок выше определенного размера. Но вскоре и то, и другое ограничение были сняты. Складывалась ситуация, при которой руководство предприятий в реальной жизни действовало как субъект рыночной экономики, но официально правовой статус предприятия оставался прежним. Оно сохранялось в государственной, общенародной собственности. Естественно, что в такой обстановке все инстинкты хватательного характера, дремавшие доселе в душах директорского корпуса, должны были получить широкий оперативный простор. Движимые в первую очередь личными интересами, руководители предприятий становились естественными сторонниками идей приватизации. Им казалось вполне очевидным, что завтрашними владельцами предприятий будут, разумеется, они сами при некотором допущении к кормушке трудовых коллективов. Такой путь приватизации в принципе широко применяется в нынешнем Китае.

Существовала и концепция постепенного превращения государственных предприятий в частные путем передачи их в аренду либо коллективам самих предприятий, либо третьим ли-

цам. В этом случае опять-таки складывалась двойственная ситуация. Формальным (юридическим) собственником предприятия оставалось государство, но арендатор получал неограниченные права хозяйствования, — он даже мог продать часть оборудования, если это способствовало большей эффективности производства. Права арендатора были основательно защищены: не допускались досрочное прекращение арендных отношений, пересмотр условий аренды (а в обстановке ускоряющихся темпов инфляции это было чрезвычайно выгодно арендатору), договор об аренде не мог быть изменен даже в случае принятия законов, с которыми он мог не стыковаться, и т. д.

Дальше — больше. Вскоре появилось новое понятие: «аренда с правом выкупа», получившее законодательное оформление. Это была уже дверца в мир частной собственности, ибо арендатор по истечении срока аренды имел преимущественное право на приобретение предприятия путем покупки.

Все эти нормы действовали еще во времена советской власти, и к началу 1992 г. таким путем было приватизировано около 2 тыс. предприятий. Вполне возможно, что, если бы не было драматических событий августа 1991 г., этот процесс пошел бы, разрастаясь вширь и вглубь, переводя экономику страны на рельсы рыночной экономики. Лозунги плюрализма в экономике, как и плюрализма в политике, стали к этому времени настолько избитыми, что их без ущерба для себя повторяли все, — от твердокаменных коммунистов до оголтелых «демократов». Уже на излете своей исторической траектории советская власть приняла 3 июля 1991 г. закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР». Правда, этот закон приняла российская советская власть, но президент СССР и союзные структуры не возражали против закона по существу и были готовы только затеять свару вокруг вопроса, какая собственность принадлежит Российской Федерации, а какая Советскому Союзу, а это уже совсем другая проблема, проблема передела собственности.

Из всего этого следует, что неправильно было бы называть Анатолия Чубайса отцом приватизации. Много чести ему в таком названии. Да и сам он, когда много лет спустя — в 1999 г. — решился написать о своем видении приватизации в России, честно признался, что «вплоть до 90-го года в профессиональном отношении идея приватизации меня лично абсолютно не трогала... Ведь (приватизация) это больше процесс организационно-политический, процедурный, чем профессионально-экономический. Да и вообще в нашей команде (имеется в виду ленинградская группа экономистов-«демократов») не было человека, который внутренне очень бы интересовался приватизацией»[1]. Потом он по-чубайсовски категорично заявил: «В дореволюционную» эпоху вопрос приватизации в силу целого ряда причин меня абсолютно не волновал»[2].

Почему же получилось так, что человек, которого до 1991 г. вопрос приватизации абсолютно не волновал, стал после августа 1991 г. яростным приватизатором, отдавшим всю свою недюжинную энергию, организаторский талант, помноженные на природный цинизм и наглость, именно делу приватизации, той самой приватизации, которой он никогда не занимался даже в теоретическом плане?

Это случилось потому, что в августе 1991 г. в России произошли коренные сдвиги в политических структурах. В одночасье — в большей степени неожиданно даже для руководителей так называемого «демократического» движения, в чем публично признавался один из его идеологов Г. Попов, — рухнула власть коммунистической партии. Руководители ГКЧП оказались за решеткой, КПСС — запрещенной, президент СССР — лишенным практически всех властных полномочий. Переворот в политике был полный. Не хватало только массовых репрессий, закона о люстрации и т. д., хотя раздавалось много голосов, требовавших этого. Но тогда экономика страны оставалась пре-

---

[1] «Приватизация по-российски». Под. ред. А. Чубайса. М., 1999 г., стр. 21.

[2] Там же, стр. 22.

имущественно социалистической. Приватизационные процессы захватили еще незначительную часть ее. Все отраслевые министерства, директорский корпус выросли при той, уже свергнутой власти, они сформировались в условиях социалистической системы хозяйствования, и хотя они неторопливо дрейфовали к берегам рыночной экономики, но в обозримом будущем могли стать экономической основой для любого социалистического реванша в политике. Новая власть в лице Б. Ельцина и группы радикальных демократов чувствовала себя в первое время абсолютно неуверенно. Именно этим объясняется отказ от политики репрессий, которая могла бы спровоцировать активное сопротивление. Какое-то время власть держалась на волне общественной поддержки, питавшейся антигорбачевскими, антикоммунистическими настроениями, да на политической поддержке со стороны Запада, видевшего в событиях в России свой счастливый шанс покончить с коммунистической угрозой. Но и того и другого было явно недостаточно для консолидации власти. Под новую политическую надстройку следовало подвести и новый экономический фундамент. Россия в XX веке дважды оказалась жертвой специфических коллапсов — в 1917 и 1991 годах. И в том, и в другом случае быстро, и в большей степени спонтанно, происходили политические взрывы в правящих верхах, а новая власть, занявшая образовавшийся вакуум, начинала ломать доставшийся ей в наследство экономический фундамент, чтобы на его месте соорудить новый, надежный для нее базис. В обоих случаях новая власть не руководствовалась интересами исторического государства Россия и народов, его населявших. Трагедия России в том и состоит, что целый век политика подгоняет под себя экономику, хотя общемировые процессы развития свидетельствуют о том, что экономика в своем эволюционном развитии рождает те или иные соответствующие ей политические институты. Смена кожи, т. е. перемена политической надстройки, тоже процесс небезболезненный — он носит революционный характер с кровопролитием, но не ведет к разрушению исторического и эко-

номического фундамента нации, ее психологии, духовной жизни. Например, Франция за относительно короткий отрезок времени — с 1789-го по 1816-й — сменила с полдюжины политических надстроек, но при этом осталась Францией со всеми ее историческими атрибутами. В России же и в 1917, и в 1991 годах произошли тяжелейшие разрывы в исторической преемственности, в духовной и нравственной целостности народа, был разрушен, причем насильственно, экономический фундамент государства.

Судьба уготовила для Анатолия Борисовича Чубайса именно такую роль — стать палачом сложившейся за последние 70 лет экономической системы России. Для роли палача особых дарований не требуется. Нужны нечувствительность к чужой боли и способность хладнокровно выполнить те манипуляции, которые предписаны или определенными идеологическими доктринами или чужими рекомендациями. Создание нового экономического фундамента является политической задачей, которая не имеет никакого отношения к развитию страны и благополучию народа. Целого железнодорожного состава не хватит, чтобы загрузить бумажную макулатуру, в которую превратились истошные заклинания тысяч и тысяч экономистов, политологов, журналистов, уверявших, что общественную собственность на средства производства надо уничтожить именно потому, что тогда откроется безграничный простор для свободного расцвета экономики, для быстрого подъема благосостояния народа и т. д. и т. п. Людям говорили об экономике, в то время как речь шла о политике. Там, наверху, никто всерьез не собирался ничего созидать. Там обычно господствуют другие интересы, ориентированные в первую очередь на удержание власти. А для этого надо было разрушить социалистический фундамент экономики, который в случае его сохранения неизбежно отражался бы на политике. Многие исследователи заметили, что всякую разрушительную работу в государстве лучше поручать людям некоренной национальности. Им не связывают совесть узы генетической принадлежности к титульной нации,

они чужды ее истории, духовности. У них иная национальная психология, другая шкала ценностей. Всякий, кто захочет заглянуть в состав первого советского правительства, сформированного после взятия Зимнего дворца, оторопеет от абсолютного, подавляющего большинства в нем нерусских людей. В период перестройки и реформ картина была весьма схожей. Какой русский мог бы так безоглядно и щедро разбрасывать историческое наследие России, как это делал Э. Шеварднадзе, занимавший по недомыслию Горбачева пост министра иностранных дел СССР? Разве мог бы русский высокопоставленный дипломат публично отстаивать мысль о передаче Курильских островов Японии, как это делал Г. Кунадзе, остающийся и поныне, к нашему стыду, на службе у российского правительства?

Мне во время долгой службы за рубежом не раз приходилось встречаться и в дружеской беседе проверять реакцию американцев на «их» иноверцев, оказывавшихся на высоких постах в американской администрации. Помню, как критически оценивали они деятельность Киссинджера и Бжезинского, когда те были специальными советниками президента США по вопросам национальной безопасности. Один из крупных бизнесменов говорил мне: «Я бы предпочел видеть на таком посту нашего веснушчатого парня из Кеннтуки вместо наемных международных выскочек, которые неизвестно на кого работают тайно, а явно только стараются непомерно раздувать свою значимость». Но в США с их короткой историей, миграционным происхождением, эффективной системой контроля над деятельностью государственных чиновников эта проблема не стоит так остро, как в России, где ситуация прямо противоположная. Б. Ельцин, исходя из особенностей задачи по разрушению экономического фундамента, счел возможным поручить ее также нерусскому человеку — А. Чубайсу, согласившись с предложением последнего дать ему в заместители немца Альфреда Коха, получившего впоследствии кличку Приватизатор-2 и «прославившегося» чудовищными, оскорбительными высказываниями в адрес России и ее народа в одной из американских

газет в конце 90-х годов. Безусловно, таким людям проще проводить любой, даже самый жестокий, эксперимент, выполняя политический заказ. А заказ был элементарно прост: в кратчайшие сроки создать класс частных собственников, который мог бы стать социальной опорой новой политической власти. Заказ этот теоретически был оформлен уже давным-давно, еще в годы холодной войны, когда вся американская государственная машина была запрограммирована на борьбу со всеми формами общественной собственности в любом уголке мира, ибо таковая рассматривалась как почва для произрастания коммунистической идеологии. Вся система помощи, займов и любых форм сотрудничества ориентировалась на поддержку частной инициативы, частной собственности, которая рассматривалась как естественная союзница США, где бы она ни находилась.

В пику американцам Советский Союз исходил из противоположной посылки теоретического характера, гласившей: «Чем сильнее будет в той или иной стране государственный сектор в экономике, тем ближе будет эта страна к СССР». Когда Советский Союз принимался за такие крупные проекты как Асуанская плотина и гидроузел в Египте, металлургический комбинат в Бхилаи (Индия), то общее направление мысли у тогдашних хозяев Кремля сводилось к тому, что, создавая крупную промышленность в странах третьего мира, мы тем самым создаем там новый класс — пролетариат, который является естественным союзником социалистического содружества. А то, что крупная промышленность всегда будет в государственной собственности, — это подразумевалось само собой. Вот так выглядел приведенный к общему экономическому знаменателю вой и скрежет холодной войны. Это был простейший бином: частная собственность против государственной (общественной) собственности.

Следовательно, чесоточный зуд проведения немедленной политики разгосударствления собственности в России являлся чистейшим рудиментом холодной войны, ибо соответствовал давным-давно известным фундаментальным стратегическим

установкам США. Совершенно правомерно сделать вывод, что и заказ на «дикую приватизацию» был сделан из США. Если Б. Ельцин оставил, как положено, записи содержания своих бесед с американскими государственными деятелями и если эти записи не будут уничтожены по соображениям собственной безопасности перед историей, то при исследовании их, нет сомнения, обнаружатся прямые и энергичные наставления американских учителей немедленно приступать к приватизации государственного имущества. Русским людям, гражданам России, не надо говорить, что сам Б. Ельцин не был генератором никаких идей или мыслей. Просто потому, что его интеллектуальный багаж стратегического назначения столь ничтожен, что его величиной можно пренебречь. Мы здесь не говорим о его тактической изворотливости, недюжинной воле, определенной харизме, которыми он в полной мере пользовался, чтобы удержаться у власти в стране в течение десяти лет. А. Коржаков вспоминал, что Б. Ельцин не раз обрывал Е. Гайдара, который при докладах начинал оперировать экономическими категориями вроде «макроэкономика», «фондовый рынок» и т. п., говоря: «Брось ты, Егор Тимурович, свое умствование, говори нормальными словами по жизни». Чего стоит одно его публичное выступление перед всей страной буквально за несколько дней до катастрофического дефолта в августе 1998 г., когда Б. Ельцин уверял своих подданных, что «все хорошо, прекрасная маркиза» и нет никакой угрозы финансового кризиса. Вряд ли он сознательно обманывал россиян, он просто ничего не понимал в реальном положении дел в экономике и финансах страны и, не отдавая себе отчета, делал подобные заявления по просьбам и подсказкам придворных кукловодов. Вот и получается, что сам Б. Ельцин не мог породить идею «дикой приватизации», Б. Чубайс в «дореволюционное время» даже не интересовался этой идеей, других претендентов на авторство этой затеи в России не объявилось. Значит, семена сей напасти занесены политическими ветрами из далеких заморских стран, оттуда когда-то дополз до России колорадский жук. Сама по себе приватизация госу-

дарственного имущества как метод повышения эффективности национальной экономики известна в мире очень давно. В Англии приватизировали в свое время угольную промышленность, во Франции — ряд крупных машиностроительных комплексов, которые в военные и первые послевоенные годы были национализированы. В Мексике, Перу, Аргентине государственная собственность также в определенных условиях поступала на торги и переходила в руки частных лиц. Ни само слово «приватизация», ни содержание этого процесса не вызывали острой аллергической реакции в обществе, не разрушали национальное единство. Даже левые и патриотические силы спокойно относились к процессу разгосударствления. Никого не раздражает приватизация, проходящая в Китае. Российская общественность даже и не заметила, как происходила приватизация в восточноевропейских странах, еще вчера бывших нашими социалистическими союзниками. Почему-то только российский вариант перехода к частной собственности оказался разрушительным в экономическом и катастрофическим в социальном отношении.

Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев приватизации в зарубежных странах сначала четко выстраивается правовая основа и только затем начинается сам процесс. У нас такой основы не было, и, как вскоре выяснилось, она никому не была нужна. В условиях отсутствия законов легче совершать любые беззакония. Закон можно временно заменить президентским указом: он имеет законодательную силу именно при отсутствии соответствующего федерального закона. Указ президенту может подсунуть либо дочка Таня, либо личный летописец Валя, и — вперед, заре навстречу, товарищи-приватизаторы. А закон надо вносить в Государственную думу, где в него вцепятся коммунисты, аграрии, конкуренты из своей собственной социальной среды, вроде «яблочников», потом подключатся журналисты, заработают демагогические рычаги и будут пилить, строгать, утюжить, шкурить, полировать его, пока он не не приобретет приемлемые для всего общества содержание и

форму. Ни президент, ни правительство не были заинтересованы в формировании правовой базы приватизации по понятным причинам: кто же станет сам на себя надевать кандалы? А вот почему Государственная дума и ее предшественник Верховный Совет РСФСР не озаботились этой задачей — останется загадкой надолго. Здесь, видимо, сказала свое убедительное слово коррупция.

Когда в зарубежных странах осуществлялся сам приватизационный процесс, то соблюдались определенные и довольно жесткие правила. Во-первых, он проходил непременно под контролем общественно-политических сил: создавалась комиссия из представителей всех действующих в стране политических партий, представленных в парламентах.

Во-вторых, проводилась обязательная оценка приватизируемого имущества по действующим на момент приватизации рыночным ценам, для чего привлекались независимые, а если требуется, и международные эксперты.

В-третьих, устанавливалась очередность поступления на торги приватизируемой собственности. Как правило, в первую очередь выставлялись на продажу наименее прибыльные предприятия или объекты. До их реализации другие объекты на аукционы не шли. Это напоминает старое народное правило: до выдачи замуж старшей дочери уважающая себя семья отказывает всем женихам, претендующим на руку младшей или младших дочерей.

В-четвертых, на конкурсные аукционы допускались наряду с местными инвесторами также и иностранные вкладчики капиталов, с тем чтобы конкуренция была честной и объективной и максимально страхованной от сговора.

В-пятых, каждый участник торгов обязан был представить в конкурсную комиссию не только записочку (секретную) с указанием суммы, которую он готов заплатить за тот или иной объект, но, главное, план реконструкции или расширения предприятия. Любой претендент обязывался не сокращать количество рабочих мест на приватизируемом предприятии.

В-шестых, четко оговаривалось целевое использование средств, вырученных за приватизируемое имущество. В известных мне случаях такие средства шли на погашение внешнего долга страны или на стабилизацию национальной валюты. Не допускалось безадресное зачисление сумм в бюджет.

Наверное, эти шесть базовых правил для цивилизованной приватизации и объясняют тот феномен, что разгосударствление имущества в других странах не ведет ни к каким негативным последствиям ни в экономической, ни в социально-политической жизни. Если же мы посмотрим в свете этих общепризнанных требований на наш российский опыт, то легко увидим, что у нас не соблюдалось ни одно из этих канонических правил нормальной капиталистической приватизации. Наши приватизаторы делали все как раз наоборот. Недаром А. Чубайс назвал свою книгу (она, правда, написана несколькими авторами, но издана под его общей редакцией) именно «Приватизация по-российски»[1], подчеркивая ее уникальную специфичность. В подтексте же можно прочитать что угодно.

Ни сам А. Чубайс, ни один из его соавторов — основных организаторов приватизационного процесса в России (А. Кох, П. Мостовой, М. Бойко и пр.) — ни единым словом не упоминают о своих связях с американскими исследовательскими центрами и государственными учреждениями, откуда они получали консультации, советы и рекомендации. Многие в России знали, что в аппарате А. Чубайса всегда работали американские «эксперты», имевшие доступ ко всей информации и трудившиеся в кабинетах правительственных структур, но «демократическая» пресса стыдливо отворачивала глаза от этого неприличия. Разоблачения пришли из самих США, но уже значительно позже, в 2000 году, когда там в пылу очередной предвыборной президентской кампании республиканцы выболтали правду. Выяснилось, что в 1991 г., когда в России произошли известные события, в США при Гарвардском университете был создан так

[1] Чубайс А. Б. «Приватизация по-российски». М., 1999 г. Изд. Вагриус.

называемый Институт международного развития, который и стал на долгие годы центром управления российскими процессами с далеких американских берегов. Институт был создан в результате переговоров, которые вели Анатолий Чубайс, Егор Гайдар с российской стороны и Андрей Шлейфер, Джеффри Сакс — с американской. Их объединяло, кроме того, что все они были евреями, непомерное честолюбие и неукротимая жажда личного обогащения. Но веревочка не заканчивается на Гарвардском университете. Андрей Шлейфер — гражданин США, хотя он родился в Москве и в подростковом возрасте выехал вместе с родителями в Америку, давно поддерживал тесную дружбу с министром финансов США Лоуренсом Саммерсом (в период президентства Клинтона), который был его учителем и наставником в Гарварде. Неудивительно, что Андрей Шлейфер стал руководителем Института международного развития и практически без конкуренции выиграл государственный контракт в 57 млн долларов на управление денежной помощью России. Надо только знать, что его учитель Лоуренс Саммерс в то время как раз и распределял от имени американского правительства всю помощь иностранным государствам по линии развития. Вот так и сложилась целая цепочка кукловодов: Саммерс руководил Шлейфером, Шлейфер — Чубайсом, а Чубайс — Ельциным. У Саммерса и Ельцина цели были, разумеется, преимущественно политические, а вот середина цепочки Шлейфер — Чубайс руководствовалась честолюбивыми и шкурными интересами. Им очень нравится выглядеть в глазах окружения, широкой общественности вундеркиндами, кудесниками экономических трансформаций, трудоголиками, человеками-компьютерами. Шлейфер с университетской скамьи поднимает волну в прессе вокруг своей гениальности и все время ищет, кто бы согласился выдвинуть его кандидатуру на получение Нобелевской премии. Под стать ему и А. Чубайс, из которого «демократическая» печать без устали много лет лепит образ выдающегося управленца, гения избирательных кампаний, виртуоза дипломатических переговоров с международными финансовыми организациями и т. д. и т. п. «Сладкая пароч-

ка» Андрей Шлейфер — Анатолий Чубайс, конечно, имела свои команды. Кто в них входил с нашей стороны, мы уже называли, а вот правой рукой Шлейфера был Джонатан Хей, почти постоянно находившийся в Москве. Когда эта братва получила доступ ко всей информации, касавшейся российской экономики и финансов, она просто захлебнулась от слюны при виде такого сладкого и ничем не защищенного пирога. Американские подельники сразу же привлекли к российским проектам своих жен — Нэнси Циммерман (супруга Шлейфера) и Элизабет Хеберт, которые были профессиональными финансистами и активно занялись созданием неких «инвестиционных фондов» в России.

Аферисты развернулись во всю мощь своих подлых душ. Элизабет Хеберт, не выходя из кабинета, создала фонд под названием «Паллада». В фонде не было ни гроша, у аферистки не было ни репутации, ни рекомендаций, но по мановению волшебной палочки Чубайса она выиграла крупный контракт российского правительства на право работы с деньгами Фонда защиты инвесторов. А в этот фонд отчислялось 2% от аукционной цены приватизируемых предприятий плюс частично кредиты Всемирного банка. Жизнь текла, как у Христа за пазухой, если бы не происки завистливых конкурентов в тех же Соединенных Штатах. Руководство Гарвардского университета получило в 1997 г. информацию о том, что влиятельная газета крупного капитала «Уолл-стрит джорнэл» готовит скандальную публикацию о похождениях и проделках в России чубайсовских дружков Шлейфера и Хея, которые использовали деньги американского правительства для собственных инвестиционных проектов в России.

Если чубайсовская компания страдает явным синдромом дефицита совести, то академические круги США, слава Богу, еще не растеряли ее. Тогда и было принято решение об увольнении Шлейфера и Хея из Гарвардского университета, правительство США, в свою очередь, приостановило кредитование Института международного развития. Без государственных денег и сам институт вскоре прекратил свое существование. Министер-

ство юстиции США возбудило уголовное дело против Шлейфера и Хея. Три года шло расследование, и 26 сентября 2000 г. федеральная прокуратура США предъявила официальное обвинение двум главным советникам Чубайса в том, что они использовали государственные средства в целях личного обогащения и пользовались закрытой российской информацией для сколачивания личного состояния. Не нужно иметь никакого ума, чтобы, например, спекулировать на наших ГКО, заранее зная, как будет меняться их курс. Простое нажатие клавиатуры на компьютере, и вы кладете в карман сотни тысяч долларов. Но к этой простоте можно было получить доступ, только если вы являлись советником и консультантом Анатолия Борисовича. Сам Чубайс, как только узнал о разразившемся в США скандале, сразу заявил, что он разрывает отношения с Гарвардским университетом, что он знать ничего не знает. Врать для него — дело привычное.

Прости меня, читатель, за столь долгое отступление от главного стержня повествования — истории российской приватизации. Но мне казалось, что без знания того, откуда и кто руководил нашей приватизацией, многое было бы непонятно в характере процессов, происходивших в России. Кстати, кем же был Чубайс до того момента, когда он выскочил, как черт из табакерки, и впился в холку российской экономике. Сам он выходец из семьи военного политработника (у Е. Гайдара отец тоже был военным политработником), воспитывавшего преданных социализму защитников родины. Когда отец Чубайса заканчивал Военно-политическую академию им. Ленина, он написал дипломную работу на тему «Полная и окончательная победа социализма в СССР — главный итог преобразующей деятельности партии и народа». Анатолий Борисович не лукавит, когда пишет: «Именно эту тему отец вдохновенно развивал на своих лекциях, будучи преподавателем научного коммунизма в военном училище. О победе социализма он говорил искренне и душевно, курсанты к нему относились всегда с большой тепло-

той». Так ли это было или нет, но для нас остается непреложным фактом, что именно в семье жгучих комиссаров вырастали сыны снискавшие себе славу столь же жгучих антикоммунистов. Старший брат Анатолия Борисовича Игорь Чубайс, работающий сейчас на кафедре философии Академии театрального искусства, еще в 1968 г. выходил на городскую площадь с чехословацким флагом в руках, протестуя против акции стран Варшавского пакта. Он был исправным слушателем вражеских «голосов» и часто вел с отцом политические дискуссии за домашним столом. Про себя Анатолий Борисович скромно пишет, что разумом был на стороне старшего брата, а вот душою лепился к отцу — человеку вроде бы искреннему и прямому. Внутренний антикоммунизм или раздвоенность вовсе не стали препятствием для вступления обоих братьев со временем в ряды КПСС. Они тоже хотели быть в первых рядах строителей коммунизма. Но если старший брат, большой экстраверт по натуре, был исключен из КПСС в 1990 г. за раскольническую деятельность (он стал одним из «отцов-основателей» так называемой «Демократической платформы в КПСС»), то младший тихонько и бесконфликтно дождался того момента, когда партия коммунистов растворилась сама собой. И хотя в 1990–1991 гг. он примыкал к «Демократической платформе в КПСС», но громко говорил о том, что его не интересует чисто политическая деятельность, отказывался баллотироваться в народные депутаты РСФСР.

В советские годы Анатолий Чубайс жил обычной жизнью рядового интеллигента. Окончив Ленинградский инженерно-экономический институт им. Тольятти, он в 1977 г. остался в аспирантуре этого же учебного заведения. За 13 лет черепашьим шагом добрался до ученой степени кандидата экономических наук и доцента ЛИЭИ. Но, будучи человеком беспокойным и честолюбивым, создал кружок молодых экономистов, которые стали повнимательнее изучать опыт Югославии и Венгрии, где имело место невероятное переплетение элементов социализма

и рыночной экономики. К середине 80-х годов он установил контакты с московскими экономистами-единомышленниками, во главе которых стоял Егор Гайдар, уже привлекавшийся Старой площадью к написанию кое-каких разработок. Разумеется, эта работа шла бы ни шатко, ни валко, если бы не политические перемены в стране. На выборах в местное Законодательное собрание 1990 г., проводившихся в Ленинграде на многопартийной, демократической основе, коммунисты потерпели полное поражение. Победившие «демократы» выдвинули А. Чубайса на пост заместителя председателя исполкома Ленсовета и поручили ему возглавить комиссию по экономической реформе. Вот тут он познакомился с А. Собчаком и стал его верным помощником. Они вместе отчаянно пробивали идею создания особой экономической зоны в Ленинграде, эдакой стены, чтобы отгородиться от остальной гибнущей России. Слава Богу, что эта идея так и не получила своего претворения в жизнь. Начавшиеся драчки в ленинградской «демократической» элите привели к тому, что А. Чубайс был оттеснен на незаметную роль советника по экономическим вопросам мэра города, на которой и застал его август 1991 г.

В Москву он перебрался практически сразу же после переворота, в сентябре 1991-го. Пригласил его в столицу Егор Гайдар, которого Б. Ельцин и И. Силаев привлекли к разработке экономической программы нового правительства. Так начал складываться костяк «младореформаторов», которых стали называть «командой младших научных работников» и «гарвардскими мальчиками» (имея в виду их связи с упоминавшимися научно-исследовательскими центрами США). Во всех этих прозвищах-названиях сквозит почти единодушное мнение, что к экономическому реформированию страны были допущены люди, обладавшие только теоретическими представлениями о путях возможной перекройки народного хозяйства, мыслившие преимущественно макроэкономическими категориями, не имевшие никакого практического опыта управления экономикой. Добавим к этому, что у них не было и никаких собственных

научных трудов концептуального характера, известных хотя бы в академической среде СССР или России. Это были действительно темные лошадки, выбранные в качестве волюнтаристской альтернативы всей имевшейся в стране научной и хозяйственной элите.

7 ноября 1991 г., в день 74-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, указом Б. Ельцина А. Чубайс был назначен председателем Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом в ранге министра РФ. Мне тогда вспомнились строки из «Конька-Горбунка»: «И в два мига, коль не в миг, наш Иван воров настиг». Именно с такой же прытью вчерашний экономический советник ленинградского мэра стал хозяином-распорядителем колоссального природного и созданного поколениями людей богатства России.

Правительство «реформ», которое фактически возглавил Е. Гайдар, стало готовить первое крупное приватизационное мероприятие — изъятие у населения денежных сбережений, хранившихся в основном в сберегательных кассах. Отобрать эти суммы принудительным, административным путем, понятно, не представлялось возможным. Народ встал бы на дыбы. А вот обнулить все сбережения, превратить их в пыль можно было путем инфляции, спровоцировать которую было элементарно просто путем снятия всякого государственного контроля над ценами и введения в указном порядке «свободного рынка». Трудно себе представить более вопиющий цинизм новой «демократической» власти, которая провозглашала в качестве основополагающего принципа священность и неприкосновенность частной собственности и в то же время начала свою работу с национализации денежных средств граждан России. 300 млрд конфискованных у населения рублей были глубокой пробой на способность людей к сопротивлению. Ограбленные граждане не сопротивлялись, они просто плакали от бессилия.

Изъятие у населения всех его денежных накоплений решило для команды реформаторов одну из важнейших задач, о ко-

торой чаще всего забывают исследователи этого периода. Изъятие путем аннигиляции денежных средств у рядового гражданина лишало его всяких платежных ресурсов, он автоматически исключался из числа будущих участников аукционов приватизируемых предприятий.

Е. Гайдар больше всех усердствовал, чтобы найти хоть какие-то оправдания для стопроцентного обесценивания банковских сбережений граждан. Он все время кивал в сторону бывшей советской власти, напирая на то, что деньги были уже фактически нуллифицированы, ибо под них не было товарного обеспечения, уже давно шла инфляция и т.д. В его оправданиях, кроме стремления найти политическое алиби, видно и убогое экономическое образование. Уж он-то, исполняющий обязанности премьер-министра, должен был знать, что весь объем денежных средств населения, хранившихся в сберегательных кассах, использовался Советским государством в инвестиционных целях. Иначе говоря, эти капиталы были вложены в заводы, газо- и нефтепроводы, жилищное и коммунальное строительство и т.д.

Позже, в 2000 г., другой видный финансист демократической эпохи — Михаил Задорнов, занимавший пост министра финансов, но большую часть времени возглавлявший различные финансовые комитеты Государственной думы, отвечая на вопрос о судьбе «украинских вкладов», ответил журналистам так: «Деньги вкладчиков давно ушли через бюджет в инвестиции, и реальных активов под ними не было»[1]. В этой фразе соединены правда и ложь в равной пропорции. С одной стороны, он признает вместе с нами, что сбережения граждан «ушли через бюджет в инвестиции», а с другой — легкомысленно, по-гайдаровски неграмотно, утверждает, что «реальных активов под ними не было». Ведь самая элементарная логика подсказывает, что если деньги ушли в инвестиции, то они и стали реальными активами.

---

[1] Журнал «Российская Федерация сегодня» № 21 за 2000 год.

Вывод однозначен. Банковские сбережения российских граждан в 1991 г. имели материальную форму государственных инвестиций, т.е. стали частью государственного имущества. А коли так, то все вкладчики имели право на свою долю в этом имуществе в размере, соответствующем их денежному вкладу. Они должны были быть первыми среди возможных, потенциальных участников приватизационного процесса, но не были допущены к аукционам. Единственные законопослушные граждане, владельцы пусть рассеянного, но в совокупности весьма значительного легитимного капитала, были изгнаны из экономической жизни страны. Их имущество в размере 300 млрд старых советских рублей было просто-напросто присвоено затем «новыми русскими», скупившими основную часть промышленных и иных предприятий страны. Ни в одну «демократическую» голову не пришла простейшая мысль компенсировать бывшие банковские вклады граждан пакетами акций приватизируемых государственных предприятий. Поразительно, что и наша структурная левая оппозиция почему-то пропустила мимо ушей такой, казалось бы, очевидный вариант.

Нелишне напомнить, что новая власть объявила себя правопреемницей старой. Новое государство — Российская Федерация выступает как правопреемница бывшего СССР, Б. Ельцин и его правительство заявили о том, что они признают все внешние долги СССР и будут исправно обслуживать их. И до сих пор Россия из кожи вон лезет, чтобы держать марку уважающего себя должника. А вот к собственному народу не было проявлено ни грана уважения: сбережения граждан, размещенные в государственных банках, по всем законам являются внутренним долгом государства и отношение к внутреннему долгу должно быть равнозначным с внешними долгами. В США, например, внутренний долг значительно больше внешнего, но ни одному правительству не придет в голову просто отказаться признавать внутренний долг. Оно было бы просто сметено народным возмущением.

В составе Государственной думы работал до 1999 г. депутат

от либерально-демократической партии (жириновец) Владимир Александрович Лисичкин — доктор экономических наук. Он много занимался вопросами приватизационной политики 1992—1997 гг. и даже написал небольшую книжицу под названием «Черная приватизация», изданную, правда, крошечным тиражом — 1000 экземпляров. Так вот он сравнивал действия российских приватизаторов с пиратским разбоем, бушевавшим в Новом Свете в XVI—XVIII веках. Тогда «приватизаторами» называли корсаров или каперов, которые получали от английских, французских или голландских монархов документ на право разбоя на воде и на суше в испанских колониальных владениях. Этот документ назывался либо «каперский патент» либо «приватизационное свидетельство», и он давал право «приватизировать все, что доступно в Новом Свете». Это сравнение недалеко от истины, ибо правовые основания для разбоя были такими же хилыми, а поле для грабежа практически безбрежным.

Сузив максимально число вероятных претендентов на государственную собственность путем обесценивания банковских вкладов граждан, младореформаторы взялись и за ту относительно небольшую часть населения, которая уже имела доступ к управлению предприятиями, была носительницей профессиональных знаний и управленческих навыков. Речь идет о директорском корпусе, инженерно-технической интеллигенции и наиболее активной части рабочего класса. Они все больше втягивались в частнособственническое предпринимательство на основе «полного хозяйствования» и «аренды с выкупом». И вот тогда А. Чубайс объявляет уже проводившийся медленными темпами по китайскому образцу процесс разгосударствления «стихийной приватизацией». По его словам, «это было разворовывание общенародной собственности. Но это разворовывание не было нелегальным, потому что легальных, законных схем разгосударствления не существовало». Подумать только, А. Чубайс в роли блюстителя общенародной собственности! Как бы не так! Его раздражало, что плодами приватизации пользовались другие слои, группы населения, которые он определяет как

«партийные, директорские, региональные и отчасти профсоюзные элиты». Чубайс в своем разоблачительном угаре даже сочувствует трудящимся, трудовым коллективам, чьим именем прикрывалось тогдашнее начальство. Совершенно очевидно, что оставлять собственность пусть в частных, но в тех же постылых «совковских» руках было нельзя. Надо было создавать новый класс собственников, не связанных никакой пуповиной с прежним строем, создавать из людей, давно враждебно относившихся к советской системе или внутренне конфликтовавших с ней. Очередь тех, кто ожидал своего куска от упавшей в руки добычи, была весьма велика. По всей стране на разных уровнях насчитывалось 800—900 тыс. относительно активных «демократических» функционеров, т.е. лиц, исполнявших те или иные властные полномочия. Несколькими годами позже А. Чубайс публично признается, что тогда было возможно и целесообразно обменять власть на собственность. В советское время ни один даже очень высокопоставленный партбюрократ не мог обзавестись собственностью, приносящей доход. Дети Хрущева, Брежнева, Андропова и т.д. зарабатывали свой хлеб в качестве писателей, профессоров, чиновников. Я уж не говорю о министрах, генералах, руководителях экономики. Дальше социалистического треугольника: «квартира, дача, машина» их благополучие не простиралось. Иное дело «демократические кадры». Они сразу же выстроились на предмет получения своей доли трофеев. Удовлетворить всю эту достаточно прожорливую публику можно было, только допустив к приватизационному процессу.

В период противостояния «коммунистов» и «демократов» на стороне последних решительно и последовательно выступали все обладатели тайных капиталов (представители теневой экономики, расхитители государственной собственности в крупных размерах, торговые мошенники — пересортица, усушка-утруска и пр.), оказывавшие немалую финансовую помощь «демократическим» силам, связывая их грядущую победу со своим выходом из финансового подполья. Плечом к плечу с ними стояли еще не слишком густые, но решительные когорты

молодых предпринимателей — организаторов и лидеров кооперативного движения. В те годы слова «кооператив» и «кооператор» служили только прикрытием для заурядной частнопредпринимательской деятельности и были забыты практически сразу, когда отпала нужда в светомаскировке. На средства этих людей размножалась вся пропагандистская литература, изготовлялись атрибуты митингов и демонстраций (знамена, плакаты, значки, портреты и т.д.), заказывались стихотворные текстовки, покупалась множительная и звукоусилительная аппаратура. Кто-то кормил горячими пиццами сидельцев на баррикадах около Белого дома в августе 1991 г., бесплатно раздавал горячительные напитки. В те же дни на Лубянской площади из канистр в пластиковые стаканчики участникам митинга наливали водку — и все даром. Всю эту закулисную публику тоже надлежало отблагодарить по заслугам.

И творческая интеллигенция — самая горькая часть российского общества, несамостоятельная в своих взглядах, неустоявшаяся в морально-нравственных критериях, скорее склонная к сервильности власти, чем к естественной для нее роли полного достоинства оппонента, — ожидала, встав на задние лапки, своего кусочка сахара за исполненное цирковое представление в виде публичного сжигания своих партийных билетов.

Рядом с этими социальными группами стояли и преступные группировки, состоявшие из обыкновенных уголовников, которые существовали во все времена государства российского, но при советской власти пробавлявшихся мелкими грабежами. Добытых ими средств хватало на малиновую жизнь, но недостаточно было для приобретения частной собственности. С началом перестроечных реформ перед вчерашними урками открылись бескрайние горизонты. Появились «группировки»: «солнцевские», «долгопрудненские», «люберецкие». Это в Москве. А сколько их высыпало на поверхность в провинции? Это ведь из них вышел Анатолий Быков, алюминиевый король Красноярска, с которым годами не могла справиться российская подслеповатая Фемида.

Вот из этих людей предстояло создать в короткий срок, в историческое мгновение, новый класс собственников. Если пользоваться старой терминологией — класс буржуазии, которой не было в России в течение последних 70 с лишним лет.

Работа по подготовке новой приватизационной политики велась в бешеном темпе. 29 декабря 1991 г. Б. Ельцин подписал указ, утвердивший «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год». Под разными предлогами новые управленцы старались ограничить число предприятий, которые могли попасть в руки ненавистного им директорского корпуса и стоявших за ним рабочих коллективов. Началась долгая волокита с разделением государственной собственности на федеральную, муниципальную и ту, что оставалась в ведении субъектов Федерации. А тем временем шла подковерная борьба за определение основного русла приватизации. Если суммировать все многоходовые комбинации двух основных политических и экономических сил страны, одну из которых представляли президент Б. Ельцин, его правительство с ключевым звеном в виде ведомства А. Чубайса и иностранных советников (все вместе они отражали интересы новой нарождающейся российской буржуазии), а другую — потерявшие политическую власть, но еще сильные в экономике остатки партийно-профсоюзной элиты, директорский корпус и трудовые коллективы, пользовавшиеся поддержкой Верховного Совета Российской Федерации, то картина сведется к следующему: правительство стремилось к максимально быстрому разгосударствлению экономики, к полной обезличке приватизационных документов (чеков), к максимальному ограничению прав директорского корпуса и рабочих коллективов на приобретение в частную или коммерческую собственность своих предприятий, свободный, ничем не ограниченный доступ к аукционам любых заявителей (без проверки источников имеющихся у них средств). Так уж получилось, что Верховный Совет стал выразителем взглядов политической и экономической оппозиции, так как его депутаты, безусловно, были теснее связа-

ны с прежней советской системой, при которой и проходили выборы его состава, с реальными производителями. Как народные избранники они не могли игнорировать и настроения широких масс. Правительство же проламывало свою линию, опираясь на имевшуюся у него политическую власть и на безусловную поддержку со стороны Запада. Таким образом борьба за огромную тушу социалистического кита, бросившегося на сушу и покончившего с собой, приобрела в политическом контуре форму противостояния между Верховным Советом и президентом России и его правительством.

Любые предложения, так или иначе ущемлявшие свободу доступа к приватизируемому имуществу, для новых русских (так просто удобнее называть конгломерат пришедших к власти групп и слоев, жаждавших оформиться как новый социальный класс) отметались. Так были похоронены предложения о проставке в паспортах граждан специального штампа, который бы свидетельствовал о реально совершенной им покупке части общенародного достояния. Даже не рассматривался серьезно чешский опыт, при котором приватизационные чеки могли обмениваться только на реальные акции предприятий. Равным образом была отброшена идея об именных приватизационных чеках, срок действия которых не имел бы временных ограничений, ибо в этом случае владелец — рядовой гражданин имел бы возможность сориентироваться в новой ситуации и выбрать наиболее правильное для себя решение.

В результате в августе 1992 г. Б. Ельцин подписал указ о введении в России системы приватизационных чеков, открывавшей двери настежь для кавалерийской атаки на бывшую социалистическую собственность. В соответствии с указом каждый гражданин России (независимо от возраста) получал безымянный приватизационный чек с номинальной стоимостью в 10 тыс. рублей, именно в такую сумму произвольно была оценена доля каждого гражданина в общенациональном достоянии страны. А. Чубайс не был бы Чубайсом, если бы не взял с каждого гражданина по 25 рублей за этот клочок бумаги под видом

платы за изготовление и доставку. В прессе была развернута (особенно по телевидению) интенсивная кампания, убеждавшая население в чрезвычайной выгодности этих самых бумажек, сам Анатолий Борисович неоднократно появлялся в эфире и вдохновенно рисовал «светлое будущее» ваучеродержателей. На память грядущим поколениям останутся его уверения, что за каждый ваучер граждане могут со временем получить две автомашины «Волга». В оплате рекламного времени использовались и средства, предоставленные правительством США через известных подельников А. Чубайса. Машина великого обмана завертелась. Людям растолковывали, что они теперь стали собственниками, могут свои ваучеры вложить в ходе чековых аукционов в акции предприятий, стать пайщиками создаваемых чековых инвестиционных фондов, продать ваучер по рыночной стоимости... Забыли только сказать, что за безликий листочек плохо пропечатанной бумаги человек практически отказывается от своего права на долю общественного богатства, ибо никаких практических путей материализации ваучера у него не было.

Ни на какой чековый аукцион владельцев единичных ваучеров или небольших семейных пакетов не допускали. Даже информация о таких торгах не доводилась до сведения населения. Средства массовой информации и особенно телевидение хранили гробовое молчание.

В стране в период проведения тотальной ваучеризации населения свирепствовала инфляция, и, по данным Счетной палаты, реальная рыночная цена одного приватизационного чека не превышала 4 тыс. рублей. Организаторы аферы хладнокровно рассчитали, что в условиях «шоковой терапии» и после проведения ликвидации банковских сбережений обнищавшее население будет в массовом порядке просто продавать за бесценок свои ваучеры. На перекрестках, в переходах станций метро появились молодцы с высоко поднятыми плакатами: «Куплю ваучеры». Они платили наличными по той самой «рыночной» цене, которой едва хватало на неделю голодного существования. В рабочих общежитиях, около проходных промышленных

предприятий толкались такие же личности, предлагая обмен по бартеру «1 ваучер за 1 бутылку водки». Такая установилась пропорция.

Без всякого контроля со стороны правительства в стране расплодились многочисленные так называемые чековые инвестиционные фонды, куда граждане могли прийти и сдать свой ваучер под ничего не значащую расписку никому не известному лицу. Фонды размещались во временно арендуемых помещениях со взятыми напрокат средствами связи. В целом по стране их выросло аж 646 штук. В них аккумулировалось около трети всех выданных ваучеров, но подавляющее большинство из них бесследно испарилось наподобие других мошеннических организаций — типа «МММ», «Русской Селенги», «Властелины» и т.п. Чековые инвестиционные фонды испарялись, практически не вызывая острых протестов со стороны ваучеродержателей, потому что население привыкло к тому, что единственными формами общения между государством и его гражданами были вранье и обман.

Помнится, как молодые пронырливые люди стали энергично обхаживать профсоюзные организации, объединения пенсионеров, детские коллективы, т.е. те структуры, где можно было получить сразу пакеты ваучеров. Пара таких архаровцев выбрала в качестве мишени военнослужащих-отставников. В помещении, которое занимала ветеранская организация Министерства обороны, расположенном на втором этаже здания буквально напротив собора Василия Блаженного, эти молодцы усиленно уговаривали сдать приватизационные чеки в фонд, который они намеревались учредить. Мне довелось представлять на тех собраниях интересы группы пенсионеров — офицеров КГБ. Молодые люди соловьями заливались, расписывая перспективы выгодного вложения, но упорно уходили от ответов на конкретный вопрос, куда и в какие предприятия они думают вложить собранные ваучеры. Ясно было, что им надо было просто забрать наши бумажки. Клянясь в своем искреннем желании освободить пожилых пенсионеров от хлопот по

реализации ваучеров, они с поразительной настойчивостью требовали для себя поста коммерческого директора планируемого фонда с правом подписи всех финансовых документов. Мне была предельно ясна их конечная цель и, публично высказав свою точку зрения, я просто ушел с собрания. Потом мне стало известно, что и в других организациях технология обмана была такая же.

Как бы там ни было, влекомые той логикой, которая вложена в поговорку: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе», люди шли и получали ваучеры, хотя некоторые левые политики и призывали бойкотировать ваучеризацию, не брать ваучеры, не продавать свою совесть за чечевичную похлебку. За период с октября 1992 по февраль 1993 г. было выдано в общей сложности 144 миллиона приватизационных чеков. Если верить статистике правительства, то получается, что 97% населения согласилось принять эту заведомо проигрышную игру. Я сам, как и большинство соотечественников, получил эту бумажку, но, предчувствуя масштабы и глубину аферы, не стал никуда сдавать или продавать свой ваучер и сохранил его как вещественное доказательство всенародного обмана.

Кое-кому удалось выскользнуть из-под ваучерного сапога А. Чубайса и его заморской команды. Вся Москва решительно воспротивилась планам ваучерной приватизации. Вес — экономический и политический — мэра Ю. Лужкова был в то время огромен. Его вклад в победу в августе 1991 года был велик не на словах, а на деле, и Б. Ельцин не мог рисковать его дружбой, тем более что впереди уже виднелись сполохи новых острых конфликтов. У Лужкова была своя команда, обладавшая завидным аппетитом, и он вовсе не собирался отдать свою вотчину на разграбление А. Чубайсу.[1] Между ними разгорелась довольно острая полемика, в ходе которой Ю. Лужков не особенно выби-

---

[1] Тип московского, лужковского, лихоимца незатейлив: он берет взятки за любое бюрократическое содействие в решении совершенно обычных законных имущественных или сервисных операций. Например, по жалобе одного из бизнесменов был арестован руководитель Дирекции единого заказ-

рал выражения, критикуя приватизационный курс Чубайса. Обе стороны понимали, что их критическая несдержанность может стать побудителем общественной активности. По решению Б. Ельцина Россия была отдана на откуп Чубайсу, а Москва оставлена Ю. Лужкову. Конечно, это была основательная зуботычина по самолюбию главного приватизатора, но его подручные нашли слова утешения для своего шефа: «Проигрыш одного сражения не значит поражение в войне. Ты мудро поступил, оставив Москву. Ты достоин славы Кутузова».

Но совсем недавно, уже в 2000 году, я узнал, что не только Москва сумела избежать приватизации по Чубайсу (умеет наша «свободная демократическая» печать мужественно молчать в тряпочку, когда ей скажут), но и, например, Башкирия. Там были приняты свои оградительные меры. Стоимость одного ваучера была определена не в 10 тыс., как в остальной России, а в 40 тыс., что, безусловно, ближе к истинной доле каждого гражданина в общенародной собственности. Чубайсовские приватизационные чеки, по существу, были объявлены вне закона, ибо в соответствии с указом Верховного совета Башкирии они не принимались в качестве платежного средства на территории республики. Все четыре миллиона выпущенных башкирских ваучеров были заложены в компьютеры, и их прохождение через различные аукционы находилось под контролем правительственных органов. В результате ни один из так называемых «олигархов» не смог создать себе надежный плацдарм в экономике Башкирии.

чика по капремонту и эксплуатации жилого фонда Южного округа столицы Владимир Кочетков. Он вымогал крупную взятку за подряд на установку системы уличного освещения в округе. В ходе следственных действий, последовавших за арестом этого муниципального чиновника, выяснилось, что при зарплате в несколько тысяч рублей (200—300 долларов) он имел в Москве трехэтажный особняк с сауной, биллиардной, гаражом с тремя дорогими иномарками автомашин, кроме хорошей трехкомнатной квартиры. В особняке был обнаружен тайник с 70 тыс. долларов, 120 тыс. рублей и кучей дорогих украшений. Кроме того, из изъятых документов видно, что у него на счетах в Швейцарии лежат еще 785 тыс. долларов. И это рядовой муниципальный чиновник, но его поведение — типовая норма. Метастазы тянутся вверх — в префектуру, в мэрию.

В данном случае сыграла свою положительную роль национально-сепаратистская позиция башкирского руководства, воспользовавшегося великодушным предложением Б. Ельцина: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Они рассуждали так же, как и московские воеводы: «Зачем отдавать на разграбление Чубайсу то, что можно прибрать к своим рукам». Но в целом страна оказалась отданной, как военный трофей, на разграбление победителей.

Торопливость приватизаторов перерастала в болезненную лихорадку. Когда им померещилось, что население недостаточно быстро освобождается от выданных ему ваучеров, были приняты административные меры, насилие по изъятию этих бумажек. Объявили, что они имеют свою платежную силу только в течение трех месяцев — до 31.XII.1993 г., после чего будут считаться аннулированными. Надо было поставить какой-то временной предел, за которым должна была начаться распродажа имущества.

Вся ваучерная афера не раз критиковалась в печати. Поскольку приватизационные чеки были помечены только номерами, контролировать которые просто невозможно на территории страны, то никто не скажет, сколько же их было отпечатано всего, куда девались около пяти миллионов чеков, которые так и не были взяты гражданами, протестовавшими таким образом против всей этой затеи. Поступила информация, что ваучеры, однажды побывавшие на аукционах, затем вновь возвращались в оборот. Такие операции могли повторяться неоднократно. Очиститься от этих достаточно обоснованных подозрений можно было бы только одним способом: опубликовав официальные данные о цене, по которой было продано каждое предприятие или иной объект экономической деятельности в ходе чековых аукционов. Тогда было бы просто сравнить стоимость всех эмитированных ваучеров с суммарной выручкой за проданные предприятия. Но делать этого никто на собирался. В целом надо сказать, что вся приватизация — крупнейшая и важнейшая государственная акция 90-х годов прошла при почти полном

замалчивании ее со стороны государственных ведомств, занимавшихся ее осуществлением, прессы, правительственных контрольных структур.

Для проведения в жизнь политики разгосударствления экономики были созданы два основных органа — Государственный комитет РСФСР по управлению государственным имуществом (юридически был образован постановлением Совета министров РСФСР еще в январе 1991 г. и Российский фонд федерального имущества (РФФИ). Госкомимущества был основным органом власти. В его задачу входило составление ежегодных программ приватизации государственного и муниципального имущества (по существу составление списка приватизируемых предприятий), определение круга предприятий, которые не подлежали приватизации по соображениям национальной безопасности либо особой важности для государства. Это ведомство должно было следить, чтобы все действия в ходе приватизационного процесса не выходили за рамки правового поля, имевшегося в стране на тот момент.

Российский фонд федерального имущества выступал в качестве уполномоченного государством продавца этого имущества. Он не имел никакой административной власти и мог только осуществлять сделки купли-продажи. Формально такое разделение полномочий объяснялось желанием сократить, насколько возможно, злоупотребления и коррупцию в процессе передела собственности. Такие же комитеты и фонды, по идее, должны были создаваться и на местах. Под различными предлогами вроде нехватки кадров, недостаточно широкой имущественной базы приватизации и т.д. комитеты брали на себя и функции продавца государственного имущества.

Фонды имущества должны были финансироваться за счет самих сделок купли-продажи. Было предусмотрено, что на их содержание пойдет 2% от сумм, вырученных за продажу государственного имущества. Принимая такое решение, его творцы исходили из того, что таким образом РФФИ и местные фонды будут стараться получать на аукционах максимальную цену, что-

бы обеспечить себе безбедное существование. Госкомимущества получил право финансово поощрять другие государственные структуры за их содействие в деле приватизации, используя для этого фонды, полученные в виде отчислений от продаж.

Такая система создала условия для расцвета коррупции, по показателям которой Россия с тех пор твердо занимает одно из первых мест в мире. А. Чубайс и не пытался оправдываться, он только говорил потом, что, дескать, уровень коррупции в его системе был меньше, чем в других органах государственной власти. Это его привычная реакция: отмахиваться от любых обвинений. Но если учесть, что именно через его ведомство прошли самые гигантские потоки капиталов — практически все имущество второго по богатству государства мира — и что участие в перераспределении этого имущества принимала самая нечистоплотная в смысле законопослушания часть населения, то станет понятным, почему в 2000 г. специальная комиссия палаты представителей США назвала самого Анатолия Борисовича Чубайса наравне с В.С. Черномырдиным главными коррупционерами России.

Поле для коррупции было необъятным, что видно хотя бы из двух фундаментальных обстоятельств. Надлежало определить стартовую цену на продаваемое имущество, и от того, кто ее назначал и из чего он исходил, зависела судьба всей сделки. А. Чубайс и его команда исходили из необходимости установления минимальной стартовой цены на аукционах. Бездоказательно, но невероятно эмоционально они кричали о том, что нет никакой возможности оценить эффективность работы того или иного предприятия, чтобы назначить за него цену. Они отказывались даже от попытки ранжировать предприятия по принципу его прибыльности. За всем этим скрывалось едва закамуфлированное желание продать в первую очередь самые прибыльные, выгодные производства. Поэтому РФФИ назначал аукционную стартовую цену не по параметрам реального капиталистического рынка, а по «остаточной стоимости», т.е. по последним оценкам, проводившимся еще в советские време-

на, когда уровень цен вообще формировался на другой основе и был искусственно занижен. То есть надо прямо сказать, что имущество выставлялось на торги практически задарма. Поскольку в стране круг претендентов на роль владельцев был весьма ограничен, то взятка чиновнику из РФФИ или местного фонда имущества могла существенно повлиять на уровень стартовой цены.

Далее А. Чубайс буквально вырвал у своих оппонентов согласие на то, чтобы восторжествовал заявочный принцип участия в приватизационных аукционах. Кто, дескать, первым подал заявку, тот и стоит в первом ряду на аукционе, а коллективам предприятий было отказано в праве выступать на аукционах в качестве покупателей. Зато аукцион мог быть проведен при любом количестве участников, даже если был всего один претендент. Вот вам и простор для коррупции и преступности. Под любым предлогом: неточность при оформлении документации, пустяшное нарушение сроков подачи заявки, инспирированная в прессе публикация компрометирующего материала и т.д. могли послужить основанием для недопущения к торгам. Угрозами физической расправы или финансового разорения преступные группы добивались от своих конкурентов снятия заявок и ухода с торгов. Иногда выстраивалась цепочка взаимных договоренностей, когда на каждых торгах непременно должен был выиграть определенный клиент, а в ходе самого аукциона разыгрывалась видимость соревнования. Все эти и другие «проделки» были хорошо известны Госкомимуществу и РФФИ, куда поступали многочисленные протесты со стороны проигравших против грязной игры в приватизацию.

Громкие скандалы потрясали Россию и выходили далеко за ее пределы, нанося непоправимый ущерб авторитету страны, подрывая доверие к ней. Например, в конце 1995 года встал вопрос о приватизации нефтяной компании «ЮКОС». Соответствующий аукцион готовился тайно, ибо организаторы торгов сговорились с руководством банка «Менатеп» о том, что эта стабильно преуспевающая нефтяная компания должна была

попасть ему в руки, а часть акций в качестве вознаграждения досталась бы чиновникам из Министерства финансов и РФФИ.

Информация о подготовке аукциона все же не удержалась в кругу заговорщиков и стала достоянием деловых кругов. Тогда три крупных частных банка — «Инкомбанк», «Альфа-банк» и «Российский кредит» — заявили категорический протест против подобных махинаций. Они выразили желание принять участие в торгах, но им уже не хватало времени для оформления соответствующей документации и создания необходимых денежных фондов путем подбора деловых партнеров. Представитель «Инкомбанка» публично обвинил Министерство финансов и «Менатеп» в мошенничестве и потребовал проведения торгов по всем правилам. Организаторам пришлось согласиться на перенос тендера.

Еще больший скандал вызвала в 1996 г. операция с продажей 25% акций крупнейшей в России организации телефонной и телеграфной связи России «Связьинвест». Несмотря на то, что на этот исключительно жирный кусок государственного пирога нацелились все тогдашние олигархи (включая всемогущего, как казалось, Б. Березовского), команда Анатолия Чубайса так «организовала» торги, что покупателем оказался Владимир Потанин, тогдашний владелец «ОНЭКСИМБАНКА», успевший под сурдинку и создать офшорную компанию, формально выступавшую в роли покупателя, и найти союзника из числа иностранных инвесторов. Эта «сделка» вызвала глубокий раскол в среде олигархов, и уж, конечно, не без их помощи через некоторое время в печати разразился невероятно крупный скандал, когда стало известно, что А. Чубайс и его основные подельники — А. Кох, П. Мостовой, Д. Васильев и др. — получили баснословные гонорары, по 80—90 тыс. долларов, за некую, в те дни еще и не написанную книгу о приватизации. А гонорары заплатили через издательство «ОНЭКСИМБАНКА»... Однако чубайсовский караван невозмутимо продолжал свое движение, как будто бы ничего не происходило. Он сам неоднократно говорил: «Нам надо больше наглости».

В своей книге «Приватизация по-российски» А. Чубайс признает: «То, что мы сделали в рамках своей схемы... было своего рода насилием — насилием над естественно идущим процессом стихийной приватизации, над интересами элиты общества (имеется в виду советская парт- и хозноменклатура). Масштаб примененного насилия вызвал дикое сопротивление. Тем не менее нам удалось устоять и свою схему реализовать. А это значит: масштаб нашего вмешательства и примененного насилия был адекватен политическому потенциалу государства, нашим возможностям»[1].

Не последнюю роль сыграла жесткая политическая воля высшего руководителя России. «Мы, — признает А. Чубайс, — опирались на поддержку президента».

Как бы ни старались А. Чубайс и люди из его команды скрыть роль иностранных советников и консультантов в приватизационном процессе в России, утаить правду им не удалось. Мы говорили о главном стержневом канале, который связывал правительство США с российским правительством. С началом массовой приватизации этот канал разросся, получил много разветвлений. Уже упоминавшийся ранее Джонатан Хей (по данным ФСБ, кадровый разведчик ЦРУ) был назначен приказом № 141 по Госкомимуществу начальником отдела иностранной технической помощи и экспертизы. Туда сразу же набились тучи американцев, часть которых была ранее известна российским спецслужбам как разведчики. Общая численность различного рода советников и консультантов достигала 200 человек. Все они размещались в служебных помещениях российских ведомств, пользовались практически всеми видами связи, которые имелись в госучреждениях. 35 человек из их состава имели свободные пропуска для доступа в здание Госимущества и право пользоваться служебной информацией. Петр Мостовой признавался позже, что «в конечном счете мы стали обращаться за помощью к иностранным консультантам исключительно для отра-

---

[1] А. Чубайс. Цит. соч., стр. 34.

ботки технических деталей: сделайте справку, как решается эта проблема в таком-то и таком-то законодательстве, посчитайте, опишите. Например, они написали положение о проведении чековых аукционов: «делай раз, делай два, делай три». Как наставление по стрельбе из пулемета»[1]. В этой фразе у Мостового вскрывается неувязочка. Речь идет не о технических справочках, а именно о наставлениях, т. е. прямых предписаниях, как надо поступать. Кстати, странно, что американцы взялись писать наставления по чековым аукционам, которых в США никогда не было. Это можно объяснить только тем, что роль аукционеров была политической, а вовсе не экономической.

Приказом А. Чубайса от 5 октября 1992 г. в Госкомимущества была создана специальная экспертная комиссия, которой поручено «в обязательном порядке рассматривать все проекты указов президента России, постановлений правительства, распоряжений председателя и заместителей председателя Госкомимущества по поводу определения специфики приватизации в отдельных отраслях народного хозяйства, создания холдинговых компаний и передаче управления предприятиями (пакетами акций в траст)». Заместителем председателя этой комиссии был назначен все тот же Джонатан Хей, в ее состав были введены и еще четыре иностранца.[2] Граждане России, входившие в комиссию, составляли меньшинство, и их голоса не были решающими. Сейчас даже страшно подумать: американцы рассматривали и могли изменить проекты указов президента России и постановления российского правительства. Но при всем этом у США были и другие интересы: получение всеобъемлющей информации о российской промышленности и сырьевой базе страны. Они предложили с помощью своих подсобных рабочих лошадей из команды Чубайса создать Российский центр приватизации, который имел сеть своих региональных отделений от западных до восточных границ России. Формально учредителя-

[1] А. Чубайс. Цит. соч., стр. 70.
[2] В.А. Лисичкин «Черная приватизация», 1997 г. Самиздат. Москва.

ми и хозяевами РЦП были Госкомимущества и Российский фонд федерального имущества, а во главе был поставлен Максим Бойко, хорошо известный американцам, поскольку до 16 лет вообще жил с родителями в США, а затем в конце 80-х годов проходил стажировку в Национальном бюро экономических исследований США, будучи сотрудником Института мировой экономики и мировой политики.

Американцы выделили целевым назначением 116 млн долларов на работу Российского центра приватизации и его региональных отделений. Щедрость США объясняется тем, что РЦП собирал подробную информацию о всех предприятиях региона или отдельной области и оценка их перспективности для приема иностранных капиталовложений. На работу в этот центр брали, как правило, людей, имевших базовую экономическую подготовку, владевших английским языком и желательно прошедших научные стажировки в Соединенных Штатах. В каждом областном или краевом отделении РЦП работали от 3 до 5 таких специалистов с высокими окладами (по 700—1000 долларов в месяц), составлявших подробные паспорта российских предприятий. Вся эта информация, естественно, становилась достоянием американцев. Когда Государственная дума спохватилась и попробовала (только в 1994 г.) получить ответ о работе и о расходах центра, было уже поздно. Информацию возвратить нельзя, а деньги разошлись по карманам команды А. Чубайса. М. Бойко представил «фиговый» листок, в котором только и указал, что он действительно получил из США за период с 1991 по 1994 год 116,6 миллиона долларов, из которых было израсходовано 79,8 млн долларов. Никаких точных документов, удостоверяющих расходы, не было. Осталась безвестной судьба «остатка» почти в 40 млн долларов. Комитет по приватизации Государственной думы безвольно провожал глазами бесконечную череду воровских махинаций, которые были основой всей драматической операции по приватизации российских богатств.

Нет сомнения, что президент Б. Ельцин получал со всех сторон сигналы о практически бесконтрольном самоуправстве

А. Чубайса и его команды вкупе с американскими советниками в российской экономике и однажды даже попытался оздоровить ситуацию в Госкомимуществе. В конце 1994 г. он претворил в жизнь очередную «загогулину». Находясь в поездке по Дальнему Востоку, он заехал в Амурскую область, где его принимал недавно испеченный губернатор Владимир Полеванов — личность во многих отношениях примечательная и нестандартная. Он произвел на вчерашнего партократа сильнейшее впечатление. В. Полеванов всю свою молодость провел на крайнем Северо-Востоке, на Колыме, занимаясь геологической разведкой новых золотоносных площадей. Затем работал на Полярном Урале и островах Северного Ледовитого океана. Чистейший русский человек, женатый на кубанской казачке, работавшей картографом в его экспедиции. Он был крут и справедлив, как полагается сибиряку-дальневосточнику. Прямо как в фильмах и литературных произведениях. Полеванов вырвался на политическую арену после кровавых событий 3—4 октября 1993 г. Будучи председателем геологического комитета Амурской области, он выступил против «двоевластия» в стране и решительно поддержал Б. Ельцина в его конфронтации с Верховным Советом. Этот шаг был вознагражден назначением на пост главы администрации. Новый губернатор разогнал местный областной совет, но и к «демократам» относился с большим подозрением, не допуская их к кормушке. Вот такая политическая независимость, незаангажированность, сильный характер привлекли внимание Б. Ельцина, и он в одночасье, росчерком пера, назначил Владимира Павловича Полеванова вице-премьером российского правительства и руководителем Госкомимущества вместо постылого А. Чубайса. Трудно себе вообразить, что в эти дни творилось в чубайсовском крысятнике. В кабинет начальника пришел человек, у которого за плечами было, как он сам выражался, «12 колымских и 6 магаданских лет», обладавший несокрушимой верой в открытую правду, честность и прямоту поступков. Он понятия не имел о подковерных играх в столице, о засилье чубайсят, о прикормленных, на-

глых американцах. Первое, с чего он начал: отобрал пропуска у иностранцев на вход в правительственные учреждения системы Госкомимущества, что вызвало эффект, равный взрыву протуберанца на Солнце. Никто раньше в администрации Б. Ельцина не позволял себе такого в отношении граждан США.

Первый же пакет документов об очередной приватизационной затее (речь шла об изъятии из ведения государства Сахалинского морского пароходства, которое обеспечивало в течение многих лет так называемый северный завоз) был остановлен В. Полевановым, который не мог добиться от инициаторов акции ответа на вопрос, кто и как будет в дальнейшем обеспечивать жизнедеятельность городов и поселков Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Находясь еще в дурмане «демократических» грез, новый начальник Госкомимущества попросил аудиенции у своего предшественника А. Чубайса, который к этому времени был назначен первым заместителем председателя правительства РФ и формальным куратором своего бывшего ведомства, В. Полеванов открыто, но в доверительном порядке рассказал о своих впечатлениях по первым неделям работы, о том, что он успел ознакомиться с материалами российских спецслужб по практике приватизации, изучил опыт приватизации в бывших социалистических странах Восточной Европы и приходит к выводу: разгосударствление экономики в России носит антигосударственный и антинародный характер. Полеванова чуть не выгнали из кабинета.

Этот разговор был, по существу, последним идеалистическим вздохом В. Полеванова. Будучи человеком проницательным, он понял все. Он был упакован, как сосиска в хот-доге. Сверху над ним были Чубайс и Черномырдин, а снизу — весь созданный А. Чубайсом аппарат, питавшийся американскими деньгами и наставлениями. Заместители стали действовать в обход своего нового начальника, о чем немедленно дали знать губернаторы, перепроверявшие распоряжения из Госкомимущества. Пришлось лишить заместителей права распорядительных подписей.

Это вызвало новый всплеск острого недовольства со стороны А. Чубайса, но все-таки Полеванов продолжал бороться, надеясь на поддержку высшего руководства страны. На рубеже 1994—1995 гг. шла война не на жизнь, а на смерть за алюминиевую промышленность России. С присущей ему прямотой В. Полеванов заявил: «Если подтвердятся предположения, что разгосударствление этих предприятий алюминиевых и оборонных отраслей противоречит государственным интересам, возможна их национализация». Было выпущено распоряжение ГКИ о приостановке торговли акциями алюминиевых заводов, чтобы не допустить получения контрольного пакета акций иностранными фирмами. Это было расценено А. Чубайсом как удар ниже пояса. Смириться даже с теоретической возможностью реприватизации было выше его сил. Все условности были отброшены, и началась открытая травля В.Полеванова в «демократической» прессе, на Западе. Проамериканское лобби в России заработало на полных оборотах.

Тогда В. Полеванов решил пойти ва-банк. 18 января 1995 г. он написал письмо тогдашнему премьер-министру В. С. Черномырдину, в котором были подведены итоги приватизаторской деятельности в 1992—1994 гг.

Он показал, что даже главная цель, декларируемая Чубайсом — «формирование слоя частных собственников, содействующих созданию социально ориентированной рыночной экономики» (какие лживые слова) — оказалась недостижимой. Несмотря на то, что за прошедшие два года 60% предприятий стали негосударственными и по отчетам в стране появилось 40 млн акционеров, последняя цифра является блефом, ибо рядовые держатели акций не имеют никакой возможности влиять на управление созданных акционерных обществ. Для этого надо иметь как минимум пакет акций в 10%. Никто или почти никто не получает никаких дивидендов на свои, с позволения сказать, «акции». Продажа акций дает грошовую компенсацию. Никаких новых собственников, которые могли бы стать костяком среднего класса в России, не было создано. Предприятия попа-

ли в руки крайне узкой группы лиц, располагавшей стартовым капиталом в виде скупленных ваучеров.

Вторая цель — повышение эффективности деятельности предприятий — также не достигнута. И приватизированные, и государственные предприятия работают малоэффективно, так как смена формы собственности сама по себе не обеспечивает повышения эффективности производства. Для этого необходимо заменить устаревшее оборудование на современное, внедрить передовую технологию, проводить углубленные маркетинговые исследования и улучшать управление. Этот процесс длителен по времени и требует крупных капиталовложений.

Третья цель: социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счет средств, поступивших от приватизации (чисто демагогическая позиция). К ней даже и близко не подошли. За два года приватизационной лихорадки в бюджеты всех уровней поступило всего 1 триллион рублей (по меркам 2000 г. 1 миллиард), что в два раза меньше, чем получено от приватизации в Венгрии.

Четвертая цель: содействие процессу стабилизации финансового положения в Российской Федерации. Никакого намека на оздоровительное влияние приватизации на финансы России отмечено не было. Все эти годы в стране сохранялся огромный дефицит государственного бюджета, равнявшийся в среднем ежегодно 10% ВВП.

Пятая цель: создание конкурентной среды и содействие демонополизации народного хозяйства. Открытие российских рынков для иностранных товаров в эти годы привело к тому, что выпуск продукции машиностроительной промышленности сократился только в 1994 г. на 45%. Половина российского потребительского рынка была потеряна для отечественных производителей. Стремление к демонополизации любой ценой привело к разрушению агропромышленного комплекса, лесной промышленности и очень тяжело сказалось на металлургии.

Шестая цель: привлечение иностранных капиталовложений. В.Полеванов информировал премьер-министра, что поток

иностранных капиталов сократился в абсолютных цифрах, и они совершенно не идут в машиностроение, в строительство, предпочитая главным образом топливно-энергетический комплекс.

И только последняя поставленная цель была достигнута полностью. Она сформулирована следующим образом: «Создание условий и организационных структур для расширения масштабов приватизации в 1993—1994 гг.».

Действительно, к этому времени по всей стране уже была создана сеть комитетов государственного имущества, подразделений РФФИ, начало действовать Федеральное агентство по банкротству и пр. Прожорливая армия чиновников одной рукой загребала неоправданно высокие по российским меркам зарплаты, а другой набивала карманы взятками. Приватизация — это неповторимый медовый месяц для беспринципных проходимцев. Один из моих близких знакомых бизнесменов любил тогда говорить: «Приватизация — это редчайший шанс создать состояние в считанные дни. Он выпадает один раз в столетие, да и то не в каждое. Тут уж не до морали или совести».

Мы подробно останавливаемся на положениях письма Поливанова в силу того, что это редкий документ, написанный вице-премьером ельцинского правительства своему непосредственному начальнику — председателю правительства. Заподозрить его в какой-то политической ангажированности просто невозможно.

Далее председатель Госкомимущества отмечает рост преступности, на которую приватизация подействовала, как канистра бензина на тлеющие головешки костра. Около 2 тысяч преступлений было совершено в прямой связи с разгосударствлением экономики (это только те, что были раскрыты), из них подавляющее большинство приходилось на взятки, скупку акций наиболее рентабельных предприятий иностранными компаниями с нарушением законодательства.

Вообще передел собственности вылился в широкомасштабное сражение, развернувшееся по всей стране, между хищника-

ми всех мастей и оттенков. Среди них были откровенные уголовные элементы и люди пока без судимостей, но готовые действовать без оглядки на законы. 40—50 убийств за одну неделю в промышленно развитых областях (Екатеринбург, Санкт-Петербург, Москва и другие) считалось нормой. Тогдашний председатель Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин, выступая в Думе 18 ноября 1994 г., прямо признал: «Да, идет война, настоящая война, с массовыми убийствами». Спустя шесть лет, уже в 2000 г., первый заместитель министра внутренних дел России Владимир Козлов в интервью «Московским новостям» (№ 44 за 7—14 ноября 2000 г.) признал, что 40% российской экономики криминализировано, т.е. контролируется преступниками. Он сказал: «Все мы в свое время очень сильно упустили момент приватизации. Криминальные группировки буквально разрывают государственную собственность... Чаще всего большинство акций вновь организуемых акционерных обществ принадлежат лидеру организованной преступной структуры или его представителю. Сейчас модно: кто-то из головки этого преступного сообщества находится на Западе, открывает там офшорные компании, а потом это называется «западные инвестиции».

В русском языке тогда появилось новое словечко «беспредел», означавшее как раз торжество уголовного беззакония. Тот же В. Козлов говорил: «Я могу привести просто сотни примеров, когда руководителя предприятия, даже госпредприятия, «заказывает» его заместитель. Когда мужа заказывает жена. Человеческая жизнь сегодня ничего не стоит. У нас нет каких-либо серьезных рамок порядочности».

Для выявления потенциальных преступников В. Полеванов ставил вопрос о декларировании источников доходов покупателями чрезмерно крупных пакетов акций. Приводился пример, когда одно физическое лицо — Каха Бендукидзе — купил 51% акций такого гиганта, как «Уралмаш». В письме упоминалось имя некоего труженика из далекой Тюменской области Тимофеева Василия Юрьевича (абсолютно никому не известного),

который приобрел 210 млн акций «Газпрома», заплатив за них 2 млрд 100 млн рублей. (Кстати, потом распространился слух, что под фамилией этого самого Тимофеева скрывался не кто иной, как сам Черномырдин. Можете себе вообразить реакцию премьера на такое письмо?)

В. Полеванов отмечает, что общая номинальная величина ваучерного фонда (около 1,5 трлн. рублей) была в 20 раз меньше, чем стоили основные фонды промышленности, пущенные на аукционы. Одна Москва, где приватизация проводилась не по остаточной, а по рыночной стоимости, получила за 20% своих предприятий 1,8 трлн рублей, в то время как доходы по всей остальной России за первые два года приватизации составили всего 1 трлн рублей.

Излишнее обилие статистических данных утомляет читателя, но трагическая реальность российской приватизации лучше всего видна именно в цифрах. Из 500 крупнейших предприятий России большая часть (80%) была продана на аукционах по цене менее 8 млн долларов каждое, 324 завода из этой золотой полутысячи пошли по цене менее 4 млн долларов за каждый. Уже упоминавшийся «Уралмаш» с 34 тысячами рабочих был продан за 3,72 млн долларов, Челябинский металлургический комбинат — за 3,73 млн, Ковровский механический завод, обеспечивавший стрелковым оружием всю армию, МВД и спецслужбы, пошел с молотка за 2,7 млн долларов, Челябинский тракторный завод (54,3 тыс. рабочих) «уплыл» за 2,2 млн долларов.... и т.д. Для сравнения: средняя хлебопекарня в Европе стоит около 2 млн долларов, один цех по разделке леса и выпуску отделочной доски-«вагонки» обходится покупателю в 4,5 млн долларов.

В ходе приватизации сплошь и рядом происходили экономические курьезы. Например, Останкинский мясокомбинат в Москве перед самым началом разгосударствления приобрел новейшее импортное оборудование на сумму более 35 млн долларов, а весь комбинат в ажиотаже приватизации был оценен всего в 3,1 млн долларов.

Не следует сколь-нибудь серьезно принимать во внимание занудливые уверения чубайсят о том, что, дескать, они заботились о наполнении государственного бюджета. Никогда «доходы» от приватизации не превышали и 1% (!) от доходных статей консолидированного федерального бюджета. Никогда задания бюджета по выручке денежных средств от приватизации не были выполнены. Практически шло присвоение государственного имущества задаром, потому в народе вся операция по разгосударствлению получила название «прихватизация».

Любопытно сравнить данные, скажем, по Чешской Республике, где приватизация проводилась примерно в то же время. Там было передано частным собственникам в общей сложности 25 тыс. предприятий (включая и самые мелкие ремонтные мастерские, ателье по пошиву платья, парикмахерские и пр.). В целом казначейство Чехии получило за них 3,2 млрд долларов, т.е. в среднем по 128 тысяч долларов за каждое предприятие. Мы же в среднем за каждое предприятие получили всего по 1,3 тыс. долларов, т.е. в сто (!) раз меньше, чем чешское государство. Вот вам и объяснение, почему именно российское правительство чаще всех правительств на земле повторяет сакраментальную фразу «У нас нет денег!» и почему в нашей стране нет даже подобия социального согласия, а есть нескончаемый кризис.

Под прикрытием приватизационного процесса был нанесен огромный ущерб национальной безопасности нашей страны. В силу острого военно-политического противостояния СССР и США и в результате жестких блокадных мер, введенных западными странами на торговлю и обмен технологиями, которые могут быть использованы в военной технике, развитие военно-промышленных комплексов двух супердержав развивалось самостоятельно и независимо. Усилия разведок обеих стран по добыванию военно-технических секретов соперников лишь в небольшой степени компенсировали этот естественный разрыв двух ветвей гонки вооружений. У нас были разные типы стрелкового оружия, бронетехники, авиации, военно-морских сил, ракетной техники. Это объяснялось и различием стратеги-

ческого планирования применения вооружений, и особенностями вероятных театров военных действий, и многими другими обстоятельствами. Высокая степень секретности всего нашего военно-промышленного комплекса была постоянным раздражителем для США и их союзников. Они готовы были тратить колоссальные средства на получение нужной им информации. В 1991 г. победа в холодной войне, развал СССР и начавшаяся приватизация открыли настежь двери ВПК для разведок США и их натовских партнеров. Наши секреты стали одним из самых лакомых трофеев Запада.

Для проникновения в оборонный комплекс использовалось несколько типовых «отмычек». Во-первых, создавались подставные, зарегистрированные в России предприятия, которые затем на законных основаниях вторгались в приватизационный процесс, захвативший огромную часть оборонного комплекса. Например, уже упоминавшийся выше советник Чубайса Джонатан Хей — гражданин США, к тому же связанный с ЦРУ, — создал подставную российскую фирму «Граникс», с ее помощью купил опытный завод научно-исследовательского института «Графит» и 30% акций Московского электродного завода. Таким образом, он стал хозяином уникального оборонного комплекса, производящего стратегический графит для военного ракетостроения. Будучи уже хозяином предприятия, он отказался выполнять оборонные заказы военно-космических сил России и перешел на обслуживание американских фирм.

В записке В. Полеванова рассказывается и о втором варианте взлома дверей нашего ВПК: «В тех случаях, когда предприятия Российского ВПК включены в перечень объектов, не подлежащих приватизации, зарубежные предприниматели добиваются выделения из их состава структурных подразделений, которые получают статус совместных предприятий и производств. ...Создание при российских оборонных фирмах даже небольших СП предоставит широкие возможности по оказанию влияния на администрацию и последующему получению доступа к имеющимся и разрабатываемым технологиям. На-

пример, голландская фирма «АСМ-Фико» проводит подобную линию по отношению к производственному объединению «Элмаш», а болгарская фирма «Пластхим» и немецкая «ЕОС-2» к производственному объединению «Тантал». Можно не сомневаться, что болгарские и голландские фирмы были не более чем фиговыми листками, прикрывавшими их подлинных американских владельцев.

Мне, всю жизнь прожившему в условиях необходимости сохранения в строжайшей секретности государственных тайн, пришлось испытать настоящий шок, когда я столкнулся нос к носу с американским специалистом, свободно разгуливавшим по цеху, в котором методом центрифугирования получали оружейный уран в одном из сибирских оборонных комплексов.

Я слушал с недоумением свидетельства очевидцев о том, что русскоговорящие приватизаторы широко практиковали допуск иностранных, чаще всего американских, аудиторских фирм на наши секретные объекты якобы для оценки эффективности производства и определения других макроэкономических показателей. Так было на Ижевском машиностроительном заводе, выполнявшем заказы Вооруженных сил России. Иностранные аудиторы получили доступ ко всей финансовой и производственной документации предприятия. В одночасье наша секретная дотоле отрасль стала «прозрачной» для тех, от кого ее прятали только вчера. Кстати, никакой реальной необходимости в проведении аудита не было, процедура использована как «крыша» для получения информации.

В прессу просочились сведения о том, что американцы коррумпировали наших военных, уговорив их передать сведения о самых передовых технологиях для публикации в специально созданном журнале «Военный парад» с последующей продажей этих технологий и образцов на международных выставках-салонах.

Одновременно резко упала эффективность всей системы защиты государственных секретов. Под предлогом экономии средств стали сокращаться, а то и вовсе ликвидироваться, ре-

жимно-секретные органы, на многих объектах распустили военизированную охрану, стали закрываться узлы спецсвязи, прекратили работу средства противодействия техническим приемам снятия информации и т.д. Наши люди перестали соображать, что одно утерянное в результате этих мер ноу-хау могло стоить в сотни, а то и тысячи раз больше, чем все расходы на поддержание его секретности. Для американцев наступили просто райские времена. При штаб-квартире НАТО в Брюсселе был создан специальный центр по оценке и сортировке военно-технической информации, где сотни специалистов денно и нощно выбирали из ее россыпей жемчужные зерна, которые направлялись на предприятия ВПК США и европейских стран, где использовали эти идеи для совершенствования оружия, которое, не приведи Господь, может быть использовано против России.

В. Полеванов, не отрицая объективной необходимости приватизации, подчеркивал в своем документе, что ее разрушительный характер объяснялся «форсированными темпами проведения и излишней политизированностью». Он предлагал премьер-министру В. Черномырдину воздержаться от заданной форсированности, защитить государственные интересы в стратегически важных отраслях промышленности. В заключение он писал: «Поскольку большая часть ответственности за упущения 1-го этапа лежит на первом заместителе председателя правительства А. Б. Чубайсе, он объективно не заинтересован в искоренении недостатков и будет пытаться проводить прежнюю, во многом дискредитировавшую себя линию в области приватизации, поэтому прошу передать курирование Госкомимуществом первому заместителю председателя правительства О. Н. Сосковцу...». Откуда было знать прямолинейному сибирскому золотоискателю, что в московской политике за такие вещи принято непременно «отрывать голову», что и произошло с автоматизмом часового механизма. Через две недели после отправки этого письма В. Полеванов был уволен.

Надо заметить, что российская верхушка была изрядно на-

пугана таким непредсказуемым поведением сибирского медведя и постаралась взять его под пристальный контроль, не отпихивать в ряды, как принято говорить, «безответственной оппозиции». Он был на некоторое время «интернирован» в Контрольном управлении президента РФ на посту заместителя начальника управления, а когда немного улеглась пыль, поднятая его решительным поступком, он был выжит оттуда и сейчас занимается общественной деятельностью и увлекается почти на профессиональном уровне фотографией.

Так закончилась попытка крупного государственного чиновника, вице-премьера В. Полеванова, остановить разрушение государственной экономики. Каждый раз, когда в демократической печати или в воспоминаниях приватизаторов упоминается имя В. Полеванова, оно сопровождается неизбежно самыми уничижительными прилагательными, которые выдают степень их ненависти к этому человеку, сорвавшему с них маску.

«Выходка» В. Полеванова была самой громкой, но не единственной подобного рода в тогдашней России. 9 декабря 1994 г. Государственная дума приняла постановление, рекомендовавшее президенту страны приостановить действие своих приватизационных указов до принятия соответствующего закона, но Б. Ельцин обращал внимания на подобные увещевания меньше, чем на укусы комара на своей подмосковной даче.

Московская областная дума 11 ноября 1994 г. также направила Ельцину свое Обращение, в котором резкая критика в адрес приватизационной политики сопровождалась просьбой разработать недостающее в этой области законодательство с акцентом на защиту интересов рядовых производителей». Но и этот документ отскочил от Б. Ельцина, как от слона дробина.

А. Н. Ильюшенко, исполнявший тогда обязанности Генерального прокурора Российской Федерации, послал премьеру В. Черномырдину обстоятельную записку о фактах разбазаривания федеральной собственности. Если до этого А.Ильюшенко ходил в президентских любимчиках и, несмотря на неизменное

отклонение Государственной думой его кандидатуры на пост полновесного Генерального прокурора, упорно оставался на этом посту с приставкой и.о., то теперь пришел и его черед. В октябре 1995 г. он был уволен, а потом даже и арестован.

По существу, к концу первого президентского срока Б. Ельцина, к 1996 г., приватизация была в основном завершена. Основные, дающие крупную прибыль отрасли производства и устойчивые рентабельные предприятия были разгосударствлены и стали частной собственностью. В руки новых владельцев перешла вся добыча сырья, почти весь топливно-энергетический комплекс, легкая и пищевая промышленность, около половины электроэнергетики, морской, воздушный и автомобильный транспорт, подавляющее большинство предприятий коммунального обслуживания и т.д. Хотя в реестре государственной собственности еще оставалось около 25 тыс. предприятий по всей стране, но они не играли сколь-нибудь существенной роли в экономике страны в силу своей изношенности, малой рентабельности и просто маломерности. Любителей приобретать такую собственность не так-то много. Это неходовой товар, потому он и залеживается на прилавках приватизаторов. Приватизация перестала быть центром политических баталий, оппозиция смирилась с ее результатами, и хотя любой демографический опрос показывает, что подавляющее большинство населения России отвергает проведенный передел собственности, все меньше голосов слышится с требованием нового витка национализации бывшего госимущества.

Раздел о приватизации был бы неполным, если бы не завершился портретом Анатолия Чубайса, главного ее зачинателя и организатора. В 2000 г. вышла книга Б. Ельцина «Президентский марафон», в которой бывший президент попытался ответить на вопрос, в чем же заключалась сущность политического феномена, называвшегося «Анатолий Чубайс». Вот что он сочинил: «Он (Чубайс) фантастически, за считанные дни, недели, месяцы умел наживать себе непримиримых врагов. Невозможно было объяснить это рационально — ни чертами характера,

ни его участием в приватизации, которая была для всего постсоветского общества буквально как красная тряпка. Дальнейшая его карьера показала, что каким бы мирным делом Чубайс не занимался (электричеством, например), он везде сумеет ввязаться в драку. Но вот парадокс: именно за это Чубайса и уважали. Ненавидели, боялись и все-таки уважали. Его «полоскали» со всех флангов, — он был самой желанной мишенью для коммунистов, и для либеральных журналистов, и для какой-то части интеллигенции, и для некоторых бизнесменов. Но в этом напоре, в этой одержимости своими идеями была для меня и притягательность. Я никогда не мог забыть, какая абсолютная и отчасти зловещая тишина воцарялась в зале заседаний во время выступлений Чубайса. По себе знаю: политик не может быть удобен для всех, не может быть благостно принят всеми. Если это политик настоящий, крупный, — он всегда вызывает чью-то отчаянную ярость. Чубайс легко совмещал в себе и взрослый напор и юношескую энергию. Я смотрел на него, и мне казалось, что он не просто одиозный «рыжий», набивший всем и вся оскомину либеральный экономист. Он представитель того поколения, которое придет после меня. Придет обязательно»[1].

Вернитесь к этим строкам более внимательным глазом и сразу увидите их полную бессодержательность, пустоту. Парадокс так и остается нерасшифрованным. «Конфликтность», «одержимость», «напор» могут быть чертами характера человека, но никак не раскрывают смысл и сущность деятельности государственного чиновника высокого ранга. А ведь даже беглого обзора поведенческой линии Анатолия Чубайса достаточно, чтобы ощутить и почувствовать его конечные цели. Пожалуй, его роль и место в разрушении российской экономики можно сравнить с той ролью, которую сыграл А. Н. Яковлев в разрушении коммунистической партии и идеологии. И если Яковлева совершенно определенно называли в печати агентом влияния США, то было бы несправедливо отказать в такой же квалификации и Анатолию Чубайсу. И тот и другой во всей своей политической и практической деятельности проводили в жизнь ос-

[1] Б. Ельцин «Президентский марафон», М. 2000, стр. 111—112.

новные постулаты стратегической линии США в отношении России (прежде СССР). Государственная идеология, как и государственная собственность, были основными мишенями для политики холодной войны, начатой в феврале 1946 г. известным выступлением Уинстона Черчилля в США, где впервые был сформулирован тезис о «железном занавесе».

А. Чубайс почти никогда не говорил о таких категориях, как «Родина», «народ», «процветание страны», «суверенитет и независимость России», которые непременно должны были бы присутствовать в словарном запасе национально ориентированного политика. Нет! Он предпочитал всегда обходиться скудным словарем экономиста-рыночника: «свободная конкуренция», «приватизация», «отказ государства от роли экономического субъекта», «бездефицитный бюджет», «фондовый рынок» и пр., это как если бы хирург, начиная операцию, не объяснил своей бригаде задачу сохранения здоровья и жизни пациента, а только механически повторял: «зажим», «скальпель», «тампон» и пр. А. Чубайс и как экономист, и как политик не мог не отдавать себе отчет в том, что его приватизационная кампания повторяет по всем параметрам кампанию «красногвардейской атаки на капитал», совершенной в 1918–1919 гг. его предшественником Львом Давидовичем Бронштейном, в результате которой в стране были почти десятилетняя разруха и полная ликвидация промышленного потенциала Российской империи. Кстати, Б. Ельцин в своих воспоминаниях прямо называет А.Чубайса «абсолютным большевиком по темпераменту, по подходу» («Президентский марафон», стр. 101). Оба в разные исторические эпохи действовали по принципу «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...». Разрушение было главным побудительным мотивом действий и того и другого. А. Чубайс, конечно, превзошел своего предтечу по масштабам проделанной работы, ибо ему выпала роль уничтожить потенциал второй по величине промышленной державы мира, не находившейся в состоянии войны и не переживавшей полосы кровавых внутренних смут. Если Троцкий действовал, как можно предположить, в соответствии с социально-экономической схемой, разработанной и внедренной в сознание на Западе, то А. Чубайс

ориентировался на прямые рекомендации, получаемые от своих американских советников — начиная с директоров-распорядителей Международного валютного фонда и кончая оравой консультантов, осевших в офисах чубайсовского ведомства.

Каким бы неистовым большевиком ни представляли Троцкого, Запад никогда не отказывал ему в поддержке и гостеприимстве, ибо его практическая деятельность объективно отвечала стратегическим устремлениям Запада в отношении Советской России. В конфликте между Троцким и Сталиным — между идеей мировой перманентной революции и национальной социалистической автаркией — Запад неизменно был на стороне Льва Давидовича. А он завещал свой «архиреволюционный архив» университету цитадели капитализма — США.

Точно так же на Западе относятся и к А. Чубайсу. Это их самый любимый беспорочный персонаж в современной истории России. У него нет даже того недостатка, которым грешил Троцкий, — социалистической демагогии. Он химически чистый разрушитель не только экономики, но и исторически сложившегося российского менталитета, основанного на коллективизме, соборности. Чубайс в душе никогда не был гражданином России. Весной 1996 г. на швейцарском курорте в Давосе он, выступая перед международным форумом бизнесменов, политиков, ученых, сказал, что, если в России на выборах президента победят коммунисты, «мы все уедем из России». «Все» — это те, кто видит себя только в роли управленцев, или те, кто видит в России лишь сочетание удобных условий для создания личного состояния. Вообще исследователи давно заметили, что для самых свирепых реформ в России всегда находятся иноземцы, иноверцы, внутренние эмигранты, которым безразлична судьба России и ее народов. И «бироновщина», и «чубайсятина» — это одно и то же.

Впоследствии стало достоверно известно, что А. Чубайс совершал антигосударственные поступки в интересах своих подлинных хозяев. В 1998 г., когда ему как близкому члену «Семьи» было ясно, что страна движется к финансовой катастрофе, т.е. фактическому признанию себя банкротом, он заранее предупредил своих американских клиентов о приближающейся

опасности, и они, получив сигнал тревоги, в срочном порядке вывели из России основную часть своих инвестиций, вложенных в государственные ценные бумаги, чем значительно усилили разрушительный эффект августовского дефолта.

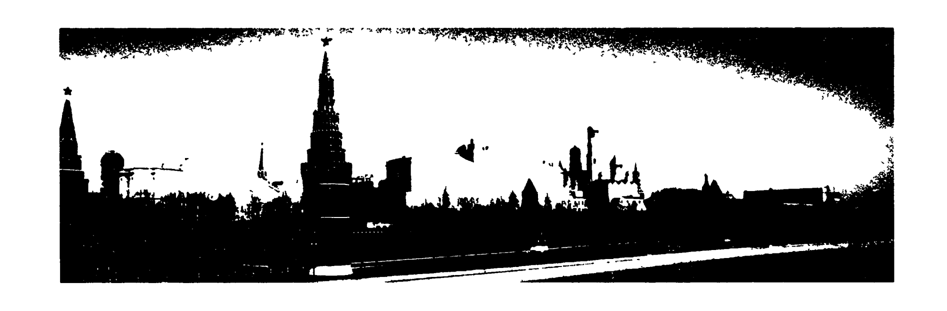
Позднее, став председателем совета директоров РАО «ЕЭС», А. Чубайс продал иностранцам 32% акций энергосистемы России, тем самым нарушив закон, запрещающий передавать иностранцам более 25%. Такой большой пакет позволяет иностранным вкладчикам капиталов блокировать любые решения российской стороны. По уставу акционерных обществ блокирующий пакет акций состоит из 25% плюс одна. А. Чубайс создал себе такие условия, когда его не могут сместить с поста руководителя РАО «ЕЭС» без согласия иностранцев, чью политику он проводит последовательно и напористо. Свидетельств его преданности Западу можно приводить сколько угодно, нет только доказательств преданности его национальным интересам России.

Именно поэтому сложилось такое положение, что если бы кому-нибудь из журналистов или политологов пришло в голову провести в стране опрос общественного мнения: «Кто из современных деятелей является самым непопулярным и ненавидимым в народе», то, безусловно, таким титулом был бы увенчан именно А. Чубайс. Сейчас его широко знают под кличкой Рыжий Кот, и всех рыжих котов в России зовут Чубайсами. Кажется, в православном понимании у него нет души. Во всяком случае, она не просматривается в его маленьких бесцветных глазках. Он не стесняется призывать своих сторонников к наглости, причем делает это публично. Напористость, цинизм и хладнокровие, — пожалуй, его самые характерные качества. К президенту Б. Ельцину он относился как к легкоуправляемой личности, озабоченной только сохранением власти в своих руках, но не обладающей серьезным интеллектуальным потенциалом, не способной к собственным концептуальным решениям, а следовательно, податливой на подписание любых документов и принятие решений по подсказке. Парламент России — сначала в виде Верховного Совета, а потом Государственной думы — рассматривался А. Чубайсом как консервативная, тупая органи-

зация, которую всегда можно в конечном итоге обмануть, обойти, объегорить, на которую в крайнем случае можно наплевать и действовать в выбранном направлении, опираясь на президентские указы — суррогаты законов. Не менее презрительно он относился к руководителям субъектов Федерации, не говоря уже о директорском корпусе, который считает возможным запугать или подкупить. Если читателю не лень заглянуть в книжку под редакцией самого А. Чубайса «Приватизация по-российски», он найдет там тьму примеров, подтверждающих сказанное нами в этой книге. Своих подельников по приватизации он неизменно называет талантливыми, гениальными, выдающимися. Нет у него умнее людей на свете, чем Петя Мостовой (он их всех так фамильярно называет), Дима Васильев, Максим Бойко и т.д.

А. Чубайс — самый беспощадный хищник из той своры, что на глазах у всего человечества набросилась на ослабевшую великую державу мира. В этом смысле он оказался гораздо более опасным разрушителем для России, нежели близкие ему по роду-племени В. Гусинский и Б. Березовский. По сравнению с ними он выглядит, как матерый вор в законе рядом с мелкими карманниками. Те, наворовав немереных денег из государственного «лопатника», стали еще и нерасчетливо глумиться над облапошенным Кремлем, а Чубайс, разрушив великую самодостаточную экономику государства, создав всероссийскую воровскую малину, стоит тихонечко в сторонке и потирает руки от удовольствия. В памяти народной никогда не сотрется чубайсовская приватизация, технология которой предельно схожа с действиями преступников, которые бесстыжим враньем добиваются от беспомощных стариков согласия на передачу им прав на свою квартиру, а затем либо выкидывают их на улицу, либо отправляют на тот свет. Точно таким же приемом А. Чубайс заставил весь народ России отказаться от прав на принадлежащее ему имущество, нажитое десятками поколений предков.

Ошибался Б. Ельцин, предрекая, что в лице А. Чубайса идет новое поколение России. Нет, оно приходит в другом лице — в лице В. В. Путина.



РАССТРЕЛ ПАРЛАМЕНТА

Если приватизационный процесс в России проходил с минимумом публичной ярости, то отражение этого процесса в политической жизни страны превратилось в нескончаемую череду конфликтов, скандалов, разборок, которые завершились осенью 1993 года скоротечным кровавым расстрелом Верховного Совета Российской Федерации. Не стоит забывать чеканные формулы того времени, они точно отражают суть общественных процессов, например: «Политика — есть концентрированное выражение экономики». В основе действий отдельных лиц, политических партий, правящих элит, целых государств лежат прежде всего экономические интересы, борьба за экономику и рычаги управления ею. Эта нескончаемая война на политическом уровне приобретает внешне другую расцветку. Конфликтующие стороны могут выступать под лозунгами «демократов» и «консерваторов», сторонников диктатуры или народовластия, «национал-патриотов» или «либерал-глобалистов». Каждый из противников стремится оседлать ту волну, которая кажется ему в данный момент наиболее мощной и способной вознести его на высшие ступени власти, откуда он сможет распоряжаться и управлять богатством государства. Идеалистов и бессребреников в политике искать не следует, их скорее можно отыскать среди ученых или служителей Церкви.

Немногие напрямую увязывали, например, затяжной конфликт между президентом Б. Ельциным и Верховным Советом с приватизационным процессом в России. Большинство населения полагало, что речь шла о противоборстве сторонников демократического пути развития страны с автократической линией Б. Ельцина. Многие так и не смогли ответить на простой вопрос: как же могло получится, что такой яростный защитник «демократии», как А. В. Руцкой, оказался отъявленным политическим мошенником, предавшим ту партию, которая привела его к власти, на другой же день после своего избрания курским губернатором?» Этот человек, признанный в трагические дни октября 1993 года высшим руководителем парламентской оппозиции и принявший на себя роль исполняющего обязанности президента России, оказался примитивным самодуром-губернатором, оставившим область разворованной и обнищавшей.

Руслан Хасбулатов, второй по значимости лидер парламентской оппозиции, если верить А. Чубайсу, эволюционировал в короткий срок от ближайшего сподвижника и соратника Б. Ельцина до его «непримиримого» противника только потому, что президент не захотел поставить его на пост премьер-министра, а предпочел ему младореформатора Егора Гайдара. Никаких идейных расхождений между ним и Ельциным не было и нет. То же самое можно сказать и о большинстве основных действующих лиц, втянутых в политический водоворот борьбы в 1992–1993 гг. Невероятно высокий уровень патетики, звучавшей в речах лидеров той и другой стороны, разделявшая их и казавшаяся непреодолимой пропасть, нетерпимо острые обвинения, запугивания гражданской войной в реальной жизни, увы, оказались жухлыми прошлогодними листьями, слетевшими с ветвей при первом резком порыве ветра. Кажется невероятным, что после кровавых событий 3–4 октября 1993 года среди жертв не оказалось ни одного взбунтовавшегося депутата, хотя число погибших даже по официальным, т.е. лживым данным, составило около 150 человек, а народная молва поднимала цифру до полутора тысяч. Полегли те, кто слепо верил в поли-

тическую демагогию, кто, будучи лично честным, не допускал бесчестности в других, кто на деле подставил себя под пули ради своего идеала. Точно такие же идеалисты стояли на игрушечных баррикадах вокруг Белого дома в августе 1991 г., они также готовы были пролить свою кровь и отдать жизнь за идеал демократии, но скоро им стало стыдно и горько вспоминать, за кого и за что они собирались рисковать головой.

Я склоняю голову перед памятью идеалистов октябрьских событий 1993 года — забытых, отверженных. Среди них мог оказаться и я, тогда 65-летний отставной генерал разведки, первым движением души которого было идти к Белому дому и встать в ряды его защитников, расстреливаемых в упор из танковых орудий. Я понимал, что это будет бесполезным и бессмысленным, но мне казалось, что легче встретить там свой смертный час, чем увидеть то, что произойдет с Россией потом. Жена и дочь оказались мудрее меня, когда, вцепившись в меня мертвой хваткой, не выпустили из дома в общем-то немощного пенсионера.

Долго историки будут ломать голову над поиском ответа на вопрос: почему Б. Ельцин — вечный триумфатор — не решился, несмотря на все угрозы, отдать под суд ни «гэкачепистов», ни депутатов Верховного Совета в 1993 г.? Да потому, что он ощущал свое правовое бессилие в обоих случаях. И еще потому, что твердо верил в духовную слабость своих противников. Он верил, что имеет дело не с идейными, смертельными врагами, готовыми идти до конца за некие общественные идеалы, а с людьми, для которых личные интересы важнее и весомее. Достаточно было продержать своих противников какое-то время в камерах «Матросской Тишины» или в Лефортово, обрушить на них пресс психологического давления, пообещать им «минимум миниморум», чтобы добиться капитуляции в той или иной форме. История не знает подобных форм разрешения социальных конфликтов. То, что происходило в эти годы в политической верхушке России, напоминает приемы, которыми главарь утверждает свое верховенство в своей банде.

Социального конфликта, а тем более угрозы гражданской войны в России не было. Были разборки наверху, в ходе которых ни одна из спорящих сторон не собиралась серьезно обращаться за помощью к народу. Ни один из фигурантов, даже после поражения, не ушел в партизаны, в подполье, не объявил о войне не на жизнь, а на смерть. Никто даже не уехал в эмиграцию.

Все политические партии России через короткое время после кровавых событий октября 1993 г. сделали совместное заявление об отказе использовать их в своей политической борьбе. Почти одновременно было заявлено об отказе от попыток какого-либо независимого парламентского расследования причин и характера этих событий. Тишь да гладь утвердились в общественно-политической жизни.

Прошли годы, и, давая интервью «Парламентской газете» (26.12.2000 г.), некогда неистовый Руслан Хасбулатов, который по-прежнему проживает в одной из самых роскошных квартир в Москве, предназначенной в свое время для генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева, признал неразрывную связь своей политической непримиримости именно с процессом приватизации. Вот его слова: «Большая часть наших разногласий с президентом касалась вопросов приватизации. Это началось осенью 1991 года, когда Ельцин поручил Гайдару осуществлять экономическую реформу, а в Верховный Совет стали поступать документы из правительства, предусматривавшие денационализацию экономики. Чувствовалось, что тут участвуют иностранные консультанты. Некоторые абзацы были столь плохого перевода, что я как-то даже попросил принести мне английский оригинал. Ничего зазорного в заимствовании зарубежного опыта нет. Но тогда заимствовали не опыт, а какие-то куцые обрывки из журнальных и газетных статей экономически облегченного типа. ...Свою программу младореформаторы всячески скрывали от общественности. Мне, Председателю Верховного Совета, прислали ее только после личного вмешательства Ельцина. Из беседы с Дж. Саксом я понял, что это

программа МВФ, с которой я был знаком ранее других. Она была передана в правительство, там ее засекретили и стали под нее выдавать соответствующие законопроекты ...У Верховного Совета была разработана своя, реальная программа приватизации, включавшая в себя десятки законопроектов и иных нормативных актов... Я был сторонником сохранения в государственном секторе экономики нефти, газа, металлургической промышленности, военно-промышленного комплекса, трубопроводов, авиапредприятий и ряда других отраслей. И, конечно же, никогда не позволил бы примитивной кувалдой рыночной стихии разрушать сложнейший народнохозяйственный механизм.

Верховный Совет не соглашался, чтобы страну ломали через колено. Общество в своем большинстве стояло на нашей стороне. Это мешало проводить приватизацию так, как им хотелось. Справиться с депутатами легальным путем было невозможно. Тогда и появился указ президента под № 1400. А борьба за власть или перераспределение полномочий — это неизбежное следствие такого курса (*подчеркнуто нами* **Н.Л.**)». Здесь заключено чистосердечное признание того, что в основе всех политических телодвижений в эти годы лежала борьба за экономику.

Нельзя же забывать о том, что Ельцин решился на расстрел Верховного Совета, который незадолго до этого практически единогласно поддержал его решение о ликвидации Советского Союза, одобрив Беловежские соглашения — самое убийственное и беззаконное преступление против государства и народа, его населявших.

Этот же Верховный Совет поддержал предложение Ельцина о запрете Коммунистической партии Советского Союза. И только полнейший цинизм и продажность журналистов позволили тот же самый состав Верховного Совета назвать красно-коричневым. Патриоты России не должны забывать, что в рядах осажденных в Белом доме парламентариев были такие персоны, как Кирсан Илюмжинов, всю последующую жизнь

отличавшийся сепаратистской экстравагантностью, выпячиванием своей личности и обычным грехом всех «новых русских» — неуемным хапужничеством. Или такие, как Руслан Аушев, который был народным депутатом СССР, а в ноябре 1992 г. стал ельцинским назначенцем на пост главы администрации Ингушетии, да так и присох к этому посту на долгие годы, превратив свою республику в предбанник для чеченских боевиков. Ни тот, ни другой никогда не были замечены в каких-либо инициативах по укреплению России как государства. Да и сам председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов, чеченец по национальности, сделал безусловно много для раскачивания общегосударственной ладьи, практически не стукнул палец о палец для успокоения сепаратистского зуда, раздиравшего кожу его собственной малой родины — Чечни.

А как объяснить метаморфозы, происходившие с одним из силовых министров России генералом Виктором Баранниковым? До осени 1993 г. он был одним из самых доверенных лиц Б. Ельцина, возглавляя последовательно министерство безопасности и внутренних дел России, Агентство федеральной безопасности, а затем вдруг оказался на посту министра внутренних дел нового правительства, созданного Верховным Советом в осажденном Белом доме. После расстрела Верховного Совета этот генерал был арестован, отсидел некоторое время в «Лефортово», но вскоре амнистирован. Никакой социальной, идеологической подкладки под этими прыжками не просматривается. Поведение этого человека, скорее, диктовалось инстинктом игрока, желанием примкнуть к той команде, которая имеет больше шансов выиграть. Скоропостижная смерть вскоре после выхода на свободу стала как бы кульминацией глубоко личного огорчения от совершенного просчета. В истории России известны сотни примеров, когда люди, страдавшие от властей по причине своей идейной оппозиционности, как правило, отличались высокой жизнестойкостью, несмотря на жесточайшие условия содержания их в тюрьмах и на каторге. Вспомните декабристов, преподавших всем грядущим поколениям урок вы-

сочайшей морально-нравственной стойкости. «Крепкими орешками» были народовольцы, эсерка М. Спиридонова выдержала даже условия советской тюрьмы и была расстреляна в Орле в связи с угрозой захвата города немецкими войсками в 1941 г.. Всякий, кто страдает за убеждения, но не изменяет им от протопопа Аввакума до Александра Солженицина — отличается исключительной живучестью.

Другим примером цирковых трюков с перелетом из одного лагеря в другой может стать некогда громкозвучный, а теперь позабытый Сергей Филатов. Этот представитель средней технической интеллигенции был молниеносно вынесен на политический Олимп событиями 1990–1991 гг. Его избрали народным депутатом Российской Федерации, затем он стал членом Верховного Совета и, более того, первым заместителем председателя Верховного Совета, т.е. самого Руслана Хасбулатова. Тогда карьера строилась не на прочном, годами нажитом авторитете, опирающемся на реальные дела, а на умении выступать, складно говорить разносные речи и без устали выдвигать радикальные, внешне привлекательные инициативы. С. Филатов был из таких, а посему оказался одновременно и членом комитета по вопросам экономической реформы и собственности, и членом комитета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности. Занимаясь вопросами реформы и собственности, он достаточно быстро сообразил, что в России исполнительная власть имела и имеет куда больше рычагов управления обществом, нежели законодательные органы власти, которым по старинке отводилась роль ливрейных лакеев, стоящих на запятках господского возка. Будучи влиятельной фигурой в Верховном Совете, он тайно перешел на службу к президенту и до поры до времени вел двойную игру. Наградой за это было назначение в 1993 г. вчерашнего неутомимого борца за демократию главой администрации президента. На три года он превратился в одного из самых влиятельных политических деятелей России, обслуживая автократическую власть, наживая личное состояние. Вылетел из президентской обоймы за по-

пытку еще раз скорректировать свой политический полет, переориентировавшись на генерала А. Лебедя и московского мэра Ю. Лужкова, когда убедился в болезненном состоянии Б. Ельцина и его бесперспективности как лидера.

Мы приводим эти примеры только для иллюстрации качества многих «государственных мужей» с обеих сторон баррикады. Подобные люди доминировали тогда на политическом поле России. Президент Б. Ельцин, хорошо осведомленный о тех побудительных мотивах, которыми руководствовались многие из его политических противников, в открытую обращался к ним в самые кульминационные моменты борьбы с простым предложением перейти на его сторону, обещая за это высокие государственные посты, сохранение всех привилегий, перспективы на политическую карьеру. Точно так же Мефистофель предлагал Фаусту продать душу за земные радости. Торговля совестью приняла в России после 1991 г. массовый характер, стала, если хотите, общенациональным бедствием, ибо свидетельствовала о катастрофическом масштабе деградации личности.

Борьба Верховного Совета с президентом России достигла к концу 1992 г. высшей степени накала. Первого декабря в Москве собрался очередной, VII съезд народных депутатов России. С первого же дня заседания приняли крайне бурный характер. Один за другим выступавшие ораторы клеймили правительство Е. Гайдара за развал экономики страны, разорение основной массы населения, подрыв финансовой системы. Год «шоковой терапии», несмотря на невероятное терпение народа, не принес ничего из обещанного. Никакой рыночной саморегуляции экономики не произошло. Подавляющим большинством голосов было выражено недоверие правительству, и оно отправлено в отставку. Шквал критики ударил и по президенту.

10 декабря Б. Ельцин прибыл на заседание съезда и попросил слова, но вместо того, чтобы попытаться вывести дискуссию в конструктивное русло, обратился с трибуны напрямую к народу, назвав съезд народных депутатов «сплошной реакционной массой», с которой невозможно сотрудничать. Он поставил

вопрос о проведении референдума по вопросу о доверии граждан президенту и парламенту, на который возложил всю ответственность за срыв реформистского курса. В тот день я сделал такую запись в своей семейной летописи: «Попустил Бог быть свидетелем таких дней, безобразных кухонных дрязг политиканов, никак не могущих смириться с тем, что их власть должна быть ограничена. Ну, по порядку. Неуправляемый «президент-бульдозер» с утра ошарашил заседающий уже 9 дней съезд своим обращением к народу, в котором сказал, что не может больше сотрудничать с народными депутатами и предлагает в первых числах января 1993 г. провести референдум с вопросом: «или президент, или съезд».

После этого он вместе с правительством и верными депутатами (Г. Якунин, Б. Денисенко и др.) ушел из Большого Кремлевского дворца в Грановитую палату. Запахло угрозой государственного переворота. Ждали появления «матроса Железняка». Впервые я почувствовал, что Р. Хасбулатов стал сдавать. Он заявил, что уходит, что он устал и ему все надоело.

И весь сыр-бор задымился, затрещал из-за того, что накануне съезд не утвердил кандидатуру Егора Гайдара на посту премьер-министра, а президент не терпит, чтобы ему перечили: «Либо Егорка, либо референдум».

В обстановке изрядного смятения положение спас Иона Андронов, мой старый знакомый, в прошлом хороший, смелый журналист, который призвал Хасбулатова не падать духом, взять в руки руководство съездом. Одного этого хватило, чтобы все воспряли, будто хлебнули женьшеневой настойки. Были вызваны три силовых министра — обороны (П. Грачев), безопасности (В. Баранников) и внутренних дел (В. Ерин), — которые поклялись в верности закону и Конституции.

Раздались голоса о необходимости привлечь к уголовной ответственности авантюристов, прилипших к президенту, имея в виду Г. Бурбулиса, С.Шахрая. Кто-то крикнул, что этим лицам надо сразу закрыть выезд из России. Вызвали на съезд Ю. Лужкова — мэра Москвы, чтобы он прокомментировал слухи о яко-

бы стягивающихся к Красной площади автобусах с ОМОНом, колоннах грузовиков и начинающемся митинге сторонников президента. Мэр пришел и единственный из выступавших в этот день грубо и бестактно, однозначно встал на сторону президента. Под шиканье съезда он сказал, что на Красной площади собрался митинг строительных рабочих предприятий мэрии, которые недовольны тем, что депутаты вносят много конституционных поправок (?). Он вел себя как человек, давно обеспеченный безбедным житьем и свысока поплевывавший на народных избранников. В Голливуде мэр наверняка выиграл бы конкурс на роль исполнителя роли крестного отца.

Резкий конфронтационный ход Б. Ельцина оказался ледяным душем для его политических оппонентов. Большинство политических партий и движений, продолжая для сохранения лица критиковать президента за нарушение баланса властей, за углубление раскола в обществе, все-таки стали призывать и Б. Ельцина, и руководство Верховного Совета сесть за стол переговоров «во имя сохранения Российской Федерации и продолжения реформ». Обе стороны еще не были готовы к фронтальному столкновению, поэтому уже на другой день после выступления президента начались переговоры между делегациями Верховного Совета, президента РФ и Конституционного суда России, с целью поиска компромисса. 12 декабря 1992 г. было достигнуто согласие о решении спорных вопросов исключительно конституционными методами. К руководителям субъектов Федерации обратились с призывом руководствоваться в своей деятельности теми же принципами. Было решено, что на 11 апреля будет назначен общероссийский референдум по основным положениям новой Конституции. Кремлевские «посиделки» продолжались вперемежку с кремлевскими потасовками. Всем стало ясно, что стороны отложили генеральный мордобой на более поздний срок».

Мне тогда вечерами звонили домой многие друзья и знакомые с неизменным вопросом: «Как ты расцениваешь происходящее?» Я всем отвечал примерно так: «Лучше худой мир, чем

добрая ссора. Это и есть первые шаги больной, рахитичной от рождения российской демократии. Участники фарса разыграли его, как сумели, в силу своих провинциальных способностей и примитивной подготовки. Можно иронически улыбаться, язвить, но надо сказать, что лучшего ныне не дано. Хорошо, что ума хватило хоть на это».

Страна между тем жила без утвержденного бюджета, без руля и без ветрил. В те годы мне не удавалось регулярно вести дневниковые записи, очень много душевных и физических сил отнимали поиски заработка, но, на счастье, тогда на дипломатической работе в одной из африканских стран находилась семья моей дочери. Я старался регулярно посылать им письма о положении на родине, потому что из сообщений прессы и телерадиопередач составить реальную картину происходящего было невозможно. Основные газеты и телеканалы были давным-давно приватизированы и всю информационно-пропагандистскую работу вели в строго определенном направлении поддержки действий президента и его администрации, поскольку все они были направлены на защиту интересов новых крупных собственников, а также потому, что Ельцина поддерживал Запад. Все противники президента подлежали максимальной демонизации, их густо мазали красно-коричневым колером, не стесняя себя приличиями в выборе бранных слов и выражений в их адрес. В одном из таких писем я писал: «Как весеннее половодье, затопило Родину воровство. Повальное, всеохватное, сверху донизу пронизавшее все общество. Высшей меркой предприимчивости стали размеры украденного. Москва и ее власти законно могут претендовать на лавровый венок победителя в этом сатанинском соревновании. Недавно сообщили, что Москва получила только из ФРГ 250 тыс. тонн продовольствия, точно расписанного, сколько муки, сахара, масла, мяса и пр. На 4 млн московских пенсионеров и детей, кому все это предназначалось, хватило бы с лихвой на всю зиму: по 60 кг на каждого человека.

Но все куда-то исчезло. Провалилось в некую «черную

дыру». Когда схватили за фалды какого-то высокопоставленного чиновника, ответственного за распределение гуманитарной помощи, то это свиное рыло, не моргнув глазом, ответило: «Мы решили продать это продовольствие, чтобы создать фонд помощи неимущим» (?). На вопрос: «Где же этот фонд?» — мурло сказало: «Мы собрали 47 млн рублей!» Это означает, что вместо 60 кг. продовольствия каждый несчастный может, да и то теоретически, получить 12 рублей. И никто не станет искать концов. Слишком многие по очереди лизали эту порцию детского мороженого, чтобы отдать сиротам пустую пачку».

По книгам, которые приходилось читать, по рассказам бывалых людей мы знали, что каждый революционный перелом в стране в любой части света вызывал или сопровождался взрывом народного ликования и энтузиазма. Сами собой рождались гимны, песни, танцы, которые оставались навсегда памятниками своего времени. Во Франции более двух веков назад родились «Марсельеза», Карманьола, в США — «Янки дудль», в России — целый пласт революционных песен, на Кубе — «Гимн 26 июля» и т.д. Мне самому довелось быть свидетелем нескольких революций в Латинской Америке — на Кубе, где в 1959 была свергнута диктатура Батисты, и в Никарагуа, где в 1979 был уничтожен тиранический режим Сомосы. Каждый раз народ ликовал, поющие и танцующие толпы заливали улицы. На Родине же после 1991 г. меня поражало обратное: полная отрешенность народа, никакого проявления радости. Езжу в метро, смотрю на лица: на них усталость, озабоченность, замотанность. Я не нахожу сияющих глаз, веселых улыбок, не слышу шуток, людям явно не до смеха, музы всех жанров молчат. Песни смолкли по всей Руси великой. Издавна повелось, что редкое застолье в семье проходило без песни, теперь хмурая озабоченность стала незваной, но постоянной гостьей в наших домах.

Не прошло и трех месяцев после VII съезда народных депутатов, как на очередном, VIII съезде, собравшемся в Кремле 10 марта 1993 г., вновь лбами столкнулись исполнительная и законодательная власти России. Б. Ельцин в своем выступлении

требовал установления в стране сильной президентской власти, В. Черномырдин, унаследовавший после Гайдара пост премьер-министра, предлагал расширить властные полномочия правительства. С другой стороны послышались угрожающие предложения о необходимости начать процедуру импичмента президента. Когда депутат М. Челноков предложил отрешить Б. Ельцина от должности, президент покинул зал и больше на съезд не явился. Р. Хасбулатов всячески препятствовал постановке на тайное голосование вопроса об отрешении Б. Ельцина от должности, но съезд все-таки настоял на своем. Из 1065 народных депутатов 617 проголосовали за отрешение, т.е. 60%, но этого оказалось недостаточно. В соответствии с Конституцией требовалось 2/3 голосов, вопреки здравому смыслу вся президентская челядь и продажная пресса радовались такой «победе» и кричали «Ура!», в то время, когда надо было креститься и шептать про себя: «Слава Богу, пронесло!». Но сомнений не оставалось, что при первой же попытке Б. Ельцина установить режим самодержавия съезд доведет свое намерение до конца.

Через несколько дней президент заявил, что съезд по сути дела стал генеральной репетицией реванша бывшей партии номенклатуры.

Съезд только зафиксировал углубление раскола в правящих кругах страны, нарастание непримиримости. Обе стороны инициировали почти непрерывные митинги своих сторонников. Хотя митинги и не были очень массовыми, на них собиралось от 5 до 15 тыс. человек, не более, но все-таки органы правопорядка старались развести их по разным площадям, чтобы избежать прямого столкновения политических противников. На стороне съезда народных депутатов выступил Конституционный суд РФ, который твердо оценил высказывания и действия Б. Ельцина как неконституционные. Со своей стороны администрация президента через пресс-секретаря делала заявления о том, что, дескать, президент и правительство едины, что трудовые коллективы стоят на их стороне, что обвинения в адрес президента по поводу якобы антиконституционности его дей-

ствий отклика у населения не встречают и т.д. Иными словами, шла изматывающая война заявлений, деклараций, взаимных угроз, обвинений.

В течение марта–апреля 1993 г. обе противостоящие стороны сосредоточились на вопросе о референдуме. Борьба шла вокруг формулировок тех вопросов, которые должны были быть внесены в опросный бюллетень. Как-то незаметно президентская сторона настояла на том, чтобы вместо вопроса о будущей Конституции вынести на референдум вопрос о доверии президенту и народным депутатам. В конце концов согласились на том, чтобы граждане ответили на следующие четыре вопроса:

Доверяете ли Вы президенту РФ Б. Ельцину?

Одобряете ли Вы социальную политику, осуществляемую президентом РФ и правительством РФ с 1992 г.?

Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента РФ?

Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ?

После очередных препирательств референдум решено было провести 25 апреля, т.е. на две недели позже первоначально установленного срока.

Президент и правительство использовали отпущенное на подготовку время для активной идеологической обработки населения. До сих пор стоят в глазах плакаты с почти аршинными подсказками-ответами, как надо голосовать на референдуме: «Да, да, нет, да!», т.е., негативно ответить только на вопрос о целесообразности досрочно переизбрать президента. Все средства массовой информации с утра до ночи упражнялись в шельмовании съезда народных депутатов. Президент, наоборот, воспевался как гарант стабильности, последовательного реформаторства, которого надо лишь чуть-чуть поддержать, чтобы уже завтра откушать плодов процветания. Уже тогда обывателя стали запугивать призраком гражданской войны, развалом государства, голодом, если он не проголосует так, как надо.

Чувствовалось, что противная сторона — съезд народных депутатов — недооценила значение административного ресурса президента, влияния средств массовой информации и финансовых рычагов. Она понадеялась на то, что очевидное нарушение президентом всех правовых норм автоматически окажет нужное влияние на население. К тому же в России давно известно неписаное правило: «Кто считает голоса, тот и выигрывает!». Никогда и ни под каким предлогом президентская сторона не позволяла формировать счетные органы с включением в их состав на решающих уровнях представителей оппозиции.

Результат референдума оказался следующим: из всего списочного состава избирателей в России (107 миллионов граждан) пришли к урнам 64%. На первый вопрос о доверии президенту Ельцину утвердительно ответили 58,5% голосовавших. За доверие проводимой им и правительством социальной политике проголосовали 53%. На третий вопрос — о целесообразности досрочных выборов президента — только около 33% сказали «да», в то время как за досрочные перевыборы народных депутатов проголосовали 41,5%. Президент Б. Ельцин мог праздновать победу, потому что по первым двум вопросам положительно проголосовали более половины участников референдума. Он получил вотум доверия. По двум последним вопросам — о досрочных выборах президента и народных депутатов — результаты оказались недействительными, ибо положительно проголосовали менее половины тех, кто пришел к урнам. В результате все пауки — и президент, и съезд — остались в одной банке, хотя шансы на успех у Ельцина увеличились из-за полученного формального доверия. Теперь следовало ожидать первых ударов именно с его стороны. Победу на референдуме надо было развивать и закреплять. Случай представился быстро.

В связи с приближением 1 Мая, дня традиционных демонстраций трудящихся не только в России, оппозиционные партии и движения наметили провести в столице шествие и митинг. Для всех было ясно, что они должны были пройти под антипрезидентскими и антиправительственными лозунгами. За

два дня до праздников — 28 апреля — Б. Ельцин вдруг издает распоряжение, в соответствии с которым запрещалось проведение любых массовых мероприятий на Красной площади и прилегающих к ней территориях. Предлог, как всегда, был убогим до смехотворности: президент запрещал всякие митинги, собрания, уличные шествия, манифестации, пикетирования и пр. только потому, что, дескать, до сих пор не принят Федеральный закон о статусе столицы Российской Федерации и не определены границы территорий, прилегающих к зданиям и сооружениям, занимаемым высшими органами законодательной, исполнительной и судебной власти, на которых не допускается проведение подобных массовых мероприятий. К рождению этого распоряжения безусловно имел самое прямое отношение Ю. Лужков, у которого в глубине души давно поселился страх перед любыми демонстрациями возмущенного народа. Именно по его инициативе стали раскапывать Манежную площадь — традиционное место народных собраний, он же в те дни посылал строительную технику и рабочих, чтобы «ремонтировать» Красную площадь. Бетонные блоки, грузовики, трайлеры были у него всегда наготове, чтобы заблокировать любую магистраль или площадь.

Для первомайского митинга в тот год была отведена Октябрьская площадь с правом шествия только на один квартал в сторону Крымского моста. Конечно, это оскорбительные, унизительные условия для демонстрантов, так власть показывала свой норов.

Путь к центру города по улице Якиманка был перекрыт мощными заграждениями и заслонами ОМОНа, путь по Садовому кольцу через Крымский мост, которым всегда ходили «демократические» демонстрации при советской власти, был также закупорен плотными рядами стражей порядка со специально натасканными на борьбу с демонстрантами немецкими овчарками. Руководители митинга решили не идти на столкновение с ОМОНом, призвали 50-тысячную манифестацию двинуться по Ленинскому проспекту в сторону площади

Гагарина, в противоположном от центра направлении. Такой маршрут не представлял никакой опасности для властей, люди намеревались идти к Воробьевым горам — месту традиционных праздничных пикников москвичей, но не тут-то было! По личному распоряжению Лужкова в спешном порядке к площади Гагарина были доставлены отряды ОМОНа, а из грузовиков и автобусов сооружена подвижная баррикада. Манифестанты оказались в мешке. Демонстрация остановилась: от ее головы отделилась группа лиц, которые подошли к офицерам ОМОНа, стоявшим впереди цепи, и попыталась договориться о мирном пропуске людей, но получили отказ. Тогда, судя по свидетельству очевидцев (см. С. Семенова, «Российская газета», 7 мая 1993 г.), несколько десятков демонстрантов подошли к преграждавшим путь автомобилям и стали разворачивать их, чтобы расчистить проход. В это время бойцы ОМОНа окружили людей и начали зверски избивать. Увидев это, основная часть демонстрантов бросилась на выручку своих товарищей, пустив в ход древки, транспаранты. Завязалось настоящее сражение. В поисках средств борьбы часть манифестантов собрала в соседних дворах доски, камни, вырвала штыри, которыми крепятся «ракушки» к земле, и стала обороняться. Омоновцы получили поддержку в виде прибывших к месту «боя» водометов, начавших поливать толпу ледяной водой и пеной. Кто-то слышал, как Лужков Ю.М. по радиотелефону отдавал команду старшему офицеру: «Жестче, еще жестче!», и те старались, как могли. Когда демонстранты стали разбегаться, кто в Нескучный сад, кто на близлежащие улицы, их преследовали свежие силы, которые крушили ключицы и ребра своим соотечественникам с каким-то патологическим садизмом.

В результате «майского побоища» пострадали более 600 человек, 40 из них были госпитализированы, погиб один сержант ОМОНа, раздавленный грузовиком собственного оцепления, сожжено три автомашины и еще 16 сильно повреждено.

В последующие дни все средства массовой информации были мобилизованы и ориентированы на компрометацию де-

монстрантов и выгораживание властей. На экранах телевизоров мелькали какие-то ржавые велосипедные цепи, самодельные «заточки», металлические прутья и прочий сфабрикованный «арсенал», якобы использованный демонстрантами. Вся стряпня подавалась под единым соусом: оппозиция-де, озлобленная неудачей на референдуме 25 апреля, решила взять реванш и т.д. Никакой разноголосицы в проправительственном лагере не было. Выполнялась единая установка. Левые, со своей стороны, возлагали всю ответственность за провокацию и кровопролитие на московские власти.

У меня ни тогда, ни потом не оставалось сомнений, что власти сознательно пошли на организацию бойни, чтобы окончательно раздавить оппозицию, терроризировать широкие массы недовольных, стихийно поддерживавших антипрезидентские силы. Блокировать уходящую от центра демонстрацию может только политик, сознательно провоцирующий насилие. Нет никакой возможности объяснить это ошибкой, некомпетентностью, даже самодурством. Бросалось в глаза, что власть, организовав дезинформационный «девятый вал» против участников первомайской демонстрации, отказалась от преследования нескольких десятков «схваченных зачинщиков». Она не решилась на судебное разбирательство дел организаторов митинга и его участников, понимая, что такой процесс мог бы превратиться в разоблачение подлинных организаторов кровопролития.

Не признаваясь публично, власть понимала свою ответственность за содеянное и готовилась к следующему памятному дню — Дню Победы 9 мая. Мэру, разрешившему демонстрантам пройти только от Белорусского вокзала до Советской площади, но не до Кремля, не к могиле Неизвестного солдата, пришлось стерпеть, когда стотысячная манифестация, проведя митинг на площади Маяковского, не свернув знамена и транспаранты, прошествовала дальше — до Красной площади. На этот раз милиция, расставленная по дворам и переулкам, в дело не вступала. Власти были вынуждены смириться с «вольностями» мани-

фестантов. В противостоянии народа с властью наступила пауза. Расплескав свой эмоциональный заряд на манифестации, люди погрузились в будничные заботы по выживанию. К тому же начинался летний сезон, время садово-огородных работ на шестисоточных клетках. Это любимая пора политиков, для которых наступает более спокойное время. В лето 1993 г. и власть, и оппозиция зациклились на борьбе вокруг конституционной реформы.

По указанию президента уже давно велась разработка проекта новой Конституции. Основную роль в созданной рабочей группе играли екатеринбургский юрист С. С. Алексеев, с 1989 г. избранный народным депутатом и входивший в радикал-демократическую Межрегиональную депутатскую группу, и С. М. Шахрай, типичный недоучка из поколения «завлабов», главный автор Беловежских соглашений, похоронивших СССР. Они подготовили документ, проект которого был опубликован 30 апреля в газете «Известия» и сразу же вызвал острое неприятие в широких кругах политического истеблишмента. В соответствии с этим проектом президент превращался в абсолютного властителя судеб России. Он получал право назначать всех высших государственных должностных лиц, иметь своих представителей в регионах на правах полномочных представителей или своеобразных комиссаров. Упразднялись посты вице-президента и председателя Федерального собрания, дабы не иметь в государстве лиц, сопоставимых по весу и значимости с президентом. Ельцин мог распустить парламент в случае, если тот дважды осмелится не утвердить предлагаемую им кандидатуру на пост премьер-министра. Никаких практических путей для отрешения президента от власти не предлагалось. По своим полномочиям российский президент оказывался более властным хозяином земли русской, чем императоры или генеральные секретари ЦК КПСС. По проекту Алексеева — Шахрая принять новую Конституцию должен был не съезд народных депутатов, а некая Конституционная ассамблея, состав и порядок созыва которой нигде не обозначались.

Но параллельно действовала и официально учрежденная Конституционная комиссия. Ее номинальным председателем был сам Б. Ельцин, а фактически всей работой руководил Р. Хасбулатов, ведущим разработчиком был Олег Румянцев, тогда 32-летний юрист, во многом наивный сторонник «чистой демократии». Проект Конституции этой комиссии был опубликован 8 мая 1993 г. в «Российской газете». С социально-экономической стороны оба проекта можно считать идентичными. Различия имеются в основном в организации власти. Было предусмотрено сохранение парламента в виде двухпалатного Верховного Совета, права которого расширялись примерно до прав буржуазного парламента в западной демократической стране. Чтобы не устраивать внутренних разборок, президент дал указание попытаться соединить оба проекта в один, хотя заранее было понятно, что при этом от «румянцевского проекта» останутся рожки да ножки. Комиссии для вида посидели, покряхтели от натужности и к июню представили Б. Ельцину «согласованный» документ. По своему выбору президент созвал группу людей, так или иначе причастных к работе над обоими документами, получил от них одобрение, и проект новой Конституции был отправлен вниз, в регионы, для одобрения или замечаний.

Характерным для летних событий 1993 г. было то, что наибольшее внимание уделялось именно политическим баталиям вокруг вопроса о Конституции, о том, как найти выход из сложившейся системы «двоевластия» (президент — Верховный Совет), тогда как на самом деле наибольшую значимость и важность имели вопросы проведения приватизации, которая должна была обеспечить эффект «необратимости реформ», по замыслам А. Чубайса и его сподвижников.

Президент же в это лето готовил вооруженный государственный переворот. Виктор Баранец, бывший полковник Генерального штаба, издавший ряд книг об обстановке в российской армии после 1991 г., писал в своей работе «Потерянная армия» («Совершенно секретно», 1998 г.), что «летом 1993 года

многие генералы и офицеры центрального аппарата Министерства обороны и Генерального штаба стали поговаривать о том, что министр обороны подозрительно часто наведывается на дачу президента» (стр. 165). После очередного совещания у министра начальники управлений вдруг дружно принялись выяснять, как выполняются графики отпусков личного состава. Многим генштабовским офицерам пришлось заменить отдых у Черного моря на командировки в войска для проведения проверок по боеготовности, которые носили внеплановый характер.

Во второй половине августа Б. Ельцин посетил Таганскую и Кантемировскую дивизии, расквартированные в непосредственной близости от столицы. Эти воинские соединения уже использовались в прошлом кремлевскими политиками в борьбе за власть. В 1953–1957 гг., когда Н. Хрущеву приходила в голову мысль об устранении очередных конкурентов, Л. Берии или так называемой «антипартийной группировки» во главе с В. Молотовым, он всегда обращался к военным за помощью, и в столице появлялись колонны бронетехники с мотострелками. В 1991 г. ГКЧП также обратился именно к этим воинским формированиям. К 1993 г. некогда славные боевые знамена этих дивизий были уже сильно замараны, но теперь им предстояло сыграть роль не устрашающего пугала во властных разборках, а стать самыми настоящими киллерами, которые будут убивать на улицах Москвы своих соотечественников за квартиры, денежные подачки, генеральские погоны или дополнительные звездочки. Именно за этим ехал в придворные дивизии Б. Ельцин. В его публичных выступлениях все чаще звучали прямые угрозы о необходимости уничтожения «двоевластия», «август — артподготовка, сентябрь — решительное наступление».

К 20 сентября Кантемировская танковая, Таманская мотострелковая, Тульская и Псковская воздушно-десантные дивизии были приведены в состояние повышенной боевой готовности под предлогом осенней итоговой проверки. В военный госпиталь имени Бурденко доставлены небывало большие партии хирургического оборудования, пополнены запасы кро-

ви. Это объяснялось «повышением травматизма среди военнослужащих во время уборки урожая».

Генералитет и офицерский состав с тревогой наблюдали, как драчливые политические соперники старались перетащить на свою сторону вооруженные силы страны, хотя после ГКЧП уже на протяжении двух лет только и слышно было о недопустимости втягивания армии в политику. Отвращение среди военнослужащих к политикам было очень глубоким, им не могли простить вильнюсские события, кровопролитие в Баку, тбилисскую провокацию, фарс с ГКЧП, когда армии пришлось расплачиваться своим авторитетом за политические авантюры кремлевских интриганов. При каждом зигзаге головотяпства крайней оказывалась армия, ей приходилось оправдываться и отмываться. Оставшиеся честными офицеры и генералы теряли уважение к самим себе из-за того, что не имели столько мужества и твердости духа, чтобы отказаться от выполнения явно преступных приказов. Люди оказывались скованными обручами дисциплины и страхом за благополучие своих семей. В откровенных разговорах доставалось в равной мере и «всенародно избранному», и народным депутатам. Отражая эти господствовавшие в армии настроения, военный министр Павел Грачев еще в декабре 1992 г., выступая перед VII съездом народных депутатов, с пафосом и не без внутренней убежденности говорил: «Хотел бы обратиться к народным депутатам с предложением: во имя стабильности, во имя возрождения России мы предлагаем различным политическим силам и группировкам объявить своего рода мораторий на втягивание армии в политику, исключить любое разыгрывание «армейской карты» из арсенала дозволенных средств политической борьбы. Прошу съезд меня в этом поддержать.

Я думаю, что пора раз и навсегда заявить о том, что армия была и будет на стороне народа, на стороне закона, на стороне Конституции. Армия служит Отечеству, она — инструмент и атрибут государства, и этим сказано все» («Красная звезда», 8.12.1992).

Какие прекрасные слова! К ним бы еще и соответствующие дела! Цены бы не было Павлу Грачеву! Только был этот храбрый лично десантник двоедушным, лукавым политиком. До последнего момента он успокаивал армию и коллегию Министерства обороны тем, что обещал сберечь армию от участия в братоубийственной разборке. И одновременно он клялся и божился Б. Ельцину в своей верности, в преданности президенту Вооруженных сил и вел работу по подготовке государственного переворота. На даче президента П. Грачев уверял, что армия ждет не дождется приказа взять штурмом Белый дом, и даже попрекал генерала М. Барсукова, возглавлявшего тогда службу безопасности, в малодушии и неверии в быстрый и конечный успех операции, а в зале заседаний коллегии Министерства обороны на Арбате не переставая повторял слова о том, что «армию надо оставить в покое». 90-е годы вообще оказались чрезвычайно щедрыми на урожай именно таких людей в политике, в бизнесе, в силовых структурах, вообще в жизни общества. П. Грачев был просто последователен в своем хамелеонстве. В 1991-м, в дни августовских событий, он также метался между верностью воинской присяге и дисциплине и желанием успеть переметнуться в лагерь побеждающего противника, каким в то время был Б. Ельцин. Высокие посты, непомерные звания, роскошь вилл и обслуга, возможность сделать быстро крупное состояние окончательно доломали нестойкую психику тульского паренька и превратили его в почти профессионального лгуна и безвольного прихвостня Б. Ельцина, перед напором которого он оказывался жалким и бессильным.

Наконец 21 сентября 1993 г. грянула буря, ожидавшаяся всеми давно и в то же время неожиданная, как смерть. Б. Ельцин подписал свой зловещий указ № 1400, в соответствии с которым Верховный Совет и съезд народных депутатов Российской Федерации распускались в форме прекращения осуществления ими законодательной, распорядительной и контрольной функций, впредь стране предписывалось руководствоваться только указами президента и распоряжениями пра-

вительства. Было велено представить к 12 декабря 1993 г. согласованный проект новой Конституции. На 11–12 декабря назначались новые выборы в будущую Государственную думу. Конституционному суду было предписано не созывать заседаний до начала работ Федерального собрания РФ. Совету министров надлежало стать правопреемником Верховного Совета и принять в свое ведение все организации и учреждения, ранее подчиненные парламенту. Рабочий аппарат Верховного Совета и обслуживающий персонал отправлялись в отпуск до 13 декабря с сохранением содержания. Указ вступал в действие с момента подписания. В тот же день Б. Ельцин выступил в 20.00 по телевидению. Он выглядел совсем трезвым и привычным командным голосом объявил о своем решении идти до конца в борьбе с парламентом.

Я в тот день записал в своем дневнике: «Нынешних парламентариев мне не жаль. Это именно тот состав людей, который вырастил Б. Ельцина, избрав его своим председателем, дав ему тем самым стартовую площадку для карьеры. Эти же люди разваливали Союз, объявляя о независимости России и приоритете российских законов над общесоюзными, они глумились над раздавленным Горбачевым в августе 1991 г., санкционировали запрет КПСС, захват ее имущества. Они мостили дорогу Ельцину к абсолютной власти, предоставляя ему особые полномочия. И вот теперь сами стали жертвой. Старая логика вечной борьбы за власть.

Честно говоря, я не думал, что Ельцин пойдет на это! Риск для России и для него лично великоват, но в политике воля значит куда больше, чем ум. Президента поддерживают вся генетически рептильная пресса, радио и телевидение, родившаяся (и уже мускулистая) новая буржуазия (в стране действует почти 1 млн фирм, в которых работают 19 млн рабочих и служащих), на его стороне большая часть влиятельных лидеров Запада, которым он нужен как гарант нестабильности и слабости России.

Оппозиция традиционно сильна языком, а не делом. Наш парламентаризм как бы взят напрокат в чужом гардеробе. Он

неловко сидит, где-то жмет, где-то нелепо морщит, вызывая колкости и ядовитые подковырки в свой адрес». И далее: «У меня в душе разлом. Убежден, что для нынешней России время парламентаризма еще не наступило. Нет у нас для этого необходимых ингредиентов. Мы еще несколько десятилетий должны пожить при сильном правительстве. Но уж больно велико мое отвращение к нынешней «исполнительной» гарнитуре. Она очень антинациональна, воровата, груба, аморальна... Однако в политике главное — воля. Легитимными мерами власть не проймешь, ибо она не боится ходить нелегитимными дорожками. Если парламент не решится призвать всех своих сторонников, в том числе в регионах, то путь ему в политический крематорий».

В те августовские и сентябрьские дни мне приходилось неоднократно бывать в Белом доме, где я чаще всего встречался с С. Н. Бабуриным, Н. Павловым, а также генералом Б. В. Тарасовым, который до недавнего времени был начальником политуправления Приволжского военного округа, а теперь возглавлял депутатскую группу «Отчизна». Эти люди вызывали у меня уважение своими ясными государственно-патриотическими взглядами, а Бабурин С. Н. в моих глазах на голову возвышался над средним уровнем депутатов, он один спасал их честь, открыто голосуя против Беловежских соглашений. Как бы критически я ни оценивал тогдашний депутатский корпус, все равно мои симпатии были однозначно на его стороне. Ведь им противостояла разрушительная антигосударственная сила, у которой не было других побудительных мотивов, кроме личной власти и личного состояния. Тупые милицейские чины свободно пропускали меня через свои кордоны, когда я предъявлял им сохранившееся у меня после отставки в августе 1991 г. удостоверение генерала КГБ, подписанное еще В. А. Крючковым. В беседах с депутатами я чаще всего говорил о бесперспективности сидения в Белом доме. «Москва, — говорил я, — враждебный для парламента город. Здесь сосредоточено 80% банков, три четверти всех частных фирм России, вся проправительственная бю-

рократия, главные репрессивные силы. Сама столица окружена военными городками и базами, части и подразделения которых будут брошены на ваше подавление. Верховному Совету, съезду народных депутатов, равно как и Конституционному суду, следует уехать из этого враждебного вертепа, обосноваться в другом городе страны, призвать оттуда народ на Отечественную войну против узурпаторов власти, торгашей национальными интересами, мучителей людей. В Смутное время спасение России и Москвы пришло из Нижнего Новгорода». Со мной не спорили, но слова пропускали мимо ушей. Людей масштаба Минина и Пожарского в «тогдашнем оппозиционном суповом наборе» не было.

Руководство Верховного Совета решило сопротивляться. В ответ на указ № 1400 Р. Хасбулатов подписал сразу несколько постановлений, первым из которых было отрешение Б. Ельцина от должности президента страны в связи с нарушением им Конституции, выразившимся в приостановлении действия законно избранных органов государственной власти. Вторым шагом Верховного Совета было назначение исполняющим обязанности президента страны А. В. Руцкого. Следует отметить, что Руцкой, в свое время избранный на пост вице-президента России, был выселен из Кремля сразу, как только начал противоречить Б. Ельцину, и нашел убежище под крылом Верховного Совета в Белом доме. Еще одно Постановление оценивало действия Б. Ельцина как государственный переворот и просило Конституционный суд дать правовую оценку указа № 1400. В тот же день, 21 сентября, Конституционный суд под председательством В. Д. Зорькина вынес решение, в котором однозначно говорилось, что содержание указа 1400 не соответствует Конституции Российской Федерации и может служить основанием для отрешения Б. Ельцина от должности президента или «для приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности». Теперь все кости в игре были брошены. Началась мучительная осада здания парламента, которое сначала было окружено милицией, потом дополнительно омоновцами,

затем подключившимися войсками Министерства внутренних дел, к которым постепенно подходили части армии. Скопление техники и живой силы было явно несоразмерным с гарнизоном Белого дома. Какие бы истеричные крики не слышались о том, что в Белый дом съехались фашисты и бандиты со всей страны, что оттуда истекала угроза для политической стабильности государства и безопасности граждан, что там находилось гнездо вооруженных до зубов мятежников, — все это сплошная чушь. Вот моя запись от 27 сентября: «Я важно показал свое удостоверение и вошел в осажденное кольцо. Там, как в оке циклона, тихо, солнечно. На символической баррикаде сидят 5–7 молодых людей и пара миловидных девушек. Один стоит со знаменем на вершине баррикады, символизируя неустанную бдительность и давая пищу репортерам, коих, конечно, мало. Горит костерик, окруженный убогими скамейками, на нем греется чайник. Охранники готовились завтракать.

Пожилые женщины — вечные труженицы — подметали площадь перед самым Белым домом грубыми вениками, сделанными из отломанных ветвей деревья. Вокруг громкоговорителя собралось 250-300 человек: шла запись бойцов в «мотомеханизированный полк» обороны. На тротуаре вдоль здания (я подходил со стороны станции метро «Баррикадная») выстроилась шеренга охранников баррикад, готовая заступить на дежурство. Шеренга жидкая, человек 40, но люди выглядят спокойными, решительными. Их вооружение: палки, дубинки. Все это чистая символика по сравнению с тысячами омоновцев, окруживших здание...»

Никаких складов оружия в подвалах Белого дома не было. С 1991 г. действовало распоряжение Б. Ельцина, в соответствии с которым для охраны парламента было выделено 138 автоматов, 9 ручных пулеметов и 570 пистолетов. Штатная милицейская охрана парламента, перешедшая на сторону Верховного Совета, была вооружена этими стволами. Часть оружия выдана добровольным ополченцам, которые пришли защищать Белый дом. Всей охраной до самого конца командовал А. Руцкой.

Число ополченцев правительственные источники немилосердно завышали. По самым размашистым цифрам, всего в Белом доме было около тысячи человек, из которых 400 составляли сами депутаты и обслуживающий персонал парламента. Немало говорилось в те дни об отряде Баркашева (Русское национальное единство), который всегда квалифицируется правительственной прессой как «фашист». Свидетели, в том числе Иона Андронов, утверждают, что численность баркашевцев составляла всего 100 человек, из них получили или имели оружие 22 человека, они не принимали участия в бою, не понесли потерь, были задержаны и отпущены по домам. Вышедший вместе с Андроновым генерал Ачалов был арестован и отправлен в тюрьму. Баркашев и его «воинство», неизвестно кем субсидируемое, каждый раз выскакивает на политическую арену, как черт из табакерки, в момент, когда это выгодно властям, чтобы завести пластинку о фашистской угрозе в стране. Никакой другой роли баркашевцы не играли и не играют.

Приведенные данные лишь иллюстрируют очевидную истину: никакой военной опасности люди, участвовавшие в защите Белого дома, для правительства не представляли. Конфликт между президентом и парламентом носил по-прежнему чисто политический характер. Б. Ельцин в глубине души надеялся, что мерами морально-психологического давления ему удастся сломить упрямцев, добиться их политической капитуляции без применения силы. Этим и объясняется двухнедельная осада, в ходе которой власти последовательно отключали все системы жизнеобеспечения здания: электроснабжение, водопровод, все виды связи и т.д. Окрестные магазины и булочные были закрыты под предлогом ремонта, а ввоз продовольствия, питьевой воды или медикаментов прекращен. Даже находящиеся поблизости телефоны-автоматы оказались выведенными из строя. Большую изобретательность проявил в эти дни мэр Москвы, который распорядился подтянуть к Белому дому автомашины-цистерны, наполненные водой, чтобы перекрыть ими все подъезды к парламенту, по которым могло прорваться на авто-

машинах подкрепление извне. Вдоль всего здания Верховного Совета была протянута спиральная колючая проволока.

Поскольку на третий день после начала государственного переворота — 23 сентября — в здании парламента начал работу X чрезвычайный съезд народных депутатов Российской Федерации, президентская сторона стала вести настоящую психологическую войну против народных избранников, установив на крыше гостиницы «Мир» напротив парламента громкоговоритель, откуда лились то угрозы неминуемого и сурового возмездия, то уговоры переходить на сторону президента и покинуть Белый дом. Этот громкоговоритель даже получил прозвище Геббельс. На съезд, будем точны, прибыли всего 638 депутатов из 1069 человек полного состава, а к концу осады, дню штурма, их осталось не более сотни. Остальные либо струсили, либо перешли на сторону Ельцина. Предательство в подавляющем большинстве случаев имеет только две причины: либо страх за здоровье и жизнь свою и своих близких, либо стремление купить такой ценой материальные блага. Среди тех, кто клялся своим избирателям в своей неподкупности и верности идеалам справедливости и демократии, оказались очень многие, дезертировавшие в это время. Например, Евгений Амбарцумов (депутат из категории «завлабов»), входивший в состав Комитета по международным делам, дезертировал и получил в награду пост российского посла в Мексике.

Мелкий, серенький научный работник Евгений Кожокин за свое бегство из Белого дома был награжден сначала постом заместителя министра, а потом стал директором института стратегических исследований. Начинающий адвокат Алексей Сурков из рядового депутата превратился аж в главу специальной кремлевской комиссии по распределению материальных благ таким же, как он, перебежчикам. Его комиссия была даже расквартирована поблизости от здания парламента, чтобы «раздача слонов» носила более убойный характер.

Николай Рябов, скромный агротехник из небольшого поселка в Ростовской области, в прошлом активный антиельци-

нист, перекинулся на сторону президента в первые же дни государственного переворота, а вскоре граждане России могли видеть его на посту председателя Центральной избирательной комиссии, затем он был назначен послом в Прагу.

Глава парламентского комитета по вопросам обороны и безопасности Сергей Степашин, вчерашний политработник пожарных дружин в Ленинграде, легко перемахнул барьер совести и оказался заместителем министра безопасности, потом докарабкался до поста премьер-министра. Оказавшись непригодным на этих постах, он осел в удобное кресло председателя Счетной палаты, чья основная задача — не разоблачать коррупционеров и расхитителей национального достояния, а скорее скрывать их от общественности.

Почти одновременно с ним «слинял» из Белого дома Александр Починок, с тех пор подвизающийся на министерских постах, но получивший известность главным образом как растратчик госсредств на загранпоездки вместе со своей семьей.

Накануне танкового расстрела из парламента исчез бывший партаппаратчик Рамазан Абдулатипов, который буквально через пару дней вынырнул в качестве заместителя министра.

Список можно продолжать и продолжать, испытывая чувство гадливости. Бежали, как правило, мелкие, ничтожные личности, которые внезапно на гребне демагогической волны ворвались в столичную политическую жизнь, хлебнули материальных благ и теперь потели от страха потерять их снова. А терять было что. Каждому из беглецов выдавалось два миллиона рублей наличными, обеспечивалось престижное место в госаппарате, передавалась в собственность служебная квартира в Москве, предоставлялись ему и членам семьи обслуживание в президентской поликлинике и больнице, санаторно-курортное лечение и т.д., то есть как раз те льготы, против которых боролись «демократы», когда рвались к власти. После всего этого не стоит удивляться, дорогие сограждане, откуда взялось в российской политике 90-х годов такое множество безнравственных проходимцев. Их плодила и пестовала сама верховная власть.

Если верить свидетельствам Р. Хасбулатова, его самого также пытались перекупить самым вульгарным образом. На четвертый день путча к нему в кабинет с поручением из Кремля явился ранее сбежавший Евгений Кожокин, который, сославшись на «принятое на высшем уровне решение», предложил Р. Хасбулатову вылететь вместе с родней и помощниками в одно из государств Арабского Востока или Скандинавию. Кожокин заверял, что денег дадут, сколько хотите, «хоть десять миллионов наличными». Сделка не состоялась, Хасбулатов отказался.

28 сентября, в день, когда блокада Белого дома стала предельно жесткой, командующие оцеплением получили приказ пропустить в здание Верховного Совета известного эстрадного певца, собутыльника криминальных авторитетов и одновременно советника по культуре столичного мэра, Иосифа Кобзона, который привел с собой двух женщин: Людмилу Руцкую и Раису Хасбулатову — жен руководителей мятежного парламента. Он сам притащил упаковку с чистым бельем и термос с горячим борщом для А. Руцкого. Характер его миссии далек от милосердия или высоких соображений гуманизма. Кобзон от имени министра безопасности Н. Голушко и Ю. Лужкова пытался склонить неуступчивых политических противников к капитуляции, но, видимо, получил отказ и больше в Белом доме не появлялся.

В темном, холодном Белом доме в среде постоянно тающей горстки депутатов и защитников демократии не могли не возникнуть и пессимистические настроения, и желание капитулировать. Возникал вопрос о прекращении работы X чрезвычайного съезда народных депутатов в связи с создавшимися невыносимыми условиями. Кто-то предлагал переизбрать руководство Верховного Совета, сместить Хасбулатова, но осажденные понимали, что они были обречены, шансов на победу не было и оставалось только одно: спасти честь и достоинство.

В первые дни осады А. Руцкой предпринимал попытки добиться поддержки от Вооруженных сил. Он послал письмо командующему Сухопутными силами генерал-полковнику В. Се-

менову, командующему ВМФ адмиралу Ф.Н. Громову, командующему ВВС генерал-полковнику П.С. Дейнекину, командующему воздушно-десантными войсками генерал-полковнику Е.Н. Подколзину. Главная мысль была сформулирована в последнем абзаце посланий, где говорилось: «В этот тревожный час я обращаюсь к вам: не оставайтесь в стороне от происходящего. Этого не простят нам наши дети и внуки. Армия не может быть вне политики в момент, когда разрушается государство и над обществом нависает тень новой диктатуры. Призываю вас занять активную позицию, достойную офицерской чести и присяги». Опасаясь, что его коллеги могут опередить его в скорости доклада об этом письме, каждый из адресатов клятвенно заверил министра, что он либо сжег, либо выбросил в урну это послание. По распоряжению Ельцина во всех кабинетах Минобороны и Генштаба были отключены телефонные аппараты правительственной связи, чтобы не дать возможности высокопоставленным генералам получать информацию со стороны или вести переговоры между собой. Пользоваться обычной связью для сколько-нибудь деликатных разговоров в России никто не решался.

Руцкой и Хасбулатов продолжали по разным каналам звать армию на помощь. Армия вздыхала, сочувствовала, но продолжала сидеть в своих гарнизонах, штабах, кабинетах.

Обстановка в провинции, в субъектах Федерации, характеризовалась глубоким расколом. Главы администраций в основной массе поддержали президента, так как были им и назначены. Те, кто был избран голосованием населения и позволил себе поддержать парламент, освобождены от своих постов указами Б. Ельцина. Советы же всех уровней в большинстве случаев поддержали парламент. В Москву съехались представители большинства регионов, они собрались в здании Конституционного суда и сформировали так называемый «Совет субъектов Федерации», который склонялся к противостоянию Б. Ельцину. Находившийся в то время в США народный депутат Г. Старовойтова во всеуслышание заявляла, что российская провинция

всегда безропотно последует за примером столицы, и призывала с присущей ей проломной напористостью к силовому подавлению «заговорщиков и мятежников». В постоянных дебатах в коридорах и залах Конституционного суда родился тогда так называемый «нулевой вариант», по которому стороны должны были отказаться от всех предпринятых ими шагов после 20 сентября, дезавуировать все свои решения и постановления, вернуться к исходному положению и продолжить политические поиски выхода из кризиса. Б. Ельцин и слышать не захотел об этом «нулевом варианте». Тогда родился еще один проект, который тоже иногда называют «нулевым вариантом», он предусматривал одновременную отставку как президента страны, так и всех народных депутатов, после чего в стране должны были быть проведены одновременные выборы нового состава парламента и нового главы государства.

Все эти поиски не учитывали главного: характера Б. Ельцина, который ни при каких обстоятельствах не собирался расставаться с властью, тем более что он видел, как слабеют позиции Верховного Совета, убеждался с каждым днем, что страна находится в состоянии прострации, народ апатичен. Он только удовлетворенно крякнул, когда ему доложили, что призыв Федерации независимых профсоюзов к всеобщей политической забастовке в поддержку парламента не был поддержан большинством рабочих коллективов, в связи с чем ее руководитель Игорь Клочков был вынужден подать в отставку, а новое, уже проельцинское руководство высказалось без обиняков за разгон Верховного Совета и съезда народных депутатов.

Надо ли говорить, что политические руководители ведущих стран Запада, в первую очередь Клинтон, Коль, Мейджор, Миттеран все время безоговорочно поддерживали российского президента, хотя не могли не видеть творимого им насилия над Конституцией и парламентом. Невозможно упрекнуть их в этом, ибо политика никогда не руководствовалась некими абстрактными категориями права и морали. Западные лидеры исходили из узкопрактических интересов, которые диктовали им

соображения собственной государственной выгоды. И тогда, и в прошлом они поддерживали и поддерживают те силы, которые работают на ослабление и развал Российского государства. В Белом доме дневали и ночевали десятки корреспондентов западных газет, в их обличье шныряли кадровые разведчики. Все они были вооружены сотовыми телефонами, видео- и аудиоаппаратурой, их переговоры не заглушались радиопомехами, так что на Западе были прекрасно осведомлены об обстановке и настроениях в Белом доме. Руководители Верховного Совета надеялись, что правда, переданная из здания парламента, поможет вызвать волну сочувствия среди мировой общественности, но, увы, информация носила односторонне направленный характер. Она готовила западного обывателя к кровавой развязке.

В обстановке напряженного ожидания вспышки насилия, последствия которой могли оказаться непредсказуемыми, Русская Православная Церковь взяла на себя высокогуманную задачу — попытаться избежать кровопролития и посадить конфликтующие стороны за стол переговоров. Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II 21 сентября 1993 г. находился в зарубежной поездке на Аляске, куда он прибыл по приглашению Автокефальной Православной Церкви Америки. Тревожные новости из Москвы заставили Патриарха сократить намеченные сроки поездки. В аэропорту Сан-Франциско Алексий II сделал заявление, призвав все ветви власти, армию, правоохранительные учреждения и всех россиян воздержаться от любых действий, могущих привести к кровопролитию и толкнуть к гражданской войне. 28 сентября он вернулся в Москву и практически сразу предложил свое посредничество в урегулировании конфликта.

Вскоре Церковь начала консультации с политическими силами. 29 сентября Патриарх принял Ю. Лужкова, представлявшего президентскую сторону, затем его посетила группа народных депутатов и представителей общественности, чуть позже — председатель Конституционного суда Валерий Зорькин. На другой день Патриарх вместе с митрополитом Ювеналием и

митрополитом Кириллом посетили президента Б. Ельцина в Кремле. В результате всех проведенных консультаций противоборствующие стороны согласились вступить в переговоры при посредничестве Русской Православной Церкви.

Сами переговоры начались 1 октября 1993 г. в Свято-Даниловом монастыре. Правительственная сторона была представлена С. Филатовым (глава администрации президента), О. Сосковцом (первый вице-премьер правительства России) и Ю. Лужковым (мэр Москвы). Парламент выделил для переговоров В. Абдулатипова (председателя Совета Национальностей Верховного Совета) и В. Соколова (Председателя Совета Союза Верховного Совета). От Конституционного суда в переговорах принимал участие судья В. Олейник. На участие в переговорах В. Зорькина, председателя Конституционного суда, не дал согласия Б. Ельцин, не простивший ему квалификации указа № 1400 как антиконституционного. Начало переговоров не предвещало ничего тревожного. Парламентская сторона сразу же изъявила готовность складировать все имеющееся в Белом доме оружие в опечатанных помещениях под охраной представителей двух сторон. Отпадал, казалось, самый острый раздражитель, исключалась сама возможность какой-либо опасности применения оружия со стороны осажденных. Другая сторона согласилась включить электроснабжение, подать тепло и открыть необходимое число телефонных линий. Казалось бы, первый шаг сделан и нужно только идти в выбранном направлении. Но не тут-то было. Уже на первом заседании Сергей Филатов заявил, что необходимо изъятие всего оружия из Белого дома, а в числе оружия, якобы имеющегося там, он назвал пулеметы, гранатометы и даже ракеты с дальностью стрельбы до шести километров (правда, оговорился, что это непроверенные данные). Ему вторил Ю. Лужков, заявивший: «Нам известно, что там сосредоточено громадное количество оружия, которое в десятки, сотни (?!) раз превышает необходимость и достаточность средств вооружения для осуществления мер безопасности

и обороны Белого дома». О людях, находившихся внутри осадного кольца, Ю. Лужков отозвался как о «ненормальных, агрессивных провокаторах». Собственно этими словами определялась и вся последующая линия поведения правительственной стороны на переговорах (все цитаты взяты из стенографического отчета о переговорах, опубликованного в книге «Тишайшие переговоры», изд. Магистериум, Москва, 1993 г.). На замечание Патриарха о том, что разоруженческий процесс должен захватить не только людей в Белом доме, но и вокруг него, Ю. Лужков разразился эмоциональной, но абсолютно лживой тирадой: «Ваше Святейшество, я православный и могу поклясться Вам, что — святая правда — не только в каких-то разговорах, обсуждениях, в системе аппарата президента или правительства, или в мэрии, или в ГУВД, или в министерстве внутренних дел, даже в мыслях не было того, чтобы осуществлять какой-то штурм, какое-то нападение на Белый дом. Никогда никаких ни мыслей, ни переговоров, ни договоренностей, ни разработок по нападению на Белый дом не существовало. Я клянусь Вам в этом. И все то, что сейчас нагнетается — это или провокация, или проявление просто уже болезненного, возбужденного мышления». Любой читатель без труда может составить свое собственное мнение об этом утверждении московского мэра. Буквально в эти же часы Б. Ельцин приехал к войскам, стоявшим в оцеплении вокруг Белого дома, встретился с омоновцами, благословил их на дальнейшие действия.

К переговорам вскоре подключился заместитель председателя Верховного Совета РФ Ю. Воронин, который был назначен руководителем парламентской делегации. Его линия была жесткой, он настаивал на полном разблокировании Белого дома, отводе войск, восстановлении всех систем жизнеобеспечения и т. д. После этого переговоры стали потихонечку вязнуть во взаимных претензиях, обвинениях. Правительственная сторона все внимание сконцентрировала на информации о якобы сформированном в Белом доме «полке». С. Филатов просто вы-

ходил из себя, называя ополченцев Белого дома «людьми с неизвестным прошлым, боевиками, профессиональными убийцами, уголовниками». Лужков вторил ему и резко заявлял, что если противная сторона будет настаивать на узаконивании некоего воинского формирования, «то мы объявляем, что по вине другой стороны переговоры сорваны, и это дает нам возможность планировать наши мероприятия по обеспечению правопорядка в Москве таким образом, который мы сочтем необходимым и достаточным». Практически это был ультиматум, принять который представители Верховного Совета были не готовы. Попытка судьи Конституционного суда В. Олейника утихомирить стороны разъяснением, что пресловутый полк в составе 400 человек создан, чтобы компенсировать разбежавшихся сотрудников Департамента охраны Верховного Совета, от численности которых осталось только 10%, что полк разделен на взводы, роты и батальоны, которые несут службу в соответствии с действующими уставами и т. д., ни к чему не привела. В конечном итоге стороны уперлись в стену: Ю. Лужков и С. Филатов настаивали на разоружении защитников Белого дома и выводе их из здания, а Ю. Воронин от имени Верховного Совета требовал в качестве первоосновы отмены указа № 1400 и обсуждения политических вопросов. В последний раз делегации встретились в Свято-Даниловом монастыре 3 октября в 16.00, разговор откровенно не клеился, а вскоре пришли новости о событиях на улицах Москвы и переговоры было решено прервать до 20.00. К означенному времени представители противоборствующих сторон в Свято-Данилов монастырь не прибыли.

Морального авторитета и политического веса Церкви оказалось недостаточно для политиканов обеих сторон. К призывам Патриарха подумать о судьбе Родины, о многострадальном народе, которому надо было дать надежду, а не ввести в отчаяние, дельцы от политики оказались глухи. Теперь трагедия становилась неизбежной.

Наступило воскресенье 3 октября, обычный хмурый осенний день с прогнозом погоды от 0 до +7°. На 14.00 был назначен митинг на Октябрьской площади сторонников левых сил. К митингам столица привыкла, они проходили почти ежедневно. Люди, обычно окруженные цепями омоновцев, высказав все, что они думают о властях, расходились. Велась запись добровольцев в отряды защитников Белого дома, но скорее для демонстрации решимости, чем для реального формирования боевых дружин. По сию пору нет однозначного ответа на вопрос: были ли события вечера 3 октября 1993 г. выражением стихийного недовольства населения властью или они срежиссированы преступной рукой. А может быть, сложилось фатальное переплетение всех движущих факторов? Клокочущая ненавистью толпа, собравшаяся на Октябрьской площади, внезапно двинулась по Садовому кольцу вниз, к Крымскому мосту. Некоторые участники событий вспоминают, что инициатива принадлежала колонне демонстрантов, во главе которой шел Илья Константинов — в ту пору депутат Верховного Совета и один из руководителей оппозиционного Фронта национального спасения.

По оценке левых источников, в демонстрации приняли участие около 300 тысяч человек. Сведения из официальных источников отсутствуют. Власть никогда не хотела признавать массовости антиправительственных манифестаций и, как правило, тяготеет к преуменьшению реальных цифр. Но на этот раз не были названы и заниженные цифры, так как тогда было бы непонятно, как малыми силами демонстрантам легко удалось сносить омоновские заслоны.

Людской поток при входе на Крымский мост был встречен первой полосой оцепления, в котором стояли в три ряда омоновцы, вооруженные щитами и дубинками. Напор толпы был силен, цепи охранения оказались прорванными, а разъединенные омоновцы теряют всякую боеспособность. Победа всегда вдохновляет, придает и силу, и решимость. Людской селевой поток двигался дальше, к Смоленской площади, где также без

особого труда прорвал вторую цепь стражей порядка. В руках у демонстрантов оказалось несколько «трофейных» грузовиков, которые шли во главе колонны, играя роль ударного авангарда. У Нового Арбата толпа почему-то разделилась: относительно небольшая часть — тысяч 18–20 — направилась к Белому дому, в то время как остальная масса продолжила марш по Садовому кольцу, направляясь к Останкинскому телецентру. Легко, очень легко, — это вызывает подозрения, что власти специально расставляли ловушку, — демонстранты прорвали осадное кольцо вокруг Белого дома, растащили в стороны «спираль Бруно» — заграждения из колючей проволоки, отогнали автомашины, и тут же начался митинг — перегруженный эмоциями, бестолковый, сумбурный.

Освобождение Белого дома оказалось неожиданным для его сидельцев, у руководства Верховного Совета не было никакой осмысленной и продуманной программы действий. Потому-то и сорвались с языка у А. Руцкого два лозунга: «На мэрию!» и «На Останкино!». Здание мэрии было рядышком, прямо через улицу, люди видели, что именно туда скрылось большинство омоновцев из разорванного оцепления. Детонатором для штурма мэрии послужили автоматные очереди, прогремевшие из ее окон и унесшие жизни первых жертв этого трагического дня. Распаленные демонстранты, часть из которых была вооружена захваченными автоматами, вместе с защитниками Белого дома ворвались в мэрию, где завязался бой, больше шумный, чем кровавый. Загнав омоновцев на верхние этажи, атакующие большей частью вернулись в Белый дом, а частью, повинуясь приказу идти на Останкино, погрузились на захваченные или услужливо подставленные грузовики и двинулись в район телецентра.

Подавляющее большинство свидетельств очевидцев, выступавших по свежим следам событий в центральных газетах, говорило о том, что от Белого дома на «Останкино» ушли немного людей, основная масса либо двигалась по Садовому кольцу,

либо стихийно собиралась по дороге, особенно вдоль проспекта Мира. Власти имели в своем распоряжении достаточно сил и средств, чтобы остановить и рассеять демонстрантов, но они не сделали этого, сосредоточив все резервы на блокировании наиболее коротких и прямых подходов к Кремлю. Убедившись, что скопления людей удаляются от Кремля и движутся к телецентру, власти сняли основные силы и бросили их на «Останкино», легко обогнав по боковым улицам медленно двигавшихся пеших демонстрантов.

В результате совершенно безоружная толпа численностью 12–15 тыс. человек подошла к главным зданиям телецентра около 18 часов вечера. Там начался митинг, на котором особенно запомнилось выступление несдержанного генерал-полковника Альберта Макашова, бывшего командующего Приволжско-Уральским военным округом. Через громкоговорители он требовал сдачи телецентра повстанцам, не стеснялся в выражениях, в воспоминаниях часто упоминаются его слова: «Эй, крысы! Крысы! Выходите! Каждому, кто добровольно выйдет, будет сохранено одно яйцо! Сопротивление бесполезно. Ельцин вас предал. Вы окружены превосходящими силами!»

Реальное соотношение сил было совершенно иным. За прочными стенами зданий находилось несколько сотен готовых к бою спецназовцев. Буквально в сотне метров, скрытые главным корпусом телецентра, стояли наготове две дюжины БТРов с крупнокалиберными пулеметами из дивизии внутренних войск им. Дзержинского. У Макашова же в лучшем случае были два десятка вооруженных автоматами ополченцев, несколько грузовиков и, как выяснилось, один гранатомет.

Целый час с лишним на улице Королева шло словоизвержение, сыпались угрозы, проклятия. Настроение людей можно было понять. Ненависть к «Останкино» была вызвана самими ангажированными тележурналистами, которые без зазрения совести врали, клеветали, стращали и вообще служили для президента и правительства агитпропом еще худшим, чем в советское

время. На требования предоставить эфир никто не отвечал, руководство телецентра не вышло на переговоры с руководством демонстрантов. Тогда в 19.05 грузовик по приказанию Макашова двинулся тараном на дверь главного входа в здание телецентра. Почти одновременно раздался взрыв мины, пущенной из гранатомета. В ответ из окон, с крыши и из-за парапетов здания хлынул свинцовый ливень. Стреляли на поражение почти в упор по толпе. Сам Макашов и окружавшая его горстка вооруженных бойцов оказались у стен здания, «мертвой зоне». Автоматные очереди косили без разбора людей, стоявших плотной массой на пустынном пространстве улицы Королева, где не было никаких укрытий.

Еще в 16.00 этого рокового дня Ельцин своим указом ввел чрезвычайное положение в Москве. Об этом знали засевшие в здании телецентра омоновцы и спецназ, но для тех граждан, которые в это время находились на улицах города или митинговали около «Останкино», это было неведомо. Выступивший по радио с заранее подготовленным заявлением премьер-министр Черномырдин употреблял такие формулировки: «Мир (?) потрясен кровавым террором, развязанным рвущейся к власти кучкой политиканов, которые в своих действиях перешли все разумные пределы». Ну чем не Геббельс? «Нелюдь», «зверье» — это тоже из его лексикона. Цитировать высказывания той и другой стороны бесполезно, они достойны друг друга. Трагизм ситуации заключался в том, что на стороне правительства были вся сила репрессивного аппарата и весь пропагандистский аппарат, а на другой стороне — стихийно выплеснувшееся недовольство безоружных и беззащитных граждан, увлеченных задиристыми и авантюрными игроками в политику в огненную западню.

До ночи по всей округе гремели автоматные и пулеметные очереди, хрипели умирающие, стонали раненые, выли женщины и слышался мат-перемат, в который выливалась бессильная ненависть.

В час ночи 4 октября в Министерство обороны приехал лично президент страны, чтобы поставить боевую задачу на штурм Белого дома. Надо было сломить сопротивление колеблющегося руководства. Об этом достаточно откровенно написал впоследствии и сам Б. Ельцин. П. Грачев заботился только об одном: получить от Ельцина прямой письменный приказ об открытии огня, и в том числе из танковых орудий. Ему нужно было хоть какое-то оправдание перед историей. «Будет вам приказ», — бросил президент перед отъездом в Кремль. Все, что последовало затем, можно уложить в старинную песенку Беранже: «А там пойдут уже детали: гроб, крышка, гвозди, молотки».

К рассвету 4 октября к Белому дому подтянуты 185 единиц армейской боевой техники в основном двух дивизий: Кантемировской 4-й танковой под командованием генерал-майора Бориса Полякова и Таманской мотострелковой под командованием генерал-майора Валерия Евневича. Непосредственная задача ликвидации Верховного Совета как очага сопротивления была поставлена перед ротой тяжелых танков «Т-80» в составе 10 боевых машин из 4-й танковой дивизии. Огонь должны были вести из танковых орудий калибра 125 мм специально подобранные экипажи, состоящие исключительно из офицеров, которым обещаны крупные денежные вознаграждения, решение квартирных проблем и гарантия успешного продвижения по служебной лестнице в центральных округах России. При этой роте в течение всего времени находился специальный представитель президента страны, хотя в опубликованных материалах его имя никогда не упоминалось.

Для полной гарантии роль палача была продублирована. На случай любых непредвиденных обстоятельств подготовлена резервная рота танков (но уже из состава 27-й отдельной мотострелковой бригады, с которой заранее проведена подготовительная работа).

Глухой ночью с 3 на 4 октября народный депутат Иона Андронов, который уже в дни осады был избран председателем комитета Верховного Совета по международным делам, предпри-

нял отчаянную попытку избежать расправы над парламентом. Он с согласия Р. Хасбулатова отправился в американское посольство, благо оно стояло рядом с Белым домом, а военное оцепление отсутствовало. Подойдя к будке с вооруженным морским пехотинцем, Андронов попросил, если можно, организовать ему побыстрее встречу с советником-посланником Луисом Селом, с которым несколькими днями раньше у него состоялся безрезультатный разговор по сотовому телефону, взятому «на пяток слов» у одного из западных журналистов. Луис Сел, видимо, бодрствовал, так как без промедления принял необычного гостя. Поскольку Сел вел стенографическую запись разговора, у меня есть все основания доверять тому, что рассказал впоследствии об этой встрече И. Андронов. А он сказал американскому дипломату следующее: «Вам, несомненно, уже известно, что в город вошли бронетанковые войска и готовятся к удару по Белому дому. Почти неизбежно страшное кровопролитие. Я хотел бы, будучи русским, предотвратить массовое убийство русскими русских. Мы вам чужие. Но вам не могут быть чужды ваши долгосрочные государственные интересы. Ваш кремлевский друг, как я уверен, завтра будет победителем. Однако Соединенным Штатам вряд ли выгодно политически иметь в России царствующего друга, запятнанного русской кровью. Гораздо выгоднее для вас, не лишая вашего друга лавров триумфатора, выступить сейчас миротворцами в смертельный для русских час.

— Что вы хотите от меня конкретно? — спросил Л. Сел.

— Выступить посредником между нами и Кремлем.

— Что вы предложите Кремлю?

— Немедленную встречу их представителей с нашим руководством. Никаких предварительных условий. Тема и цель встречи единственная: избежать кровавого взаимоистребления.

— Ну, что же, считаю вашу инициативу достойной уважения. Хотя не разделяю Ваших взглядов. Хотите, чтобы я проинформировал о вашем запросе из Белого дома ближайшее окружение президента Ельцина?

— Да, сделайте это.

— Как сообщить вам ответ?

— Белому дому обрубили все средства связи. Я могу вернуться к вам сюда в назначенное время.

— Хорошо, — ответил Л. Сел, — возвращайтесь через час, в полвторого ночи».

Когда в установленный срок И. Андронов снова пришел в посольство, американец дал ему номер телефона, по которому он мог переговорить с исполнявшим обязанности министра иностранных дел России Виталием Чуркиным, обратив при этом внимание на то, что, судя по номеру телефона, Чуркин находился на Старой площади в администрации президента.

В состоявшемся телефонном разговоре В. Чуркин, сославшись на полномочия, данные ему премьер-министром Черномырдиным, отрезал: «Ваше предложение о встрече отвергнуто. Не будет больше ни встреч, ни переговоров с вашими предводителями. Передайте им наше безоговорочное требование: «Сложить оружие. Выйти из здания Верховного Совета».

— Но ведь это окажется для нас наверняка неприемлемым.

— Тогда больше обсуждать нечего, — подытожил В. Чуркин.

— Ну, так прощайте, Виталий Иванович.

— Прощайте».

На часах было 2 часа 15 минут 4 октября 1993 года.

Кровавая развязка началась около 7 часов утра, когда подъехавшие на броне БТРов и БРДМ к Белому дому так называемые «бейтаровцы», т. е. одетые в гражданское платье военизированные отряды Союза ветеранов Афганистана, открыли автоматный огонь по защитникам баррикад, которые окружали по периметру весь Белый дом. Гражданские безоружные люди, многие из которых были преклонного возраста, бросились бежать от своих импровизированных укрытий в Белый дом. Спастись удалось немногим. Эти несчастные караси-идеалисты составили значительную часть убитых в этот день. Их трупы, разбросанные по лужайкам вокруг здания парламента, на ас-

фальте возле Горбатого моста, могли видеть миллионы людей, которые рыдали в этот час перед экранами телевизоров. Американская компания СНН предусмотрительно расставила свои телевизионные камеры на крышах зданий, господствующих над «полем боя», и вела прямой репортаж о событиях вокруг Белого дома.

В 10 часов утра начался танковый обстрел. Огонь велся, как в тире, — с расстояния 500 метров, не более. Боевые машины стояли в линию поперек Калининского моста и вдоль набережной Москвы-реки и, развернув орудия в сторону парламента, методично всаживали в его чрево снаряд за снарядом. После каждого разрыва из окон в сторону Москвы-реки вырывались клубы черного дыма. Били в основном по 6-му этажу, где были расположены кабинеты А. Руцкого и Р. Хасбулатова, но для подавления воли сопротивлявшихся доставалось и другим этажам. Почти вскоре после первых выстрелов в здании начался пожар, который постепенно охватил все верхние этажи. Не переставая, велся пулеметный обстрел окон и коридорных пролетов. Смотреть на эту сцену безнаказанной расправы сильного над слабым было просто невыносимо. Я оторвал ревущую в голос жену от телевизора, и мы вышли на улицу. Вот что записал, вернувшись домой: «Школы не работают, банки закрыты. Очереди в магазинах раза в три длиннее обычных. Тверская перекрыта рядом баррикад, установленных капитально, с помощью техники. Видна работа Лужкова. Тяжелые грузовики-контейнеры, самосвалы с песком и т. д. «Защитников» немного, но это злющая молодежь. Я спросил одного на баррикаде, сооруженной между магазином «Армения» и бывшим зданием Всероссийского театрального общества: «От кого обороняемся?» — «От этого ё... парламента! Мы им открутим шею!»

«А разве они идут сюда? — удивился я. — Они же блокированы в Белом доме!»

«Да пошел ты, дед, в п...!» — Парень плюнул себе под ноги и отвернулся.

Мощная баррикада стоит поперек улицы у Центрального телеграфа. Завалены все боковые переулки, перегорожена Пушкинская улица. Везде следы костров и кучи бутылок и банок из-под чешского и немецкого пива.

Перед зданием Моссовета гремит веселая музыка (подвезли передвижные радиоточки), пьют водку и дружески беседуют на постаменте памятника Юрию Долгорукому новые буржуа. Это остатки тех, кого истеричный Гайдар скликал ночью по телевизору прийти на площадь, чтобы защитить российскую демократию.

Вернувшись домой во втором часу дня, я снова уткнулся в телеэкран. Пальба продолжалась. Белый дом пылал. Штурм походил на римский цирк. Люди, сгрудившиеся на мосту, криками чуть ли не восторга встречали каждый танковый выстрел. Такая же толпа внизу все норовила прорваться к самому Белому дому. Все это походило на дурдом. В 14.30 на мосту появился «герой дня» военный министр Павел Грачев в окружении трех машин охраны и плотного кольца телохранителей. Даже с экрана от него веяло духом грубого самодовольства и торжества. «Ну уж если Грачев решился на пешую прогулку по мосту, значит, сопротивление практически прекращено», — решил я. Так оно и было.

К 19 часам — после 10 часов непрерывной расправы — все было кончено. Р. Хасбулатов, А. Руцкой вместе с основными членами их правительства были арестованы и отправлены в Лефортовскую тюрьму. Выведенные из горящего здания депутаты и сдавшиеся защитники получили от офицеров группы «Альфа» гарантию защиты от неминуемой расправы, но как только они миновали коридор из бойцов «Альфы» и очутились на «свободе», в ближайших дворах жилых зданий, за ними началась охота омоновцев, которые нещадно избивали, грабили беззащитных людей. В прессе появлялись свидетельства изнасилованных женщин. Начался пир победителей, со всей жестокостью и мстительностью.

На другой день, 5 октября, я записал в дневнике: «Наступила тишина погоста. Усилия властей брошены на то, чтобы продемонстрировать установление спокойствия, порядка, благополучия. Журналисты — гончие и легавые — тщатся погуще вымазать только что повергнутых псевдокоммунистов. Новым героям несть числа. Имя им — легион. Им скоро тесно станет на пьедестале. Самые героические будут сталкивать просто героических. Ни читать, ни смотреть ничего нельзя — тошнит со второй минуты. Шеварднадзе первым поздравил Ельцина с победой. Демократ демократа видит издалека.

Нельзя забыть поведение российской интеллигенции. Как сильно разошлись пути-дороги людей, казалось бы, одной творческой профессии — литераторов. В левой газете «День» (1–7 октября 1993 г.) было опубликовано письмо Ю. Бондарева, В. Белова, В. Распутина, А. Шилова, Т. Дорониной, С. Говорухина, С. Бондарчука, Г. Свиридова, И. Шафаревича. Они призывали Б. Ельцина и Р. Хасбулатова, «уповая на самое святое в человеке — на чувство Бога и Родины, на любовь к живым сыновьям и умершим отцам», перевернуть назад страницу в книге русской беды, сделать так, чтобы «высший закон страны незамедлительно вернулся к исполнению». Все ясно: обращение к разуму двух драчунов.

А в газете «Известия» 5 октября появилось другое письмо, другой группы интеллигенции. Вот выдержки из их послания к президенту: «Хватит говорить. Пора научиться и действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть распущены и запрещены указом президента. Деятельность органов советской власти, отказавшихся подчиниться законной власти России, должна быть приостановлена. Мы все сообща должны не допустить, чтобы суд над организаторами и участниками кровавой драмы в Москве не стал похожим на тот позорный фарс, который именуют «судом над ГКЧП». Признать нелегитимными не только съезд народных депутатов,

Верховный Совет, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд).

История еще раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс еще раз, как это было уже не однажды». Ничего не надо добавлять к этому тексту, кроме списка его подписантов. Вот он: А. Адамович, А. Ананьев, А. Афиногенов, Б. Ахмадулина, Г. Бакланов, З. Балоян, Т. Бек, А. Борщаговский, В. Быков, Б. Васильев, А. Гельман, Д. Гранин, Ю. Давыдов, Д. Данин, А. Дементьев, М. Дудин, А. Иванов, Э. Иодковский, Р. Козаков, С. Каледин, Ю. Карякин, Я. Костюковский, Т. Кузовлева, А. Кушнер, Ю. Левитанский, Д. Лихачев, Ю. Нагибин, А. Нуйкин, Б. Окуджава, В. Осоцкий, Г. Поженян, А. Приставкин, Л. Разгон, А. Рекемчук, Р. Рождественский, В. Савельев, В. Селюнин, Ю. Черниченко, А. Чернов, М. Чудакова, М. Чулаки, В. Астафьев.

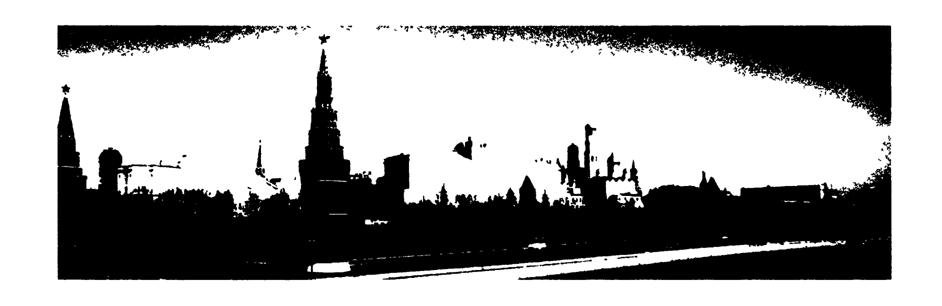
Подсчет жертв кровавых событий занял несколько дней. Власти никак не решались сказать правду, они все время взвешивали, какую цифру может проглотить общественность. В конце концов остановились на цифре, близкой к 150. Никто проверить ее не мог, потому что никого к этим делам не допускали, кроме абсолютно надежных людей. Оппозиция и тогда, и потом утверждала, что число убитых превысило 900 человек. Неопознанные трупы и, как утверждали левые публикации, убитые иногородние граждане были тайком захоронены в безымянных могилах, а их фамилии долго потом маячили в списках «пропавших без вести». Раненых, даже по признанию правительства, оказалось около 750 человек. Чувствовалось, что власть сама испугалась своей жестокости. Она вдруг заговорила о том, что все погибшие — «дети одной России», что все будут похоронены с одинаковыми почестями, а семьям будет выдана одинаковая компенсация. Сгоревший, разгромленный Белый дом спешно стали восстанавливать, чтобы он не напоминал людям о совершенном преступлении. Для ремонта были пригла-

шены турецкие строительные фирмы. Говорили, что стены помещений в Белом доме покрыты такими надписями, которые напоминали предсмертные послания защитников Брестской крепости.

Очень много и долго говорилось о создании независимой комиссии по расследованию истоков и результатов событий 3-4 октября 1993 г. в Москве, но президент сделал все, чтобы такая комиссия не начала работать. Основным лейтмотивом поведения государственной власти было спрятать все концы в воду.

Забегая чуточку вперед, скажем, что буквально через 4 с половиной месяца люди, которых власть клеймила самыми отборными ругательствами, выставляла в роли опаснейших государственных преступников, вышли из Лефортовской тюрьмы на свободу и получили возможность вновь заниматься политической деятельностью. Это произошло 23 февраля 1994 года, в День защитника Отечества. Платой за освобождение был отказ уже нового парламента (Государственной думы) от всяких попыток расследования событий 3–4 октября 1993 года. В этой сделке легко просматриваются два обстоятельства: власть молчаливо признавала, что она вышла далеко за пределы правового поля и совершила так много преступлений против прав человека, что оказалась не в состоянии провести публичное судебное расследование по делу о «мятеже» 3–4 октября. Повторилась история с ГКЧП. Посадить никого из, казалось бы, смертельных врагов «демократии» и «цивилизации» на скамью подсудимых было невозможно. И причиной тому не природная доброта Б. Ельцина, христианский дух смирения и прощения, а сугубо политическая целесообразность, страх, что такой суд обернется против него самого. Второй логически вытекающий вывод из уроков октябрьских событий состоит в том, что люто враждовавших соперников, казалось бы, готовых перегрызть друг другу горло, не разделяли непримиримые классовые интересы, между ними не было таких антагонистических противоречий, которые разрешаются революциями и гражданскими войнами. Это сти-

хийно чувствовало большинство народа в стране, оставшегося в целом безучастным к исходу разборки в разных эшелонах власти. Сами участники затяжного политического конфликта дрались за свою роль и место в системе властных структур государства, за доступ к материальным и финансовым ресурсам страны. Они не один раз демонстрировали готовность пойти на примирение, если условия предлагаемой сделки их устроили бы. Конечно, в ожесточенной информационной войне использовались перья разной окраски, стороны не жалели усилий в бестиализации противника, и это сбило с толку немало идеалистически настроенных людей, которые первыми лезут в пекло схватки и облагораживают своей кровью действия далеко не благородных людей.



ДИКТАТУРА Б. ЕЛЬЦИНА

Военно-политическая победа президента и правительства в противостоянии с парламентом привела к единовластию Б. Ельцина. Он мог теперь без всякого противодействия начать работу по переустройству России на свой манер. Советская власть рухнула по всей стране в одночасье, без сопротивления. Советам было просто предложено самораспуститься, что они в подавляющем большинстве и сделали. 7 октября были распущены Моссовет, все райсоветы. Используя известный в политологии феномен «энергии страха», президент сыпал указами направо и налево. За расстрел Белого дома министр внутренних дел Виктор Ерин получил звание героя России, поскольку никогда и ни в чем не сомневался, выполняя указания президента. Военный министр П. Грачев удостоился всего-навсего ордена, потому что колебался и выпрашивал письменный приказ на применение танков.

Чрезвычайное положение в Москве было продлено до 18 октября, чтобы страсти утихли, тем более что не всех главных «зачинщиков» удалось арестовать по свежим следам событий. Долго искали, например, В. Ампилова.

Наконец-то предоставилась возможность изменить статус Мавзолея В. Ленина на Красной площади. 7 октября был ликвидирован пост № 1 почетного караула, стоявшего у входа в

мавзолей с далекого 1924 года. Тем самым он перестал быть национальной святыней, у которой в течение стольких десятилетий возлагали венки все иностранные делегации, а также представители общественности и государственных структур.

11 октября был издан указ об одновременном проведении выборов в Государственную думу и Совет Федерации. Вскоре был назначен и день выборов — 12 декабря, причем в тот же день должен был состояться и всенародный референдум по проекту новой Конституции России. Б. Н. Ельцин, который в ходе политического кризиса не раз публично высказывался за то, чтобы в середине июня 1994 г. провести досрочные выборы нового президента страны, теперь категорически отверг такую возможность, сказав, что события 3–4 октября «перечеркнули» эти планы.

Через три дня после снятия чрезвычайного положения в Москве — 22 октября — в Россию прилетел государственный секретарь США Уоррен Кристофер, который выразил российскому президенту полную поддержку со стороны Б. Клинтона и американского правительства, что было крайне важным актом авторитета Б. Ельцина в глазах мирового политического истеблишмента, пребывавшего в шоковом состоянии от столь бесцеремонного обращения с парламентом в стране, претендующей на статус демократического государства.

11 ноября 1993 г. был опубликован очередной указ президента, который стыдливо назывался «Об уточнениях (?!) Положения о выборах депутатов Государственной думы в 1993 г. и Положения о выборах Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации в 1993 г.», в соответствии с которым выборы признавались состоявшимися, если число действительных бюллетеней составит не менее 25% от числа зарегистрированных избирателей. С помощью такого простенького приема власть заранее страховала себя против возможных попыток левых сил бойкотировать выборы. Возможность бойкота в те дни довольно открыто обсуждалась в стане многочисленных противников президента. Она учитывала также реальное состояние

тогдашнего российского общества, пребывавшего в апатии, крайне усталого, погруженного в каждодневные мелкие, бытовые заботы, связанные с физическим выживанием, дезорганизованного. Пассивность электората — так стали называть корпус избирателей — нарастала с каждым разом. Власть не собиралась активизировать свой народ, она четко продемонстрировала желание использовать его угасающую пассионарность. Безразличие населения к своей судьбе всегда более устраивает власть, нежели глубокая заинтересованность.

По новому положению Государственная дума должна была состоять из 450 человек. Половина из них избиралась прямым голосованием — они получили название одномандатники, а вторая половина — 225 мест — делилась между политическими партиями, которые приняли участие в выборах и при этом получили в целом по стране не менее 5% голосов от принявших участие в выборах граждан. Дележка этих мандатов производилась пропорционально в зависимости от общего числа голосов, собранных той или иной партией. Разумеется, власть не сомневалась, что такие ею же разработанные правила игры принесут полную и окончательную победу на этот раз на правовом поле выборов. Учитывалось, что левые партии были в первые недели после расстрела Белого дома запрещены, как и основные оппозиционные газеты. По мере того, как приближались выборы, правительство разрешало тем или иным партиям и общественным организациям принять участие в предвыборной борьбе. Так произошло, например, с главным политическим оппонентом КПРФ (коммунисты), поскольку устранение коммунистов ставило под вопрос вообще легитимность выборной процедуры. Коммунисты, кстати, вели себя во время осеннего кризиса наименее агрессивно. Г. Зюганов даже выступал по телевидению 3 октября и призывал своих сторонников не поддаваться на провокации, соблюдать спокойствие. Руководители КПРФ не попали в число арестованных по делу о беспорядках 3—4 октября, хотя представители официальных властей и проправительственные средства массовой информации неумолчно обзывали эти

события «коммунофашистским» путчем, а его руководителей — людьми, стремившимися к коммунистическому реваншу. Явная несуразица, но ничего другого тогдашние пиарщики придумать не могли. В то же время наиболее жесткие репрессивные меры были приняты в отношении явно некоммунистического Российского общенародного союза, руководимого известным политическим деятелем Сергеем Бабуриным. Его бескомпромиссная позиция по отношению к президенту, высокий интеллектуальный и волевой потенциал, жесткость и непримиримость в дни октябрьских событий заметно пугали Кремль. Поэтому на него сыпались удары со всех сторон. Запрещались его пресс-конференции, совершались налеты на штаб-квартиры РОСа, выкрадывались предвыборные документы и т. д.

Поскольку Центральная избирательная комиссия зарегистрировала (допустила к выборам) 14 политических партий и движений, то жесткая конкуренция между большим числом кандидатов должна была дать дополнительную фору тем политическим образованиям, которые представляли пропрезидентское крыло, а среди них на первом месте был блок «Выбор России», который возглавлял Егор Гайдар, занимавший к тому же пост вице-премьер-министра. Практически неограниченные финансовые ресурсы, полная поддержка со стороны средств массовой информации, то, что называют административным ресурсом, — все было на стороне правительственной партии. Кроме того, шли переговоры о создании предвыборной коалиции между «Выбором России» и партией «Яблоко» во главе с упрямым и честолюбивым Г. Явлинским, долгие годы выступавшим под флагом чистой демократии западного типа. Самоуверенность Е. Гайдара и повышенные требования со стороны Г. Явлинского, который все время давал понять, что не примет никакого поста в государстве, кроме поста премьер-министра, не позволили объединить усилия этих партий.

Самостоятельно решила попробовать свои силы новая, недавно организованная «Партия единства и согласия» во главе в Сергеем Шахраем, стоявшая также на пропрезидентских пози-

циях. Некоторая раздробленность социально однозначно ориентированных сил объясняется прежде всего глубокой убежденностью в неотвратимости сокрушительной победы и необходимости получить свою собственную прочную стартовую площадку для проникновения в будущем в высший эшелон государственной власти России. Власть была убеждена, что выборы для нее по этим правилам так же безопасны, как и стрельба по Верховному Совету. В те дни я записал в своем дневнике: «Предвыборная суета затопляет все вокруг, но она похожа на бутафорскую вокзальную панику, вызванную свистком кинорежиссера во время съемок. Все стараются играть истово, не жалея сил. Более десятка партий и движений бросились на штурм заранее кастрированной Государственной думы. Никакой российский избиратель не разберется в этой толпе потных, орущих, грязных политиканов, не поймет, кто же ему нужен. К тому же ему подсунут безальтернативное голосование по Конституции. А времени на все про все чуть больше месяца. Большего глумления над идеей свободных демократических выборов мне не приходилось видеть за 15 лет работы в странах, которые называют себя демократическими».

Чтобы как-то отвлечься от политического бесстыдства, я брал вечерами И. Бунина и пытался уйти в его мир. Не получалось, я отрывался от книги и записывал: «Поражаюсь способности этого литератора абстрагироваться от окружающей жизни, дремать в «башне из слоновой кости». 1939–1944 гг. — молох Второй мировой войны крушит все вокруг. Трещат кости его Родины — России, разгромлена и оплевана его приемная мать — Франция, горя кругом — окиян-море. А он пишет цикл «Темные аллеи» о случайно вспыхнувшей и недобро оборвавшейся любви, которая иной раз и на любовь-то не похожа, а так, мимолетная плотская дурь. Хорошо таким нобелевским умельцам! Легко.

Но меня по-новому, больно ударили его оценки русского народа, данные в повести «Деревня», одном из коренных произведений писателя. Когда он ее писал, ему было 40 лет. Не

было ни юношеской запальчивости, ни старческого плоскомыслия. И в ней он жестко, круто отбирает у русского народа право называться великим. «Какой же, — пишет Бунин, — это великий народ, если он всю свою историю просидел в грязи, в курных избах, ходил в лаптях, ел хлеб с мякиной не каждый день, давил тараканов, спивался и терпел, терпел без конца всю бездну творимого над ним насилия. Только и было великого: терпение да подчинение». А ведь во многом прав! Как и ему, мне жаль расставаться с иллюзией о своей принадлежности именно к великому народу».

Власть в страшные 90-е годы безусловно обращалась с русским народом не как с великим, а как с безответным стадом трусливых и жадных скотов.

10 ноября президент довольно неожиданно внес в текст проекта Конституции положение, что Совет Федерации будет не избираемым, а формируемым органом законодательной власти. В состав Совета Федерации будут входить по два представителя от каждого субъекта Федерации, один из которых будет представлять исполнительную власть, а другой — местную представительную. Но даже прожженные юристы не могли в тот момент сказать, что имел в виду президент под представительной властью на местах после того, как по его указу были ликвидированы Советы всех уровней. Однако возражать публично никто не решался.

Срок выборов неумолимо приближался. Ельцин решил по совету своего кухонного кабинета провести крупную акцию по телеобщению с народом. Он вспомнил, что несколько месяцев назад, еще накануне апрельского референдума, пригласил к себе «домой» весьма популярного талантливого кинорежиссера Эльдара Рязанова, который согласился сыграть роль придворного лакея, одетого в ливрею интервьюера. Все в той передаче было лживым: и сама обстановка дома, где он давно уже не жил, и еда в виде котлет и холодного чая, и слова домочадцев о том, что «Борис Николаевич — добрейший человек, мухи не обидит». Сам «хозяин» тогда все время порывался разбить и съесть

пасхальное крашеное яйцо, положенное специально для демонстрации его Православия. Теперь президент захотел повторить эту развесистую клюкву, от которой сильно пострадал авторитет Э. Рязанова. Его друзья и поклонники таланта не могли простить непристойного угодничества перед Ельциным, но тот не почувствовал коренного изменения в настроении Э. Рязанова после октябрьской мясорубки в Белом доме и у «Останкино».

На этот раз — 16 ноября 1993 г. — не было павильонной декорации семейного уютного гнездышка. Съемка велась в подмосковном охотничьем дворце «Завидово», в реконструкцию которого было вложено, по слухам, 100 млн долларов. Не было родственников-статистов, пасхальных яиц.

Эльдар Рязанов задавал один за другим каверзные вопросы, явно бравируя тем, что возраст, профессия, широкая известность делают его в определенном смысле неприкосновенным. Но он был внутренне напряжен, что выражалось в несколько суетливом жестикулировании, ерзанье на стуле, частых заверениях в личном уважении и демократических убеждениях. Рязанов понимал, что ставит Ельцина в тупик, давал ему три-четыре варианта ответа на вопрос, предоставляя право выбирать наиболее подходящий. В эти минуты он был похож на сердобольного учителя, помогающего слабому ученику «выплыть» на экзаменах. Иногда Э. Рязанов чувствовал, что собеседник вообще не понимает вопрос и не может собраться с мыслями. Тогда он осторожно переходил от опасной паузы к другим темам.

Поставив себе задачу раскрыть Б. Ельцина как личность, как человека, мне кажется, Эльдар Александрович сумел добиться многого. Перед зрителями предстал очень разъевшийся, сильно заторможенный, внутренне неуверенный окостеневший человек. Награжденный от природы великолепными внешними данными — рост, стать, пшеничная шевелюра — он все быстро растерял. Расплывшийся в кресле президент походил на клеща, раздувшегося от выпитой крови и не могущего оторваться от своей жертвы. Известно, что впившийся клещ предпочтет, чтобы ему оторвали голову, но добровольно не отцепится от облюбованной им жертвы.

Б. Ельцин отвечал медленно, очень туго выдавливая из себя слова, опасаясь любого неосторожного выражения. Мысли его и язык явно не стыковались, работали в разных режимах и выполняли самостоятельную функцию, не завися друг от друга.

Свои высказывания он не аргументировал, аппарат мыслительной логики у него не работал вообще, этот человек, кажется, лишен способности доказывать что-либо с помощью доводов, фактов и т. д. Он может что-то утверждать, и все.

Образование и эрудиция крайне скудны. За два часа он не употребил ни одной цитаты, не сослался ни на один авторитет, не упомянул ни об одной книге. Отвечая на вопрос, кого он уважает, Ельцин сказал: «Академика Сахарова и Маргарет Тэтчер!» — и все. Без расшифровки зачем и почему. На вопрос, что вы любите читать, последовало: «Чехова, он пишет коротко и предельно понятно, без всяких там умствований».

Эмоционально Б. Ельцин бесцветен. Лицо его — гипсовая маска. Он оживляется, только когда говорит о своих противниках, о власти. Слова «Россия», «народ», «реформы» вываливаются из его рта бесстрастной жвачкой. Он этим явно не живет, не это составляет хребтину его забот. Он произносит эти слова, как убегающий домушник сыплет на свои следы нюхательный табак, чтобы собака не взяла след. Вопросы были колкие: почему Вы — борец против привилегий — поселились в роскошных резиденциях, опять те же роскошные машины? Ответ, ей-ей, был маловразумительным.

— Почему Вы мало выступаете перед народом, не объясняете мотивировку своих действий — обмен ли денег, расстрел ли Белого дома и т. д. Ответ: «Есть недоработка!»

— Почему Вы подписываете и тут же отзываете свои указы? Ответ: «Вижу, что ошибся, и поправляю».

— Разве морально награждать участников событий 4 октября, если Вы сами квалифицируете эти события как общенациональную трагедию? Ответ: «Ну мы дали немного, не то, что при советской власти». О моральной стороне дела он не сказал ни слова, хотя не мог не знать, что в годы гражданской войны

1918–1920 гг. командование белых армий упразднило практику награждения отличившихся солдат и офицеров, аргументируя это тем, что в гражданской войне, где русские убивают русских, героев не может быть.

— Почему Вы обещали провести 12 июня 1994 года досрочные выборы президента, а теперь отказываетесь? Это ведь кризис доверия к Вашим словам? Ответ: «Да, конечно, здесь есть вопрос».

Ельцин почувствовал, что интервью идет не в его пользу, и где-то посередине сказал: «Ну, хватит, отвечу на этот вопрос, и довольно!»

Президент никогда более не станет инициировать подобные встречи, чтобы не рекламировать свою непривлекательность. Таких встреч больше и не было. Эльдар Рязанов реабилитировал себя этим интервью в глазах многочисленных поклонников. Спасибо ему за мужество и независимость настоящего интеллигента.

День голосования надвигался. «Выбор России», во главе которого стояли, кроме Е. Гайдара, удивительно скрипучий прозападный правозащитник Сергей Ковалев и Элла Памфилова, симпатичная пичужка-синичка, впорхнувшая в политику просто так, из любопытства, — форточка туда оказалась открытой, — завалил Россию назойливой пропагандой. За личными факсимильными подписями лидеров были размножены доверительные рекомендации, как надо голосовать по каждому округу. Блок выступал под лозунгом «Свобода, собственность, законность!». Метрополитен был оклеен их рекламой, не стеснялись лепить свои бумажки даже на полированной деревянной отделке эскалаторов, загаживая своими амбициями прежний эталон городской чистоты.

Каждое утро я вычищал свой почтовый ящик от предвыборной макулатуры. 90% ее было изготовлено и заброшено проправительственными партиями. Уже перед самым голосованием, 9 декабря, Б. Ельцин снова выступил по телевидению. Говорил уже по телесуфлеру, т. е. читал заготовленный текст. Он

призвал граждан поддержать Конституцию и сильную президентскую власть, со своей стороны выражал полную готовность сотрудничать с политическими силами, которые будут представлены в новом составе Государственной думы. Казалось, все было сделано по высшему разряду. Оставалось только ждать заключительного аккорда. В ночь с 12 на 13 декабря 1993 г. в огромном банкетном зале Кремлевского Дворца съездов собралась верхушка политического и делового бомонда, которая очень любит называть себя «элитой». В радостно-приподнятом ожидании триумфа слились все силы радикал-реформаторов, либералов, вся проельцинская «тусовка». Ночной пир был заранее разрекламирован как «Встреча нового политического года». Предполагалось, что сразу после полуночи ошарашенному населению России будет объявлено о полной победе «демократов». Политические оппоненты, приглашенные на эту Вальпургиеву ночь, должны были тут же перед камерами телевизоров признать свое политическое поражение. Потом было бы объявлено о всеобщем примирении и наступлении эры правительственного благоденствия.

На утро 13 декабря планировалось прибытие в Москву вице-президента США Альберта Гора, торжественное вступление триумфаторов в Кремль под колокольный благовест и т. д.

И произошло в некотором роде чудо, политический казус. Впервые за все последнее время основная масса избирателей не послушалась кнута и окриков своих погонщиков. Всех ожидал сюрприз стихийной организованности и доказательства непредсказуемости русской души. По мере того как поступали первые сведения о результатах выборов, лица собравшихся в Кремле «элитников» все более вытягивались, зеленели, глаза тускнели, наливались кровью, а потом страхом. Телекамеры безуспешно пытались скрыть нараставшую растерянность, переходившую в панику. Наконец, они были просто отключены, передача прервана. Прекрасная иллюстрация поговорки: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь!» К утру все стало ясно. «Выбор России» — главный боевой слон президентской стороны —

потерпел поражение. За него проголосовало всего 15% избирателей. Иначе говоря, из каждых шести избирателей правительство поддержал только один.

Компартия Российской Федерации, казалось бы основной оппонент, тоже собрала всего чуть больше 12%, хотя лидеры партии обещали завоевать не менее 20%. Некоторым утешением было то, что другая оппозиционная партия левой ориентации — Аграрная — получила почти 8%.

Но полной неожиданностью для российского и международного политического истеблишмента стала победа Либерально-демократической партии, которой руководил Владимир Жириновский. На ее долю пришлось почти 23% голосов избирателей. Из других партий сумели преодолеть пятипроцентный барьер только еще три: «Женщины России» — 8,5%, «ЯБЛОКО» — 7,4%, Партия единства и согласия — 6,7%. Победу Жириновского, которого теперь в прессе нередко стали называть «фашистом», эдаким российским «фюрером», объяснить можно невысокой степенью организации избирательной кампании, ясностью и привлекательностью его предвыборной программы, четкой социальной средой, где он черпал поддержку, и другими причинами, лежащими в большей степени вне его партии. Основная масса населения за прошедшее время испытала два глубочайших разочарования: сначала она потеряла веру в коммунистов, а теперь разуверилась в так называемых демократах. Голосование за Жириновского было протестным. За него опускали бюллетени только потому, что большинство других партий вызывало растущее неприятие своей затертой демагогией, программной скукой, унылой безликостью лидеров. В моих записках того времени сохранились такие характеристики партии Жириновского: «Я относился к нему всегда, как к «рыжему» на ковре российской политики. У него нет партии как организации, нет даже второго более или менее известного стране лица, кроме скандального психотерапевта Анатолия Кашпировского. На митингах последних лет вся его партия помещалась на одном грузовике, а вся деятельность ограничива-

лась экстравагантными заявлениями и интервью лидера, назойливо бравировавшего знанием иностранных языков и раздачей автографов. Его победа объясняется тем, что он зовет к восстановлению величия России в границах «до перестройки». Он отвергает национально-территориальное устройство государства и грозит вернуться к дореволюционной структуре губерний и краев. Он против еврейства, за правительство, состоящее на 99% из русских. Все остальное беспардонное обещание всего и вся, безоглядная демагогия, потрясающая политическая безответственность. Никакой политически здравой мысли в его заявлениях нет.

Всем надоели вялость, предсказание еще худших времен, мелочное политиканство. Жириновский один обещает, что будет лучше, и одуревшие люди рванулись за ним. Мне кажется, что у ЛДПР, оседлавшей чувство оскорбленного русского достоинства, будущего все же нет».

Наш ошалевший от боли народ шарахнулся в сторону Жириновского от отчаяния, под влиянием эмоций, и тем самым подтвердил, что у него нет ясного гражданского сознания. Крупная фракция в Думе превращала Жириновского во влиятельного лоббиста, своего рода думского «пахана», и этим положением он воспользовался сполна, не брезгуя брать деньги у теневых структур и не стесняясь отстаивать их интересы.

Самое поразительное в результатах выборов 12 декабря то, что избиратели, с треском провалившие правительственную партию, одновременно проголосовали за президентскую Конституцию. Из 56 млн человек, принявших участие в голосовании, 33 млн высказались в поддержку Конституции и только 23 млн — против. Одной рукой избиратели отказывали в доверии правительственному курсу, а другой в то же время вешали на себя хомут президентской диктатуры. Почти половина российских граждан-избирателей вообще не пришли на избирательные участки, продемонстрировав безразличие к своей судьбе.

Москва провожала уходящий 1993 год в каком-то глубоком трауре. Год, залитый кровью у «Останкино», в Белом доме, за-

полненный ненавистью, раздиравшей нацию, завершившийся нелепым голосованием 12 декабря «против одного дурака — за другого дурака». Он войдет навсегда в историю России как год национальной трагедии. Даже погода в новогодние праздники была ненормально отвратительной. Молочный кисель тумана, болезненная испарина как бы подчеркивали беспросветность тоски и стоячей печали. Скользкий лед, прикрытый холодной и противной снежной жижей, караулил свои жертвы. Каждый день до 200 жертв — покалечившихся людей — поступало в больницы. «Наглые» машины одичавших от наворованного имущества «новых русских» и чиновников носились по улицам, окатывая тротуары и прохожих фонтанами грязи. В саду «Эрмитаж», недалеко от моего дома, слышно было пьяное гоготанье ликовавших богачей и были видны взлетавшие по случаю благополучно для них завершившегося года ракеты.

С начала нового — 1994 г. — президент, явно обескураженный результатами парламентских выборов, решил несколько скорректировать состав и курс правительства. Был уволены Егор Гайдар (первый вице-премьер), в январе 1994 г. отправлен в отставку министр финансов Борис Федоров, один из самых беспринципных крикунов-демократов и усердный ваятель собственного благополучия. Поубавилось энтузиазма и веры в целительность рычагов рыночной экономики, хотя приватизационные программы продолжали выполняться как ни в чем не бывало. Вновь зазвучали слова о том, что государству рано отказываться от своей роли в экономике страны. В бюджетных наметках, внесенных на рассмотрение Государственной думой нашли отражение ассигнования, предусмотренные для поддержания сельского хозяйства, оборонного комплекса и т. д.

Общественная жизнь страны мало-помалу стала входить в берега, заметно успокаиваться. Новый парламент, правительство и президент худо-бедно, но стали приучаться сотрудничать. Например, когда правительство вдруг решило поднять пошлины на импорт продовольствия из заграницы под предлогом защиты отечественного предпринимателя, власти Москвы и

Екатеринбурга резко запротестовали, поскольку они на 60% потребляют купленное за границей продовольствие. Государственная дума поддержала протест, а потом и президент высказался в пользу сохранения прежнего порядка. Все осталось на своих местах.

Стали заметно спокойнее и люди на улицах. В транспорте, в общественных местах не слышно былых проклятий в адрес властей. Телевидение прекратило передавать заседания думы, которая, кстати, довольно мирно обсуждала бюджет. Политических интервью поубавилось, да и интерес к ним в большей степени пропал.

Многотысячные митинги и манифестации ушли в прошлое. Успокоение в провинции выразилось в том, что люди в ряде мест вообще перестали ходить на выборы местной власти, там не удавалось заманить даже требуемые 25% избирателей.

Президент лишь время от времени напоминал о своем медвежьем норове. Так, когда 23 февраля 1994 г. Думой было принято решение об амнистии всех арестованных по делу о событиях 3–4 октября в Москве, быстро реализованное Генеральным прокурором Алексеем Казанником и директором Федеральной службы контрразведки Николаем Голушко, в ведении которого находилась тюрьма «Лефортово», Б. Ельцин как бы проснулся и издал рык.

Он свирепо отчитал Генерального прокурора за такую поспешность, забыв, что именно А. Казаннику Б. Ельцин был обязан своей политической карьерой. Ведь в 1989 г., когда шло формирование первого Верховного Совета из состава I съезда народных депутатов, Б. Ельцин не был избран в его члены и остался за бортом. Тогда А. Казанник публично и демонстративно отказался от своего мандата депутата Верховного Совета в пользу Б. Ельцина. А. Казанник был назначен на свой пост после событий 3–4 октября, и вот теперь над ним разразилась гроза, и ему пришлось покинуть кресло Генерального прокурора. Наказание последовало за то, что высокообразованный юрист А. Казанник позволил себе разъяснить президенту разницу между «амнистией» и «помилованием». В ответ на претензии

Б. Ельцина, что-де правом помилования наделен только президент, а не Дума, А. Казанник объяснил, что в данном конкретном случае речь шла об амнистии — законодательном акте, принятие которого находится в компетенции только законодательного органа.

Такая же расправа была учинена и над Николаем Голушко за то, что он распорядился в соответствии с указанием Генерального прокурора открыть двери тюрьмы для узников по делу 3–4 октября. В прессу просочились сведения о том, что от имени президента директору Федеральной службы контрразведки позвонил шеф охраны Б. Ельцина Коржаков, который потребовал невыполнения любой ценой прокурорского указания. На отказ генерала Н. Голушко нарушить закон Коржаков в присущей ему манере сказал: «А ты скажи, что потерял ключи!», на что ошарашенный шеф контрразведки ответил: «Но ведь следственный изолятор «Лефортово» не амбар». «Ну как хочешь, пеняй потом на себя!» — отрезал Коржаков, и буквально через несколько дней последовал приказ об освобождении Н. Голушко от занимаемой должности.

Казанник оказался смелым и честным человеком и рассказал обо всем на публичной пресс-конференции. У Н. Голушко не хватило на это духа. Президент внешне смирился с амнистией, под которую были подведены и еще сидевшие в «Матросской Тишине» бывшие руководители ГКЧП, но продолжал шипеть, что, мол, если кто-нибудь из освобожденных вновь попытается заниматься политикой, то опять окажется на тюремных нарах.

Вообще политическая несдержанность президента лишь отражала его крайне низкий уровень уважения к закону и пренебрежение даже общепринятыми нормами морали и этики. Помнится, в те дни приехал бывший президент США Ричард Никсон, который по заведенному обычаю наведался в Москву, чтобы провести глубокую разведку ситуации, сложившейся после сформирования нового парламента и реорганизации правительства. Такой уровень позволяет американцам встречаться с ведущими политиками России. Никсон предварительно согласовал программу и с Клинтоном, и с Ельциным — без этого

такие визиты не обходятся — и, прибыв в Москву, провел встречи-беседы с А. Руцким, Г. Зюгановым, Г. Явлинским. Нельзя исключать, что по каналам спецслужб президенту России стало известно о содержании бесед американского эмиссара с его политическими противниками. Иначе чем объяснить, что он внезапно «взорвался», публично заявил об отказе принять Никсона и запретил встречи с ним членам правительства и высокопоставленным чиновникам. В день отъезда Никсона никто из официальных лиц не явился на прощальный прием, который давал по этому случаю американский посол в Москве. Так отомстил наш президент демократическому гостю за его встречи с оппозицией.

Экстравагантные кунштюки Б. Ельцина, однако, в эти первые месяцы 1994 г. не выходили за рамки эмоциональных разрядок. Он явно не искал повода для крупного сражения с бессмертной оппозицией. Решающей для него была победа в виде абсолютно авторитарной Конституции. Теперь оппозиция могла устраивать любые шоу, но повлиять на принятие действительно реальных государственных дел не могла. А чтобы дополнительно застраховаться от попыток внести какие-либо изменения в текст принятой Конституции, Б. Ельцин затеял многомесячную игру с парламентом по вопросу о выработке документа под названием «Пакт общественного согласия» (потом он был назван «Договор об общественном согласии»). Суть этого документа заключалась в стремлении обеспечить президенту бесконфликтное, беспроблемное завершение первого срока пребывания на высшем государственном посту. Надо было зафиксировать «статус-кво», связать оппозицию ее же обещанием отказаться от серьезной политической борьбы.

В «Пакте общественного согласия» стержневая роль принадлежала таким положениям, как отказ всех договаривающихся сторон от попыток внесения каких-либо изменений в действующую Конституцию, отказ от требований проведения досрочных выборов (любого уровня), от призывов к насилию, использования оценок событий 3–4 октября 1993 г. в политической борьбе и т. д. и т. п. в таком же духе. «Нарушителям» грозило лишение депутатских мандатов либо отрешение от долж-

ности. Совершенно очевидно, что этим правовым актом Б. Ельцин хотел закрепить результаты своей военной победы над прошлым парламентом. Все политические партии испытывали чувство стыда, когда вели переговоры с правительством об этой договоренности. Обычно шумливая пресса проявляла непривычную сдержанность, чтобы не насторожить общественность и не спугнуть «птичку».

27 апреля 1994 г., на Страстной седмице, в Георгиевском зале Кремля было собрано как можно больше людей для придания торжественности процедуре подписания этого пакта. Все проправительственные партии и представители президента подписали документ. Все ждали, как поступит В. Жириновский — победитель на последних парламентских выборах. А он явился на церемонию с двумя бутылками только что выпущенной новой водки под названием «Жириновская», заявил, что намерен распить одну с Ельциным, а другую с Черномырдиным, лихо поставил свою подпись, завершив тем самым цирковое сальто-мортале, которое превратило его из необузданного буяна, «ужасного ребенка» в надежного союзника правительства. Эту позицию он уже никогда не покидал впоследствии, хотя постоянно терял и симпатии, и голоса избирателей. Николай Травкин, некогда любимое дитя ЦК КПСС, поскольку представлял отряд передовых строителей социализма, в прямом и переносном смысле, Герой Социалистического Труда, получивший в годы перестройки прозвище Деда Щукаря своими колкими и язвительными выступлениями, теперь окончательно запутался в своих политических плутаниях и поставил подпись, тем показав, что его потенциал исчерпан.

Отказались подписать «Пакт общественного согласия» представители компартии (КПРФ), Аграрной партии и «Яблока». Они назвали его «Актом о безоговорочной капитуляции». Эти партии спасали свое лицо в глазах избирателей, не больше того. Они и прежде и теперь принадлежали к наиболее умеренным оппозиционерам, их не задели крылья репрессий в октябре 1993 г., в своих документах они не призывали к насилию, так что президент и правительство могли не слишком огорчаться, что их подписей не было под пактом.

Ситуация в Кремле неизменно оказывала влияние и на обстановку на улицах. Читаю свои наблюдения за празднованием 1 Мая 1994 г. в Москве.

«1 мая я с домочадцами вышел на Тверскую взглянуть на демонстрацию. Стояли мы у Центрального телеграфа и видели все. По моим оценкам, в колоннах было около 20 тыс. — это очень мало для Москвы».

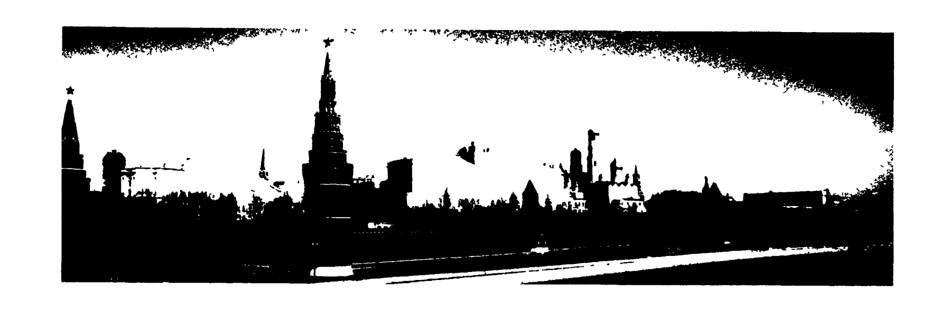
Организаторы — независимые профсоюзы и КПРФ (Г. Зюганова), но шли они разными колоннами. Общая тональность — примиренческая или вяло критическая, вроде «Нет безработице», «Президент, не души оборонку!».

«Трудовая Россия» В. Ампилова собралась в другом месте — на Октябрьской площади и шла со своими сторонниками в другом направлении — к Воробьевым горам. Там люди и лозунги были позадиристей.

Милиции, как всегда, было в два раза больше, чем демонстрантов. Я видел на ул. Огарева шесть автобусов с солдатами спецназа. Это почти две роты. Они бегали по подъездам соседних домов и обильно кропили их мочой.

Все прошло тихо, хотя гремело необычно большое количество оркестров: я насчитал 10 штук, но и они играли какие-то нейтральные мелодии. В общем, было пустынно и скучно. Демонстрация стала формальным актом. Надо было отметиться, поставить галочку. Она ничего не показала, кроме растущей апатии и безразличия стареющих и хворых россиян».

Для закрепления намеченного курса на «общественное согласие» власти в начале мая собрали еще раз в Кремле весьма представительное собрание из делегатов коммерческих структур, банков, общественных организаций, которые также изъявили желание подписать «Пакт общественного согласия». Эти люди вроде бы не имели прямого отношения к обязательствам, вытекавшим из пакта, но все же более 200 человек, олицетворявших деловой мир, поставили свои подписи под документом.



РАЗРУХА, АПАТИЯ

Теперь, казалось, Россия худо-бедно обрела покой и можно было подумать о самом главном: об экономике, о которой просто позабыли в горячке ожесточенной борьбы за власть. Мне нередко приходилось бывать в Государственной думе на различного рода слушаниях и получать иной раз ошеломлявшую меня информацию. Там я услышал, что в России действуют 35 тысяч самостоятельных экспортеров, работают 5 тыс. коммерческих банков, из них 808 имеют генеральные лицензии, т. е. могут оперировать и с иностранной валютой, и с золотом. Я узнал, что утечка капиталов из России не поддается никакому контролю и в год за рубеж уплывает не менее 18–20 млрд долларов.

В России в эти годы заниматься бизнесом означало делать деньги, а не производить товары. Хороший, устойчивый доход, например, давали обменно-валютные операции. В Москве действовали тысячи таких меняльных контор. В один из дней силами Министерства внутренних дел было одновременно проверено 900 обменных пунктов, оказалось, что только 15% действовало на основании законных лицензий, остальные были попросту самодеятельными или, хуже того, прикрывались документами, полученными мошенническим путем.

Общее падение производства составляло в среднем

в 1991–1993 гг. по 15-18% ежегодно. Мы оставили далеко позади времена Великой депрессии 1929 г. в США, когда общее падение производства в той стране составило 30% и вошло в мировую историю как самое обвальное кризисное потрясение. Россия скорым шагом приближалась к Германии, которая в результате разрушительных бомбардировок и ожесточенных военных действий на всей территории в период Второй мировой войны потеряла до 50% своего промышленного потенциала. Кое-как держалось только производство, связанное с добычей и экспортом сырья на Запад, — прежде всего нефти и газа. Топливно-энергетический комплекс спасался тем, что почти целиком оказался на территории только России: здесь были месторождения, подавляющая часть магистральных и распределительных трубопроводов, система насосных станций и управленческий блок. Имелся устойчивый, давно сложившийся рынок энергоносителей. Российское энергетическое сырье не имеет конкурентов на рынках Европы. Оно такое же по качеству, как и поступающее из других источников. К тому же, если при советской власти западноевропейские страны — члены НАТО — придерживались принципа сохранения «энергетической независимости» от СССР и не позволяли себе покупать в СССР более 10% энергоресурсов от общего объема собственного потребления, то теперь, когда Россия перестала быть военным противником, эти ограничения были отброшены прочь и закупки нефти и газа стали поощряться. В какой-то мере подобного рода «положительные» факторы способствовали удержанию уровня производства в черной и цветной металлургии. Западные страны охотно покупали металлургическое сырье в виде болванок или грубого проката, алюминий и медь в слитках, что позволяло им экономить огромные средства и энергию на этапе производства первичного металла из руды и глинозема. Кроме того, они избавлялись от экологически опасного производства, с которым связаны доменный процесс или выплавка алюминия.

Все же остальные отрасли производства, как легкой, так и тяжелой промышленности, сохли и жухли на глазах. Разрыв производственных связей в одночасье парализовал многие предприятия. Удар пришелся в равной степени по России и по ставшим независимыми республикам ближнего зарубежья. В ряде случаев сырье оказалось в одной стране, а мощности по его переработке в другой (хлопок, сахарная свекла, масличные культуры и пр.). Рынок, рассеченный на мелкие куски новыми государственными границами, был крошечным для прежних масштабов производства. К тому он катастрофически ужался под воздействием резкого обнищания подавляющего большинства населения. К этому добавилось нашествие через открытые границы промышленной продукции и ширпотреба с Запада и Востока. Все отрасли обрабатывающей промышленности оказались отрезанными от внешних рынков, они не имели возможности приобретать твердую валюту, а русский рубль находился практически в свободном падении. Масштабы инфляции не позволяли сколь-нибудь разумно планировать производство. Нельзя было просчитать ни производственные риски, ни конечные результаты. К тому же приватизационный шторм подталкивал руководителей предприятий меньше всего думать о производстве, а больше о том, как бы обеспечить свою личную выгоду.

Никакой единой государственной политики в экономической жизни страны не было. Группировки в правительстве действовали автономно, каждая в своих клановых интересах. Указы президента оказывались неэффективными, потому что в стране отсутствовал нормальный государственный аппарат, способный и заинтересованный в проведении вразумительной экономической линии.

Ну а что творилось в это время на селе, и описать невозможно. Я каждый год ездил в родное село Алмазово Скопинского района Рязанской области, и на моих глазах умирали остатки крестьянства. Из 5 тыс. гектаров угодий нашего колхоза в

1994 г. обрабатывалась едва половина. Мужское население быстро деградировало под влиянием хронического алкоголизма. В свое время к нам из Башкирии приехали несколько десятков семей, которые смягчили нехватку рабочей силы. Теперь под влиянием националистического угара они вновь снялись с мест и вернулись к себе, в родные края. Не идет у меня из памяти разговор, который состоялся между ветеранами Великой Отечественной войны и председателем нашего колхоза им. Свердлова. Когда он их поздравил в День Победы и спросил, чего бы они хотели, старики дружно ответили: «Ничего больше не надо. Дай только досочек на гроб!». Председатель опустил глаза в землю и ответил: «Простите, мужики, но не могу обещать вам этого. В колхозе нет ни единой тесиночки. Спирту могу поставить хоть целую молочную флягу в 50 литров, а гробов не просите, не могу». На том и разошлись.

В родной деревне появились неслыханные признаки одичания людей: то кто-то украдет сушащееся на веревке около дома белье, то из грядки по весне выдернут только что посаженную рассаду, то из-под наседки исчезнут уже полунасиженные яйца. Но хуже всего то, что односельчане, зная обо всем этом, скупают у опустившихся воров за гроши краденое, не сомневаясь при этом, что завтра их самих обокрадут. А я ведь помнил с детства, как в той же самой деревне мужики стояли стеной против воровства. Конокрадов никогда не сдавали милиции, а просто убивали самосудом, и ни один из односельчан не стал бы содействовать властям в расследовании. Воровство было и тогда, но воры были изгоями, скрывавшимися в глухих урочищах и всегда рисковавшими жизнью при встрече с односельчанами.

Все лето и осень в обществе доминировало настроение апатии. Например, 27 мая во Владивостоке высадился возвратившийся из Соединенных Штатов, где он жил в эмиграции, Александр Исаевич Солженицын. Пожалуй, он был самой крупной фигурой в мире литературы и публицистики, нанес, наверное, самый сильный удар по коммунистическому режиму. Его лите-

ратурный талант, работоспособность и одержимость чувством мести прошлому строю были орудиями самого крупного калибра в борьбе против советского строя. Он ехал на Родину, рассчитывая стать властителем дум, духовным поводырем масс, трубадуром новой России. Он уже давно, еще в горбачевское время, обозначил свои политические амбиции, опубликовав большую статью «Как нам обустроить Россию?», в которой благие пожелания переплетались затейливым образом с полным непониманием реальной обстановки в стране, где писатель уже не жил много лет. А. Солженицын решил медленно продвигаться по России, задерживаясь в городах и селах, читая лекции, проводя встречи с населением. Но никакого триумфального шествия по стране не получилось. Он имел неосторожность с первых шагов честно, а значит, и неприлично резко, отозваться о результатах деятельности демократов-реформаторов. Потом Солженицын даже напишет разгромную антидемократическую книгу «Россия в обвале», а тогда только сказал: «Я не буду хвалить Б. Ельцина ни в глаза, ни за глаза!» — но и этого было достаточно, чтобы «вырубить» его из информационного поля России. Его просто стали замалчивать.

А. Солженицын еще во Владивостоке встретился со Светланой Горячевой — прокурорской работницей, выступавшей с позиций страстной патриотки левых убеждений, которую иногда называли «нашей Жанной д'Арк» за то, что она, будучи заместителем Б. Ельцина в бытность того председателем Верховного Совета РСФСР, резко, публично выступила против него вместе с другими коллегами. В тот момент, до августа 1991 г., в условиях непогрешимого авторитета Б. Ельцина этот акт был поистине героическим поступком. Безразличие общественности к ее самоубийственному вызову, очевидно, повлияло и на нее, она потеряла свое особое политическое сияние, посерела и встала в строй почитай рядовых левых оппозиционеров. И, тем не менее, факт встречи Солженицына с ней добавил яда и желчи в редкие сообщения средств массовой информации о его поездке:

«Отстал Александр Исаевич в эмиграции! Не понимает нынешней России!». Таким, закутанным в стеганое одеяло молчания, приехал вчерашний кумир демократов в Москву и таким же отлученным от общественной жизни живет до сих пор на своей подмосковной дачке. Он так и не вернулся из эмиграции. Никому теперь не нужны ни его литературные труды, ни политические эссе.

Вообще вся так называемая общественно-политическая жизнь ушла постепенно в закоулки полупридушенной Государственной думы, в норы интеллигентских клубов, в групповую болтовню, в индивидуально-семейные посиделки. Читаю свои заметки тех дней: «На Таганке, в одном из старых особняков, собирается раз в месяц так называемый Московский интеллектуально-деловой клуб, которым руководит бывший советский премьер-министр Н. И. Рыжков, недавно возглавивший совет директоров «Тверьуниверсалбанка». Там бывают уважаемые лица, академики, бывшие министры, бизнесмены, деятели культуры. Они приглашают на свои заседания в качестве докладчиков кого-нибудь из видных экономистов, политологов, послов и т. д. Все внимательно слушают умные, как правило, критические по отношению к правительству речи, задают вопросы. Затем вкусно обедают под рюмку-другую водки и расходятся по домам до следующего месяца.

Где-то еще тусуется (странное слово — порождение того времени, означающее «собирается») клуб «Реалисты», созданный Ю. В. Петровым, в свое время первым секретарем Свердловского обкома КПСС (при Б. Ельцине бывший вторым секретарем), затем послом СССР на Кубе, затем начальником администрации президента Ельцина, а теперь либеральствующим бизнесменом. Там также идет бессистемная болтовня о проблемах России, о планах создания еще одной партии, издаются брошюры просветительского характера, и каждая встреча завершается хорошим обедом.

На углу Садового кольца и Малой Бронной, где некогда существовал «Театр на досках», созданный С. Кургиняном, теперь

собиралась более левая публика. С. Кургинян, давно сменивший амплуа режиссера на профессию политолога, примерно по той же схеме созывал подходящую публику, приглашал соответствующего докладчика, и шло говорение-слушание без толку и без проку. Мне приходилось бывать на таких собраниях. Здесь я видел и Д. Язова, и В. Крючкова — не так давно всесильных министров советского правительства и бессильных членов ГКЧП.

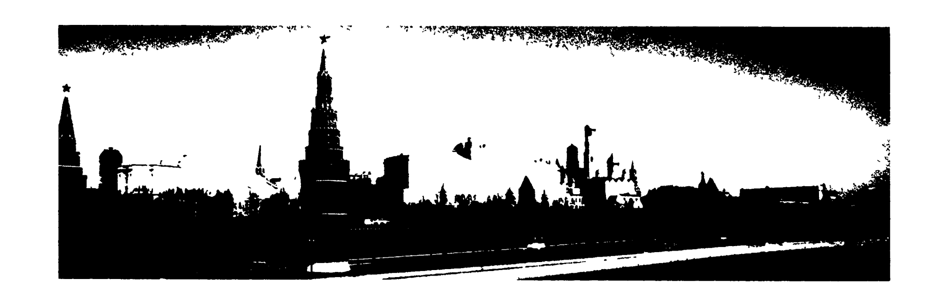
Везде было одно и то же: обилие констатирующей жвачки. Везде не было одного и того же: желания действовать и ясного понимания пути выхода из глухого национального тупика.

Примерно в то же время в Парламентском центре на Трубной площади проводились публичные слушания о судьбах СНГ. В зале сидели М. Горбачев, А. Павлов (бывший премьер-министр СССР), А. Лукьянов, С. Шахрай (весьма близкий тогда к Б. Ельцину). Пробовали найти ответ на вопрос, кто же виноват в развале СССР. Выступление М. Горбачева звучало в кратком изложении примерно так: «Только не я, это вина ГКЧП», А. Лукьянов парировал: «Только М. Горбачев, и никто другой». С. Шахрай признал, что причиной распада СССР была борьба центральных властей (М. Горбачева) с властями России (Б. Ельциным).

Трехлетняя годовщина победы демократии над ГКЧП в августе прошла совершенно незаметно. В Москве перед зданием Московской мэрии на Новом Арбате собралась небольшая кучка людей, около тысячи, перед которыми истерично витийствовала Валерия Новодворская — несчастная, психически неуравновешенная женщина, которую на полную катушку постоянно использовали демократы, а ее следовало бы пожалеть, дать возможность полечиться. Вместо этого распаляли вниманием прессы, деньгами, и она все больше заклинивалась на двух-трех идеях фикс: ненависти к давно уничтоженному советскому строю, который, как всем было понятно, никогда не вернется, и ненависти к России и русскому народу.

Лишь один мэр Санкт-Петербурга А. Собчак решился в ав-

густе 1994 г. организовать эстрадное шутовское спортивное шоу и велел транслировать его по телевидению. Участвовали команды «бизнесменов», «таможенников», «журналистов» и т. д. На абсолютно пустом стадионе пели и кривлялись профессиональные артисты, бегали пузатые «футболисты» — женщины и мужчины вперемежку, киноактер Фарада пытался изобразить ведущего. Дикторы лопотали без умолку, изображая энтузиазм и отрабатывая полученные деньги. Но все это происходило в пустоте.



ЧЕЧНЯ

Безусловное затишье на фронтах внутриполитической борьбы имело своей причиной не только поражение оппозиции и значительно укрепившееся положение президента, но и малозаметное в те дни переключение основного внимания власти на борьбу с чеченскими сепаратистами. До этого времени проблема отделения Чечни стояла во весь рост, и у России не было сил попытаться как-то решить ее. Чеченская проблема в историческом прошлом имела одну особенность: она всегда превращалась в головную боль для России в моменты ослабления Российского государства. Наибольший уровень организованности в противостоянии России Шамиль, базировавшийся в основном на территории Чечни и Дагестана, проявил в годы, когда империя терпела поражения в Крымской войне. Именно тогда, опираясь на поддержку Турции и европейских противников России — Англии и Франции, — Шамиль начал создавать первые основы исламского государства. Лишь окончание крымской кампании позволило России собрать достаточные силы, чтобы завершить войну против Шамиля и покорить Кавказ. Известно, что российское правительство поступило весьма великодушно с плененным вождем чеченцев. Он жил вместе с семьей некоторое время в Калуге, где от себя и своего потомства присягнул на верность российскому трону. Кавказские на-

местники по существу не вмешивались во внутреннюю жизнь чеченских тейпов, и до самой революции 1917 года чеченцы жили своим традиционным укладом, не создавая особых проблем Российской империи.

Когда же грянули революционные события 1917–1920 гг., большевики использовали горские народы и чеченцев в качестве своих союзников в борьбе против терского и кубанского казачества, представлявшего главную опасность для советской власти. Участие горских народов в гражданской войне способствовало росту их национального самосознания, тем более что тогда также был в ходу лозунг самоопределения народов. Большевики выполнили обещания, предоставив горцам свою государственность. Вайнахский народ, состоящий в основном из чеченцев и ингушей, объединился в рамках Чечено-Ингушской автономной советской социалистической республики.

Однако, как только разразилась Великая Отечественная война и немецкие дивизии приблизились к Кавказу, чеченские вожаки подняли мятеж против советской власти. У этого выступления не было единого центра, оно походило на пожар, вспыхнувший сразу во многих местах. Немцы, учитывавшие антироссийские настроения чеченцев и ингушей, с первых дней войны начали готовить из военнопленных красноармейцев кавказских национальностей своих пособников в специальной диверсионной школе, действовавшей около австрийского города Зальцбург. На территорию Ингушетии и Чечни посыпались воздушные десанты из немцев и чеченцев, которые становились руководящим и ударным ядром в повстанческом движении. Немалых усилий стоило частям Красной армии и силам НКВД подавить эти очаги вооруженного сопротивления. В ходе операций стало ясно, что местная администрация, включая и милицию из граждан чеченской национальности, всячески уклонялась от участия в борьбе с бандитским движением. Население же в своей основной массе оказывало поддержку повстанческому движению. Временная оккупация Чечни немцами с октября 1942 по январь 1943 г. только наглядно подтвердила го-

товность чеченцев к сотрудничеству с врагом. Именно тогда немцы сформировали чечено-ингушский полк для борьбы с партизанами. Под влиянием грозной опасности, которую представляли собой многочисленные банды боевиков, и было принято постановление Государственного Комитета Обороны о выселении чеченцев и ингушей из районов их исторического проживания.

Поскольку эта мера часто была и остается предметом острой дискуссии, а здесь нет места для подробного изложения громадного фактического материала, относящегося к ней, можно отослать интересующихся к обильно документированной книге Бугая Николая Федоровича «Л. Берия — И. Сталину». Согласно Вашему указанию» (Москва, «АИРО-XX», 1995 г.), а также к работе «Кавказские орлы: обзор материалов о банддвижении на территории бывшей ЧИАССР» (Алма-Ата, 1945 г.). Мы только добавим, что в результате боевых операций по подавлению банддвижения, проводившихся с июня 1941 по январь 1945 г. на территории ЧИАССР, было изъято более 11 тыс. винтовок, 340 автоматов, 108 пулеметов и т. п.

На длительное время утихла Чечня, и даже когда в 1957 году ссыльным чеченцам было разрешено возвратиться на родину, больше половины не вернулись в свои горные аулы, они расселились в российских городах и создали там крупные диаспоры.

Во времена хрущевской администрации к исторической территории расселения чеченского народа были присоединены три равнинные района из состава Ставропольского края: Наурский, Надтеречный и Шолковской, где жили в основном русские. Тогдашние коммунистические руководители рассуждали так: включение в состав ЧИАР равнинных районов поймы реки Терек сделает более устойчивой экономику республики, даст работу десяткам тысяч рабочих рук, а инъекция русского населения усилит влияние центральной власти на общественную жизнь автономии.

Начиная с поздней перестройки и особенно с наступлением ельцинского времени, когда становилось очевидным резкое

8 Зак 22409

ослабление государственной власти, внутримосковские распри занимали основное внимание политиков, армия была подвергнута всяческому поношению, силовые структуры не просто слабли, а активно разрушались под напором так называемых демократов, чеченцы снова подняли голову, воспользовавшись в который раз смутным временем.

Как только в России был избран 29 мая 1990 г. на пост председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин и стало ясно, что теперь центральная власть РФ будет бессильна, чеченцы взяли совершенно открыто курс на полную независимость. Как ни прискорбно, но толчок к этому дали сами московские власти. Движимые стремлением как можно быстрее подорвать влияние Кремля в национальных автономиях, представители Б. Ельцина отыскали генерал-майора дальней авиации Джохара Дудаева, помогли ему выехать в Грозный, где он с их легкой руки возглавил борьбу против старой партийной и государственной элиты ЧИАР, которую крепко держал в своих руках тогдашний секретарь обкома КПСС Доку Завгаев. Ельцинское окружение было достаточно наивно, полагая, что утверждение у власти националистически настроенного генерала Дудаева окажет в ближайшей перспективе им помощь в противостоянии с Горбачевым.

История самого генерала Дудаева достаточно показательна для развенчания мифа о некоем геноциде чеченского народа, о котором без устали твердят чеченские национал-шовинисты. Джохар Дудаев в 1944 г. вместе со своими родителями оказался в Казахстане, но это не помешало ему окончить среднюю школу, затем Тамбовское высшее военное училище летчиков дальней авиации. В 30-летнем возрасте он окончил еще и Военно-воздушною академию им. Гагарина и все время находился на службе в частях и соединениях дальней бомбардировочной авиации. Во время афганской войны именно его самолеты подвергали так называемым ковровым бомбардировкам позиции моджахедов. За свои «подвиги» он получил ордена Красной Звезды и Красного Знамени и генеральское звание. Горбачевско-ельцин-

ское время застало его на посту командира дивизии дальней авиации, дислоцированной в гор. Тарту (Эстония). Он воочию наблюдал за разгулом националистических антирусских страстей в Прибалтике, видел беспомощность центральной власти СССР, а потом России, и у него зародилась мысль о выходе Чечни из РФ. Летом 1990 г. он подал в отставку, приехал в Грозный, где возглавил крайне радикальное крыло националистов. В то время Чечня еще не была поражена стопроцентно грибком воинствующего шовинизма, в республике были достаточно сильны здоровые силы, стоявшие на позициях союза с Россией. Они группировались вокруг Верховного Совета ЧИАР. В течение мая — августа 1991 г. маховик националистических страстей активно раскручивался Д. Дудаевым, из произвольно выбранных и приглашенных делегатов был созван Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), объявивший «узурпаторами» руководителей Верховного Совета республики, а сам Верховный Совет лишенным всех властных полномочий. Была провозглашена «Чеченская республика Нохчи-Чо», естественно, независимая ни от кого. На лозунгах в то время писали: «Ичкерия — субъект Аллаха». По существу тогда оформился государственный переворот. События, связанные с ГКЧП в Москве, были использованы Дудаевым лишь для окончательного оправдания совершенного им переворота и легитимизации своей власти. К этому времени он уже стал диктатором Чечни, занимая пост председателя исполкома ОКЧН.

Начался довольно длительный период захвата дудаевцами всех административных ресурсов, еще находившихся в руках федеральной власти. Например, 3 сентября 1991 г. захвачены здание телецентра, Дом радио и Дом политпросвещения. Через пять дней, когда стало ясно, что Москве не до них, отряды вооруженных сторонников Дудаева захватили аэропорт, главную теплоэлектростанцию. Москва еще надеялась, что ей удастся сдержать разрастание националистического пожара. В Чечню зачастил Г. Бурбулис, который пытался наладить какое-то взаимопонимание между остатками разогнанного Верховного Сове-

та, консолидировавшимися под названием Временного Высшего Совета, и Д. Дудаевым. Верховный Совет РСФСР даже принял постановление о том, что он признает единственной законной властью в Чеченской республике именно Временный Высший совет, но на все эти резолюции Дудаев давно не обращал внимания, как и на приезды Бурбулиса. Он делал свое дело, исходя из вечного правила: «Сила рождает власть и Конституцию, а не наоборот». А сила была на его стороне.

27 октября 1991 г. в Чечне были проведены выборы нового парламента и президента, которым, естественно, стал Джохар Дудаев. По данным чеченского Центризбиркома, в выборах приняли участие 72% избирателей, и за Дудаева проголосовали более 90%. Первым своим указом новый президент провозгласил Чечню суверенным государством.

Все, что происходило далее, было просто эскалацией противостояния между бессильной и безвольной Россией и мятежным сепаратистским режимом Дудаева. 8 ноября 1991 г. здания силовых ведомств в Грозном были захвачены, личный состав МВД перешел на сторону Дудаева, военные городки Минобороны блокированы отрядами чеченской национальной гвардии, получившими оружие из захваченных арсеналов МВД и КГБ. Авиа- и железнодорожные перевозки через Чечню прекратились. Исполком ОКЧН призвал порвать все связи с Россией, а проживающих в Москве чеченцев превратить столицу в зону бедствия. Вот откуда идут корни терроризма, ставшего на долгие годы трагедией для России и для чеченского народа.

На фоне этих событий выглядит просто жалкой попытка российских властей навести порядок силами десанта спецназа на двух самолетах. Самолеты были блокированы толпами вооруженных «гвардейцев» и под угрозой уничтожения вынуждены взять курс обратно на Москву. Это была уже полная победа. Началась нескончаемая череда захвата дудаевцами военных баз, военных городков, арсеналов Российской армии, оказавшихся на территории Чечни.

К чести командования Северокавказским военным округом и тех частей соединений, которые находились на территории Чечни, надо сказать, что они понимали критический характер складывающейся ситуации и ставили перед руководством РФ и Министерством обороны вопрос о выводе личного состава Вооруженных сил России из Чечни и вывозе оружия и материально-технической базы. Но ни маршал Е. Шапошников (министр обороны СССР с 23 августа 1991 г., а с февраля 1992 по август 1993 г. — Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами СНГ), ни П. Грачев, занимавший в то время пост № 2 в иерархии Минобороны, ни сам Верховный Главнокомандующий президент России Б. Ельцин не вняли здравым рекомендациям, поступавшим с места событий. Никаких вразумительных приказов и указаний от них в войска не поступало. Армия была брошена на произвол судьбы. Сами чеченцы распространяли слухи о том, что высшие чины российского Министерства обороны сознательно вели линию на затяжку решения вопроса о выводе войск, потому что получали за это крупные суммы денег. Любой историк этого периода, который будет изучать события того времени, неизбежно встанет перед необходимостью ответить утвердительно только на два вопроса: «Было ли такое отношение к армии и российскому оружию следствием вопиющей некомпетентности и политической близорукости?» и «Было ли поведение российских властей в тот момент по отношению к комплексу проблем, связанных с Чечней, предательством?».

Попытки депутатов Государственной думы в последующие годы провести расследование, чтобы установить ответственность российских должностных лиц за оставление в Чечне огромных запасов оружия и боеприпасов, не дали никаких результатов. Допросы Е. Шапошникова, Е. Гайдара, П. Грачева и других причастных к этому государственному преступлению лиц вылились в игру в бюрократическую «спихотехнику», при которой каждый валит вину на другого, в результате чего обра-

зуется круг безответственности. Однако никто не решился спросить ответа у Б. Ельцина, который по Конституции считался гарантом безопасности и территориальной целостности страны и ее населения, отвечал за судьбу армии.

31 марта 1992 г. парламент Чеченской республики (самопровозглашенной) принял следующее постановление: «Несмотря на неоднократные просьбы и предупреждения (*требования о выводе* — **Н. Л.**) относительно воинских частей, расположенных на территории Чеченской республики, положительное решение не принято. Более того, воинские части брошены на произвол судьбы. Исходя из сложившейся ситуации, парламент Чеченской республики постановляет:

1. Все воинские части, вооружения и военную технику Вооруженных сил СНГ взять под юрисдикцию Чеченской республики.

2. Председателю Комитета по делам обороны и госбезопасности парламента Чеченской республики Сулейменову И. А. уведомить об этом руководство Вооруженных сил СНГ».

Долгие годы хранилось в строгой тайне, что было оставлено в Чечне под угрозой отнятия силой или передано за, чтобы российские граждане не могли связать катастрофические последствия первой чеченской войны с объемами и качеством русского оружия, оказавшегося в руках у дудаевских боевиков в 1991–1992 гг. Только в 1996 г. в приложении к «Независимой газете» от 26 сентября появилась справка, составленная военными экспертами Академии военных наук, из которой следовало, что в результате предательской бездеятельности российского политического и военного руководства отдано Дудаеву: 42 танка, 66 единиц бронетехники (БМП, БТР и БРДМ), 590 противотанковых средств (ракеты с кумулятивным зарядом), артиллерии и минометов — 153 единицы, в том числе 18 реактивных установок залпового огня «ГРАД», стрелкового вооружения — около 42 тыс. стволов, из них 28 тыс. автоматов Калашникова, 678 танковых пулеметов, 318 крупнокалиберных пулеметов, 533 снайперские винтовки Драгунова, 17 переносных ракетно-зе-

нитных комплексов, боеприпасов для стрелкового оружия — около 14 млн штук, более 150 тыс. ручных гранат. На двух авиабазах — в Ханкале и Калиновской — находилось более 250 учебно-тренировочных самолетов «Л-29» и «Л-39», которые могли нести или по две авиабомбы весом по 100 кг, или две кассеты с 32 неуправляемыми реактивными снарядами каждая.

Для создания регулярных вооруженных сил сепаратистской республики всем чеченцам, находившимся на службе в рядах Российской армии, дано понять через каналы родственной связи о необходимости дезертировать и немедленно прибыть в Чечню. В самой республике была проведена мобилизация всех резервистов, которые прошли службу в Советской армии. Особое внимание обращено на ветеранов-афганцев. В короткий срок численность Национальной гвардии доведена до 60 тыс. человек.

В Чечне началась кампания геноцида по отношению к русскому населению.

По данным переписи населения, на январь 1991 г. национальный состав в Чечено-Ингушской республике был следующий: чеченцев — 734 тыс., русских — 294 тыс., ингушей — 164 тыс., армян — 15 тыс., украинцев — 13 тысяч. Общая численность населения составляла 1 млн 270 тыс. С началом сепаратистского процесса начались массовые гонения на русское население. Нигде, ни в одном из официальных документов самопровозглашенной республики Ичкерия не говорится о геноциде русских, но власти всех уровней благосклонно смотрели на беззакония, насилия и истребление их, вспыхнувшие на всей территории Чечни. Однажды, это было уже 27 октября 1994 года, Д. Дудаев не мог отмолчаться перед лицом многочисленных актов преступлений против русских и сделал следующее заявление через Интерфакс: «Слухи о насилии против русских являются безосновательными к кощунственными. Вся пропагандистская кампания на этот счет развязана российским руководством и не имеет под собой никакой основы. С 1991 г. в республике действует распоряжение об особом контроле за пре-

ступлениями, совершенными против представителей русскоязычного населения. В республике не зарегистрировано преступлений против русских на межнациональной основе». И в это же самое время в Москву шли нескончаемым потоком письма-мольбы о помощи со стороны русского населения, уничтожаемого чеченцами. Эти залитые слезами женщин и стариков страницы свидетельствуют о том, что сначала распоясавшиеся бандиты отнимали в основном автомашины, каждый раз угрожая оружием, избивая сопротивлявшихся, запирая их в чуланы, сараи, заколачивая гвоздями в закрытых сундуках. Затем перешли к изъятию скота. Изо дня в день вооруженные насильники обходили улицы русских поселений и угоняли скот, обрекая стариков на голод. Когда было закончено и с этим, начался грабеж домашнего имущества, сопровождавшийся, как правило, насилием над русскими, пытавшимися защитить последнее, что у них оставалось. Убийства и насилия стали повседневными. Вот только маленькая выдержка из сообщения за тот же 1994 г., присланного в Москву атаманом Кизлярского округа, войсковым старшиной А. С. Эльзоном: «Станица Червленая: Еремин Георгий Максимович — застрелен в своем доме, Думанаев Владимир Владимирович пропал вместе с автомашиной, найден в Тереке с огнестрельным ранением и переломами рук и ног. Лукьянцев Анатолий Петрович, Пятов Александр Ефимович — оба закрыты в вагоне и сожжены. Муратиди Георгий Степанович — главный врач — убит ножом. Маллаев Виктор Капитонович — председатель церковной общины, член правления стариков Терского казачьего войска — зверски расстрелян в своем доме. Богдашкина Анна Петровна — ветеран Великой Отечественной войны — ограблена» и т. д.

Автор сообщения сам проживал в станице Червленая и был свидетелем большинства этих преступлений. В сообщении приводятся данные и по другим станицам: Старогладовская, Бороздиновская, Дубовская, Воскресенская, Шелковская, Курдюковская, и везде картина выглядит одинаковой.

В мае 1994 г. жители станицы Асиновская Сунженского района на общем сходе написали письмо Б. Ельцину, в котором кровью сердца было рассказано об убийствах, групповых изнасилованиях малолетних русских девочек, силой уведенных из родительских домов, поголовных грабежах и немыслимых измывательствах над русским населением. В письме говорилось: «Убедительно просим Вас, не оставьте наше обращение без внимания. Борис Николаевич, мы избрали Вас президентом, доверили Вам наши судьбы и жизнь, а что же сейчас происходит с русскими, отовсюду русские бегут, нигде им нет места и покоя. Очень просим Вас выделить комиссию о рассмотрении вопроса дальнейшего проживания русских на нашей территории и сделать соответствующие выводы. И если нет возможности в наведении общественного порядка, помочь оставшимся русским эмигрировать за пределы этого бесчинствующего «государства-Чечни» на территорию России-матушки». (Текст письма см. «Россия и Чечня, 1990—1997 г. Документы свидетельствуют». М. «Духовное наследие», 1997 г.). Кстати, копию этого письма получил и Д. Дудаев, публично лгавший перед всем белым светом, что, дескать, в Чечне никто не обижает русское население.

Кремль был глух к страданиям русских в Чечне, как и вообще безразличен к участи народа России. Уезжавших из Чечни русских дочиста обирали на административных границах республики под издевательским лозунгом «Все нажитое на чеченской земле должно остаться в Чечне!». Оставались в бандитском государстве только те, кто не мог физически осилить переезд больные, старые, одинокие люди, у которых не было средств, чтобы оплатить даже билет, и не было пристанища в России, где можно было бы преклонить голову.

Самим чеченцам было страшно нести ответственность за творимые преступления. В июне 1992 г. Президиум исполкома Общенационального конгресса чеченского народа выступил с заявлением, в котором возложил ответственность за имеющие место нападения на воинские части, тяжелое экономическое

положение на исполнительную власть. В документе говорилось: «Исполком от имени народа требует от президента (Д. Дудаева) принятия срочных мер по стабилизации криминогенной обстановки в республике, выявления и наказания виновных за нападения на воинские части, хищения в банках». Исполком заявлял о своем крайне критическом отношении к кадровой политике Дудаева и призывал его строго следовать Конституции. Но уже разгулялась криминально-националистическая стихия, и Д. Дудаев, вознесенный ее волнами на гребень политической власти, не смог бы ничего сделать, даже если бы захотел. Исламское духовенство Чечни в своей массе занимало взвешенную, миротворческую позицию, призывало к спокойствию и восстановлению порядка, но тщетно. Дудаев не считался с их мнением.

Руководители промышленных предприятий — чеченцы по национальности — били тревогу в связи с геноцидом русского населения. Вот письмо заместителя директора Грозненского химического комбината Т. Пашаева и председателя профкома М. Гамзатова в адрес председателя чеченского парламента, министра безопасности ЧР и мэра гор. Грозного (1992 г.): «В связи с непрекращающимися правонарушениями, проявляющимися в грабежах, избиениях ни в чем не повинных жителей, актах бандитизма, убийствах, насильственном выселении из законно ими занимаемых квартир, работники комбината и члены их семей вынуждены, избегая разгула преступности, покидать пределы республики.

На массовую миграцию населения крайне отрицательно влияет их абсолютная правовая незащищенность, сложная морально-психологическая обстановка. Вынуждены покидать республику опытные высококвалифицированные специалисты, и из-за их массового отъезда комбинат уже оказался на грани вынужденной остановки». Здесь не сказано «русские», но речь шла только о них.

Подобного рода сигналы шли со всех сторон, но Д. Дудаев, как и его московский визави Б. Ельцин, были озабочены только

одним: сохранением и укреплением своей личной власти. Все остальные соображения отлетали от них, как блины от тефлоновой сковородки.

Нельзя сказать, что среди чеченцев полностью отсутствовали здравомыслящие люди, которые не могли не видеть, куда ведут республику и ее народ азартные политические авантюристы типа Д. Дудаева. В течение 1991—1994 гг. в республике сохранялось некое подобие двоевластия. В районах, расположенных ближе к административной границе со Ставропольским краем, где процент русского населения был еще достаточно высок, сформировалась оппозиционная к Дудаеву власть из остатков бывшего Верховного Совета ЧИАР. Ядром этой власти был Временный Высший Совет в составе 123 человек. Его первый председатель (В. Бахмадов) был назначен распоряжением Руслана Хасбулатова. ВВС твердо ориентировался на Россию, никогда не признавал законности режима Д. Дудаева. Но его власть не простиралась далее Шалинского, Надтеречного, Наурского и Гудермесского районов. Из 17 районов Чечни под неполным контролем ВВС оказались только 4.

По мере того, как Дудаев все активнее скатывался на позиции диктатора, росло и число лиц, пополнявших ряды оппозиции. В феврале 1993 г. он протащил новую Конституцию Чечни, по которой в республике практически установился режим единоличной президентской власти, парламент был распущен. Это был уже второй роспуск представительской власти в Чечне за два последних года. Но в этот раз парламент не подчинился, сформировал свое правительство, получил поддержку Верховного суда Чеченской республики, муфтиев, и на какое-то время между февралем и июнем 1993 г. казалось, что власть Дудаева зашаталась и вот-вот падет. Но честолюбивый генерал пошел ва-банк (как и Б. Ельцин в октябре 1993 г.), его вооруженные сторонники взяли штурмом здание мэрии гор. Грозного, где окопались его политические оппоненты, при этом было убито с обеих сторон более 50 человек. После этого он распустил Конституционный суд. Полная аналогия по времени и методам

с Б. Ельциным. Деморализованная оппозиция оказалась рассеянной, часть ее уехала в Россию, часть ушла в приграничные со Ставропольем районы или прекратила политическую борьбу.

После этого все надежды на то, что внутренняя политическая оппозиция в Чечне сможет законными демократическими силами изменить положение к лучшему, отпали. На повестку дня встали методы вооруженной борьбы. Центром ее организации стал Надтеречный район, где главой администрации был Умар Автурханов, который получил высшее военное образование и работал в правоохранительных органах Грузии, откуда вернулся в 1992 г. в Чечню. В антидудаевском лагере оказался и Бислан Гантамиров, который первоначально выделялся своей активностью среди сепаратистов и даже возглавлял комитет по обороне Объединенного конгресса чеченского народа, но потом разошелся с Дудаевым и примкнул к радикальной оппозиции. Он всегда отличался сложным, противоречивым характером, обладает серьезной политической подготовкой, неустойчив в своих взглядах, но компенсирует эти недостатки склонностью к прямым и решительным действиям. В частности, именно его обвиняли в организации покушения на Дудаева 7 августа 1993 г., когда Дом правительства в гор. Грозном был обстрелян из гранатометов и стрелкового оружия.

4 июня 1994 г. создано параллельное правительство Чечни, получившее название Временного Высшего Совета, председателем которого стал У. Автурханов, его структуры находились в населенных пунктах Знаменская, Толстой-Юрт, Урус-Мартан. Была достигнута договоренность об объединении всех антидудаевских вооруженных формирований под общим командованием Б. Гантамирова.

В Москве воспрянули духом. Появилась надежда, что чеченцы сами решат проблему Дудаева. Сложилась группа, которую в народе называли «Три Сережи»: Сергей Филатов — руководитель президентской администрации, Сергей Шахрай — до лета 1994 г. министр по делам национальностей и региональной политике, Сергей Степашин — тогдашний руководитель Феде-

ральной службы контрразведки. Им активно ассистировал Паин Эмиль Абрамович, который с подачи демократических СМИ считался крупным специалистом по этнополитологии и был приглашен на должность заместителя начальника Аналитического управления президента РФ, хотя до августовских событий 1991 г. являлся всего-навсего кандидатом наук и работал заведующим сектором социологии Центрального научно-исследовательского института проектирования градостроительства. Из всей этой группы некоторое практическое представление о ситуации на Северном Кавказе имелось только у Шахрая, который выполнял ряд поручений президента по урегулированию осетино-ингушского конфликта, любил подчеркивать свое происхождение от казаков, ходил в тельняшке, объявлен Дудаевым «врагом чеченского народа», что прибавляло ему апломба.

«Три Сережи» активно влияли на президента РФ, убеждая его в том, что в Чечне появились реальные силы, которые уже имеют под своим контролем значительную территорию и способны стабилизировать ситуацию в республике при условии, если Россия окажет Временному Высшему Совету прямую финансовую и военную помощь. К этой работе с лета 1994 г. активно подключился также Николай Егоров, сменивший на посту министра по делам национальностей и региональной политики С. Шахрая. Н. Егоров был родом из Краснодарского края, входил в региональную партократию и был вынесен «демократической волной» в московские политические кущи. Он получше других знал реальную ситуацию на Северном Кавказе, поэтому и взгляды у него были порадикальнее. Если, к примеру, С. Шахрай со товарищи полагал, что сил внутренней чеченской оппозиции хватит для свержения Д. Дудаева, то Н. Егоров считал, что без прямого участия российских военнослужащих эта затея обречена на провал. В конечном итоге его точка зрения показалась более убедительной Б. Ельцину. Он даже впоследствии был назначен полномочным представителем президента в Чечне.

2 августа 1994 г. глава Временного Высшего Совета Чечни У. Автурханов объявил об отстранении от власти Д. Дудаева, о

принятии на себя всей полноты власти в республике, прекращении деятельности всех органов государственной власти, созданных Дудаевым. Решения этих органов объявлялись незаконными и не подлежащими исполнению. Одновременно У. Автурханов обратился к президенту России с просьбой считать Временный Высший Совет единственным законным органом власти и оказать ему поддержку. Одной из главнейших задач на ближайшее время было намечено проведение всеобщих выборов в Чечне и формирование правительства национального возрождения. Такое заявление не могло быть сделано без предварительного согласия с российской стороны. Москва в самом деле де-факто признала ВВС органом верховной власти в Чечне. В его распоряжение был выделен кредит в 150 млрд рублей и предоставлено большое количество военной техники, включая боевые вертолеты, танки, боевые машины пехоты. Деньги уполномоченным представителям чеченской оппозиции выдавались наличными прямо мешками, хранившимися в складе ядерных боеприпасов в гор. Моздоке. Технику быстро перекрашивали, закрывая российские опознавательные знаки, и готовили к бою.

Гражданская война была объявлена, Дудаев, в свою очередь, объявил У. Автурханова предателем Чечни и стал готовиться к отражению нападения. Кстати, он всегда придерживался принципа оборонительных действий, при котором противник, вынужденный атаковать, будет нести наибольшие потери не только в живой силе и технике, но и психологические и политические.

Кремль после трех лет бездействия стал вдруг проявлять признаки какой-то лихорадочной активности. Вместо спокойной методичной работы по укреплению политического влияния ВВС Чечни, формирования регулярных вооруженных сил, обучения наспех собранных бойцов и офицеров, разработки скоординированных планов военной операции начались, по существу, разрозненные наскоки на Грозный, которые проваливались с завидным постоянством. 17–20 августа 1994 г. сорвалась

первая попытка овладеть городом, когда отряды ВВС были отброшены с большими потерями на исходные позиции.

Месяц спустя национальные гвардейцы Дудаева нанесли поражение частям ВВС в Урус-Мартановском и Шалинском районах Чечни.

Тем временем эмиссары ВВС с помощью российских спецслужб (заместитель директора Федеральной службы контрразведки, начальник управления ФСБ по Москве и Московской области Е. Савостьянов) начали проводить вербовку добровольцев в военных гарнизонах, расположенных вокруг Москвы. Наши особисты заранее выявляли людей, готовых поехать воевать в Чечню за деньги. Затем уже представители чеченской оппозиции приезжали и заключали контракт, по которому сразу же после подписания наемнику уплачивался миллион рублей наличными. Далее следовали платежи по таксе: подготовка бронетехники к бою — 3 млн, легкое ранение (без повреждения кости) — 25 млн, ранение средней тяжести — 50 млн, тяжелое ранение — 75 млн В случае гибели на поле боя семья должна была получить 150 млн рублей. При ужасающей нищете российских военнослужащих найти «добровольцев» не составляло особого труда.

Вербовочная работа такого рода велась в Кантемировской танковой дивизии, Таманской мотострелковой, на Высших офицерских курсах «Выстрел» и в 18-й отдельной мотострелковой бригаде.

Командир Кантемировской дивизии (расстреливавшей Белый дом в октябре 1993 г.) Б. Поляков попытался даже силой предотвратить отъезд своих подчиненных в Чечню, но получил свирепый нагоняй от начальника Генерального штаба генерала М. Колесникова и вынужден был подать в отставку. Всего к концу осени 1994 г. в районы, контролируемые ВВС, прибыли 15 танковых экипажей, состоящих полностью из российских военнослужащих. Предполагалось, что вся эта работа должна проводиться секретно, однако в России в то время для ее противников секретов уже не существовало. Знал все и Дудаев, у

которого сохранялись надежные источники информации в лагере оппозиции да и среди российских военных. Весь октябрь и ноябрь 1994 г. прошли в бесплодных наскоках вооруженных сил оппозиции на Грозный. Еще в сентябре, в первые недели, появились боевые вертолеты, пилотируемые российскими летчиками. Они нанесли удар по грозненскому аэродрому, где уничтожили 7 самолетов. 15 октября снова было предпринято наступление на Грозный, кончившееся на другой день отходом на прежние рубежи.

24 ноября 9 вертолетов снова бомбили и обстреливали ракетами Грозный, но и эта акция была для Дудаева не страшнее, чем укус комара.

26 ноября предпринята самая масштабная атака на Грозный, когда танки и вооруженные отряды достигли центра города и вышли к президентскому дворцу, но там были встречены таким шквальным огнем со всех сторон, что к исходу дня колонна атакующих была разгромлена. По данным российской военной разведки, в руки Дудаева в этот день попало 15 целехоньких танков, 20 БМП и БТРов, свыше 1,5 тыс. снарядов и 150 тыс. патронов для стрелкового вооружения. Многие российские военнослужащие были убиты и взяты в плен, а на другой день все они показаны иностранной прессе, как доказательство прямого участия России во внутричеченском конфликте. Дальше маскировать свои действия не имело смысла. К тому же чеченская оппозиция, деморализованная бесконечными поражениями, потеряла остатки своего влияния на население и уже не могла рассматриваться как организованная политическая сила, способная к самостоятельным действиям.

Б. Ельцин был крайне раздражен неуклюжими движениями своих назначенцев. 30 ноября 1994 г. своим распоряжением он создал особую группу по руководству действиями по разоружению бандформирований в Чечне в составе Н. Егорова, который в этот день стал полномочным представителем президента в Чечне, Б. Ерина, П. Грачева, С. Степашина, А. Куликова, С. Юшенкова и др. Совет безопасности Российской Федера-

ции, обсудив вопрос о положении в Чечне и вокруг нее, высказался за прямое использование Российских вооруженных сил. 8 декабря Б. Ельцин назначил Н. Егорова ответственным за координацию действий всех силовых структур и назначил вице-премьером правительства РФ. Дальше отсчет времени пошел уже на часы.

11 декабря началась первая чеченская война. Российские силы состояли в тот момент из шести общевойсковых полков, которые поддерживали два полка авиации. В боевых порядках шли также некоторые подразделения ФСК и спецназа. По периметру района кризиса были дислоцированы подразделения пограничников. Эти силы постоянно нарастали по мере подхода подкреплений и двигались с трех основных направлений — с запада, севера и востока — к столице республики. Движение было медленным, потому что на пути следования колонн (особенно при пересечении Ингушетии) местные жители создавали всяческие препятствия, вплоть до того, что устилали своими телами дорогу, приходилось идти по бездорожью, в обход населенных пунктов. Если верить плодовитому автору книг о Российской армии бывшему полковнику Генерального штаба В. Баранцу, то и сами военнослужащие не очень-то рвались в бой. Были якобы случаи, когда военнослужащие просили местных жителей поджечь их машины, чтобы таким образом не попасть в мясорубку. Некоторые колонны техники по необъяснимым причинам заезжали в болотистые поля и завязали там на длительное время. Дудаевцы выслали навстречу нашим войскам авангардные группы, которые внезапно устраивали огневые налеты на движущиеся колонны и немедленно отступали по проселочным дорогам, не нанесенным на карты. Только через три недели — к концу декабря — наши ударные силы подошли к Грозному.

Война началась в крайне невыгодной даже для Кремля обстановке. Страна не была готова к такому повороту событий. Общественность притерпелась к «чеченской проблеме», как к хронической болезни, беспокоящей, но не угрожающей жизне-

способности государства. Никакой информационной и пропагандистской подготовки к вступлению нашей армии в Чечню не было. Сам президент с началом операции сказался больным (ему якобы сделали операцию на носовой перегородке) и не появлялся ни на публике, ни в телевизионном ящике. Отдувались только бывший пресс-секретарь президента, человек дебильной внешности, В. Костиков и некий Марк Урнов — руководитель Аналитического управления Президента РФ, не известный широкой публике. Они вразнотык давали толкования причин ввода войск, наиболее часто звучали следующие: восстановление законности и правопорядка, разоружение незаконных вооруженных формирований, защита прав граждан, в том числе русскоязычного населения, восстановление разрушающегося хозяйства республики. Не было в истории России ни одной войны, кроме чеченской, которая с самого начала была бы неодобрительно встречена большинством народа. Многие люди, и я в том числе, задавали себе вопрос: почему сам президент Б. Ельцин не соизволил ни разу принять прямое участие в политическом урегулировании чеченской проблемы? За 1992—1994 гг. он четыре-пять раз отдыхал на Кавказе или приезжал туда, но не нашел времени встретиться с Д. Дудаевым, который в свое время — в 1991 г. — одним из первых прислал поздравительную телеграмму в Кремль по случаю избрания Б. Ельцина на пост президента России и, кстати, обеспечил голосование в Чечне в пользу Ельцина, получившего там 80% всех пришедших на избирательные участки.

Российская армия не была готова к подобной операции даже в чисто военном и материально-техническом отношении, не говоря уже о ее моральном и духовном состоянии. Она оказалась брошенной в огонь войны, смысл которой не понятен ни командирам, ни солдатам. Никто не знал, когда и чем должна закончиться операция. Мобилизация сил была проведена суетливо и без толку, разномастные части не подготовлены к взаимодействию. Четкого, вразумительного плана всей кампании не было. Колонны просто двигались на Грозный, полагая, что со

взятием столицы республики все закончится само собой. Медленное продвижение в зимнее время выявило зияющие бреши в обеспечении. Солдаты мерзли в ледяных бронекоробках, легкие палатки были единственным укрытием от ветра и стужи, возникали проблемы с горячим питанием, не говоря уже о банях. Сколько времени длилась первая бездарная война с Чечней, столько царил и хаос в управлении войсками. Единое командование — азбучная истина для успешного ведения боевых действий — так и не было создано.

Международное сообщество также оказалось шокированным решением Б. Ельцина начать военные действия с применением авиации, танковых сил против Чечни. Вместо того, чтобы подготовить документированные материалы о разгуле криминала в Чечне, о геноциде русских, о чудовищном попрании прав человека, российская власть стыдливо отмалчивалась, безнадежно проигрывая информационную войну Дудаеву. Специальный посол США по странам СНГ Д. Коллинз, находившийся в те дни в поездке по Казахстану, открыто сказал, что США не намерены позволять России действовать в этих землях в духе своего рода доктрины Монро.

Я тогда записал в дневнике: «Глупые, но очень злые российские политики влезают в нору, конца которой они не ведают, а назад выбираться будет невыносимо трудно и унизительно».

Новогодний штурм Грозного войдет теперь во все учебники военной тактики и стратегии как блистательный пример головотяпства и профессионального невежества. Руководителям операции как будто было не известно, что на городских улицах бронетехника, включая танки, становится неповоротливой мишенью для стрелков, вооруженных легкими переносными противотанковыми средствами. Даже мы, простые любители, знали, какие потери понесла могучая Советская армия в Берлине от фауст-патронов. Всякий, кто бывал в Афганистане, не мог не знать, как в Кандагаре огнем гранатометчиков была уничтожена почти целиком танковая бригада, втянувшаяся в лабиринт улиц. Да и события в самой Чечне летом и осенью 1994 г. пока-

зали беспомощность попыток взять Грозный силами танков и бронетехники. И вот, как бы демонстрируя свою природную глупость, наши генералы дали команду Краснодарскому корпусу под командованием Константина Пуликовского в ночь под Новый год идти на штурм Грозного. Осторожный генерал, получив донесение разведки о том, что противника не видно нигде, запросил Моздок, где находился штаб по руководству всей операцией. Но там, как говорят злые языки, уже начали отмечать Новый год и под звон бокалов дали команду: «При напролом. Используй момент!» Корпус, во главе которого шла 131-я Майкопская бригада, попер навстречу своей гибели.

Впоследствии стало известно, что Дудаев был предупрежден о точной дате штурма, ибо за подписью его и Масхадова издан приказ, чтобы в ночь с 31 декабря на 1 января ни одна машина — «от велосипеда до танка» — не передвигалась по городу, ибо каждая движущаяся цель даже с выключенными фарами будет уничтожаться.

Участник событий той трагической ночи майор Александр Холод, командир батальона Рязанского воздушно-десантного полка, свидетельствует: «Представьте себе огромную колонну, которая в глухую темень втягивается в горловину улицы, ведущей практически неизвестно куда, в чужом незнакомом городе. Вокруг ни огонька. Карты, которые нам дали, были скверной копией с какого-то плана — не разобрать ни названий улиц, ни общегородского построения кварталов. Мы шли вслепую в мышеловку, где нет ни маневра, ни скорости. Тем более на наших десантных машинах, которые спасают только от пуль да мелких осколков. Гранатомет прошибает их запросто. Но мы пошли...» В центре города, куда были стянуты основные силы боевиков, на колонну обрушился шквальный огонь гранатометов. Били в упор, с 15—20 метров. Промахнуться было невозможно. Сразу же были подбиты головные и хвостовые машины, чтобы полностью закупорить улицы. Дальнейшее напоминало расстрел, но никак не бой.

Наутро, когда рязанские десантники в пешем строю прочесывали город, они увидели страшную картину того, что оста-

лось от бригады. «Около сотни боевых машин стояли, как на параде, выстроившись в одну колонну. В некоторых даже еще горел свет, работали моторы. Вокруг лежали убитые ребята. Совсем юные. Спасать было некого». Это были расстрелянные экипажи и мотострелки, пытавшиеся выбраться из «мешка» в пешем строю.

Командир десантного полка полковник Александр Ленцов говорил: «Я часто вспоминаю новогоднюю ночь 1995 года. И вспоминаю с чувством стыда за Отечество. Ночь. Кромешный ад. Горят танки. Мы выносим убитых и раненых. А Россия забыла нас, посланных умирать, причем непонятно за что. По радио доносятся звуки московского веселья. Идет традиционная новогодняя передача, рекой льется шампанское. Звучат поздравления: «С Новым годом!», «С новым счастьем!». Лишний раз убедился в том, какое в России (простите за грубое слово, но иного подобрать не могу) скотское отношение к армии».[1]

И апофеозом безнравственности стала широко распространившаяся весть о том, что самоубийственный штурм был специально приурочен ко дню рождения военного министра П. Грачева, которому таким образом хотели преподнести подарок. В той, ельцинской, России это было вполне возможно.

Блицкриг не состоялся. Военное командование, следуя традициям всех времен и народов, стало старательно занижать численность своих потерь, хотя скрыть масштабы катастрофы было трудно. Дудаев торжествовал и охотно позировал западным журналистам, утверждая, что штурм Грозного обошелся русским в 4 тыс. погибших солдат и офицеров. В середине января 1995 года наши военные сообщили, что число убитых в первых сражениях составило 400 человек.

Машина войны завертелась в рутинном ритме. Бои в Грозном продолжались, и только к концу января федеральные силы установили контроль над городом. Б. Ельцин, изрядно потрясенный огромными масштабами потерь, как обычно, отыгрался

---

[1] Баранец В. «Потерянная армия». (Записки полковника генштаба). М., 1998, стр. 245.

на своих подчиненных. 25 января Н. Егоров был освобожден под предлогом плохого состояния здоровья, а на его место был назначен вообще никому не известный Николай Иванович Семенов — заместитель генерального директора акционерного общества «Матрикс», в послужном списке которого можно было найти объяснение этого головоломного прыжка в карьере. Оказывается, в 1976—1985 гг. он являлся первым секретарем Грозненского горкома КПСС, откуда ушел в центральный аппарат ЦК КПСС на должность заведующего сектором республик Средней Азии и Казахстана. Он стал руководителем Территориального управления федеральных органов власти в Чеченской республике. Правда, ему уже не дали ранга вице-премьера. Назначение неизвестного, приниженного в ранге чиновника могло означать только одно: вся реальная власть переходила в руки военных, а гражданский «наместник» сохранялся как фиговый листок, для камуфляжа.

Первые военные неудачи вызвали шквал негодования и возмущения по всей стране. В первых шеренгах шла та самая либеральная интеллигенция, радикал-демократы, которые были в течение многих лет самыми преданными и безотказными союзниками Б. Ельцина. Они почти внезапно, дружно отступили от него, оставив «вне игры». Сергей Ковалев — штатный «правозащитник», умудрившийся ни разу не выступить в защиту русского населения или политических противников Б. Ельцина внутри России, на этот раз молниеносно перебрался в Чечню, оказался в бункере генерала Дудаева и вел оттуда информационные передачи для демократических СМИ. Вся тональность его материалов была жестко обвинительной в адрес Российских вооруженных сил и властей России. Впоследствии он даже награжден чеченским орденом за эту «правозащитную» деятельность. С. Юшенков, который являлся членом оперативной группы Н. Егорова в качестве представителя Комитета по обороне Государственной думы, круто поменял позицию и, перестав сотрудничать с органами исполнительной власти, превратился в яростного критика ее действий. Вся парламентская фракция

партии «ЯБЛОКО», политическая платформа которой всегда формировалась по рецептам Запада, отчаянно выступила против войны. Страна вообще разделилась на «партию войны» и «партию антивоенную». Средства массовой информации, к тому времени уже прибранные к рукам в большинстве случаев олигархами, заняли антиправительственные позиции. В стране упорно распространялись слухи о том, что чеченские руководители щедро подкармливали российских журналистов, оплачивали их командировки в Чечню, с тем чтобы они своими материалами создавали обстановку взвинченности и нервозности в России. Фактических доказательств не было предъявлено, а косвенных было хоть отбавляй. В Чечню потянулись корреспонденты малоизвестных изданий из российской глубинки, которые нередко выполняли задания западных газет и информационных агентств, решивших не рисковать жизнями своих штатных сотрудников. Журналисты, если их репортажи носили выгодный для Дудаева характер, с необычайной легкостью получали доступ к нему, его ближайшим помощникам. В Россию, на телевидение, поступали по скрытым каналам видеопленки, на которых были запечатлены ужасные сцены войны, но всегда с антироссийской окраской. Любимыми «картинками» были разбитые и сожженные боевые машины, разбросанные непохороненные трупы, морально опустошенные, испуганные пленные и т.д.

Д. Дудаев затеял длительную игру с пленными, которых использовал как разменную монету для разжигания антивоенных настроений в России. Он передавал их небольшими группками представителям тех партий и движений, которые наиболее активно вели работу против войны в Чечне. Маломерные российские политиканы наперебой старались нажить хоть небольшой политический капитал на своей миротворческой позиции.

Вскоре возникло Движение солдатских матерей, которые возражали против отправки своих сыновей в Чечню, оправдывали дезертирство и неподчинение военным приказам.

Обе палаты Федерального собрания вели поразительно не-

последовательную, вихляющую политику по отношению к чеченской войне. Если послушать депутатов Государственной думы, то почти все они резко критиковали поведение исполнительной власти и военного командования. Однако после начала военных действий (12.12.94 г.) Государственная дума получила обращение президента РФ с просьбой ответить на четыре вопроса:

— можно ли предоставить широкую амнистию всем участникам вооруженных конфликтов на Северном Кавказе?

— может ли быть предметом переговоров статус Чеченской республики?

— кого надлежит считать в этом случае субъектом переговоров?

— каковы должны быть условия такого диалога, — дала достаточно твердый ответ: «Амнистия может быть предоставлена, субъектами переговоров могут быть Дудаев, Автурханов, Лабазанов, Гантамиров и любые другие лидеры вооруженных группировок. Статус Чечни не может быть предметом переговоров, так как она является субъектом Федерации и неотъемлемой частью России. Условия переговоров: сдача оружия и прекращение огня, проведение свободных демократических выборов в республике». Эту позицию Государственной думы подтвердил ее Председатель Иван Рыбкин в интервью газете «Российские вести» 11 января 1995 г. С какого конца ни читай этот ответ Государственной думы, он не содержит осуждения силовых акций со стороны России. Поставленные политические условия, совершенно очевидно, были неисполнимы и оставляли свободной только дорогу к войне.

Нечто похожее разыгрывалось и в Совете Федерации. Там тоже действия федеральных сил вызвали шквал протестов, но когда председатель Совета Федерации Владимир Шумейко поставил в прямой редакции на голосование вопрос о немедленном выводе из Чечни российских войск, то за такое решение проголосовали только 15 человек из 176 членов верхней палаты парламента.

Иван Рыбкин публично говорил о поведении глав северокавказских автономий: «Мне приходится сталкиваться с поразительными фактами, когда представители республик с трибуны, например, говорят одно, а в моем кабинете совсем другое: «Ради Бога, завершите эту акцию против бандитов как можно быстрее и по возможности бескровно».

Страна, в которой нет общенациональной сплоченности по вопросу о понимании безопасности государства и народа, обречена на поражение в войне. Франция в свое время проиграла войну сначала во Вьетнаме, а потом в Алжире только потому, что общество раскололось в понимании задач и целей войны. Казалось бы, несокрушимые Соединенные Штаты были просто раздавлены в середине 70-х годов, когда «грязная война» во Вьетнаме наложилась на внутриполитический кризис и это привело к опасной дестабилизации всей политической структуры страны. Тогда Вашингтон предпочел признать свое поражение во Вьетнаме, лишь бы восстановить равновесие и политическую устойчивость в США.

В России в ходе первой чеченской войны (декабрь 1994 г. — август 1996 г.) не было национального консенсуса, а его отсутствие всегда пагубно воздействует на армию, ведущую боевые действия. Военнослужащие теряют уверенность в правоте своих действий, война кажется бессмысленной. В те времена солдаты и офицеры нередко на вопрос корреспондентов: «За что вы воюете?» отвечали: «Я должен отомстить за смерть моих близких товарищей, расстрелянных из засады».

На всю эту картину накладывалась еще и острая негативная реакция западных стран. Чеченская проблема стала постоянным рычагом давления на Россию. Западники требовали отказа от негуманных форм ведения боевых действий, т. е. применения авиации и тяжелой техники, все время настаивали на политических путях решения конфликта и в то же время лицемерно утверждали, что они за территориальную целостность России и против терроризма. Западный двойной стандарт уже навяз в

зубах. Когда Турция применяла против курдов и авиацию, и артиллерию с танками, Запад в упор не видел происходящего только потому, что Турция — член НАТО. Марокко, занимавшему в целом на международной арене прозападную позицию, позволялось проводить ничем не ограниченные акции против мятежной провинции Западная Сахара. Таких примеров сколько угодно.

Моральное состояние российского президента можно было характеризовать как полностью «расквашенное». Если бы в Чечне решался вопрос о судьбе его личной власти, он непременно проявил бы присущий ему медвежий напор, а здесь, казалось, шла речь лишь о сохранении территориальной целостности России и соблюдении Конституции, а эти вопросы никогда особенно не волновали его. Он мог склониться в любую сторону, куда сильнее дул ветер. Совсем недавно, в начале 90-х годов, когда японцами остро был поставлен вопрос о возвращении им Южно-Курильских островов, Б. Ельцин долго колебался и приглядывался к поведению своих же соратников, часть которых активно лоббировала японские интересы, например, тогдашний заместитель министра иностранных дел Г. Кунадзе. Когда же по инициативе парламентариев развернулась широкая общенациональная кампания в защиту российского суверенитета на этих островах, Б. Ельцин воспринял и этот сигнал и более определенно дал понять, что, пока он остается президентом России, эти острова останутся в ее составе. В чеченском вопросе Ельцин, как буриданова ослица, метался от одной крайности к другой. Потому весь характер войны принимал странный, противоречивый, непоследовательный характер. Уже 9 января 1995 г. правительство РФ объявило, что оно вводит 48-часовой мораторий на боевые действия для вывоза раненых и погибших из зоны военных действий. Потом такие перемирия объявлялись не менее полдюжины раз, причем нередко они использовались незаконными вооруженными формированиями боевиков для того, чтобы перегруппировать свои силы, наладить снабжение и т.д.

Политическое руководство страны непрерывно отдавало противоречивые указания военному командованию: использование боевой авиации перемежалось с запретами на полеты, продвижение войск не раз внезапно тормозилось по устным приказам из Москвы, исходившим, как правило, из администрации президента со ссылкой на Б. Ельцина. Тогда в ходу был афоризм: «Генералы жалуются, что политики не дают побеждать!» Самого Б. Ельцина раздирали противоречивые чувства, особенно по мере приближения очередного Дня Победы — 9 Мая 1995 года, — когда исполнялось ровно 50 лет со дня капитуляции гитлеровской Германии во Второй мировой войне. На эти празднества он заранее пригласил глав ведущих западных государств, в том числе президента США Б. Клинтона, канцлера ФРГ Г. Коля, президента Франции Ф. Миттерана, премьер-министра Англии Мейджора и др., и теперь метался между желанием завершить как можно скорее войну, желательно победой, и стремлением успокоить своих гостей демонстрацией миролюбия. Военное командование требовало свободы действий для подавления организованного сопротивления сепаратистов, а политические интриганы в Москве гудели в оба президентских уха о необходимости переговоров. Кстати, ни те, ни другие не имели должной уверенности и убежденности в правильности и осуществимости своих рекомендаций. Военные уже чувствовали, что война принимает с каждым днем все более вязкий, затяжной характер, превращается в подобие партизанской войны, при которой эффективность войск резко падает. А политики-«миротворцы», без конца фабриковавшие различные варианты мирных решений, не могли найти способа миновать главный «порог»: отказ Дудаева от любых переговоров, кроме признания полного суверенитета и независимости Чечни от России, равно как и отказ российских войск дать согласие на расчленение Российской Федерации. Говорильня вокруг поиска мирных решений превращалась в то, что называется в народном фольклоре «толочь воду в ступе» или «вить веревку из песка».

При всех этих видимых препятствиях и осложнениях федеральные войска, тем не менее, продолжали продвигаться в южную горную часть Чечни. За зиму и весну 1995 г. практически вся территория республики, если говорить об основных населенных пунктах и дорогах, оказалась под контролем российской армии. 5 июня был взят районный центр Ведено, а через неделю — Шатой и Ножай-Юрт. Казалось, что война подошла к своему концу.

И в тот момент, когда Б. Ельцин собирался отбыть в Канаду, где в Галифаксе открывалось очередное совещание семерки глав государств и правительств наиболее развитых стран Запада, а за право быть приглашенным туда Б. Ельцин с маниакальной настойчивостью боролся все время, чеченские боевики провели дерзкую и сокрушительную по своим последствиям рейдовую операцию в Буденновске. Они всегда стремились приурочивать наиболее крупные и острые диверсионно-террористические акты именно к международным событиям крупного формата, чтобы эффект от этих акций был наиболее сильным. Совещание в Галифаксе должно было открыться 16 июня, а 14 июня 1995 г. большая группа боевиков под командованием Шамиля Басаева из состава так называемого «абхазского батальона» на двух большегрузных автомобилях КамАЗ и легковой автомашине, миновав с десяток блокпостов в Чечне и пройдя по дорогам Ставрополья около 150 км, проникла в Буденновск.

Рейд колонны был хорошо законспирирован. Участники операции одеты в форму военнослужащих Российской армии. На всех контрольно-пропускных пунктах они показывали документы (как оказалось, фальшивые), удостоверявшие, что в грузовиках следует «груз-200», т. е. тела погибших в военных действиях солдат и офицеров. Это позволило им беспрепятственно добраться до Буденновска. В самой колонне насчитывалось 40—50 боевиков, а еще около сотни головорезов пробрались маленькими группами и в одиночку в город заранее и ожидали прибытия ядра отряда, который вез оружие и боеприпасы. В са-

мом Буденновске давно действовала разведгруппа чеченских боевиков, которая загодя обеспечила необходимой информацией Ш. Басаева.

На подъезде к городу колонна была остановлена патрулем МВД, который потребовал досмотра груза и, получив отказ, решил доставить подозрительные автомашины в городское управление МВД. Когда имитировавшие дисциплинированность бандиты подъехали к зданию управления, они мгновенно выхватили оружие и открыли огонь на поражение. Оба вооруженных автоматами часовых были убиты. Ворвавшиеся в здание террористы без сопротивления расстреляли безоружных сотрудников. Спасся только один сержант, который сидел за пультом и успел закрыться в помещении следственного изолятора, захлопнув за собой металлическую дверь.

Захватив здание управления МВД, налетчики рассыпались на автомашинах по городу, наводя панику стрельбой по окнам домов и прохожим. Они стали врываться в дома, выволакивать мирных жителей на улицу, а потом группами сгонять в помещение городской больницы, которая была избрана в качестве концентрационного лагеря заложников. Небольшие группы террористов, следуя четко отработанному заранее плану, устроили засады на основных дорогах при въезде в город, чтобы не допустить внезапного появления российских воинских подразделений. Особое внимание было уделено ими дороге, которая вела в военный городок вертолетчиков, расположенный недалеко от города. И точно! Услышав стрельбу в городе, небольшая группа вертолетчиков на служебном автобусе рванулась на помощь жителям Буденновска, но напоролась на кинжальный огонь из засады и почти вся погибла. Несколько раненых военнослужащих попали в плен и были доставлены в ту же больницу. Другой помощи вертолетчики не могли оказать.

Только к вечеру 14 июня к Буденновску стали прибывать воинские части. На вертолетах был переброшен спецназ, который стал проводить зачистку города, потому что не было извес-

тно, сколько боевиков напало на него и где они находятся. Подошел полк Внутренних войск из Зеленокумска. На рассвете следующего дня прилетели группа «Альфа», сводный отряд СОБРа и министры-силовики. Шамиль Басаев от имени террористов выдвинул требования: прекратить все военные действия в Чечне и вывести оттуда российские войска. В случае невыполнения своих требований он угрожал расстрелять всех собранных в больнице заложников (около тысячи человек), включая пациентов лечебного центра и родильного отделения. Для демонстрации своей решимости террористы на глазах журналистов расстреляли двух пленных милиционеров и четырех вертолетчиков. Сомнений в том, что бандиты исполнят свою угрозу, ни у кого не было.

В Москве полученная информация вызвала растерянность. Оставшийся «на хозяйстве» премьер-министр Черномырдин не знал, что делать, и ждал указаний от Ельцина, улетевшего за океан. Мнение силовиков, находившихся на месте трагедии, сводилось к необходимости штурмовать больницу. К этому времени она была окружена плотным кольцом частей Российской армии. Под прикрытием бронетехники можно было подойти непосредственно к стенам больницы и ворваться внутрь. При этом был риск больших потерь среди заложников. И, тем не менее, попытка штурма была предпринята, и передовым группам удалось проникнуть на первый этаж больницы, когда из Москвы поступило указание прекратить атаку. Начался многодневный марафон колебаний, переговоров, шараханий из стороны в сторону. На чечено-дагестанской границе были организованы встречи А. Куликова и В. Зорина (ФСБ) с Масхадовым, из которых ничего не вышло, затем в дело включился сам премьер Черномырдин, который вел прямые телефонные переговоры с Шамилем Басаевым, причем в это время из его кабинета шли телевизионные передачи. Наступила длительная агония российской политики в Чечне. Политически разгромленное, морально сломленное правительство Б. Ельцина — В. Черномыр-

дина стало сдавать одну позицию за другой. Штурм был отменен, было дано согласие на безопасный уход боевиков из Буденновска — гарантией стали 150 жизней взятых заложников. Власти предоставили необходимое количество автобусов для переброски террористов обратно в чеченские горы.

Военные пытались было предложить план штурма колонны на марше, где условия для операции вполне благоприятные, но деморализованная Москва уже не была способна на это. Весь отход отряда Басаева превратился в триумфальный марш победителей, сам он стал национальным героем и с тех пор остается одним из наиболее непримиримых и жестоких врагов России.

Крутой на расправу Б. Ельцин смог сорвать свое раздражение только на собственных министрах. 30 июня были одновременно уволены министр по делам национальностей Н. Егоров, министр внутренних дел В. Ерин и директор Федеральной службы безопасности С. Степашин. Правда, всем им дали успокоительное в виде достаточно хлебных мест в государственном аппарате, чтобы они не вздумали раскрыть известную им правду о кремлевской кухне. Н. Егоров остался в Администрации президента, В. Ерин ушел на должность заместителя начальника разведки, а С. Степашин был определен в аппарат правительства. Этим приемом Б. Ельцин пользовался почти всегда и редко когда ошибался.

После буденновской катастрофы завязались бесконечные и безрезультатные для российской стороны переговоры при участии Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. 3 июля состоялась даже прямая встреча между Аркадием Вольским и Д. Дудаевым, в ходе которой предпринята безуспешная попытка создать некое коалиционное правительство из представителей лояльной по отношению к России временной администрации и людей из дудаевского окружения. Повсеместно шел напор побеждающих сил сепаратистов, которые чутко уловили укореняющиеся пораженческие настроения в московских правящих кругах.

30 июля 1995 г. в Грозном представители обеих сторон подписали Соглашение по мирному урегулированию ситуации в Чеченской республике. Это была своего рода репетиция Хасавюртского мира. Соглашением впервые легализовано правительство Дудаева, ибо российское руководство давало согласие на сотрудничество с ним в деле создания так называемых «отрядов самообороны», которые по замыслу должны были формироваться на паритетной основе и обеспечивать поддержание порядка и контроля за разоружением незаконных формирований и отдельных граждан. Россия взяла на себя обязательство выводить из Чечни свои воинские части и подразделения «по мере разоружения незаконных воинских формирований». Эта последняя оговорка была вписана просто для спасения лица, ибо проконтролировать факт разоружения боевиков было невозможно. Москва также дала указание своему МВД, Генпрокуратуре в двухнедельный срок рассмотреть дела об освобождении арестованных участников бандформирований. Начался процесс, который на народном сленге называется «слив воды». Вот так описывала его газета «Известия» от 8 августа 1995 г. Под фотографией, на которой виден грузовик, спускающийся с гор, до отказа набитый вооруженными людьми, был следующий текст: «Этот грузовик едет из Шали. Таких грузовиков и автобусов, переполненных вооруженными боевиками, было сорок. 5 августа в Шали прошел митинг чеченских боевиков. Потом они сели в машины, и колонна пошла. Крутые ребята с автоматами говорят, что едут по домам. На вопрос корреспондентов: «А оружие сдавать будете?» — отвечают: «Мы что, на дураков похожи!». В дурацком положении чувствуют себя российские солдаты и офицеры. На время переговоров им строжайше запрещено реагировать на вооруженных чеченцев. Чем закончатся переговоры неизвестно, а боевики снова рассредоточились по всей территории Чечни. Колонны вооруженных людей с радостными криками «Аллах акбар!» и стрельбой в воздух едут мимо федерального блок-поста. «Какое странное перемирие, —

размышляют на досуге военнослужащие, — нас окружают, а мы смотрим и улыбаемся». Картина, точная и многократно повторяющаяся на всех дорогах, ведущих из горных частей Чечни, куда были загнаны отряды сепаратистов, в равнинные районы. Все результаты весеннего наступления Российской армии были перечеркнуты. Ситуация в республике ухудшилась на несколько порядков. Вместо разоружения боевиков произошло самое худшее. Их отряды и группы, уже получившие боевой опыт войны с русской армией, рассыпались по всей стране, принимая кое-где форму «отрядов самообороны». Они действовали, как дрожжи на националистическое тесто. Численность их непрерывно росла.

6 октября 1995 г. в центре Грозного при проезде через уличный туннель был взорван радиоуправляемой миной автомобиль командующего Объединенными федеральными силами в Чечне генерал-лейтенанта Анатолия Романова. Сам генерал был тяжело ранен и навсегда выбыл из строя.

Российское правительство старалось создать видимость, что оно контролирует обстановку в Чечне, а дудаевцы дерзкими конкретными боевыми операциями доказывали, что только они являются хозяевами положения. Скажем, Россия захотела провести в Чечне 15 декабря 1995 г. выборы нового главы республики, худо-бедно удалось устроить голосование, в результате которого был избран на этот пост тот же самый Доку Завгаев, который возглавлял обком КПСС до 1995 г. и смещения которого так добивался Б. Ельцин. В ответ боевики под командованием С. Радуева и С. Гелисханова накануне выборов захватили второй по величине город республики — Гудермес и удерживали его почти до конца года, когда российским войскам ценой немалых усилий удалось восстановить контроль над городом.

Эти качели так выматывали все российское общество, что хотелось бежать от бессмысленного чередования жестокости с трусостью, которую демонстрировало российское правительство. Я даже попросил своих старых кубинских друзей помочь

9 Зак 22409

мне уехать к ним на отдых. Вернувшись, я нежданно-негаданно втянулся в предвыборную борьбу за мандаты депутатов Государственной думы. Я дал согласие баллотироваться по партийному списку Российского общенародного союза (С. Н. Бабурин), поскольку видел в этой политической организации воплощение идеи государственничества и патриотизма без намека на социальную ограниченность. Я был уверен, что для России такой курс на национальное объединение был оптимальным.

Всего в выборах 1995 г. приняли участие 43 политических партии и объединения. На 450 мест в Думе выдвинуто около 10 тыс. кандидатов. Мои пометки в дневнике сочатся желчью: «Впечатление такое, что в узкую дверь, ведущую в горящий русский дом, ревя и топча друг друга, лезут толпы «спасителей», рассчитывающих на самом деле успеть ухватить что-нибудь из оставшегося имущества и удрать.

Город покрылся портретами сытых, упитанных политворотил. Подростки развлекаются, выкалывая им глаза, пририсовывая усы, бороды. «Демократические» газеты негодуют: «Видите, с каким народом мы имеем дело! И это надолго!»

Сам народ вообще не собирается идти на выборы. Он сыт по горло враньем, обещаниями, обманом. Он пьет и тихо вымирает».

В целом, конечно, если говорить положа руку на сердце, Россия не готова к нормальной представительной демократии. Прошлое, практически одномерное советское общество настолько раздроблено и перемешано в социальном отношении, что люди еще не осознали своего истинного положения в новой системе координат. Да и сами координаты весьма нечетки, расплывчаты, приблизительны. Непомерно большое число «партий» — претендентов на депутатские мандаты — только подчеркивает эту социальную раздробленность. Программы большинства политических организаций перегружены абсолютно пустотелой демагогией либо раздраженной критикой реалий российской жизни. Рассматривать их как серьезные поли-

тические документы просто невозможно. В стране еще не сложились новые классы, не сформировались устойчивые социальные группы, осознающие свои кровные социально-экономические интересы. Любопытным отражением этого положения являлось поведение российских банкиров, новых денежных мешков, которые так же, как и профессиональные политологи, путались в оценке вероятных исходов выборов, и, страхуясь, финансировали самые различные политические группировки и партии. У всех 43 партий, внесенных в списки для голосования, оказалось достаточно средств, чтобы хоть как-то отметиться в ходе избирательной борьбы. Политический барометр имел два конца стрелки: либо капитализм, либо система государственно-социалистической ориентации.

17 декабря 1995 г., когда в Москве снежная пурга сопровождалась еще и грозой, все-таки 64% российских граждан (от списочного состава избирателей) пришли на избирательные участки, а через день были опубликованы результаты голосования. Оказалось, что реальными победителями стали коммунисты, которые по сравнению с прошлыми выборами почти удвоили число полученных ими голосов. Они получили 22%. В силу своей политической ясности, структурной организованности им удалось использовать огромное социальное недовольство населения России и стать первой политической партией страны. Если бы коммунисты к тому же пришли на эти выборы единой партией, а не целым пучком одноименных политических организаций, — например, КПСС под руководством О. Шенина, коммунисты, руководимые В. Ампиловым, и т. д., — которые в общей сложности набрали еще 6—7% голосов, помимо главного героя — КПРФ, и не смогли преодолеть установленный 5%-ный барьер, то в целом по стране они могли бы получить 30%, а то и больше. К сожалению, их подвели амбиции и вождистские претензии руководителей, не позволившие всем коммунистическим организациям выступить единым блоком.

Сокрушительное поражение потерпела Либерально-демок-

ратическая партия Владимира Жириновского. Она потеряла почти половину тех голосов, которые получила в 1993 г., и теперь, хотя и сохранила положение второй по важности партии в стране, но, располагая всего 11,2%, осталась далеко позади коммунистов. Либеральные демократы — пожалуй, самые яркие представители огромной массы дезориентированных, сбитых с толку, раздраженных людей, которые оказались увлеченными лично Жириновским, своим поведением, манерами, экстравагантностью пытавшимся подражать недоброй памяти бесноватому немецкому фюреру. Он и играл на тех же чувствах оскорбленного национального достоинства, на пресущей нашему сознанию философии имперских амбиций, на непримиримости ко всем и ко всему. Но прошедшие два года оказались для него роковыми. Фюрера из него не вышло. Его выкрики, истеричность, вычурная лозунговость так и остались пустыми сотрясениями воздуха. На деле он оказался совершенно неспособным. За это время его фракция была приспособлена для обслуживания воротил теневой экономики. Он выродился в профессионального лоббиста. Спокойный политический наблюдатель мог видеть, что в любой острой ситуации фракция либеральных демократов всегда голосовала за ту позицию, которая поддерживалась правительством и президентом России.

За эти важные услуги В. Жириновский всегда имел широкий доступ к средствам массовой информации. Он умело разыгрывал перед камерами скандальные сцены драк, потасовок, что помогло ему еще долгие годы пользоваться поддержкой люмпенизированных слоев. Но с 1995 г. начался неотвратимый процесс «усыхания» ЛДПР, и живописный образ ее лидера заметно полинял. Ему оставалась лишь роль парламентского «рыжего на ковре».

Пропрезидентская и проправительственная партия «Наш дом — Россия» набрала 9,5% голосов и осталась на третьем месте. Это было свидетельством крайней непопулярности политики Кремля, и, только используя свои необъятные полномочия,

Б. Ельцин оставил прежний состав правительства, несмотря не очевидный провал его курса. В партию входили те группы и слои общества, которые выигрывали от приватизации. Учитывая воровской характер самого этого процесса, сторонников партии их политические оппоненты называли «домушниками». Их устойчивым резервом оставался разросшийся государственный аппарат. Власть ревностно следила за голосованием в армии и других силовых структурах, требуя, чтобы люди в мундирах отдавали голоса «как следует». Излишне говорить, что правительственная партия имела неограниченные финансовые ресурсы и ее присутствие в средствах массовой информации было доминирующим. Вот эти факторы и стали потом называться «административным ресурсом» выборов.

Четвертой и последней партией, перешагнувшей барьер в 5% голосов, была «Яблоко». Необычное, странное название партии происходит от первых букв фамилий ее отцов-основателей: Г. Явлинский, Ю. Болдырев и В. Лукин. Эта партия представляла себя избирателям как сторонница чистого капитализма с человеческим лицом, который существует в большинстве передовых западных стран. «Яблоко» жестко и последовательно выступала против коммунистов и любых социалистических новаций, но в то же время достаточно последовательно критиковала и воровской, «дикий» капитализм, который установился в России и персонифицировался в лице партии «Наш дом — Россия». «Яблоко» опиралась на некоторые слои городской интеллигенции, из наших «премудрых пескарей», которые при советской власти «жили и дрожали», а теперь надеялись, что уже занялась заря золотого демократического века России. На Западе государственные деятели и политологи видели в этой партии своего наилучшего союзника, настолько велико было сходство между тамошней реальностью и российскими мечтами. В госдепартаменте США даже не стеснялись говорить, что они видят в Г. Явлинском наилучшего кандидата в президенты России. Но, к их сожалению, реальность нашей страны такова, что устойчи-

вая социальная группа, которая поддерживает мировоззрение «Яблока», обречена на длительное время оставаться в меньшинстве, а сама партия останется оппозиционной болонкой в парламенте, которая будет лаять, но никогда не накинется на хозяина России в силу ее генетически малых габаритов. Бессменный лидер «Яблока» Григорий Явлинский получил громкую известность как соавтор нашумевшей в прошлом «Программы 500 дней», которую он сочинил вместе с ныне покойным академиком С. С. Шаталиным. Эта программа претендовала на то, чтобы утвердить в стране рыночную экономику в кратчайшие сроки. Но и С. Шаталин, и Г. Явлинский заслужили справедливую славу как неугомонные критики всех и вся и в то же время как несостоявшиеся практические работники, которые никогда и ничем не руководили в жизни (отказывались от предлагавшихся им постов вице-премьеров), ограничиваясь шумной рекламой своих довольно легковесных теоретических конструкций. Нельзя сказать, что эта работа пошла «псу под хвост», нет, их критика объективно помогала формированию гражданского сознания, привлекала внимание к наиболее скандальным вывертам «дикого капитализма», тем более что в распоряжении «яблочников» всегда были широкие возможности либеральных, прозападных СМИ, но на судьбу России в самую трагическую десятилетку 1991—2000 гг. они практически не оказали никакого влияния.

Выборы в Государственную думу плавно перетекли в начало новой избирательной кампании, на 16 июня 1996 г. были назначены выборы президента России. Б. Ельцин, который клялся и божился много раз, что он не собирается выставлять свою кандидатуру, сделал вид, что никогда не обещал этого. Список кандидатов стремительно рос день ото дня, а вместе с ним поднималась все выше и выше волна-цунами демагогии и пустословия. Стараясь набрать побольше очков в предвыборной борьбе, кандидаты бессовестно эксплуатировали тему чеченской войны, а это было более чем кстати чеченским сепаратистам.

9 января 1996 г. началась новая операция чеченских боевиков на территории собственно России по образу и подобию буденновской трагедии. На этот раз самоуверенный и спесивый зять Джохара Дудаева — Салман Радуев — во главе более крупного отряда боевиков, численностью около 400 человек, на автомашинах, пользуясь необъяснимой беспечностью военных и милицейских блокпостов, проник на территорию Дагестана, ворвался в районный центр Кизляр и на короткое время установил контроль над всем городом. Обстрелу подверглись железнодорожный вокзал, аэродром, где было уничтожено 2 вертолета. Ситуация была почти в точности такая, как полгода назад в Буденновске. Снова бандиты сгоняли мирных жителей в городскую больницу, беспощадно расстреливали при малейших признаках сопротивления. Опять были выдвинуты те же требования: прекращение всех военных действий в Чечне и полный вывод российских войск. Салман Радуев явно старался переплюнуть успехи Шамиля Басаева, популярность которого вызывала у него острую зависть. Но, понятно, что действия боевиков в Кизляре не были самодеятельностью одного полевого командира. В эти же самые дни в самом Грозном, формально находившемся под контролем федеральных войск, начались активные боевые действия между просочившимися туда отрядами боевиков и российским гарнизоном. Боевиками командовал Шамиль Басаев. Перестрелка была слышна по всему городу. Российское командование оказалось вынужденным объявить особое положение, при котором огонь мог открываться по любому человеку или движущемуся средству без предупреждения. Центр города наглухо закрыли. Это была скорее всего отвлекающая военная операция, интенсивность которой руководители боевиков контролировали и регулировали в зависимости от событий в Кизляре.

Кизлярская горбольница вскоре была окружена плотным кольцом российских войск, и вновь перед российскими политиками встал неподъемный по тяжести вопрос: «Что делать»?

На второй день после нападения сгоряча власти заявили о том, что они теперь не станут останавливаться перед неизбежными жертвами среди заложников и будут уничтожать террористов любой ценой, но на третий день, словно протрезвев, заговорили о переговорах с С. Радуевым.

В поддержку банды Радуева в те же дни в Турции был проведен громкий террористический акт. 17 января 1996 г. в порту Трабзон банда прочеченских боевиков во главе с турецким гражданином абхазской национальности Мухамметом Тохчаном захватила морской паром «Аврасия», на борту которого находилось 120 пассажиров, из которых 88 были гражданами России. Террористы потребовали выпустить всех чеченцев, которые были задержаны в Дагестане в ходе кизлярского рейда, открыть свободную дорогу банде Салмана Радуева и вывести российские войска из Чечни. Захватчики приказали экипажу парома следовать в Стамбул, угрожая расстреливать по одному заложнику каждые 10 минут. Хотя через пару дней бандиты сдались турецким властям и даже осуждены, впоследствии таинственным образом все «бежали» из-под стражи и не раз потом были участниками похожих авантюр.

В который раз развернулась пропагандистская война, в которой правительство было обречено на поражение. В конечном счете боевикам опять разрешено было уйти беспрепятственно в чеченские горы в обмен на жизнь и безопасность заложников. Колонна автобусов, набитых террористами и заложниками, двинулась к административной границе. В воздухе барражировали вертолеты, сзади следовали БТРы и БМП. В нескольких километрах от разграничительной линии боевикам померещилось, что на дороге организована засада, и они приказали свернуть в ближайшее село Первомайское, которое на несколько дней стало центром внимания всей России и большой части мира. Боевики захватили село и начали укреплять его, готовясь дорого продать свою жизнь. Заложники и мирные жители были принуждены копать окопы, переоборудовать подвалы и погреба

под огневые точки. Оружия и боеприпасов у боевиков было достаточно для обороны, но прорвать силой кольцо окруживших их федеральных войск они не могли. Казалось, что теперь им пришел конец. Командовать всей операцией Б. Ельцин поручил директору Федеральной службы безопасности генералу армии Михаилу Барсукову, человеку, пользовавшемуся большим доверием президента, занимавшему до недавнего времени пост начальника Главного управления охраны РФ.

Операция, с которой успешно мог справиться командир обычного полка, усиленного бронетехникой, оказалась позорно проваленной после четырех дней осады. Все это время каждый день на экранах телевизоров появлялись ближайшие помощники Б. Ельцина и сам президент, которые наплели такие горы немыслимой белиберды, что навсегда останутся в памяти как шуты гороховые. Чего стоят, например, разглагольствования ЕБН (так сокращенно звали Ельцина Бориса Николаевича) о том, что, дескать, 38 российских снайперов непрерывно следят за каждым вожаком террористов и в любой момент готовы покончить с ними. Глухой ночью отряд С. Радуева исчез из села, перемахнув Терек по трубопроводу-дюкеру, соединявшему оба берега. Выяснилось, что наши горе-руководители посчитали водную преграду — Терек — непроходимой для боевиков (про протянутый над водой дюкер просто забыли), и оставили на этом направлении слабенькое прикрытие численностью в один взвод. Именно сюда и рванулись отчаявшиеся боевики, видевшие, как к окраинам Первомайского подтянулись установки залпового огня «Град». Беглецы смяли охранение. Пять солдат были убиты, остальные разбежались. Боевики сумели выйти из окружения прежде, чем сонные федералы сообразили, что же произошло на самом деле.

Помнится, что наутро после этого прискорбного для Российской армии происшествия мне позвонили из редакции одной газеты, выходившей в Москве на английском языке, и задали вопрос: «Как же удалось боевикам вырваться из разрек-

ламированного тройного кольца окружения? И что надо было сделать для предотвращения этого?» Я ответил, что как минимум следовало бы окружить село заграждениями из колючей проволоки, той самой «спиралью Бруно», которой блокировали осенью 1993 г. Белый дом в Москве. Она легко перевозится и не требует для установки ни подготовительных работ, ни дополнительных стройматериалов. Установка минных полей на прорыве опасных направлений обеспечила бы уничтожение основных сил террористов без потерь с нашей стороны. Но это — рассуждения отставного генерала после событий. Поправить дело было уже поздно. Самым тяжелым результатом событий в Кизляре и Первомайском являлись глупое до смешного положение российского руководства, очевидная некомпетентность военного командования и всплеск героизации полевых командиров боевиков в Чечне. Они стали на долгое время идолами среди чеченской молодежи. Деморализация российских войск в Чечне нарастала в обратной пропорции к растущему боевому духу сепаратистов. Хотя война продлилась еще несколько месяцев, фактически в январе 1996 г. можно было говорить о состоявшемся разгроме Российской армии.

Было над чем задуматься президенту Б. Ельцину после победы левых сил на выборах в Государственную думу и последовательных неудач в чеченских делах. Авторитет главы государства катастрофически падал, его рейтинговые показатели плавали где-то около 10—15%. Идти с такими заделами в президентскую кампанию было бессмысленно, поэтому Б. Ельцин предпринимает кадровые перестановки, которые он называл «рокировочками», чтобы сбросить часть явного балласта. В самом начале января 1996 г. с поста министра иностранных дел был снят Андрей Козырев, вызывавший настоящую аллергию в обществе своим пресмыкательством перед американцами. По существу, он ни разу за все шесть лет пребывания на посту министра иностранных дел не вступился за национальные интересы России. Козырев даже яростно выступал за то, чтобы не про-

тиводействовать продвижению НАТО на восток, чем вызвал недоумение своих коллег — членов Совета безопасности, в состав которого он был введен Б. Ельциным в 1993 г. Если когда-то американцы называли советского министра иностранных дел А. А. Громыко «Господином Нет», то А. Козырева величали «Господином Да».

После снятия с поста министра А. Козырев на какое-то время оказался в числе профессоров Института международных отношений, причем на той же кафедре дипломатии, где работал и я в 1994—2000 гг. Студенты бойкотировали его лекции, и администрации приходилось принимать экстраординарные меры, чтобы заполнять аудитории. В помещении кафедры, когда собирались все профессора и входил А. Козырев, воцарялась напряженная, тягостная атмосфера. Мои коллеги, да и я сам, не знали, куда девать руки, чтобы избежать рукопожатия. Коллектив кафедры в подавляющем большинстве состоял из кадровых дипломатических работников, среди них было много послов, которые не один десяток лет служили Отечеству за рубежом. Они никак не могли понять, каким образом у А. Козырева и его назначенцев, которых стали называть «дипломатами козыревского розлива», оказался атрофированным основной профессиональный инстинкт дипломата — в любых ситуациях бороться за интересы своей родины и своего народа. Нормальный дипломат даже в безнадежных ситуациях будет драться до конца своим дипломатическим оружием за свою страну, доверившую ему защищать национальные интересы. Видимо, он и сам скоро понял, что ему придется жить в состоянии вечной отчужденности даже в своем, казалось бы, родном профессиональном цехе. Вскоре Козырев оказался членом совета директоров американской фармацевтической компании ICN и посвятил себя распространению медикаментов в странах Восточной Европы. Скорее всего это была хорошо оплачиваемая синекура, созданная специально для того, чтобы отблагодарить А. Козырева за его многолетнюю одностороннюю игру в поддавки с американцами.

На его место Б. Ельцин назначил Е. М. Примакова, тогдашнего шефа внешней разведки, действительного члена Академии наук. Мне довелось видеть его на протяжении многих лет на различных постах. Он обладал хорошими организаторскими способностями, был отлично эрудирован, выделялся ровным, устойчивым характером. За долгие годы своей карьеры Примаков отполировался, как галька на морском берегу. Он никого не царапал, никому не становился преградой, ни на что не претендовал. В силу своей общеприемлемости он оказался востребованным как геронтократами Политбюро ЦК КПСС, так и перестроечником М. Горбачевым, а теперь еще и Б. Ельциным. На него никогда не скалили волчьи пасти самые отъявленные радикал-демократы, не рычали даже оголтелые коммунисты. Редкое, завидное сочетание врожденных и приобретенных качеств делало из него идеального министра иностранных дел. Его назначение было воспринято на «ура» всем обществом.

Вторым грузным мешком с балластом, который сбросил в начале 1996 г. Б. Ельцин со своего теряющего политическую высоту воздушного шара, был горячо проклинаемый всеми Анатолий Чубайс. 16 января был подписан указ об освобождении А. Чубайса от обязанностей первого вице-премьера РФ. Его отставка была вынужденным шагом, который диктовался исключительно предвыборными соображениями. На протяжении всего ельцинского десятилетия А. Чубайс оставался в роли хитрого, оборотистого «великого визиря» при глупом толстом «султане». А. Чубайса исключительно высоко ценили на Западе как главного приватизатора России, он был интеллектуальной и организационной силой российских радикал-демократов не обязательно русской национальности. Если кому-то и создавался в средствах массовой информации «культ личности», так это А. Чубайсу, из которого клеился образ суперзвезды современного менеджмента, трудоголика, беззаветно преданного высокой идее реформирования России. Поскольку Б. Ельцин чувствовал себя абсолютно беспомощным в вопросах экономики, финан-

сов, в деловых переговорах с западными партнерами, то он постоянно опирался на А. Чубайса, ставшего чем-то вроде Бирона при Анне Иоанновне.

Подавляющее большинство народа России видело в Чубайсе некое исчадие ада, олицетворение всех бед и невзгод, обрушившихся в это десятилетие на головы простых людей. В отличие от всех политиков ельцинского времени он никогда не пытался испытывать свою судьбу, выдвигая кандидатуру на каких-либо выборах. Всегда был только в исполнительной власти, где назначают и снимают по воле «хозяина», и неизменно с презрением относился к «избранникам народа» — депутатам парламента.

Уход Чубайса из правительства был с огромным облегчением воспринят значительной частью населения страны и сыграл существенную роль в повышении рейтинга Б. Ельцина.

Но главным фактором, влиявшим на результат предстоящих президентских выборов, все равно продолжала оставаться война в Чечне, которая бросала свой зловещий багровый отсвет на все, что происходило в политической или экономической жизни России. Боль от этой войны становилась непереносимой из-за полного паралича политической воли руководителей государства, бессмысленных метаний военных усилий Российской армии, безудержного воровства схожего с мародерством. Страна устала от зрелищ разрушенных городов, верениц бездомных беженцев, убитых и искалеченных людей.

Всем становилось очевидным, что нельзя вести войну, с одной стороны провозглашая территориальную целостность России, а с другой — отказываясь от масштабных военных действий для обеспечения этой целостности. Нелепо с одной стороны объявлять по линии Генеральной прокуратуры во всероссийский розыск главарей сепаратистов-террористов, а с другой — каждодневно выражать готовность сесть с ними за стол переговоров. Ответственность за войну постоянно перекладывалась с армии на внутренние войска, затем на Федеральную службу безопасности, а потом снова на армию и т. д.

Войска, раздробленные на мелкие гарнизоны, рассыпанные по блокпостам, каждодневно подвергались нападениям, обстрелам, несли потери от невидимого, недосягаемого противника. Солдаты вынуждены по нескольку раз штурмовать и брать уже взятые города и села, откуда вынуждены были уйти по приказу из Москвы. Запад не скрывал, что широкомасштабная поддержка кандидатуры Б. Ельцина затрудняется только войной в Чечне. Про Восток и говорить не приходится: весь мусульманский мир не просто симпатизировал, но и помогал Д. Дудаеву.

Б. Ельцин разрывался между невозможностью победить в Чечне и признать свое поражение. Но почти одновременно аналогичные чувства испытывали и руководители сепаратистов. Им тоже было понятно, что они не могут считать себя победителями, пока все крупные города находятся под контролем российских войск и негде даже провозгласить и разместить свое «независимое правительство», и в то же время ощущали себя реальными хозяевами положения в Чечне. Они колебались в выборе между основными претендентами на пост президента России: Ельцин или Зюганов. С кем легче вести дела в будущем? Коммунистов в конечном счете они сочли за непримиримых и стали даже «подыгрывать» Б. Ельцину в стремлении закончить хотя бы на словах войну. Этой задумке помогла загадочная смерть Д. Дудаева, происшедшая 21 апреля 1996 г. По широко распространенной версии неофициального характера Д. Дудаев якобы вышел на телефонную связь с представителями российских властей через спутниковый канал, и в момент разговора радионаводящаяся ракета ударила точно в место, где находился лидер боевиков. Если это так, то приходится удивляться, почему столь эффективное средство ни разу не было применено потом против других непримиримых главарей бандформирований. Ходили слухи и о том, что гибель Д. Дудаева дело рук самих чеченцев, которым он стал мешать своим жестким диктаторским характером. Эти слухи подо-

гревались тем, что останки его были похоронены не в родном селе (как положено по традиции) и в обстановке строгой секретности.

В такой военно-политической обстановке обеими воюющими сторонами была разыграна инсценировка окончания войны. В самом конце мая 1996 г. при посредничестве миссии ОБСЕ в Москву была приглашена делегация воюющей, непримиримой Чечни во главе с Зелимханом Яндарбиевым, который с 1993 г. был вице-президентом Чеченской республики, а после гибели Д. Дудаева исполнял обязанности президента. Чеченская делегация сразу же по приезде в Москву отправилась в Кремль и там в полной изоляции от прессы вела переговоры с В. Черномырдиным, Д. Завгаевым и О. Лобовым в присутствии Б. Ельцина. 27 мая было подписано Соглашение о полном прекращении огня и боевых действий с 00 часов 1 июня 1996 г. Стороны обязывались в течение двух недель после подписания соглашения освободить всех насильственно удерживаемых лиц. Кроме этого оговаривалось, что специально созданные комиссии по переговорам будут продолжать свою работу. В соглашении не упоминались никакие другие власти, из чего можно легко сделать вывод, что все попытки создать пророссийское правительство в Грозном окончились неудачей, и Россия признавала свое фиаско в этом вопросе.

На другой день продолжалось обсуждение вопросов урегулирования вооруженного конфликта на территории Чечни, причем с российской стороны выступал уже Вячеслав Михайлов — министр по делам национальностей и федеративным отношениям в правительстве Черномырдина, напротив которого сидел Х. Ярихановов. Главы делегаций как бы удалились. И вдруг неожиданно для подавляющего большинства участников и зрителей этого действа Россия узнает, что Б. Ельцин внезапно приземлился в Грозном, на военном аэродроме в Ханкале, и за пятичасовое пребывание в Чечне выступил перед срочно построенными воинскими частями с победной речью: «Война

окончилась, вы победили, победа за вами, вы победили мятежный дудаевский режим!» Примерно с такой же речью выступил и тогдашний командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковник А. В. Квашнин. Последовали процедура раздачи государственных наград и отлет домой. По хаотичности действий российского президента, их очевидной неадекватности реальной ситуации было видно, что это были действия азартного предвыборного игрока. З. Яндарбиев и члены его делегации узнали о поездке Б. Ельцина в Чечню из вечерних новостей по телевидению. По сути, весь этот день они провели на шикарной подмосковной даче в качестве заложников. Можно только вообразить, какое впечатление произвела на них эта новость. Они, конечно, поняли, что перед ними был политический фокусник-иллюзионист, злоупотребивший их приездом в Москву и самим фактом переговоров.

Какие бы потом переговоры ни велись и какие бы документы ни подписывались, им чеченцы уже не верили и стали готовиться к последнему удару, который должен был принести им окончательную победу. По возвращении в Чечню Зелимхан Яндарбиев сразу же призвал своих земляков к непримиримой войне, к уничтожению всех сторонников, ставленников Москвы. В знак своей решимости уже 25 июня в Грозном в кинотеатре с ненавистным названием «Россия» были брошены две отрубленные головы российских военнослужащих-контрактников.

В Ведено, где работал штаб Аслана Масхадова, шла подготовка широкого наступления по всей Чечне. Объявлена мобилизация лиц призывного возраста в регулярную армию Ичкерии. Российским властям было прекрасно известно об этом, потому что в их руки попали гонцы, разносившие повестки призывникам. Все полевые дороги, не перекрытые блокпостами, превратились в настоящие муравьиные тропы, по которым сновали автомашины и трактора, перевозившие боеприпасы и снаряжение. Российские военачальники продолжали докладывать в Кремль, что основные силы боевиков разгромлены, что к

сентябрю сложатся условия для вывода большей части войск из Чечни и что вялотекущие переговоры есть не что иное, как подготовка капитуляции сепаратистов. Информация была подчинена принципу «Чего изволите?» и ни в коей мере не отражала реальное положение дел. Мне, старому генералу, отдавшему 25 лет своей службы информационно-аналитическому делу, с прискорбием приходится констатировать, что неумение объективно оценивать обстановку и боязнь честно докладывать о ней начальству являются причиной большинства наших неудач и бед. Непрофессионализм, накладывающийся на карьеристскую трусость, — бич России. Мы за это платим огромную дань кровью своих солдат и офицеров. Так произошло в печально знаменитую советско-финскую войну, это повторилось в начале Великой Отечественной, вновь жутко дало о себе знать в Афганистане и теперь... в который раз в Чечне.

Ранним утром 6 августа невесть откуда взявшиеся отряды чеченских боевиков начали широкомасштабные боевые действия в Грозном. Потом выяснилось, что накопление сил, оружия и боеприпасов шло в течение всего июня и июля, оставаясь незамеченным российскими властями. Отряды под командованием Ш. Басаева, Гелисханова и Закаева смогли в кратчайший срок блокировать все опорные пункты федеральных войск в городе. Каждый блокпост, управления внутренних дел, правительственные здания в центре города отбивались в одиночку, организовав круговую оборону. Весь город находился в зоне оперативной ответственности МВД, поэтому крупных армейских сил в нем не было, что облегчило задачу нападавшим. Основной контингент сил Министерства обороны располагался в районе аэропорта Ханкала, где находились и основные бронетанковые силы. Попытка танковых и метомеханизированных групп прорваться на выручку осажденным повсеместно натыкалась на засады и упорное сопротивление боевиков, вследствие чего наши войска несли большие потери. За считанные дни мы потеряли более 200 солдат и офицеров убитыми. В окружении

оказалась и группа журналистов, которых с большим трудом удалось вызволить и вывезти на бронетранспортерах. Стало очевидно, что Грозный удержать невозможно. Неделя боев, нарастающие цифры потерь, нескончаемые колонны беженцев, давление со всех сторон сломили окончательно Б. Ельцина. Он полностью переложил всю ответственность на генерала А. Лебедя, которого назначил своим полномочным представителем в Чечне. 10 августа объявлено днем траура. В очередной раз приходится констатировать: «Финита ла комедиа...».

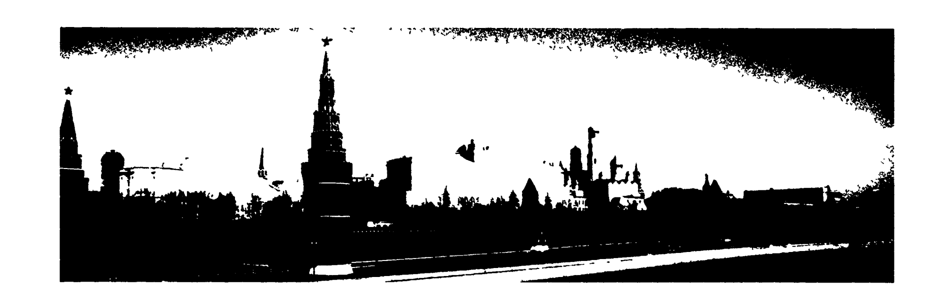
Немедленно вылетевший в Чечню с широкими полномочиями генерал А. Лебедь встретился с А. Масхадовым в районе села Старые Атаги и практически объявил о капитуляции России. Это был пролог к Хасавюртовским соглашениям. По устной договоренности в течение недели урегулировались вопросы, связанные с прекращением огня и началом вывода федеральных войск. В Кремле не сразу и не все могли проглотить эту горькую пилюлю. 19 августа неожиданно последовал ультиматум генерала К. Пуликовского, командовавшего федеральной группировкой войск в Чечне, с требованием к боевикам покинуть город. Мирному населению, которого оставалось к тому времени не более 70 тыс. человек, предлагалось покинуть город в течении 48 часов по установленным коридорам безопасности. По истечение указанного срока по местам нахождения боевиков будут нанесены удары силами бомбардировочной и штурмовой авиации, будут задействованы системы залпового огня и артиллерия. Два дня прошли в напряженном ожидании какой-то развязки. И она наступила в виде очередного прилета Лебедя в Чечню, новой встречи с Масхадовым, дезавуирования ультиматума генерала К. Пуликовского. Лебедь, «исходя из гуманных соображений и здравого смысла», подтвердил свою прежнюю позицию. Стороны решили встретиться в Хасавюрте 30 августа и подписать окончательные документы, и один из них — это «Совместное заявление», в котором после привычного набора фраз о желании прекращения военных дей-

ствий, об уважении прав народов на самоопределение, о защите безусловных прав и свобод человека, независимо от национальности и вероисповедания, говорилось, что стороны разработали Принципы определения основ взаимоотношений Российской Федерации и Чеченской республики, на которых и будет строиться дальнейший переговорный процесс. Другой документ — сами «Принципы основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской республикой», в котором говорилось, что соглашение об основах взаимоотношений «в соответствии с общепризнанными нормами международного права должно быть достигнуто до 31 декабря 2001 года». В этой фразе ключ ко всей договоренности: Россия была готова рассматривать Чечню как субъект международного права, т. е. соглашалась предоставить ей независимость не позже конца 2001 года, т. е. через пять лет. Далее в документе говорилось о «подготовке предложений по завершению вывода войск», ни о каких остающихся российских вооруженных силах в Чечне речь уже не шла. Все другие позиции были фиговыми листками, прикрывавшими основную суть Хасавюртовского соглашения. Никто в тот момент не думал серьезно о таких вещах, как обеспечение населения продовольствием и медикаментами, борьбе с терроризмом и проявлениями национальной и религиозной вражды, восстановлении валютно-финансовых и бюджетных взаимоотношений и т. д.

Чеченская война закончилась полным политическим и военным поражением России. Ее капитуляция перед чеченскими сепаратистами была подписана в присутствии главы группы содействия ОБСЕ в Чечне Т. Гульдимана.

В свое время мы называли поименно политических руководителей СССР, которые принимали решение о вводе наших войск в Афганистан. Это Л. Брежнев, А. Громыко, Д. Устинов и Ю. Андропов. Наверное, не надо забывать тех политиков России, которые в 1994 г. на заседании Совета безопасности РФ приняли решение о начале первой чеченской войны. Вот их имена: Борис Ельцин, Павел Грачев, Виктор Ерин, Юрий Кал-

мыков (министр юстиции), Андрей Козырев (МИД), Олег Лобов (совет безопасности), генерал Андрей Николаев (командующий погранвойсками), Евгений Примаков (внешняя разведка), Иван Рыбкин (председатель Госдумы), Сергей Степашин (директор Федеральной службы контрразведки), Сергей Шахрай (бывший министр по делам национальностей и региональной политики), Сергей Шойгу (министр по делам чрезвычайных ситуаций). Ни один из них не голосовал против развязывания военных действий, никто не выразил сомнений в уровне подготовки вооруженных сил для подобной операции, никого не озаботила мера противодействия, ожидавшая наши войска. Эти 12 человек будут вечно в ответе за бездарно и бессмысленно погубленные жизни российских солдат и офицеров.



ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В 1996 ГОДУ

Начиная с конца 1995 г. политические и деловые круги России больше всего были озабочены вопросом, как благополучно перескочить через бурный порог президентских выборов, назначенных на 16 июня следующего года. Результаты выборов в Государственную думу, на которых победившие коммунисты и союзные с ними аграрии завоевали почти 200 мандатов (из 450), вызвали у демократов не просто глубокую озабоченность, но чувство растущей паники. Что будет, если вдруг кандидат левых сил — а им был Геннадий Зюганов — одержит верх, да еще в первом туре голосования? Тогда не избежать того, что заранее было названо «социальным реваншем». Те необъятные полномочия, которые по Конституции 1993 г. давались президенту страны и которые так радовали новый класс буржуазии, теперь вызывали страх, ведь они могли быть использованы в интересах широких масс обобранного народа. В таком случае «новым русским» грозила не только перспектива полного перекрытия источников легкого и быстрого обогащения, но и возможность оказаться на скамьях подсудимых, потому что ни одно состояние в России в годы перестройки и реформ не было сделано на законном основании. Поэтому первая и главная задача выборов была сформулирована предельно ясно: любой

ценой не допустить коммунистов к власти. Второй вопрос был гораздо сложнее: какой кандидат от правящих сил в состоянии наиболее успешно противостоять коммунистической угрозе? В распоряжении тех, кто реально владел и правил Россией, было не так уж много авторитетных в народе и подходящих для них кандидатур. Можно было поставить на премьер-министра В. Черномырдина, который своими самостоятельными действиями в дни событий в Буденновске дал понять, что готов примерить шапку Мономаха. Сам он с радостью бы «послужил народу» и, даже забыв об осторожности, несколько раз появился в телепередачах в роли этакого рубахи-парня, «своего мужика» с баяном на коленях, с гарниром из сценок, снятых в его родной деревне в Оренбургской области. Но у него, кроме плохо сдерживаемого честолюбия, было еще два недостатка. В народе он снискал себе славу косноязычного, туповатого чиновника, непрестанно выдававшего такие перлы вроде: «Здесь вам не тут» или ставшее знаменитым выражение: «Хотели как лучше, а вышло как всегда». В то же время он отличался особым аппетитом на деньги, даже в среде демократических коррупционеров и взяточников. Французская газета «Монд» обвинила его в том, что на его счетах за рубежом скопилось 5 млрд долларов. Он заволновался, стал требовать опровержений или доказательств. Пошли обычные в таких случаях ссылки то на одни, то на другие источники информации, пока все дело не ушло в песок. Против Черномырдина был и тот факт, что сложившаяся могущественная олигархическая группа в России не была уверена, сможет ли он без оглядки, решительно и бесповоротно защищать их интересы и завоеванное место в обществе перед лицом коммунистической угрозы. Его считали все же номенклатурным хозяйственником, не более. Кроме того, его обвиняли в поражении на парламентских выборах партии «Наш дом — Россия», лидером которой он являлся.

Мне очень запомнился московский режиссер Марк Захаров, который, как-то выступая на служебной тусовке модного тогда Всероссийского биржевого банка, упорно называл только

что назначенного премьера Виктора Степановича не Черномырдиным, а Красномординым. А уж Захаров прекрасно умел улавливать малейшие оттенки запахов в ближайшем околопрезидентском окружении.

Набившие оскомину Г. Явлинский, В. Жириновский, А. Чубайс не могли рассматриваться всерьез хотя бы потому, что были нерусскими.

Оставался в запасе генерал-лейтенант Александр Иванович Лебедь, человек с уникальным по тембру и густоте басом, напоминающим медвежий рык. От одного вида и голоса генерала веяло командирской уверенностью и безаппелляционной простотой. Впервые он «прославился» в августе 1991 г., когда батальон воздушно-десантных войск под его командованием (а он занимал пост заместителя командующего ВДВ по боевой подготовке и военным училищам) взял под охрану здание Верховного Совета России — Белый дом, а сам Лебедь вступил в контакт с Б. Ельциным и с того момента стал твердо дрейфовать в его сторону. После победы «демократов» Лебедь был крайне обижен тем, что ему не предложили соответствующего (по его расчетам) крупного поста в руководстве Министерства обороны. Он даже возвратил медаль защитника Белого дома в знак своего недовольства. Для московского политического истеблишмента личность Лебедя была неудобной, и его летом 1992 г. отправили в Приднестровье, назначив на должность командующего 14-й армией, охранявшей громадные запасы оружия, боеприпасов и снаряжения, складированные в Приднестровье в советские времена на случай третьей мировой войны. Само по себе место было чрезвычайно хлебное: кроме возможности влиять на реализацию армейского имущества, командующий 14-й армией стал верховным военным арбитром во всех конфликтах, сотрясавших тогда Молдову и Приднестровье.

А. Лебедь легко при помощи силы и финансовых рычагов навел порядок, установил мир и спокойствие в далеком теперь от России бывшем ее юго-западном регионе. Он мог бы повторить судьбу русского генерала Маннергейма, который после Ок-

тябрьской революции возглавил отделившуюся Финляндию и закончил много десятилетий спустя свою жизнь, став национальным героем этой страны. Но Лебедь либо не знал этого исторического прецедента, либо неадекватно оценивал свои способности и не оставлял надежды вернуться в Россию и вломиться в большую политику. В июне 1995 г. он нашел подходящий предлог: получив из Москвы приказ о реорганизации 14-й армии, предусматривавший значительное сокращение ее численности, изменение функций, идущей в русле политики, направленной на ограничение и ликвидацию присутствия России в Приднестровье, А. Лебедь демонстративно подал в отставку, приехал в Москву и активно включился в политическую борьбу, примкнув к Конгрессу русских общин (КРО). В то время этот генерал безудержно критиковал власть, спекулируя на ущемленных национальных чувствах русских, их бедственном экономическом положении. Образчик его национал-патриотического «мировоззрения» был опубликован 24 июня 1995 г. в газете «Подмосковье»: «Новое, ползучее, липкое, тлетворное иго, надвигающееся на нашу землю со всех сторон, направлено против души народа. Враг страшен тем, что он невидим. С ним нельзя скрестить меч. Его нельзя достать пулей. Но он есть. Он разрушает основополагающие моральные устои, завещанные нам предками, и заменяет их импортным суррогатом чуждых нам идей. Он плодит всевозможные секты, партии, общественные организации мутной направленности и проповедует Православной России Православие на английском языке. Он создает политический, экономический хаос, стравливает народы, организуя для них себе на забаву всевозможные вооруженные конфликты и гражданские войны. Он поощряет разгул преступности и препятствует борьбе с ним. Он организует «утечку мозгов» и тем уничтожает интеллектуальный потенциал государства Российского. Он делает все для того, чтобы процесс разрушения Державы стал необратим, и уже во многом преуспел».

Трудно себе даже вообразить, что при таких «взглядах» А. Лебедь никогда не прерывал контактов с командой прези-

дента и не оставлял намерения войти в нее. У Ельцина, естественно, никогда не было доверия к этому самодовольному, амбициозному генералу, но использовать его риторику, на которую реагировала часть общества, было соблазнительно. Однако как претендент на роль основного, стержневого кандидата на пост президента России от правящей партии, если понимать под этим названием класс «новых русских», Лебедь не подходил.

Одним словом, «куда ни кинь — везде клин» по русской пословице. Из региональных лидеров ни один еще не успел набрать ни политический вес, ни позитивный запас реальных успехов. В ходе этих выборов демократы вовсе не собирались решать судьбу России как государства, ни тем более судьбу ее народа, а лишь собственную судьбу — судьбы своих капиталов и места в управлении страной, и выходило, что лучше всего решить эту задачу мог только Б. Ельцин. Ведь он не мог свернуть в другую сторону, так как был связан родовой пуповиной своей власти с классом «новых русских». Его полностью поддерживал Запад, даже в крайне сомнительных случаях оказывал ему политическую и финансовую помощь. Он был ненавидим коммунистами, и никакой компромисс с ними для него невозможен. Б. Ельцин уже не раз доказал, что в борьбе за власть не остановится ни перед какими правовыми барьерами, для него выйти за конституционное поле было привычным делом. На стороне его был так называемый «административный ресурс», т. е. неограниченные финансовые возможности и вся структура государственных органов власти. Для новых хозяев было очень важно, что все окружение президента России уже подкормлено ими, а иногда и просто состояло на их содержании, а это обеспечивало возможность постоянного давления на него в желательном направлении. Все спичрайтеры, помощники, ведущие личности из администрации президента, даже служба безопасности Б. Ельцина, не говоря уже о многочисленных аналитиках, экспертах, — все они давно были «окучены», т. е. коррумпированы олигархическими структурами. Для человека с

низким интеллектуальным уровнем и крайне ограниченным общеобразовательным кругозором, каким был Б. Ельцин, это создавало опасную степень зависимости от чужих мнений, посторонних советов, навязываемых рекомендаций. Только поэтому в окружении Б. Ельцина и на государственном содержании множились всевозможные фонды, центры, институты и т. п. И при всем этом сохранялась невероятно важная особенность государственного устройства России: решения президента — устные, письменные в виде распоряжений или указов — были единоличными, не подлежали обсуждению и вступали в силу сразу же после их подписания или озвучивания.

Олигархические кланы видели в Б. Ельцине два очевидных недостатка. Прежде всего они знали, что Б. Ельцин серьезно и тяжело болен. Это было хорошо известно и самому Ельцину, и его родным и близким. В конце 1995 г. у него случился первый инфаркт. Вот как он сам описывает свое физическое состояние в это время: «Наплевательское отношение к своему здоровью, вероятно, вообще было свойственно многим руководителям. Тучные от сидячего образа жизни, обрюзгшие от вредных привычек (так иносказательно называлось пьянство), с красными от вечного недосыпа глазами, с тяжелым выражением лица... Вот и я на свой организм рассчитывал — он справится! Как видно, ошибался...

Новый, 96-й год встретил в каком-то смятении. Сразу после сердечного приступа и сразу после тяжелейшего поражения на думских выборах...

Наина очень не хотела моего выдвижения. Да и меня самого постоянные стрессы совершенно вымотали, выжали все соки...»[1]

Конечно, идти снова во власть в таком измочаленном физическом состоянии, без каких-либо осмысленных целевых установок в будущей работе на благо Отечества было, если честно говорить, преступлением перед своим народом. Но Б. Ельцин

---

[1] Б. Ельцин. «Предвыборный марафон» М. 2000, стр. 22—23.

признается: «Мысль о том, что я тем самым (т. е. снятием своей кандидатуры) буду способствовать приходу к власти коммунистов, показалась нестерпимой». Какой нехитрый побудительный мотив для схватки за власть, тем более что коммунисты в ту пору на глазах трансформировались в социал-демократов.

Второй недостаток Ельцина, очевидный для «политической элиты», был в крайне низком рейтинге Б. Ельцина. Все видели результат разрушительной шоковой терапии, полной абсурдности так называемых реформ и поражения в чеченской войне. Но это как раз «политическую элиту» не особенно смущало. Она держалась принципа, что все средства хороши для удержания власти. В. Черномырдин как-то даже публично сказал: «Мы хорошо знаем, что значит потерять власть!» Разумеется, основная ставка делалась на моделирование общественного сознания таким образом, чтобы люди даже вопреки своим жизненным интересам проголосовали так, как надо «элите». Для этого их должно было запугать еще более страшными перспективами в случае поражения Б. Ельцина, нежели их теперешняя жизнь. И вот эта стратагема получила свое глубокое развитие. Если бы не сработало это оружие, то было бы пущено в ход другое — подсчет голосов. В России давно говорят, что выборы выигрывает тот, кто считает голоса. Состав Центральной избирательной комиссии формируется правительством, а председателя назначает президент. На этот пост в 1993 г. был назначен Рябов Николай Тимофеевич — один из тех депутатов Верховного Совета России, которые перебежали из осажденного Белого дома на сторону Б. Ельцина. В верности этого человека сомнений не было. Он бы пошел на необходимую «корректировку» результатов выборов, если бы в этом возникла потребность.

Избирательные комиссии на местах формируются также местной властью, передача информации о результатах выборов, равно как и перевозка всей документации, производится по каналам, контролируемым правительством. Власть ревниво следила за тем, чтобы оппозиционные партии в первую очередь коммунисты не имели доступа к контролю за критически важными узлами избирательной машины.

Если бы не сработало ни то, ни другое, то было бы пущено в ход последнее средство: силовые, неправовые методы решения вопроса. Установка была одна: ни в коем случае не отдать власть.

15 февраля 1996 г. Б. Ельцин выехал в родной Екатеринбург, где публично объявил о своей готовности вновь бороться за пост президента. Вот что он сказал: «Столько пережить, столько понять, стоять на пороге цивилизованной жизни, цивилизованной жизни мира и снова скатиться назад — это будет нашим общим поражением и позором. Можно ли мне в этой ситуации не участвовать в президентских выборах? Не раз и не два задавал себе этот вопрос. Но пока есть угроза столкновения «красных» и «белых», мой человеческий и гражданский долг, мой долг политика, стоявшего у истока реформ, добиться консолидации всех здоровых сил общества и предотвратить возможное, вплоть до гражданской войны, потрясение. Несмотря на настойчивые призывы достойно уйти, мой отход от участия в выборах стал бы шагом безответственным и непоправимо ошибочным. Надо довести до успешного завершения дело, которому я полностью отдал себя. Я уверен, что смогу провести страну сквозь смуту, тревоги и неуверенность.

Поэтому я решил баллотироваться на пост президента России и объявляю об этом здесь, в дорогом для меня зале, в родном городе, вам, моим землякам, всем гражданам России и для сведения всего мира».[1]

В этом, казалось, наиглавнейшем предвыборном выступлении нет ни слова о благополучии государства по имени Россия и народов, его населяющих. Есть только страх перед поражением и позором и стращание страны пугалом гражданской войны, смут, тревоги и т. д.

Кстати, и раньше, и тогда, давая многочисленные интервью иностранным и российским журналистам, мне часто приходилось отвечать на вопрос о возможности гражданского конфлик-

---

[1] «Эпоха Ельцина». М. 2001 г., стр. 550.

та в России. Я всегда с уверенностью говорил, что в России такая война невозможна. Мотивировал это тем, что ни одна политическая сила (включая коммунистов) не ставила вопрос о насильственных методах борьбы за власть. Во всех программах всех сколько-нибудь значимых партий и движений фигурировали неизменные пункты о признании многопартийной системы, свободы слова, многоукладной экономики, уважения прав и свободы личности. Мелкие различия в формулировках не имели существенного значения. В стране не существовало никаких общественно значимых военизированных оппозиционных структур. Муляжи баркашевских дружин финансировались олигархическими группами и использовались исключительно в пропагандистских целях, чтобы стращать обывателя неким призраком «фашизма». Когда правящим кругам было необходимо для очередного взрыва общественной истерии показать фантомную угрозу некоего тоталитаризма, на экранах телевизоров или даже на улицах появлялись ряженые молодчики, выполнявшие свои кукольные артикулы. Но они появлялись так же внезапно, как и исчезали по указанию некоего режиссера.

Нельзя было не учитывать, что Россия — страна, лишенная демографического потенциала, необходимого для гражданской войны. Давным-давно ушли в прошлое времена, когда половина многочисленной семьи уходила к белым, а вторая половина — к красным. Сейчас в редкой российской семье было два человека, способных взять в руки оружие. Большинство матерей всеми силами старались спасти своих единственных сыновей от призыва в армию, от чеченской войны. Само существование обессиленной нации висит на волоске. Сам факт, что народ в критические моменты тотального ограбления приватизаторами, мастерами «шоковых терапий» проявил полную апатию, безразличие к своей судьбе и заливал горе алкоголем, говорит о том, что ни о какой гражданской войне речи быть не могло. Да и не было в обществе таких раздирающих противоречий, которые толкнули бы нас в пропасть самоистребления. Все были за реформы, все были за демократию.

Единственными, кто имел побочную вооруженную силу, кроме установленных Конституцией Вооруженных сил и силовых структур, были новые предприниматели, олигархи, создавшие свои небольшие армии для защиты своего бизнеса и личной безопасности. В нескольких тысячах расплодившихся частных охранных и детективных предприятий насчитывалось в целом по стране около 200 тысяч человек, вооруженных автоматами, пистолетами и мощными помповыми ружьями. В большинстве своем частные охранники рекрутировались из отслуживших десантников, спецназовцев, выходцев из силовых спецслужб, спортсменов силовой квалификации (борцы, боксеры и т. д.). Но эта прикормленная иррегулярная армия тоже стояла целиком на одной стороне — за «белых». О какой угрозе гражданской войны можно говорить в такой ситуации? Ясно, что все разговоры об этом — только отвлекающий маневр с целью терроризировать зачумленного обывателя и подготовить его к возможному применению силы самим правительством и самим правящим кланом «новых русских».

Вступив в предвыборную борьбу, Б. Ельцин стал повсеместно демонстрировать свою несокрушимую уверенность в победе. Примерно так, как делают боксеры-профессионалы перед решающими поединками. Вот его высказывания, взятые из газеты «Президент» за 10—15 апреля 1996 г.: «Мы победим, чтобы эти выборы не стали последними. В победе не сомневаюсь. Слабонервных прошу не суетиться. И пусть некоторые не торопятся со сменой портретов. В этот переломный для страны момент я не имею права отпускать штурвал управления Российским государством!

Мы победим, чтобы не допустить возврата к временам, когда Россию считали «империей зла».

Мы выиграем, чтобы скорее начать жить свободно и достойно, как живут все нормальные люди в нормальных странах. Со всей ответственностью заявляю: у меня есть силы и воля к победе! Давайте вместе бороться за будущее России». Слова

президента «Лучше умру, чем проиграю!» точно отражают его внутреннее состояние. Для него лично действительно здесь решался вопрос жизни и смерти. России и ее населению это было безразлично. Страна и ее президент жили в разных измерениях, разными заботами и надеждами. Надо было заставить россиян или хотя бы большинство их поверить в то, что президентские хлопоты и страдания являются их собственными хлопотами и страданиями. Эта забота легла на плечи избирательных штабов, деятельности которых была подчинена вся государственная машина. Первый состав штаба Б. Ельцина возглавил Олег Сосковец, первый вице-премьер, вокруг личности которого сразу закрутилась придворная интрига. Формирование предвыборного штаба по времени совпало с громкими отставками Козырева и Чубайса, за которыми последовали добровольные выходы из состава Президентского совета Отто Лациса, Егора Гайдара, Сергея Ковалева — жестких радикал-демократов. Окружение Б. Ельцина в принципе раскололось на «почвенников», т. е. сторонников более ясной ориентации на государственно-патриотические цели, и «западников», доминировавших к тому времени в Кремле и на Старой площади. В первую группу входили О. Сосковец, А. Коржаков, шеф ФСБ М. Барсуков, а во вторую — ее несменяемый лидер А. Чубайс и многочисленная рать демократов. В морально-нравственном отношении никакой разницы между участниками обеих групп не было, но политическая ориентация их существенно различалась.

Напуганные возможным усилением влияния «почвенников» на Б. Ельцина, «демократы»-западники, руководимые А.Чубайсом, сразу же развернули кампанию травли О. Сосковца, нацеленную на отстранение его от руководства предвыборным штабом. Они и сейчас не могут успокоиться, выбирая для его характеристики самые уничижительные слова. Например, такие: «Штаб О. Сосковца продолжал имитировать бурную деятельность, но больше напоминал пароход без руля, с бешено вращающимися колесами, на которых нет лопастей. Он погло-

щал топливо, гудел, пускал дым, взбивал пену вокруг себя, но стоял на месте». В результате нашептываний, интриг, подковерных телодвижений к середине марта «почвенники» были разгромлены. О. Сосковец отстранен от руководства штабом, который с тех пор формально возглавил сам Б. Ельцин с В. Черномырдиным в качестве своего заместителя. Но реальное руководство попало в руки Б. Березовского, А. Чубайса и Татьяны Дьяченко (дочери президента), которая была назначена в штаб решением папы.

Олигархическое наступление развивалось. На Давосском форуме, открывшемся ранней весной 1996 г., собрались все видные российские олигархи, к которым присоединился А. Чубайс. Там после ряда конфиденциальных совещаний в узком кругу ими было принято решение бросить все силы на поддержку Б. Ельцина. В интервью корреспондентам в Швейцарии А. Чубайс бросил фразу: «Если мы проиграем выборы, мы уедем из России». Все космополитическое мировоззрение Чубайса сфокусировалось в этой фразе. Россия для него — не Родина, а место для политической карьеры и сколачивания состояния.

После Давосских консультаций группа олигархов в составе Березовского, Ходорковского, Фридмана, Гусинского, Потанина и др. посетила Б. Ельцина и поставила вопрос ребром: «Надо возвращать А. Чубайса на капитанский мостик!» «Нам договариваться не с кем. Нас коммунисты на столбах повесят!» Президенту деваться было некуда, и хотя он всего пару месяцев назад отправил Чубайса в отставку, обвинив его в поражении правительственной партии на думских выборах и других грехах, но теперь пришлось его возвратить.

Вся команда заработала на повышенных оборотах. Из США была приглашена группа консультантов по выборным технологиям, с которой лично вел работу А. Чубайс. Аналитики, консультанты, эксперты дружно обсели предвыборную кормушку. Если теперь, по прошествии времени, оглянуться и посмотреть, что же принципиально нового внесли в предвыборную техноло-

гию пиарщики 1996 года, то можно увидеть, что в основном ловко обыгрывали тему устрашения населения ужасами коммунистического террора. Телевизионное время было отдано показу фильмов, в которых рассказывалось о массовых репрессиях сталинских времен, лагерной и тюремной жизни. Извлекались документальные киноленты с показом публичных казней, связанных с советским временем. Для православных людей демонстрировались многочисленные кадры разрушения храмов, закрытия монастырей, арестов и этапирования священнослужителей. Крестьянам адресовались сцены раскулачивания, массовых ссылок в отдаленные края. Все, что было горького, трагичного, унижающего человека в нашей недавней истории, вынималось на свет, концентрировалось режиссерами в мощные блокбастеры, которыми изо дня в день били по темечку ошарашенного телезрителя. Надо было создать впечатление, что ни у страны, ни у народа не было за 70 лет советской власти ничего светлого. Пустые прилавки, длинные очереди, изможденные лица не сходили с экранов.

Похожая картина доминировала и в печатной продукции. Громадными тиражами на прилавки книжных магазинов вываливались книги предателей типа Суворова (Резуна), Климова, переиздавались все лучшие «лагерные» произведения, корреспонденты искали и находили оставшихся в живых жертв репрессий.

Такая мощная артиллерийская подготовка, проводимая к тому же в условиях, когда противная сторона не располагает практически никакими возможностями для контрудара, предрешает успех. Можно сказать, что целенаправленная обработка населения страхом дала свои результаты в дни выборов. Многие нерешительные, колеблющиеся избиратели проголосовали так, как хотели люди из предвыборного штаба Б. Ельцина.

Много лет спустя, когда один из главных организаторов этой пропагандистской кампании Владимир Гусинский, вконец пересорившийся с российской политической верхушкой и на-

шедший убежище за рубежом, дал интервью британской газете «Гардиан», он признал: «Я сделал большую ошибку, когда мы начали поддерживать Ельцина против коммунистов в 1996 году. Либеральные СМИ несколько месяцев работали как антикоммунистическая пропагандистская машина. Я несу за это ответственность. Сейчас я расплачиваюсь за это»[1].

Другой весьма характерной чертой избирательной кампании Б. Ельцина, было стремление напрочь уйти от оценок результатов его работы в период 1991—1996 гг. и сконцентрировать все внимание на обещаниях и популистских мерах, которые должны были свидетельствовать о начинающейся заре возрождения. Началась целая операция под кодовым названием «Зарплата», в ходе которой принимались указы, постановления, распоряжения, чтобы добиться простейшей цели: выплаты российской платы (мизерной по мировым меркам) за проделанный труд. Ведь только в период правления Б. Ельцина, при всеобщем воровстве, возник сам феномен массового неоплаченного, а стало быть, рабского труда. Денег в российской казне всегда не хватает — это ее генетическая особенность. Пришлось брать их в кредит за границей. Западные заимодавцы давали деньги, исходя из того, что были крайне заинтересованы в сохранении Б. Ельцина у власти. Но и этого не хватало. И вот тогда государство начало играть в финансовые пирамиды государственных краткосрочных обязательств (ГКО). Правительство стало брать деньги у коммерческих банков, т. е. у частных и коллективных вкладчиков, под большой процент, выдавая в качестве гарантий свои долговые расписки — ГКО.

Популистские документы буквально сыпались из-под пера Б. Ельцина. Так родились указы «О повышении стипендий студентам государственных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования и аспирантам государственных образовательных учреждений», «О предоставле-

[1] «Коммерсантъ», 25. 04. 2001 г.

нии бесплатных участков земли», «Об утверждении Комплексной программы мер по обеспечению прав вкладчиков и акционеров», «О государственной поддержке граждан в строительстве и приобретении жилья» и т. п.

Это были пустые, ничем не обеспеченные распорядительные документы, о которых забывают даже опытные юристы. Но они создавали определенный фон надежд. Все вместе начало работать на рейтинг президента, который медленно пополз вверх от «трехпроцентной», т. е. практически нулевой отметки. Надо было любой ценой поддерживать это начавшееся движение. По совету западных экспертов, засевших в «Президент-отеле», ельцинское окружение стало настойчиво рекомендовать ему применить в России стандартные в других странах приемы: ездить по стране для встреч с народом, отказаться от охранных излишеств, при которых «вождя» обычно отгораживают от людской массы, выходить на сцену вместе с артистами и если не плясать, то притоптывать и прихлопывать, заходить как бы невзначай в простые дома рядовых людей, делить с ними символические хлеб-соль... Одним словом, изображать из себя человека из народа и руководителя для народа. Плоть от плоти, кровь от крови его! Б. Ельцину показывали радующие сердце фотографии давних времен 1989—1991 гг., когда люди без всякой инсценировки тянулись к нему, видя в нем избавителя от опостылевшей социалистической серятины, волшебника, который обещает открыть дверь в чудесную страну свободы и счастья. Он смотрел, вздыхал... и соглашался. Ельцин после только что перенесенного инфаркта понимал, что эти турне губительны для него, во всех поездках с ним были его дочь Татьяна, бригада врачей, во всех пунктах остановок сразу же предусматривались варианты больничной госпитализации. Но соображения человечности всегда изгоняются из среды, где идет борьба за власть. Им там нет места. Человечность и власть — несовместимы.

15 марта 1996 г. произошло событие, которое чуть было не взорвало всю ситуацию в России. В этот день Государственная

дума приняла решение об отмене Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. о денонсации Договора об образовании СССР. Иначе говоря, было отменено то самое постановление, которым одобрялось, признавалось законным Беловежское соглашение. Самому Б. Ельцину уже слышался звон наручников, которые наденут на него как на инициатора развала Советского Союза. Поэтому он сразу же набычился и приготовился к самым жестким и решительным мерам. Назвав это решение Думы провокацией, в слепой ярости он стал подумывать о ее роспуске, о запрете коммунистической партии, о перенесении сроков выборов на более позднее время, например на два года. Были немедленно даны соответствующие распоряжения готовить проекты надлежащих документов. По его воспоминаниям 23 марта 1996 г. почти на рассвете, в 6 часов утра, он созвал закрытое совещание, в котором принимали участие В. Черномырдин, О. Сосковец, силовые министры и руководитель президентской администрации Н. Егоров. Б. Ельцин ознакомил собравшихся с разработанным планом по существу очередного государственного переворота и попросил высказаться. Большинство участников поддержало намерения президента. Однако неожиданно для всех с возражениями выступил тогдашний министр внутренних дел А. Куликов, который заявил, что коммунистическая партия контролирует законодательные органы власти в половине регионов России и если она выведет народ на улицу, то, возможно, часть военнослужащих Министерства внутренних дел перейдет на ее сторону, что будет означать вооруженное противостояние. После этого своими сомнениями поделился и В. Черномырдин. Ельцину пришлось закрыть заседание, так и не сформулировав никакого решения.

В дело вмешались Татьяна Дьяченко и А. Чубайс, который с подачи своих американских советников энергично высказался против нарушения конституционности. Он твердил, что расправляться с коммунистами путем запретов бесполезно, что коммунистическая идеология в головах у людей и никаким ука-

зом новую голову им не приставишь. Длительная беседа с глазу на глаз, в ходе которой угроза отхода Запада от поддержки Ельцина прозвучала не один раз, сломила президента. Сам он писал позже: «Я возражал. Повышал голос. Практически кричал, чего вообще никогда не делаю. И все-таки отменил уже почти принятое решение».

Дальше все покатилось как по маслу по проложенным рельсам. Денег на предвыборную кампанию не жалели — это ведь не социальные программы. Потом в печати появлялись разные цифры, они колебались вокруг 20 млрд долларов, истраченных на подкуп прессы, телевидения, артистов, политических и общественных деятелей, аналитиков и экспертов разного толка. Выборы — вообще золотая пора для пиарщиков-зазывал голосовать за денежного кандидата. Одни сочиняли серьезные аналитические эссе, другие крапали частушки вот такого типа:

Башковита наша Русь
И славна умельцами,
И поэтому, народ,
Голосуй за Ельцина.

или:

Бросила хорошего,
Выбрала поганого.
Не отдайте сдуру, бабы,
Голос за Зюганова.

А вот как описывают бывшие спичрайтеры и помощники Б. Ельцина его популистские выезды «на пленэр, к простому народу». «Требовалось найти поселок, абсолютно узнаваемый на всей территории России, — небольшой работающий заводик, пруд с пенсионерами-рыбаками, автобусная остановка, несколько пятиэтажек, частные неказистые дома, садовые участки, бабули, обсуждающие у магазина местные новости. Надо было сделать так, чтобы телезритель в Смоленской, Тамбовской или Иркутской области увидел картинку и воскликнул: «Да это же наша Ивановка (Нестеровка, Михайловка)!»

Искали долго вместе с губернатором Московской области А. Тяжловым. Наконец остановились на поселке Атепцево — 80 километров от Москвы, завод «Элинар», памятник погибшим, пруд, магазин, конечная остановка автобуса, 3400 жителей. То, что надо!

Во время подготовки к поездке заранее осмотрели магазин. Выбрали и дом рабочего. Узнав, что к нему в гости собирается сам президент, хозяин впал в шоковое состояние, заговорил неразборчиво. Жене пришлось «переводить». Проинструктировали и молодоженов (их отыскали в соседнем поселке, поскольку в Атепцеве в тот день никто жениться не собирался), указав им время прибытия к памятнику. Прикинули точки для телекамер. Нашли ветерана, к которому Ельцин должен был заглянуть на садовый участок. Пенсионер просил лишь одно: ему хотелось «хлопнуть», как он говорил, с президентом по рюмочке за Победу. Ведь другого шанса не будет. Запретили категорически! Более того, приехав в Москву, А. Лившиц предупредил А. Коржакова «об опасности» и посоветовал послать к ветерану сотрудников с приказом: «Никаких рюмочек!».

Наступил теплый весенний день 7 мая. За несколько часов до появления Ельцина охрана была уже на месте. Бабули, завидев молодцев в форме и с оружием, стали боязливо креститься. Молодожены, чтобы не опоздать, приехали намного раньше намеченного. Чтобы не портили сценарий, их послали ехать на второй круг.

И вот на дороге показался кортеж. Президент был на эмоциональном подъеме. Сразу двинулся точно по программе — осматривать магазин. Потом в дом рабочего. Тот, слава Богу, взял себя в руки, стал разговаривать. Выставив всех сопровождающих за дверь, Борис Николаевич сел пить чай вместе с рабочим и его женой.

Поздравив молодоженов и пообщавшись с народом, президент отправился к ветерану на садовый участок. Тропинка была узкая, а потому охрана отсекла всех, кроме А. Коржакова,

командующего Московским военным округом Л. Кузнецова, А. Лившица и телеоператора. В таком составе протиснулись в калитку. Навстречу шел дед, смущенно улыбаясь и сверкая орденами и медалями. И — о ужас! В руках он держал две граненые рюмки, до краев наполненные водкой. А. Лившиц показал ему кулак. Ветеран все понял по-своему, просиял и объяснил: «Ребята, рук не хватает. Сейчас и вам принесу. Победа, это ж понимать надо!» И принес. А потом увел Б. Ельцина на картофельные грядки и что-то долго ему рассказывал.

Пожалуй, именно в этот день всем, кто был с президентом, стало ясно кто победит».[1]

В нашем народе в страшное лихолетье 90-х годов XX века часто раздавались голоса, что нас кто-то зомбирует, воздействуют некими скрытыми средствами на нашу психику, — вроде 25-го кадра в телевидении, — вынуждает нас поступать вопреки нашим убеждениям. Глубоко убежден, что тем самым мы пытаемся переложить на кого-то ответственность за наши собственные безответственные поступки. Наша беззащитность перед информационным навалом, перед лицом пропагандистского насилия есть лишь свидетельство нашей слабой гражданской зрелости, нашего невежества в вопросах обычных информационных технологий. Приведенный пример предвыборного трюкачества Б. Ельцина и его помощников демонстрирует детскую наивность простых русских людей, участвовавших в этом спектакле. Они обманывались сами и соучаствовали в обмане своих многочисленных соотечественников, которые подумали, что этот эпизод является типовым в деятельности Ельцина, а сам президент всегда прост и доступен, как в увиденных кадрах. Театральную сцену они приняли за реальную жизнь. Нам очень хочется, чтобы так было на самом деле, и мы легко поддаемся на обман. Пропаганда, особенно когда она идет от власти, не должна восприниматься слепо, безоглядно. Ее всегда следует

---

[1] «Эпоха Ельцина». М., 2001 г., стр. 567.

воспринимать критически, с изрядной долей сомнения. Народная мудрость гласит: «Не все то золото, что блестит!». Особенно следует остерегаться таких материалов, которые адресованы к нашим чувствам и ставят цель вызвать наше сострадание, симпатию, раздражение, ненависть и т. д. Как правило, под ними нет солидного и правдивого информационного фундамента, они апеллируют не к разуму, а к сердцу, к чувствам, которые более податливы на желательную реакцию. Надо научиться спокойному, рассудочному отношению ко всем пропагандистским шквалам вообще, а во время выборов в особенности. Вырабатывать в себе иммунитет к тем бациллам и микробам, которых в нас пытаются поселить люди, называющие себя пиарщиками.

Как бы интенсивно ни велась обработка избирательского контингента, Б. Ельцин и его команда не упускали из виду и других кандидатов на пост президента, которые прошли все необходимые формальности и были включены в бюллетени для голосования. Таковых оказалось всего 10 человек, они, по оценкам политологов, располагались в таком порядке: Б. Ельцин, Г. Зюганов, А. Лебедь, Г. Явлинский, В. Жириновский, С. Федоров, М. Горбачев, М. Шакум, Ю. Власов, В. Брынцалов. С Г. Зюгановым пытаться договориться было бессмысленно, потому что он был основным соперником, и, тем не менее, представители президента никогда не прекращали неофициальных контактов с верхним эшелоном коммунистической партии. Со стороны власти в ходе этих контактов давались некоторые намеки на возможность привлечения коммунистов в правительство при условии их очень хорошего поведения и в то же время нагнеталась атмосфера страха перед непредвиденными крутыми мерами со стороны Б. Ельцина, который в начале своей президентской деятельности публично перед полным составом американского конгресса (обе палаты) почти поклялся, что он никогда не позволит коммунистам возродиться и взять власть в России.

С Григорием Явлинским была предпринята попытка договориться о союзе в обмен за крупный пост в правительстве. Ему предложили пост вице-премьера и даже показали заготовленный проект соответствующего указа. Честолюбивый до болезненности, Г. Явлинский отверг это предложение, дав понять, что готов согласиться только на должность премьер-министра. Через прессу ему подбрасывалась мысль о том, что он мог бы стать координатором по экономическим вопросам между странами СНГ в ранге министра. Явлинский опять только брезгливо повел плечами.

Генерал А. Лебедь сразу, после первых подходов к нему, дал согласие на установление контакта с президентским окружением и неофициально согласился войти в блок с Ельциным. Он немедленно получил крупные финансовые ресурсы, доступ к информационным источникам, что подняло его рейтинг. Но внешне он выступал с позиций достаточно критических по отношению к правительству.

С В. Жириновским власть вообще никогда не испытывала неудобств и сложностей. Остальные пять кандидатов не принимались в расчет как малые математические величины, размерами которых можно пренебречь.

Итоги голосования, состоявшегося 16 июня 1996 г., дали такие результаты: Ельцин — 35,28% голосов, Зюганов — 32,03%, А. Лебедь — 14,52%, Г. Явлинский — 7,34%, В. Жириновский — 5,70%. Остальные, как и предполагалось, не набрали даже по одному проценту каждый. Особенно унизителен был результат у Горбачева, который получил меньше голосов, чем число подписей, собранных им для регистрации своей кандидатуры. Уже на следующий день после подсчета голосов А. Лебедь был назначен секретарем Совета безопасности и помощником президента и призвал своих сторонников отдать голоса во втором туре за Б. Ельцина. Тайный сговор теперь был обнародован. Одновременно отправлен в отставку министр обороны П. Грачев, поскольку этого потребовал А. Лебедь в качестве условия сдел-

ки, и на этот пост был назначен И. Родионов. Так А. Лебедь расправился со своим бывшим командующим по воздушно-десантным войскам за нанесенные ему обиды в 1991 и 1995 гг., когда ему не дали ожидаемых постов в армии и стали постепенно выдавливать из вооруженных сил вообще.

Второй тур голосования был назначен на 3 июля — этот день был объявлен выходным, чтобы обеспечить максимальную явку избирателей. Политологи хором утверждали, что чем выше будет процент явки, тем выгоднее для Б. Ельцина, так как сплоченные когорты левого электората в любом случае явятся к урнам, а вот нестойких, лишь одурманенных, колеблющихся сторонников Б. Ельцина надо тащить на избирательные участки.

Перед вторым туром голосования в Кремле разразился дворцовый переворот, который так и войдет в историю современной России как скандал в связи с «коробками из-под ксерокса». А. Коржаков и М. Барсуков, уже давно проигравшие политическую борьбу за влияние на президента, потому что за ними никто не стоял и они не обладали достаточным интеллектуальным и политическим багажом, к тому же губительно переоценивали свои возможности, решили все-таки попытаться реабилитироваться в глазах президента и скомпрометировать А. Чубайса и его команду, находившихся в состоянии эйфории после первого тура голосования. По распоряжению начальника Службы безопасности президента А. Коржакова его сотрудники взяли под технический контроль (видео- и аудиозапись) кабинет в здании Белого дома, где в сейфах хранились неучтенные суммы в долларах, предназначенные для оплаты «черным налом» расходов по ведению предвыборной кампании. Владельцем кабинета, распорядителем всей наличности (которой в момент установки техники было 1,5 млн долларов) был тогдашний заместитель министра финансов РФ Герман Кузнецов — доверенное лицо А. Чубайса, казначей предвыборного штаба. Таковы были нравы в тогдашней России — официальный высоко-

поставленный чиновник правительства занимался черной кассой, т. е. бесконтрольно получал и расходовал громадные суммы средств. По его распоряжению из этого сейфа в Белом доме 19 июня 1996 г. было выдано бывшему пресс-секретарю А. Чубайса некоему Аркадию Евстафьеву и Сергею Лисовскому 500 тысяч долларов. Как только они появились у милицейского поста на выходе из здания правительства, их задержали и попросили раскрыть коробку «из-под ксерокса», в которой и лежали упакованные в целлофановые мешочки новенькие долларовые купюры.

Но вместо того, чтобы быстро провести квалифицированный допрос задержанных, провести обыск и документирование его результатов в кабинете замминистра финансов, изолировать Евстафьева и Лисовского на время, необходимое для завершения следствия, Коржаков и Барсуков стали ждать утра следующего дня, чтобы доложить Б. Ельцину о том, что творится в его предвыборном штабе. Их ошибки были мастерски использованы их политическими противниками. Стоило А. Евстафьеву сообщить о происходящем Анатолию Чубайсу, как тот в считанные часы развил бешеную активность, не останавливаясь ни перед чем. Он сразу же квалифицировал происшедшее как попытку государственного переворота в России. Мелкий укол в подковерной борьбе в президентском окружении был раздут до размеров политического катаклизма. Чубайс, Березовский и Гусинский срочно собрались в резиденции «ЛогоВАЗа» и образовали нечто вроде штаба по руководству переворотом. Потом к ним присоединилась дочь Б. Ельцина Татьяна. Потом они убедили президента в том, что эта резиденция была окружена снайперами, а сами они ожидали с минуты на минуту ареста и только, мол, присутствие дочери Ельцина спасло их бесценные жизни для России. На самом деле это Коржаков и Барсуков стали теми волками, на которых была организована форменная облава.

В 2 часа ночи 20 июня 1996 г. канал НТВ неожиданно пре-

рвал трансляцию передачи «Кафе Обломов». На экране в прямом эфире возникла всклокоченная голова поднятого по тревоге с постели телеведущего Евгения Киселева, который загробным голосом возвестил, что страна находится на грани политической катастрофы. Впервые были названы имена Коржакова и Барсукова как виновников свалившейся на Россию беды. Разбуженный глубокой ночью секретарь Совета безопасности генерал А. Лебедь, который еще не успел сориентироваться на кремлевской кухне, был окружен спешно мобилизованными телерепортерами, засыпавшими его вопросами о «мятеже», о «заговоре». Генерал, ничего не понимая, только рычал, что «любой мятеж будет подавлен, и подавлен очень жестоко».

Всю ночь супруга президента Наина Иосифовна названивала Барсукову — директору ФСБ, требуя, с одной стороны, информации, а с другой — настаивая на том, чтобы он ничего не предпринимал до утра. Самого президента никто не решался будить по таким пустякам, как «угроза государственного переворота». Наутро Б. Ельцин заслушал сначала двух своих приближенных генералов — Коржакова и Барсукова, — которые рассказали о практике массовых хищений средств из фондов предвыборного штаба и использовании черного нала для оплаты услуг артистов, журналистов и т. д. Через пару часов он пригласил к себе В. Черномырдина и А. Чубайса, которые дали свою версию происшедшего, обвинили во всех мыслимых и немыслимых грехах своих оппонентов и поставили вопрос ребром: «Либо мы, либо они». Лично А. Чубайс в те часы поставил рекорд вранья, когда публично убеждал общественность и доверительно докладывал президенту, что никакой коробки вообще не было, как не было и долларов, и что все было подстроено в форме провокации спецслужб. А коробка тем временем лежала в Генеральной прокуратуре, никто не требовал ее возвращения на правах хозяина, и через несколько месяцев она тихонько была оприходована в государственный бюджет. Результатом встречи президента с Черномырдиным и Чубайсом было немед-

ленное появление указа об отставке А. Коржакова, начальника Службы безопасности президента, игравшего более 10 лет роль преданного слуги Савельича для Б. Ельцина, М. Барсукова — шефа ФСБ — и зараз подверстанного к списку вице-премьера О. Сосковца, не имевшего к этому эпизоду никакого отношения, но давно мешавшего Черномырдину.

Совершился маленький дворцовый переворотик, на который повесили ярлык «ГКЧП-3», забыв растолковать, куда девался «ГКЧП-2». Полновластным хозяином ситуации стал А. Чубайс. Его советы и рекомендации исполнялись незамедлительно. Между первым и вторым туром голосования, при неослабевающем тарахтении пропагандистской молотилки, были организованы так называемые «молодежные десанты», в ходе которых столичные студенты — разумеется, за плату — направлялись автобусами по районным центрам и крупным населенным пунктам, где было наиболее сильно влияние коммунистов. С молодежью ехали и артистические коллективы. Одной рукой завлекали обалдевших от неожиданного нашествия столичных гостей жителей глубинки на предвыборные митинги, а другой играли роль устрашающих общественных контролеров, которые-де препятствовали коммунистам фальсифицировать итоги голосования.

Выборы 3 июля дали ожидаемые результаты: Ельцин получил 53,83% голосов (около 40 млн), а Зюганов — 40,30% (примерно 30 млн голосов). Колоссальная кампания по промывке мозгов, стоившая огромных денег, мобилизация всех административных ресурсов и информационно-пропагандистских возможностей сделали свое дело. Я тогда отметил в своих записках: «Терпение народа оказалось выше расчетных параметров. Когда-то И. Сталин произнес тост за великое терпение русского народа, потому что любой другой давно бы послал нас в отставку. Б. Ельцин должен был бы повторить эти слова со священным трепетом». Сам Б. Ельцин был практически доведен до полусмерти. Как раз между двумя турами голосования в Калинин-

граде 23 июня 1996 г. у него случился второй сердечный приступ, а через три дня на даче его свалил очередной инфаркт. После этого Ельцин уже не появлялся на предвыборных мероприятиях. Народу привычно врали, что, дескать, президент настолько уверен, что он победит, что решил изменить тактику. Главная же забота состояла в том, чтобы утаить правду о состоянии его здоровья от людей.

Долго и суетливо обсуждали тему, где и как будет голосовать сам президент, которому врачи запрещали вставать с постели. С негодованием отвергли вариант с переносной урной и голосованием на дому. Жажда власти пересилила все человеческие соображения. Б. Ельцин со всеми предосторожностями был одет, загримирован и, как хрупкая фарфоровая ваза, отвезен в расположенный неподалеку правительственный санаторий «Барвиха», где обычно размещался один из избирательных участков, а вся обстановка не напоминала больницу. Туда заранее были свезены все специально отобранные журналисты, которые должны были своими репортажами и телеочерками засвидетельствовать полный порядок на самой макушке российской власти.

Из откровений ближайшего окружения Б. Ельцина видно, как средствами телемонтажа создавался в практически безнадежной обстановке лживый сюжет о президенте-бодрячке. Вот, например, как выглядит описание телевизионной записи его предвыборного обращения к гражданам России перед вторым туром голосования: «В кресле перед камерой недвижимо сидел мертвенно-бледный Б. Ельцин. Дали команду записывать. Из последних сил президент зачитал короткое Обращение к гражданам страны, призвав прийти на избирательные участки. Затем в комнату вошел В. Черномырдин, подсел к Б. Ельцину, телекамера на минуту взяла новый план и запечатлела беседу президента с премьер-министром. После записи всех присутствовавших... попросили выйти. Подавленным телевизионщикам сказали, что можно собирать аппаратуру»[1]. Таким же образом снимался и эпизод голосования.

Еще сложнее обстояло дело с церемонией инаугурации, т. е. вступления в должность, назначенной на 9 августа 1996 г. Хотя светила российской медицины при участии и постоянных консультациях зарубежных специалистов делали все, чтобы президент мог выдержать процедуру принятия присяги, окружение президента всячески старалось сократить время, на нее отведенное. Перспектива срыва или отмены инаугурации была совершенно реальной, Б. Ельцин еле держался на ногах. «Незадолго до знаменательного дня решили даже отказаться от президентской речи при вступлении в должность. До последнего момента она оставалась в сценарии, правда, постоянно правилась и неизменно сокращалась. Устроили нечто вроде репетиции, Б. Ельцин попробовал прочитать по промптеру[2] текст президентской присяги. Присутствующим стало ясно: даже это будет для него крайне трудно... Президент читал эти несколько слов дрожащим голосом, не видя знаков препинания, без пауз, в одной интонации. Избежать этого на самой процедуре инаугурации частично удалось только изменением размещения текста на промптере. Между смысловыми частями присяги были даны большие пробелы, что заставляло делать остановки при ее произнесении»[3].

Присутствовавшие на этой церемонии не могли не видеть, что граждане России выбрали на второй срок тяжелобольного, немощного человека, но все как будто были повязаны круговой порукой во что бы то ни стало скрыть эту правду от населения страны. Цепкая, хищная стая людей, которые впились в обессилевшее тело России, была кровно заинтересована в том, чтобы государственная власть, причем в максимально концентрированном виде, оставалась в руках Б. Ельцина, уже не способного

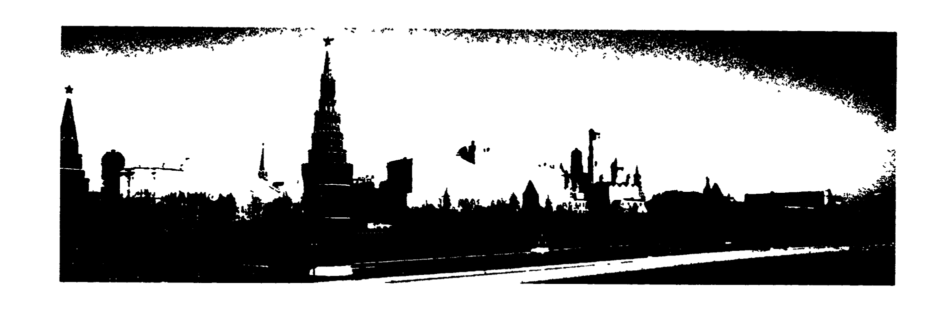
---

[1] «Эпоха Ельцина», стр. 574.

[2] Промптер — техническое приспособление, на котором бежит текст речи, видимый только для выступающего. Два промптера, поставленные по бокам трибуны, создают впечатление свободно говорящего оратора.

[3] «Эпоха Ельцина», цит. соч., стр. 574—575.

ни к каким самостоятельным действиям и мучимого заботами о состоянии здоровья. Целенаправленный обман народа — это преступление против государства, предательство интересов национальной безопасности, но в стране не нашлось политических сил, способных дать событиям адекватную оценку. Все без исключения оказались соучастниками разыгранного фарса. Народ безмолвствовал.



ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Во весь рост встал вопрос, кто воспользуется плодами победы Б. Ельцина на выборах. Меньше чем через две недели после победы — 16 июля 1996 г. — руководителем администрации президента был назначен А. Чубайс, сменивший Н. Егорова. Анатолий Борисович таким образом получил главный политический пост в стране, самое привилегированное положение у трона. Куда бы ни забрасывала судьба А. Чубайса, он всегда таскал за собой целую команду преданных ему лично людей. И в администрацию он сразу же привел Юрия Ярова, Максима Бойко, Евгения Савостьянова (того самого, который выручил охранников Гусинского, положенных «мордой в снег» людьми Коржакова), Алексея Кудрина и т. д. Пришли люди, давно подкормленные олигархами и готовые отработать полученное.

Власть их была безгранична, поскольку в ноябре Б. Ельцина отправили в Кардиологический центр, где предстояло сделать сложную операцию по шунтированию кровеносных сосудов. Бригада российских специалистов под руководством Рената Акчурина и под бдительным присмотром американского кардиохирурга Майкла Дебейки и его двух немецких коллег Торнтона Валлера и Акселя Хаверика, присланных Гельмутом Колем, поставила пять шунтов на больные, искалеченные вод-

кой и стрессами сосуды Б. Ельцина. Всей Россией заправлял А. Чубайс, метко названный «регентом» при больном президенте. Соперников у него не оставалось после того, как незадолго до госпитализации президента удалось убрать рычащего генерала А. Лебедя из властных структур. Чуть больше четырех месяцев пребывания в Совете безопасности было отведено незадачливому генералу, прежде чем его «скушали» кремлевские пираньи. Александр Иванович Лебедь решил для президента две главные задачи: во-первых, он обеспечил переизбрание его на пост президента, призвав своих сторонников (а их было 11 млн человек) отдать голоса за Ельцина, а во-вторых, он взял на себя публичную ответственность за «похабный» хасавюртовский мир и капитуляцию России в первой чеченской войне. Если почитать страницы ельцинских мемуаров, посвященных А. Лебедю и истории переговоров с чеченцами, то сложится впечатление, будто бы Лебедь действовал самостоятельно и по своей личной инициативе, а президент России был ни при чем. Только непонятно, почему Б. Ельцин не остановил своего назначенца в то время.

Теперь, после состоявшихся выборов, генерал А. Лебедь был абсолютно не нужен. Ему сразу стали припоминать все резкие и необдуманные высказывания, публично высмеивать его тупость. Обвинили в неумении строить отношения с коллегами по работе в правительстве, особенно после того, как Лебедь резко критиковал А. Куликова, министра внутренних дел, за неумелые действия в Чечне. Но все эти вещи были хорошо известны и ранее в кругах политического руководства страны.

А. Чубайс просто опасался генерала Лебедя, его широкой поддержки в воздушно-десантных войсках и в армии в целом в тот момент, когда президент Ельцин серьезно болен и может случиться всякое. Во главе Министерства обороны, как известно, сразу после выборов был поставлен по настоянию Лебедя Игорь Родионов. Но уж коли успешно закончилась операция по устранению Коржакова и Барсукова, то борьба против одино-

кого медведя-шатуна, каким был А. Лебедь в кремлевских коридорах, не представляла неразрешимых трудностей. Президент перестал принимать его, из-под власти генерала изымались самые важные составляющие ее — в частности, было отобрано право составлять списки военнослужащих, представляемых к генеральским званиям. Его перестали приглашать на совещания министров силовых ведомств. Неискусного в придворных интригах Лебедя все чаще называли виновным в бесславном окончании чеченской войны. К сожалению, повторялась старая истина: «У победы много родителей — поражение всегда сирота». Политики, как правило, стараются свалить на генералов ответственность за свои провалы. Еще после русско-японской войны судили генерала Куропаткина и адмирала Рождественского (попавшего в плен к японцам при Цусиме), в конце Первой мировой войны был отдан под суд военный министр Сухомлинов, обвиненный в шпионаже в пользу немцев, в начале Великой Отечественной войны И. Сталин приказал расстрелять генералов Павлова, командующего Особым Западным военным округом, и Карпоноса, командовавшего войсками на Украине.

В конечном итоге как бы не увертывался генерал Лебедь, но табличка с надписью «Разрушитель территориальной целостности России» была повешена ему на шею.

Чубайсовские интриганы растиражировали версию о том, что, дескать, генерал Лебедь готовил государственный переворот. Он якобы задумывал создать в рамках армии некий элитный «Российский легион» в составе 50 тыс. человек, который был бы его опорой в достижении честолюбивых целей. На самом деле Лебедь действительно подавал такую записку о целесообразности выделить из состава армии наиболее боеспособную часть, чтобы она могла мобильно и эффективно принимать участие в ликвидации опасных конфликтных очагов. Но когда речь идет об устранении неугодного и опасного конкурента, о чистоте выбранных средств, никто не думает. Это логика борь-

бы за власть, ее азбука. Лебедя стали обвинять — как обычно анонимно, из-за угла, — в том, что он сговаривался с чеченскими сепаратистами, которые чуть ли не обещали ему поддержку своих 1200 отпетых боевиков в решающий момент захвата власти в Москве. И эта чушь в больших дозах стравливалась обывателю. Даже наша военная разведка вынуждена была публично опровергнуть такие небылицы. Аслан Масхадов отреагировал на эти домыслы с саркастическими издевками. Но дело было сделано. 16 октября 1996 г. Александр Лебедь был снят со всех постов и отправлен в отставку. Мне не было ни капельки жаль этого пустотелого политикана, мотавшегося от одной политической точки координат к другой, увлекшего своей псевдорешительностью и завораживающим рыком часть зачуханных избирателей. Но нельзя было без отвращения смотреть, как похамски расправились с ним кремлевские регенты, под ноги которых опальный генерал бросил свою репутацию, взяв на себя позор Хасавюрта и предав поверивший ему электорат.

После устранения Лебедя Чубайсу нечего было опасаться. Начались назначения, которые точно характеризуются словами из известной сатирической песенки «Блоха», мастерски исполнявшейся Федором Шаляпиным: «За нею и другие пошли все блохи в ход». 29 октября Россия была шокирована указом Ельцина о назначении Бориса Абрамовича Березовского заместителем секретаря Совета безопасности. Этого человека публично называли за рубежом «отцом русской мафии» (непонятно, при чем тут русская мафия), вскоре выяснилось, что он вообще является гражданином Израиля, и пришлось ему неуклюже внешне отказываться от обременительного в данной ситуации гражданства. В нашей стране он давно был известен как жулик и аферист в особо опасных масштабах. Начав свою «деятельность» с преступной сделки на паях с руководством АвтоВАЗа, когда по старым, догайдаровским, ценам, они оформили покупку нескольких десятков тысяч автомобилей «Жигули», которые тут же были перепроданы по новым, на порядок более вы-

соким ценам, Березовский начал в массовом порядке ввозить из-за рубежа сначала подержанные, а потом и новые иномарки, реализуемые через сеть магазинов «ЛогоВАЗ». Уже к 1993 г. оборот «ЛогоВАЗа» достиг 250 млн долларов.

Он провернул мошенническую операцию с так называемым Автомобильным всероссийским альянсом. Обманув доверчивых россиян обещанием построить завод по выпуску дешевых народных автомобилей, он собрал несколько десятков миллионов долларов от людей, желающих стать пайщиками этого предприятия. Ясно, что ни машин, ни денег люди больше не увидели.

С помощью кремлевских сидельцев, в числе которых был и А. Коржаков, Б. Березовский смог овладеть большим сектором в российском телевидении (ОРТ, ТВ-6) и рядом газет. Он был в числе первых подозреваемых в убийстве популярного телеведущего Листьева, который стал мешать Березовскому. Расследование громкого дела ушло в песок, что было почти тривиальным вариантом в таких случаях в годы ельцинского лихолетья. И вот теперь человек с такой «родословной» оказался в самом эпицентре российской политики, получил доступ ко всей государственной информации, даже самой охраняемой.

Геннадий Селезнев, председатель Государственной думы, выразил публичный протест против такого глумления над этикой государственной службы. Он отказался принимать участие в работе так называемого Консультативного совещания (президент, премьер-министр, председатель Госдумы и Председатель Совета Федерации) и потребовал отставки А. Чубайса, виновного в назначении Березовского. Но из этого публичного заявления, как и следовало ожидать, ничего не последовало. С Селезневым побеседовали как следует, и он вскорости забыл свою фрондерскую эскападу.

Обиженный Лебедь тоже вдруг вспомнил кое-что о прошлом Березовского и поведал газетам, что однажды, в разгар предхасавюртовских переговоров, Борис Абрамович шепнул

ему на ушко: «Зря ты, Александр Иванович, бьешься за окончание чеченской войны, это ведь такой хороший бизнес!» Но на такую словесную шелуху А. Чубайс вообще не обращал внимания.

Газеты со злым сарказмом писали, что введение Березовского в руководство Совета безопасности было равносильно тому, как если бы в свое время Рихарда Зорге назначили министром обороны Японии, заведомо зная, что он являлся кадровым сотрудником ГРУ — советской военной разведки.

А. Чубайс пригласил на важный пост заместителя руководителя администрации президента Максима Бойко, отличившегося ранее на ниве приватизации. Теперь ему были поручены совсем иные сферы: взаимодействие с политическими партиями, общественными движениями, курирование средств массовой информации.

В состав правительства в качестве вице-премьера был введен Владимир Потанин — один из самых могущественных олигархов, владелец ОНЭКСИМбанка, который даже на работу в Белый дом ездил со своей личной частной охраной, на собственном автомобиле и отказывался обедать в правительственной столовой.

Анатолий Чубайс, как главный организатор победы на президентских выборах, теперь распоряжался ее плодами, как своим военным трофеем, раздавая друзьям и клевретам имущественные и властные куски в соответствии с их прошлыми заслугами. Близкие к Кремлю авторы упоминавшейся книги «Эпоха Ельцина» так описывают то время: «После 1996 года изменилась структура новых кадров бюрократии. Если раньше про того или иного высшего чиновника гадали, какой он политической ориентации, то теперь вопрос задавался иначе: кто его «прикармливает», к какой олигархической группировке принадлежит? Лоббирование чиновниками интересов своих патронов прежде всего в вопросах собственности породило череду публичных скандалов. В политический лексикон вошло выражение «информационная война».

Нормальному гражданину с незашоренными глазами жить и видеть все это изо дня в день было просто невыносимо. В моей личной жизни в этом несчастном 1996 году произошли как раз приятные изменения. Я получил приглашение попробовать себя в роли политического комментатора на телевидении. На канале ТВЦ (третья кнопка) работала тогда по нескольку часов в день Московская областная телерадиовещательная компания «Московия». Один раз в неделю — по четвергам — в эфир выходила программа с красивым и душевным названием «Русский Дом», которую формировал и вел известный еще с советских времен тележурналист Александр Крутов. Сам ведущий априори вызывал симпатию: чистый русак из архангельских поморов, выпускник МГУ, в свое время ведущий «Прожектора перестройки» и программы «Время», исколесивший всю страну, одним из первых освещавший чернобыльскую катастрофу с места событий, крупный, здоровый, уверенный в себе. Он не выносил цензорской опеки, рубил правду-матку, только на нее и оглядываясь, поэтому и был оттеснен березовско-гусинской ратью на периферию телевизионного поля. В его программе понадобился комментатор по политическим вопросам, и он предложил мне подключиться к ней. «Русский Дом» привлекал своей государственно-патриотической направленностью и православным духом.

Мне, по профессии разведчику, всю жизнь приходилось заботиться о том, чтобы не бросаться в глаза, не высовываться, держаться в тени, было поначалу боязно вдруг оказаться в рамке телевизора и превратиться в свою противоположность, т. е. обрести известность. Но в то же время было желание дать возможность телезрителям получить иную точку зрения на происходящие события. К 1996 г. все основные каналы телевидения находились в руках олигархов, Березовского и Гусинского. Управляемые ими телекомментаторы Доренко, Сванидзе, Киселев, по существу, разными словами говорили одно и то же. Их всех вполне можно было слить в один флакон. Они разнились, только когда заходила речь о борьбе внутри самой семьи олигархов. Тут каждый кидался на врагов своего патрона.

Мой почти двадцатилетний опыт информационно-аналитической работы в разведке, глубоко въевшаяся привычка смотреть в суть событий с государственно-патриотической точки зрения помогали уверенно сортировать затапливавшую нас со всех сторон информацию, отбирать наиболее существенные явления и давать им оценку. Практика же профессорско-преподавательской работы в МГИМО научила четко формулировать свои мысли и не испытывать стеснения перед аудиторией или телекамерой. Первые же опыты показали, что и в самом деле не так страшен черт, как его малюют. Многочисленные положительные отклики телезрителей, бывших коллег по работе еще более окрылили меня. И в то же время я сразу почувствовал неприязнь и отторжение со стороны проолигархических средств массовой информации. Уже после первых нескольких выступлений я получил характеристику «антиперсона» в «Независимой» газете Березовского. Это была вроде как родовая отметина, мол, «не наш». Лучшей характеристики, право, не заработаешь.

Уже сотрудничая в программе «Русский Дом», я познакомился с одним из выдающихся представителей современного православного духовенства настоятелем Сретенского ставропигиального мужского монастыря архимандритом Тихоном. Чего греха таить, я был воспитан в духе воинствующего атеизма, был сыном единственного коммуниста в родной деревне Алмазово на Рязанщине, и мои представления о религии, о Русской Православной Церкви были не глубже штампованных клише казенной коммунистической пропаганды. Да и то, что я узнавал по литературным произведениям, по отобранным для музейных экспозиций полотнам — Репина, Перова и др. — не побуждало меня к более глубокому проникновению в проблему роли и места православной веры в судьбе Отечества. Я закоснел, окуклился в своем примитивном понимании духовности в нашей жизни, хотя при виде столь тяжких испытаний, выпавших на долю России в это страшное время, не раз мысленно обращался к Богу с вопросом: «Господи, за что ты нам послал такое наказа-

ние? Доколе мы будем нести сей крест?». И просил об одном: «Пожалей и спаси Россию! Помилуй нас!».

Встреча и знакомство с отцом Тихоном опрокинули и разбили все мои прежние представления и о Церкви, и о религии. Это был молодой (ему не было 40 лет), образованный и в светском, и в богословском отношении человек, преисполненный высочайших патриотических чувств, прошедший через такие испытания во время послушничества и монашества, которые не оставляли сомнения в крепости его духовных устоев. Я впервые задумался о той великой силе, которая подвигает таких людей, как отец Тихон, принявших монашеский постриг, отказаться от привычных нам земных свобод и радостей. Я, выслуживший в жизни генеральские и профессорские чины и звания, смиренно вынужден был признать их духовное превосходство.

Беседы с отцом Тихоном, ставшие частыми и радостными, кончились тем, что я (и вся моя семья) 5 апреля 1996 г. (по новому стилю) приняли Таинство Святого Крещения в храме Живоначальной Троицы в подворье Троице-Сергиевой лавры в Москве и духовно вошли в большую и растущую семью православных русских людей, к которой принадлежали все наши великие пращуры. Отец Тихон сам крестил нас.

С тех пор разболтанные шарниры моей души стали приходить в порядок, вся жизнь приобрела неведомую ранее успокоенность и осмысленность.

Только потом я узнал, что Сретенский монастырь является одним из центров духовной жизни нынешней России. Среди его прихожан я встречал многих видных представителей науки и культуры, молился рядом с известными государственными деятелями, генералами, там познакомился со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Монастырь стал крупнейшим центром по изданию православной литературы, вносит огромный вклад в возрождение церковного искусства. Здесь верующие могут поклониться одной из пяти имеющихся в мире копий Плащаницы, в которую было обернуто Тело Господа нашего Иисуса Христа. С тех пор не раз в своих молитвах я

говорю: «Спасибо Тебе, Господи, за то, что Ты прибил меня, беспомощно барахтавшегося в бурных потоках русского лихолетья, к спасительной ладье Православной церкви, к Сретенскому монастырю и ее кормчему в лице отца Тихона».

Уже в новом качестве возвращаясь к истории Отечества, я как-то незаметно пришел к мысли, что судьба Русской православной церкви и Русского государства были неразрывно связаны на протяжении всего тысячелетия. Трудно отделить в святом благоверном князе Александре Невском государственного мужа, великого полководца и святого Русской православной церкви. Он в равной мере защищал от шведов и тевтонских рыцарей государственную независимость Новгородской Руси и православную веру от насильственного насаждения католичества. Его имя одинаково почитаемо среди верующих и неверующих во все времена истории нашей Родины.

Православные монастыри, бывшие очагами духовной культуры, материального процветания, одновременно оставались и крепостями на пути захватчиков. Монахи и ратники вместе стояли на стенах, отбивая приступы иноземцев-иноверцев.

Святой благоверный князь Дмитрий Донской, отправляясь на смертный бой с полчищами Мамая, ищет поддержки и благословения у преподобного Сергия Радонежского — высшего духовного авторитета тогдашней Руси. Тот дает ему двух монахов — Пересвета и Ослябю, ставших воинами. Пересвет погиб в поединке с татарским батыром в самом начале Куликовской битвы, но прежде он сразил своего могучего врага. С тех пор по традиции два самых могучих корабля Российского военно-морского флота носили имена этих легендарных монахов-воинов.

В Смутное время, когда вся светская власть выродилась и запуталась в интригах с поляками и между собой, Русская православная церковь ударила в набат и призвала русских людей к борьбе за спасение государства. Патриарх Гермоген отказался служить полякам, не стал писать под их диктовку письма в русские города с призывом к непротивлению. Он предпочел мученическую смерть от голода в оковах в сыром подвале Чудова

монастыря в Кремле, где умер 17 февраля 1612 г. Мы не должны забывать, что Минин и Пожарский призвали нижегородцев к походу на Москву под влиянием писем, полученных от настоятеля Троице-Сергиевой лавры.

Череда исторических ситуаций, в которых священнослужители Русской православной церкви оказывались на голову выше наших светских государственных деятелей в служении Отечеству, бесконечна. Несмотря на все гонения против церкви в годы коммунистической власти, она в первый же день Великой Отечественной войны призвала православных земли Русской к отпору врагу и выразила твердую уверенность, что Господь дарует победу русскому оружию. В годы перестройки и реформ, когда среди светских политиков бушевала эпидемия предательств, когда высшие коммунистические иерархи жгли свои партбилеты, когда вакханалия воровства и попрание национальных интересов государства достигли кульминации, Русская православная церковь сохраняла твердые патриотические, государственнические позиции, укрепляла дух деморализованного народа. Сравнение светской и духовной власти в России, их поведения в переломные для страны моменты неизменно убеждало в том, что духовенство выдержало с честью все испытания. А уж тем более у меня нет никаких причин лукавить перед моими телезрителями или читателями. Я не принимал никакого участия в делах управления государством, ибо с 1991 г. находился в отставке, а следовательно, не нес ни малейшей ответственности за происшедшие в это время «реформы». Мне не надо оправдываться, как тем «писателям», которые верно служили Ельцину, а потом, будучи либо отлученными от хозяйской кормушки, либо оказавшись по другим причинам вне должностных кабинетов, решили заняться поисками алиби. Я не раз повторял себе, что у меня нет никаких личных причин предвзято относиться к ельцинскому десятилетию, к так называемой эпохе «реформ». Новая «демократическая» власть России достаточно корректно повела себя по отношению к генералам бывшей советской эпохи. Уволенные со службы, они получали сносную по российс-

ким меркам пенсию, колебавшуюся в зависимости от курса рубля от 100 до 200 долларов в разное время. По всей стране зарплаты не платили по нескольку месяцев кряду, пенсии задерживались аж на полгода и больше, что вынуждало стариков перекрывать мосты или ложиться на рельсы железнодорожных магистралей, а нам, генералам, пенсии платили исправно, как бы давая понять: «Сидите спокойно дома, смотрите телевизор и вкушайте пропагандистскую баланду от казенных комментаторов!»

Я вовсе не собирался возвращаться на государственную службу, с меня вполне хватало профессорско-преподавательской работы и моих журналистских занятий, с 1991 г. не входил ни в какую политическую партию или организацию, так что моя критика не могла расцениваться как попытка опять вскочить на подножку бюрократической машины.

Во всех своих делах теперь я руководствовался только одним: как бы мне помочь людям сохранить здравый смысл в оценке происходящих кругом событий, а тем самым пособить и стране преодолеть смертельно опасное тряское болото, в которое ее затащили люди, называвшие себя «реформаторами». Некоторые из них действовали по злому умыслу, а другие — не ведали, что творили. Для меня критерий всех теоретических умствований и практических дел был и остается один: полезно ли это русскому народу и выгодно ли российскому государству. Ведь государство — это наш единственный общий Ноев ковчег, от крепости и безопасности которого зависят жизнь и судьба каждого его обитателя и всех вместе взятых.

В описываемые годы Россию потрясали только трагические, кровавые или разрушительные события, которые по своим последствиям носили куда большую судьбоносную значимость, нежели те положительные достижения, которыми также отметилась последняя десятилетка XX века и о которых мы поговорим позже.

31 октября 1996 г. в своем рабочем кабинете покончил жизнь самоубийством руководитель Федерального ядерного

центра академик Владимир Зиновьевич Нечай. Вся страна несколько дней находилась в шоке. В. Нечай возглавлял, пожалуй, самый мощный научно-исследовательский центр в г. Снежинске, расположенном в 120 км от Челябинска. В институтах и лабораториях этого НИИ трудились более 16 тыс. ученых и техников, а всего в изолированном от внешнего мира Снежинске проживали 46 тыс. человек. Эти кадры создавали для России оборонительный ядерный щит, без которого страна, уже лишившаяся боеспособной армии, о чем свидетельствовали события в Чечне, могла бы стать легкой добычей — лакомым трофеем для любого неленивого охотника. В условиях бессильной, дезорганизованной и разоренной России ядерное оружие оставалось единственной гарантией ее суверенитета. Поэтому казалось, что сохранение полного цикла воспроизводства всех исходных материалов, сохранность научно-технического потенциала и условий для надежного хранения и гарантии поддержания боеготовности ядерного оружия должны быть жизненно важной задачей государства.

Соединенные Штаты публично демонстрировали свою крайнюю заинтересованность в скорейшем разоружении России. Они скорехонько одобрили так называемую программу Лугара — Нанна (имена двух сенаторов, ее предложивших), в соответствии с которой США выделяли по 500 млн долларов в год только для того, чтобы спешно демонтировать атомные боеголовки с тех ракет, которые подлежали ликвидации в связи с подписанными соглашениями о сокращении стратегических наступательных вооружений. Присылались специально подготовленные команды, которые без публичности и огласки «помогали» нашему разоружению. Более того, весь оружейный уран, снимаемый с этих боеголовок, был продан в Соединенные Штаты за мизерную цену, несопоставимую с теми расходами, которые несли несколько поколений наших людей, создавая этот заслон против внешней агрессии. В общей сложности речь шла о 500 тоннах урана, цена которого была определена в 12 млрд долларов. Спрашивается: зачем Соединенным Штатам

такое количество оружейного урана, если у них своего собственного выше крыши, поскольку они также частично сокращают свои ракетные системы и пускают в промышленную утилизацию освобождаемый уран? Ответ элементарно прост: США накапливают огромные запасы стратегических энергоносителей, которые в очень недалеком будущем, когда начнут иссякать мировые запасы нефти и газа и использование угля будет затруднено разрушительными экологическими последствиями, обеспечат им практически неиссякаемый источник для производства электроэнергии. Америке не надо коверкать свою природу, создавая шахты и карьеры для добычи ураносодержащих руд, не надо создавать сложную и небезопасную в экологическом отношении производственную базу для изготовления чистого урана. США получат из России низкообогащенный уран, непосредственно подготовленный для тепловыделяющих элементов атомных электростанций. Они будут хранить его сколь угодно долго в специальных бункерах под многометровым защитным слоем воды до тех пор, пока весь мир не спохватится, что подошел к порогу энергетического голода. Тогда цена на уран будет иной, в сотни раз выше теперешней, ибо только его запасы станут определять место страны в мировом сообществе. Остальным будет предоставлена свобода переходить на торф и дрова.

Сколько раз мне приходилось говорить об этом ответственным за эту политику лицам из госструктур, но всегда следовал один и тот же ответ: «у нас этого добра (урана) много, а сейчас важно срочно получить деньги. Говоря «у нас», эти головотяпы думали не о России, а о себе, временных кладовщиках, распоряжавшихся национальным достоянием как личной собственностью.

Академик В. Нечай попытался своей смертью привлечь внимание страны к преступной политике властей, которые бросили на произвол судьбы атомную науку и промышленность. К моменту смерти академика все специалисты его НИИ практически без какой-либо дифференциации получали по 150 тыс.

рублей в месяц (25—30 долларов по тогдашнему курсу). В закрытом городке никаких других источников работы не было. Да и эта мизерная подачка не выплачивалась с июля. Ведущие ученые и конструкторы вынуждены были продавать собственную кровь, выступая в качестве доноров, собирать по окрестным лесам грибы и ягоды, ловить силками диких птиц и т. д. Но гибель академика В. Нечая никого не тронула в кремлевских или белодомовских коридорах. Нет, там сидели люди, обуреваемые совсем другими заботами. Если почитать мемуары самого Б. Ельцина, то там нет даже упоминания о трагедии нашей науки и промышленности. В эти самые месяцы он думал о своей операции, о том, стоит ли ему отдавать «ядерный чемоданчик» Черномырдину или нет, а если стоит, то на какой срок. Сколько указов надо подписать и в какой последовательности их выполнять, чтобы ни на секунду не упустить власть из своих рук. Он сводит счеты с генералами, которые так или иначе помешали ему безмятежно наслаждаться властью, критикует П. Грачева, Д. Дудаева, А. Лебедя, А. Коржакова, М. Барсукова — т. е. тех самых, которых он либо сделал генералами, либо дал им явно не генеральскую власть. Ельцин их всех подбирал «под себя» и для своих удобств. И нигде ни словом, ни строкой он не упоминает о В. Нечае.

Не успев прийти в себя после операции на сердце, 7 января 1997 г. президент опять попадает в больницу с официально объявленным диагнозом «воспаление легких». Сам он решил, что «в бане переохладился». На полтора месяца страна снова осталась без президента. Государственная дума встала на дыбы. Неуправляемая страна, по существу, находилась в руках флибустьеров. Было внесено предложение, чтобы провести независимое обследование состояния здоровья Ельцина. Надо было объективно определить, в состоянии ли президент в полном объеме выполнять свои должностные обязанности. Такой вопрос возникал и раньше, но тогда он объяснялся другими причинами: болезненной привычкой к алкоголю, приводившей к дипломатическим казусам — вроде памятного случая, когда он

не мог выйти из самолета в Ирландии, чтобы поприветствовать встречавшего его премьер-министра, или когда он, заложив изрядно за воротник, принимался вдруг ни с того, ни с сего дирижировать оркестром во время визита в Германию. Но президент и слышать не хотел ни о каком медицинском обследовании. Начнутся, дескать, интриги, нечистоплотные игры, возникнет политическая нестабильность.

Мне, как и всем моим друзьям и знакомым, было совершенно очевидно, что страной руководит больной президент, вернее, делает вид, что руководит. В мою бытность в разведке нам приходилось не раз решать вопросы состояния здоровья зарубежных государственных деятелей, рассчитывать примерный ресурс их политического долголетия, определять уровень их творческой и энергетической способности. За рубежом специалисты также накопили большой опыт мониторинга здоровья государственных деятелей. Кстати, опробовали свою технологию, составляя прогнозы как раз чаще всего о советских и китайских партийных и государственных деятелях. Как ни стараются первые лица государства скрывать истинное состояние своего здоровья, им это, как правило, не удается. Но большая часть общественности остается в заблуждении, активно поддерживаемом средствами массовой информации.

Не раз вспоминал занятную книгу воспоминаний Е. Чазова «Здоровье и власть», в которой главный лекарь кремлевских геронтократов с нескрываемой гордостью рассказывал о том, как врачи выжимали из себя все возможное, чтобы продлить срок физической жизни генеральных секретарей, в частности Л. Брежнева. Бывало, читал книгу и думал: «Врач, безусловно, представитель самой гуманной профессии, и основополагающий принцип их деятельности «не навреди больному» заслуживает всяческого уважения. Это бесспорно в применении к любому человеку. Но честно ли скрывать от народа правду о состоянии здоровья первого лица в государстве, когда врачу известно, что неспособность этого политического лидера адекват-

но решать государственные задачи наносит стране огромный политический и экономический ущерб? Честно ли использовать все новейшие достижения медицины, чтобы искусственно поддерживать внешний вид благополучного здоровья в безнадежно больном человеке, обманывать нацию, обрекать ее жизнь на стагнацию? Особенно опасно это в условиях России, где в руках первого лица, как правило, — независимо от формы правления — сосредоточивается колоссальная власть. Не становится ли в этом случае врач соучастником государственного преступления? Спасая власть одного лица, врач тем самым наносит ущерб интересам национальной безопасности. Наверное, правильнее, честнее, ответственнее поставить вопрос о снятии с больного бремени непомерных обязанностей, помочь России выбрать себе нового руководителя, дабы не терять времени на исторические провалы, которые мы потом именуем «застоем». Ведь мы уже имели такой горький опыт с Л. Брежневым, потом дважды повторяли то же с К. Черненко и Ю. Андроповым. Стоило ли в четвертый раз садиться в ту же лужу? Но мы сели, расплатившись снова, как и в прежние годы, отставанием и разорением страны. Наши медики явно оказывались плохими гражданами России.

Обсуждение вопроса о здоровье президента в Думе приняло характер скандала. Если левые, в первую очередь коммунисты, чувствовавшие настроение довольно четко через результаты выборов губернаторов, которые все чаще давали неожиданные для правительства «красные» результаты, настаивали на проведении поименного голосования за принятие жесткой резолюции, требующей от президента страны хотя бы подчиниться нормам действующего трудового законодательства, допускающим определенный уровень нетрудоспособности, то правые силы в Думе в лице партий «Наш дом — Россия» и «Яблоко» выступили категорически против. В момент голосования депутаты этих фракций, а также часть аграриев демонстративно покинули зал заседаний. Внешне это выглядело как протест против цинично-

сти самой постановки вопроса и характера обсуждения его, а на самом деле никто из протестовавших депутатов не желал оставить в памяти своих возможных избирателей свидетельство личного поведения в столь ответственный момент. Кстати, манера большей части депутатского корпуса уходить от политической ответственности в решающие моменты путем неявки на заседания парламента или путем ухода из зала при голосовании пустила быстро глубокие корни и стала широко применяться. Так была провалена и на этот раз инициатива левых попытаться отправить президента Б. Ельцина в отставку по болезни.

В годы «перестройки» первые частные предприниматели удачно перефразировали старую русскую поговорку и стали говорить: «Куй железо, пока Горбачев!». Процесс «перестройки-реформы» был единым, и поговорка сохранила свою силу и в годы ельцинской администрации.

С чувством горького стыда приходилось слышать, что в престижном московском казино одна ставка превышала стоимость боевой атомной боеголовки. Фонд теннисного турнира, учрежденного, чтобы ублажить президента, когда-то увлекавшегося игрой в теннис, намного превышал бюджет крупного научного центра. Приватизационный процесс шел своим чередом, вызывая лишь ожесточенные конфликты между олигархическими кланами, когда речь шла о наиболее жирных кусках бывшей общенародной (национальной) собственности.

В России установилась власть, которую назвали «семибанкирщиной» — по аналогии с «семибоярщиной», памятной со Смутного времени, когда в отсутствие царя всем заправляли наиболее родовитые бояре. Теперь подошел черед банкиров, которые, даже не стесняясь, требовали от власти все новых и новых полномочий и льгот. К 1996 г. вся финансовая мощь оказалась сосредоточенной в руках узкой группы дельцов, причем почти исключительно еврейской национальности. В нее входили Борис Березовский, Владимир Гусинский, Александр Смоленский, Петр Авен, Борис Хайт, Виталий Малкин. Из русских в числе влиятельных банкиров числились только Потанин и

Виноградов из «Инкомбанка». Если в России эти дельцы хотя бы внешне пытались соблюдать приличия, то когда они собирались за границей, не могли удержаться от хвастовства.

В наши руки попала пленка телевизионной передачи, показанной по одной из программ тель-авивского телевещания. Мы увидели, как банкиры-евреи публично похвалялись своим могуществом и влиянием в России. Ничего не изменяя, показали этот сюжет в нашей телепрограмме «Русский Дом». Эффект оказался поразительным. Вся оппозиционная печать живо откликнулась на передачу своими комментариями. Собрание банкиров-евреев назвали «БАНКБЮРО» по аналогии с Политбюро. Правые затаились, сделали вид, что ничего не случилось, хотя по всем доступным каналам старались выяснить, каким образом этот материал попал в Россию. Придраться к нашей передаче они не могли. Документ есть документ.

В передаче Борис Березовский цинично говорил о том, что российский президент имеет перед крупным бизнесом (а под таковым он имел в виду лишь крупный банковский капитал) серьезные моральные обязательства. Он прямо давал понять, что банкиры оплатили большую часть его избирательной кампании и продолжают финансировать текущие расходы государства, выдавая наличные суммы под так называемые государственные краткосрочные обязательства, т. е. векселя.

Комментируя эту часть откровений Б. Березовского, я сравнил российского президента с гулякой-гусаром, промотавшим отцовское состояние и попавшим в долговую кабалу к ростовщику с пейсами. Нельзя было не вспомнить старинный рефрен: «Кто платит, тот и заказывает музыку».

Господин В. Гусинский утверждал на экране, что «мы так же полезны России, как Форд Америке». Эта фраза особенно возмутила меня, и на ней я остановился подробнее. Я рассказывал телезрителям, что между Фордом и «нашими» банкирами не было ничего общего. Форд и ему подобные создавали в США материально-техническую базу для страны. Они развили принципиально новую систему связи и коммуникаций, открыли до-

рогу нефтедобывающей, металлургической, машиностроительной промышленности. Банковское дело в США развивалось параллельно с ростом промышленности, транспорта и сельского хозяйства, обслуживая их потребности в первую очередь. Первый банк в США появился в 1791 г., и понадобилось 70 лет, чтобы их число достигло 1600. В России же в годы «реформ» банки плодились и жирели в полном отрыве от материально-технической базы страны, которая разваливалась на глазах. Они были не двигателями материального прогресса, а институтами финансовых спекуляций. Эти банки выполняли функции государственного казначейства, получая и распределяя бюджетные средства, были кредиторами-ростовщиками самого государства, финансировали краткосрочные торговые операции, используя аккумулированные средства населения — частных вкладчиков. Связи наших банков с промышленностью практически отсутствовали, кредиты в производящие структуры страны едва составляли 1—1,5% от общей кредитной массы.

Генри Форд был сам изобретателем автомобиля с четырехтактным двигателем внутреннего сгорания, организовал автостроительную компанию, выдвинул идею конвейерной сборки, что резко повысило производительность труда и, следовательно, удешевило стоимость автомобилей. Как могли самодовольные позеры равнять себя с Г. Фордом, если в их активе была лишь финансовая афера с планом создания «народного автомобиля».

Господин В. Малкин, владелец банка под названием «Российский кредит», не стесняясь, с экрана хаял все российское. Он признавался, что всю его жизнь ненавидел СССР (а Россия считает себя его преемницей), болел против советских спортсменов. Он говорил о том, что его идеалом является загорелый парень в камилавке и с автоматом в руках.

Сколько раз приходили в голову едкие слова М. Салтыкова-Щедрина, что в России всякий, кто берет в долг и не отдает деньги, считает себя великим финансистом, а кто увидит обнаженную женщину, уже полагает себя гинекологом.

Во времена государственного распада даже самые невероятные вещи оказываются возможными. Одним из таких маловразумительных с точки зрения нормальной логики шагов российского правительства было признание старых царских долгов перед Францией. Об этом принародно объявил премьер-министр В. Черномырдин в ноябре 1996 г. Одержимый идеей любой ценой, откуда угодно получить валюту, российский кабинет задумал разместить на Парижской бирже новый тип государственных ценных бумаг — так называемые еврооблигации — со сроком погашения в 5 лет и под 9,25% годовых. Понятно, что французы задаром такую услугу оказывать не захотели и выставили условие: признать прежние царские долги за 1880—1917 годы. С тех пор, как были выпущены облигации тех займов, прошел фактически целый век, из 30 млн акций стоимостью 500 франков за штуку на руках у расчетливых биржевых дельцов сохранилось только, слава богу, 4 млн штук, но и это составляло приличную сумму в 2 млрд франков, или около 400 млн долларов.

Никаких правовых оснований для выплаты этих денег не существовало. Еще на Генуэзской конференции в 1922 г. Советская Россия отказалась от этих долгов, если Франция не предоставит нашей стране займов на восстановление хозяйства, разрушенного, между прочим, и французскими интервентами в годы гражданской войны. Франция так и не возвратила России 47 тонн золота, которое было перевезено в годы Первой мировой войны под залог поставок оружия и боеприпасов (так и не поставленных). Французские власти наложили лапу на здания, принадлежавшие России до 1917 года, захватила суда, которые были угнаны во французские порты в результате гражданской войны, присвоили себе все активы российского правительства и даже частных кампаний. Но кроме денег, Франция взяла свою дань и нашей кровью. В годы Первой мировой войны две дивизии русских войск сражались, защищая Францию на франко-немецком фронте. Кстати, в составе нашего экспедиционного корпуса в нижних чинах воевал и будущий министр обороны СССР маршал Родион Малиновский.

В 1924 г., когда Франция устанавливала дипломатические отношения с Советской Россией, она даже не ставила вопрос о российских долгах. История все списала. Более того, уже в Великую Отечественную войну мы приняли у себя группу французских военных летчиков, которые создали сначала эскадрилью, а потом полк «Нормандия–Неман», который был полностью экипирован советской военной техникой и снаряжением. Он воевал в русском небе за свободу Франции, и мы не считали, во что нам обошлось это боевое содружество. По окончании военных действий, после капитуляции фашистской Германии И. Сталин распорядился даже подарить летчикам-французам их боевые машины, чтобы они могли с честью прилететь в родной Париж уже победителями.

Все это было забыто теперешними горе-руководителями. Не зарабатывать, а доставать деньги любой ценой было их навязчивой идеей. Подписывая соглашение о признании долгов, В. Черномырдин ублажал французских биржевиков, давал им крупную взятку за счет русского народа, чтобы получить хоть какую-то передышку от удушливой нехватки средств. Итак, получив разрешение на размещение новых облигаций на сумму 1 млрд, долларов, мы сразу же оказались должны 1 млрд 400 млн долларов и каждый предстоящий год обязаны были платить по 100 млн долларов процентов. Через пять лет мы заплатим за полученный миллиард ровно 2 млрд долларов. Такой кошмар не может присниться и во сне. Точно по поговорке: «Бизнес по-русски — это когда бизнесмен украдет вагон коньяка, продаст по дешевке, на вырученные деньги купит водки и тут же пропьет все». Когда В. Черномырдина французы спрашивали: «А вы не боитесь реакции со стороны Думы?» — он без смущения отвечал: «Я Думу не боюсь. Я на нее не оглядывался и не собираюсь оглядываться!». Западные журналисты только растерянно хлопали глазами. Им-то хорошо известно, что институт парламентаризма был создан и существует в первую очередь для того, чтобы определять и контролировать порядок получения доходов и распределения расходов в любом демократическом государстве.

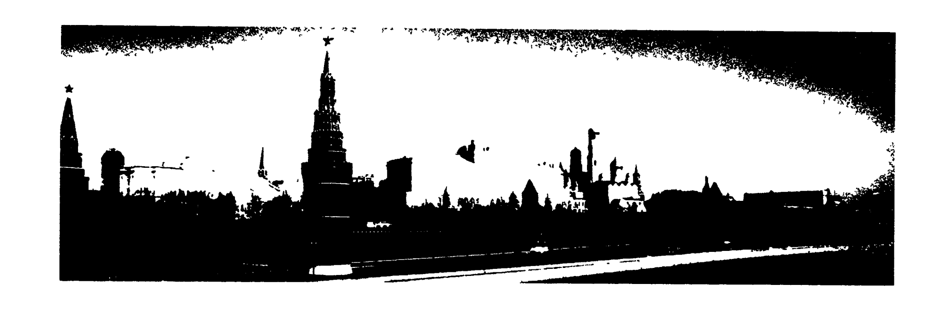
Правительство запустило руку в святая святых — в Гохран (государственное хранилище золота, платины, драгоценных камней и изделий из них). Распоряжаться этими сокровищами — последним ресурсом России — имеют право только президент и премьер-министр страны. И они не постеснялись бросить на рынки народное достояние. Только в 1995 г., когда в соответствии с утвержденным бюджетом, ставшим законом, было разрешено взять из Гохрана ценностей на 4,6 трлн рублей, на самом деле было изъято на 13,3 трлн рублей. В первом полугодии 1996 года (в самый разгар избирательной кампании), при разрешенной квоте изъятий в 2,3 трлн рублей на самом деле было израсходовано почти в пять раз больше — около 12 триллионов.

Лишь годы спустя стала известна технология государственного воровства. Раскрылось дело так называемой компании «Голден Ада», руководители которой с ведома и согласия правительства России вывезли и продали на американском рынке драгоценные камни на сумму 200 млн долларов и скрылись вместе с выручкой. Аферисты, видимо, не поделились с высокопоставленными чиновниками России, поэтому против них было возбуждено уголовное дело, окончившееся выдачей некоего Козленка российскому правосудию. Но наша Фемида не решилась распутать страшный узелок, и процесс спустили на тормозах, вынеся сверхмягкие наказания обвиняемым, — максимум шесть лет заключения. За простой грабеж квартиры дают больше. Но прав был поэт, сказавший: «Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют».

Все приведенные выше фактические данные были опубликованы аудитором Счетной палаты — высшего контрольного органа Российской Федерации, призванного следить за финансовой дисциплиной. Но Счетная палата, как и большинство других формальных институтов демократии, в России не имела реальной власти. Скажем, та же Палата при проверке деятельности Министерства финансов обнаруживает крупные нарушения финансовой дисциплины, в результате которых нестыковка

отчетных данных по исполнению бюджета составляет гигантскую сумму — 2 млрд долларов. И все ее акты подшиваются в дело, в то время как по ним должны были возбуждаться уголовные дела. Россия бесконтрольно разворовывалась самой российской властью.

Нередко вспоминали И. Сталина — крупнейшего политического и государственного деятеля отечественной истории, при котором историческое Российское государство достигло наивысшего могущества. Это был человек великих противоположностей. Его ошибки и его достижения измеряются громадными величинами. О нем будут писать труды и исследования многие поколения историков, но в одном они наверняка сойдутся: он ничего не делал лично для себя. Сталин умер в бревенчатом домике, на простом потертом диване, накрытый солдатской шинелью, не оставив своим детям ни банковских счетов за рубежом, ни недвижимости в России, ничего. У него было много уязвимых мест, но он после своей смерти оставил в Гохране самый крупный золотой запас — 2500 тонн. Ни к нему и ни к кому из его сподвижников не прилипло ничего из национального богатства. В его администрации не было казнокрадства, а выявленные нарушители жестоко карались. Именно об этой стороне сталинской политической линии вспоминали люди, когда вешали его портреты на лобовых стеклах автобусов, в своих домах, несли во время праздничных демонстраций.



БЕДЛАМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В конце 1996 г. обострилась общественная полемика вокруг вопроса отношений России с Украиной и Белоруссией. Всем ясно, что от судьбы этих трех славянских государств, характера отношений между ними зависят их будущее и благополучие их народов. Известный русский писатель А. И. Солженицын в своей статье-эссе «Как нам обустроить Россию», написанной еще в годы горбачевской перестройки, активно ратовал за то, чтобы стремиться к созданию единого славянского государства на базе союза России, Украины и Белоруссии. Он считал возможным и даже желательным не включать в состав будущего объединенного государства республики Средней Азии и Закавказья, ибо населяющие эти территории народы принадлежат к иным цивилизациям. В самом деле, Белоруссия вообще никогда не имела собственной государственности, за исключением короткого времени после революции 1917 г. Русские и белорусы никогда не считали себя разными народами. Объединенные единой православной верой, говорившие практически на едином языке (к 1990 г. из 30 газет, выходивших в Белоруссии, только одна печаталась на белорусском языке), связанные единой историей, общей экономикой, влас-

тью, они не мыслили жизни, разделенной государственной границей. Мой отец, Леонов С. М., работал и похоронен в Минске, где до последних дней трудился на Минском автомобильном заводе. Там же находятся могилы других моих родственников.

Какие бы опросы и референдумы ни проводились в Белоруссии после 1991 г. по вопросу об отношениях с Россией, неизменным оставалось ясно и недвусмысленно выраженное желание населения этой республики жить в союзе с Россией или в составе единого государства. Сепаратизм в Белоруссии — удел небольшого меньшинства политиков, пользующихся открытой и всесторонней помощью и поддержкой со стороны Запада. Исторически закономерным является тот факт, что первым, кто выпал из политической обоймы белорусских руководителей, оказался ее президент-«демократ» С. Шушкевич, активный участник Беловежского сговора и последовательный сторонник отделения от России. Как только прошел первый угар от потрясений 1991 г., он потерпел поражение на выборах, народ отдал голоса Александру Лукашенко, который при всей противоречивости своей натуры четко и определенно взял курс на союз с Россией. Именно за эту главную политическую линию своей политики А. Лукашенко на долгие годы стал предметом организованной травли со стороны Запада и прозападных сил как в самой Белоруссии, так и в России. Любой ценой Запад стремился не допустить союза России и Белоруссии. В качестве стратегического направления удара выбрано обвинение белорусских властей в недемократичности, а стало быть, и в нелегитимности. Такое право — развешивать ярлыки сортности на правительства всего мира — взяли на себя западные державы, от имени которых действуют многочисленные правозащитные организации, борцы за свободу печати и т. д. и т. п. Нельзя не удивляться, что эти же западники и их приспешники совершенно безучастны к действительным и серьезным нарушениям демократии, имеющим место в среднеазиатских государствах, в Закавказье, где этническое и политическое насилие расцветает махровым цветом, но зато сосредоточили весь огонь именно на Белоруссии. Они решают свою геополитическую задачу: заку-

порить Россию в глубине евразийского континента, лишить ее самого короткого и эффективного пути в Западную Европу, не допустить приращения российского экономического потенциала мощной промышленной и научно-технической базой Белоруссии, разрушить всякую надежду на создание оборонительного заслона на западном направлении. В более далеком прицеле Запад стремится привести в Белоруссии к власти такое правительство, которое сменит свой политический вектор и начнет подтягивать страну к Евросоюзу и к НАТО. У русских и белорусов представился, пожалуй, уникальный исторический шанс соединиться в едином государстве прежде, чем мощные враждебные силы растащут наши страны в разные стороны.

Российский президент не мог игнорировать мощные союзнические настроения в российском обществе и всячески создавал видимость своей заинтересованности в сближении наших стран. Началось это движение к объединению 2 апреля 1996 г. на Соборной площади в Кремле, когда Ельцин и Лукашенко под колокольный звон торжественно объявили о своем намерении идти к союзу двух стран. Это поистине грандиозное в эмоциональном отношении историческое действо происходило в присутствии Патриарха Московского и Всея Руси и напоминало действительно судьбоносные повороты в истории. Но, к сожалению, дальнейшее продвижение оказалось гораздо более трудным и сложным. Появилось ощущение, что кто-то активно сыпал песок в буксы двинувшегося поезда. Все российские средства массовой информации, находившиеся под полным контролем «демократов», начали исподволь, но упорно и последовательно компрометировать идею союза. Наиболее ходовыми аргументами стали высказываемые вслух «опасения», что Белоруссия будет нахлебником России, «сядет нам на шею», хотя все объективные статистические показатели говорили об обратном. Белоруссия была и остается высокоразвитой промышленной и сельскохозяйственной страной, в которой валовой доход на душу населения даже выше, чем в России, где средняя урожайность зерновых превышает 30 центнеров с гектара, в то время как в России она в лучшие годы не достигала 20 центнеров. Любой человек, который имел возможность

проехать по автостраде Брест–Минск–Москва, может лично убедиться, сколь велика даже внешняя разница между Белоруссией и Россией. Белорусская ухоженность, обработанность полей, чистота резко контрастируют с запущенностью, разрухой российской земли.

Очень активно использовалась и тема чернобыльской катастрофы, от которой пострадала почти треть территории Белоруссии. Агентура влияния по обе стороны границы всячески взваливала на Россию ответственность за происшедшее, поднимала вопрос о выплате Россией репараций для компенсации ущерба и т. д.

Когда не срабатывало одно, вытаскивалось на свет что-то новое. СМИ стали стращать Б. Ельцина тем, что, мол, более популярный, энергичный и харизматический Лукашенко в результате союза может стать реальным политическим конкурентом в борьбе за первый пост в едином государстве. Для хворого, подозрительного Ельцина эти доводы были весьма болезненными. К тому же вся олигархическая рать России демонстрировала свой показной испуг перед перспективой оказаться под командой Лукашенко.

Было просто любопытно наблюдать, как одни и те же средства массовой информации в России с диаметрально противоположных позиций оценивали сходные процессы у себя в стране и в Белоруссии, выдавая тем самым свою циничную ангажированность. Например, в России Государственная дума (или ранее Верховный Совет, без разницы) всегда играла роль мальчика для битья. В нашу отечественную законодательную власть в течение всего десятилетия можно было плевать с экранов телевидения, с полос газет, стрелять в нее из танковых пушек, грозить ей роспуском в любой момент и т. д. Это было просто модным развлечением. И в то же самое время такой же оппозиционный по отношению к Лукашенко Верховный Совет Белоруссии в глазах наших СМИ выглядел средоточием всех демократических добродетелей, прямо-таки выставлялся как страстотерпец борьбы за гражданские свободы и права.

В России всякое усиление президентской власти рассматривалось и подавалось как абсолютное добро и гарантия

стабильности и успеха реформ. Точно такой же процесс в Белоруссии встречался истеричными воплями о нарушении демократии.

В Литве создана производственная база для печатания оппозиционных газет и журналов, которые в массовом количестве перебрасываются в Белоруссию.

Российские журналисты, сотрудничающие в прозападных средствах массовой информации, особенно в телекомпании НТВ, нередко принимали участие в антиправительственных демонстрациях в Минске, попадали в местные отделения милиции, что давало повод для очередных всплесков антибелорусской истерии. А когда не было подходящих предлогов и случаев для конфликтов с властью, то журналисты провокационно создавали их. Так, журналист из НТВ П. Шеремет демонстративно «под телекамеру» нарушил белорусско-литовскую границу, а когда был арестован и предан суду в Белоруссии, то в России поднялась разнузданная кампания «в защиту Шеремета». Это было страшное время, когда все СМИ по единой команде работали против национальных интересов России. Б. Ельцин оказывался как бы между молотом и наковальней. Запад, свои олигархические кланы и СМИ требовали свертывания процесса интеграции стран, а давление большинства населения, политических партий, Государственной думы, основных ведомств, обязанных защищать национальную безопасность, настаивало на углублении союзных связей.

13 января 1997 г. Б. Ельцин направил Лукашенко письмо с предложением начать выполнение плана практических мероприятий по интеграции двух государств, но документ был составлен таким образом, чтобы не ускорить, а скорее, затормозить этот процесс. Б. Ельцин предлагал, чтобы чиновники сначала синхронизировали темпы проведения экономических реформ, потом состыковали законодательство, разработали конкретные планы интеграции промышленных потенциалов, еще раз поработали над возможностью создания единой валюты и т. д. и только потом можно будет переходить к политическим решениям вроде проведения референдума по вопросу об объединении. В письме не говорилось ни о каких конкретных

сроках. Складывалось впечатление, что телега поставлена впереди лошади. Если вспомнить историю создания в 1922 г. Советского Союза, то легко увидеть, что сначала было принято политическое решение о создании единого союзного государства, а потом уже началось его практическое строительство. По такому же пути идет формирование Европейского союза: сначала политическое решение, а затем арсенал практических мер. И в наших отношениях с Белоруссией, казалось, надо было бы идти по проторенному пути: сначала подписать широкоформатный договор об объединении, затем, если необходимо, подкрепить его результатами всенародных референдумов и дополнительно обязательной ратификацией в парламентах. Определяющими в таком случае будут воля народов и решимость политических руководителей. Чиновникам всех уровней следует отвести соответствующую им роль исполнителей уже принятого решения. Они будут связаны определенными сроками и качественными показателями своей работы. Понятно, что вся работа исполнительных органов в этом случае стала бы протекать в другой обстановке, насыщенной духом интеграции. В инициативе же Б. Ельцина главная роль отводилась именно чиновничьему исполнительному аппарату, который в своей российской части находился под сильным влиянием олигархов, противившихся интеграции. Работа по формированию союза стала на глазах вязнуть в аппаратных топях. Потянулись годы политики так называемых «малых шагов». Ясно промеренной и обозначенной трассы для союза России и Белоруссии не видно и по сей день. Конечная цель не определена, о сроках и говорить не приходится. Создается, ей-Богу, ощущение, что все ждут каких-то изменений в Белоруссии, а они там могут случиться, так как западники слишком активно влияют на внутриполитические процессы страны, и тогда можно будет потихонечку свернуть всю работу.

С какой политической лихостью в считанные часы была разрублена туша СССР в Беловежской Пуще и с какой явной неохотой, лениво, неумело, с оглядкой на Запад долгими годами ковыряются наши политические хирурги, чтобы пришить хотя бы одну конечность к российскому обрубку.

Не менее, а может быть, более сложно выстраивать в этот период отношения с Украиной — нашей общей прародиной. Там, на берегах Днепра, зародилась общерусская государственность. Лишь по мере расширения территории Руси киевские князья приняли решение о перенесении великокняжеского престола в центральные земли — во Владимир, а потом в Москву. Именно в Киеве наши предки приняли Православие, ставшее на многие века цементом России. Ослабление Московской и Владимиро-Суздальской земли в результате татаромонгольского нашествия и последующие два с половиной века ига стали причиной того, что Польша в значительной степени распространила свое влияние на Украине, взяв под свой контроль наиболее зажиточные, знатные круги украинцев. Однако тяготение подавляющего большинства населения, рядовой казацкой массы к единству с Россией взяло верх, и в 1654 г. на Переяславской раде было принято решение о присоединении к Московскому государству. Однако и в последующем сепаратистские настроения в высшем эшелоне украинских политиков не умирали. Предательство гетмана Мазепы, воспользовавшегося начавшейся войной между Россией и Швецией и вторжением войск короля Карла XII в русские пределы, привело к тому, что шведский король двинулся на Украину, рассчитывая на помощь и поддержку сепаратистов. Кажется нелепым, что решающее сражение между русскими и шведами произошло не в Прибалтике или в Новгородчине либо Псковщине, а в глубине левобережной Украины, около Полтавы.

Без малого три с половиной века украинцы и русские жили в одном государстве. Короткий период 1918—1919 гг. не в счет, тогда на карте бывшей Российской империи с калейдоскопической быстротой возникали и исчезали самостоятельные государства, рождавшиеся и умиравшие в зависимости от честолюбия местных политиков и масштабов иностранной помощи. На Украине, как и в Белоруссии, результаты всесоюзного мартовского 1991 г. референдума о судьбе СССР дали положительный результат. Абсолютное большинство населения высказалось за сохранение в новой форме единого государства — СССР. Беловежское соглашение не посчиталось с волей народов и уничто-

жило Советский Союз. Б. Ельцин не раз говорил, что он не мыслит СНГ без участия Украины, столь велики были взаимозависимость России и Украины и взаимодоверие их народов. Но вскоре после 1991 г. стало очевидно, что новые руководители Украины, и в первую очередь Л. Кравчук, резко взяли курс на обособление от России. Вот тогда-то и опомнилось наше общественное мнение. Сформировались два течения. Одно из них требовало передачи Черноморского флота целиком и полностью России, возвращения исконно русской территории Крыма с Севастополем. Они были переданы Украине в 1954 г., когда отмечалось 300-летие воссоединения Украины с Россией. Второе течение, исходившее из того, что не надо пытаться оторвать какие-то куски от потерянной Украины и тем самым давать основание врагам России спекулировать на великодержавии и агрессивности России, а принять как факт отделение Украины и стараться наладить с ней добрососедские, а может быть, со временем и союзнические отношения. Одни предлагали кулачный бой, другие — родственные объятия. Какой путь мог оказаться более перспективным? Были ли какие-либо правовые основания, чтобы требовать возвращения Крымской области России? И да, и нет, но скорее нет, чем да. Дело в том, что решение Президиума Верховного Совета СССР, которым было оформлено соответствующее решение Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в 1954 г. было с правовой точки зрения незаконным, так как по тогдашним конституциям и Россия и Украина считались уже суверенными государствами. Обе страны были членами Организации Объединенных Наций. Для передачи одной части территории одного государства в состав другого требовался в таких случаях официальный международный договор, а не простое Постановление Президиума Верховного Совета. А основанием для международного Договора должен был служить опрос населения о передаваемой территории (референдум), согласно ли оно на переход в другое государство. Таким образом, например, решались после Второй мировой войны судьбы города Триеста и прилегающей области, а также Саарской области. За Триест спорили Италия и Югославия, референдум решил вопрос в пользу Италии, за Саарскую область боро-

лись Германия и Франция: референдум решил вопрос в пользу Германии. В нашем же случае тогдашние руководители страны (СССР) не считались вообще с волей народов и полагали, что все можно решить политическими шагами и административными актами.

С 1954 г. прошло почти 40 лет, и государство Россия, существовавшее в форме РСФСР, ни разу не протестовало против совершенной несправедливости. Тем самым оно молчаливо согласилось с передачей своих земель в состав другого государства в нарушение международно признанных процедур. В российских конституциях 1978 и 1993 гг. нет упоминания Крымской области как субъекта РФ, как нет и упоминания о Севастополе. В обоих текстах фигурируют только два города республиканского подчинения: Москва и Ленинград (Санкт-Петербург). В то же время в двух украинских конституциях — 1978 и 1996 гг. — фигурируют два города — Киев и Севастополь — как города республиканского подчинения. И опять-таки Россия никогда не протестовала против этих формулировок. Молчание — знак согласия. Аппелялция наших «ястребов» к Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г., которым Севастополю был придан статус города республиканского подчинения РСФСР с финансированием из бюджета РСФСР оказалась пустым звуком, ибо этот указ был перекрыт последующими решениями 1954 года. При передаче города Севастополя вместе с Крымской областью не был оговорен его особый статус. Обе стороны исходили из понимания, что область отходит к Украине вместе с Севастополем. Финансирование Севастополя с 1954 г. шло из бюджета Украины.

Когда летом 1993 г. тогдашний Верховный Совет России поднял вопрос о принадлежности Севастополя РФ, то Украина подала жалобу в Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, который принял решение о неправомерности российских претензий и однозначно занял сторону Украины.

Следует честно признать, что российское руководство в лице президента Б. Ельцина и его правительства так и не смогло найти правильного пути своих действий. Оно болталось между двумя тенденциями российского общественного мне-

ния, окончательно запуталось в двух соснах и позволило украинским сепаратистским силам консолидировать свои позиции, заручиться международной поддержкой. Наскоки наших «ястребов», к сожалению, сыграли роль попутного ветра, который помогал надувать паруса сепаратистов. Крым можно было если не отстоять, то превратить в еще одно самостоятельное государство только при условии твердой и последовательной поддержки со стороны России. Не стоит забывать, что такая поддержка добровольцев из российских воинских контингентов объективно способствовала консолидации Приднестровской Молдавской Республики, Абхазии, Южной Осетии, население которых решительно воспротивилось включению в состав новообразованных государств — Молдовы и Грузии. У населения Крыма такой шанс, безусловно, был в 90-е годы XX века, но он был утерян в огромной степени по причине инертности России. Киевское руководство воспользовалось этим обстоятельством и быстрыми, решительными действиями кастрировало крымскую автономию и гарантировало себе необратимость присоединения Крыма к Украине.

Если проследить вихляющую траекторию позиции России в вопросе о судьбе Черноморского флота, то она лишь повторяет непоследовательность в отношениях с Украиной. Начав с громогласных публичных уверений российской общественности, что Черноморский флот был и останется российским, Б. Ельцин постепенно отступал, отступал и, наконец, согласился на раздел флота, на аренду Севастополя в качестве стоянки нашего флота за большую плату — 100 с лишним миллионов долларов в год, за передачу береговых баз и сооружений Украине, и в конце концов мы оказались даже в зависимости от подключения к электросетям Украины, к системе водоснабжения, просим разрешения на провоз личного состава и снабжения для флота, который тихо умирает на якорных стоянках и у причалов Севастополя.

Бесконечные конфликты вокруг Черноморского флота играли роль острого раздражителя разногласий между Россией и Украиной. Раздражителя ненужного и стратегически вредного.

Вглядываясь в свою собственную историю, мы не можем не

увидеть, что Черноморский флот трижды погибал в Черном море почти целиком. Нам пришлось самим затопить его в годы Крымской войны в середине XIX в., чтобы закрыть доступ неприятельским судам в Севастопольскую гавань. По мирному договору после той войны Россия на некоторое время вообще теряла право иметь военный флот на Черном море, и лишь разгром Франции в войне с Пруссией в 1871 г. позволил нам сбросить с себя оковы позорного Берлинского договора.

Но не прошло и полвека, как в результате революционных событий в России в 1917—1918 гг. Германия навязала нам «похабный» Брестский мир, по условиям которого Россия вновь теряла право иметь военно-морские силы на Черном море. Чтобы корабли не достались немцам в качестве военного трофея, Черноморский флот был расстрелян собственными миноносцами и затоплен недалеко от Цесменской бухты Новороссийска.

Советская власть немало сделала для восстановления Черноморского флота, в составе которого появились современные тяжелые крейсеры, подводные лодки и т. д. Но начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война привела к тому, что к 1943 г. все побережье Черного моря — от румынской границы до Новороссийска включительно — оказалось в руках немцев. Наш флот потерял все основные надводные корабли, оказался загнанным в дальний восточный угол Черного моря, где для боевого базирования не было никакой инфраструктуры. Он с трудом отбивался от непрестанных атак немецкой авиации и сыграл второстепенную роль только при организации небольших тактических десантов.

Российский флот покрыл себя славой тогда, когда ему удалось выйти на просторы Средиземного моря. Вспомним сражения при Наварине, Корфу и др. в конце XVIII в. В наши дни, когда Турция — хозяйка черноморских проливов — является членом Североатлантического пакта, она легко может намеренно закрыть выход нашим кораблям из Черноморской акватории, а это, в свою очередь, будет равносильно его гибели.

У России не осталось теперь на берегах Черного моря ни одного крупного кораблестроительного завода, чтобы пополнять Черноморский флот новыми боевыми единицами, нет ре-

монтной базы. По мере физического износа кораблей флот будет все больше превращаться в небоеспособную груду ржавого металла.

Однажды мне пришлось изложить мои взгляды и в администрации президента, куда я был приглашен по какой-то неведомой мне причине. Но никакого впечатления, судя по всему, мои аргументы не произвели на слушавших меня чиновников.

Когда-то, в далекие 70–80-е годы XX века, будучи начальником информационно-аналитического управления советской разведки и принимая участие в рабочих совещаниях на высоком уровне, я отчаянно выступал против нагнетания напряженности в советско-китайских отношениях, по крайней мере с нашей стороны. Я был убежден, что войны между СССР и КНР не будет, а вот нашими разногласиями воспользуются наши стратегические противники, которые будут вбивать клин и расширять брешь в отношениях между нами. Несмотря на кровь, пролитую на острове Даманском, я твердо считал, что у нас с Китаем тогда не было стратегических разногласий, а яростная полемика в печати и пограничные конфликты были отзвуком острых внутриполитических столкновений внутри партийно-государственных элит обеих стран. В конечном итоге мы оказались правы. Американцы послали в 1972 г. с тайным визитом в Пекин Киссинджера и постарались разыграть против нас китайскую карту. Теперь картина повторялась. Только вместо Китая использовалась Украина.

Американский центр стратегических и международных исследований сформулировал в качестве важнейшей национальной цели «укрепление самостийности Украины». Известный политолог Збигнев Бжезинский — заклятый враг России — лично отредактировал этот пункт, который гласил: «Свободная и независимая Украина является не только фундаментальным фактором европейской стабильности, но и незаменимым средством, препятствующим возрождению российского империализма». Лучше не скажешь! Пока наши «ястребы» громыхали пустыми консервными банками, Украина стала третьим по значимости получателем американской внешней помощи (после

Израиля и Египта). Ей выплачивалось в год в среднем более 200 млн долларов.

Американское посольство в Киеве оказалось в пятнадцать раз более многочисленным, чем российское, и большинство дипломатов США работали над тем, чтобы идея союза с Россией была похоронена навсегда.

Начались обмены взаимными визитами военных кораблей между США и Украиной, флот Украины стал участвовать в ежегодных военных маневрах на Черном море. При активной поддержке с Запада стала создаваться довольно искусственная коалиция государств, возникших на постсоветском пространстве и придерживавшихся антирусской ориентации. В нее вошли Молдова, Украина, Грузия, Азербайджан и Узбекистан.

Теперь, когда Украина вместе с другими государствами, возникшими из развалин Советского Союза, была спешно принята в состав ООН, когда в двусторонних американо-украинских соглашениях гарантировалась территориальная целостность Украины, когда полностью подавлена автономия Крыма, всякие так называемые «патриотические демонстрации» наших амбиций по отношению к Украине наносят только вред интересам России. Давно надо было вспомнить о старых поговорках: «Снявши голову, по волосам не плачут» или: «Что с возу упало, то пропало». Мэр Москвы Юрий Лужков, который из популистских соображений пытается эксплуатировать нашу черноморскую ностальгию путем достройки ракетоносного крейсера «Москва» — флагманского корабля Черноморского флота, посредством возведения жилых домов в Севастополе для личного состава флота, работает по большому счету вхолостую.

Зато в эти годы не было сделано ничего в действительно перспективном направлении: в консолидации русского населения на Украине, повышении политической активности, налаживании серьезной информационной работы на Украине, использовании реально имеющихся экономических рычагов для укрепления политических позиций России, продвижении российского капитала в экономику Украины. В огромной степени по вине России сложилось положение, когда крошечный Рух, представляющий 7 млн украинцев из 50-миллионного населе-

ния Украины, превратился в самую активную политическую силу страны и журналисты стали с полным правом говорить, что «галицийский хвост крутит украинской собакой». Чудовищно, что не в России, а в Англии был создан фильм про западноукраинских эсэсовцев из 14-й дивизии СС «Галичина», сформированной во Львове, Ивано-Франковске, Тернополе, которые уничтожали евреев, поляков, выдавали немцам американских и британских летчиков, не говоря уже о русских, считавшихся врагами номер один. Вот кусочек клятвы, которую давали в 1943 г. 15 тысяч западноукраинских эсэсовцев немцам: «Я, украинский доброволец, этой присягой добровольно отдаю себя в распоряжение немецкой армии. Я присягаю немецкому вождю и Верховному командующему Немецкой армии Адольфу Гитлеру в неизменной верности и послушании». А ведь в нынешней Украине бывшие каратели, пособники фашистов, пользуются большими привилегиями и льготами, чем участники Великой Отечественной войны. Вот одно из многих выигрышных направлений нашей практической работы в отношениях с Украиной, но в Москве, в России в целом вся информационная пропагандистская машина находилась в руках людей и кланов, чуждых государственным интересам российского государства. Она использовалась совсем в других целях.

Леонид Кравчук — второй по счету, а может быть, первый по влиянию, творец Беловежских соглашений, резко повернувший корабль Украины в сторону Запада, не прошел испытаний даже первой проверки демократическими выборами. Его опередил Леонид Кучма, ловко сыгравший летом 1994 г. на пророссийских настроениях большинства украинских избирателей. Потом стала повторяться определенная закономерность: претендент на президентское кресло до выборов активно использовал лозунги дружбы с Россией и каждый раз, победив, в очередной раз поворачивал курс в сторону Запада. России оставалось провожать глазами спину несостоявшегося партнера и доброго соседа. Обстановка на российско-украинской границе все время ухудшалась. «Незалежные» пограничники и таможенники без всякого реального смысла дотошливо досматривали даже пассажиров транзитных поездов, которые лишь на короткое

время заходили на украинскую территорию из-за капризов линии бывшей административной границы. Пришлось поменять маршруты следования поездов на Северный Кавказ, чтобы избежать унизительных процедур проверок и досмотров. Автомобилисты, едущие на Украину с российскими номерными знаками, подвергаются необоснованным поборам и самым изощренным придиркам со стороны украинской транзитной полиции. Это привело к тому, что Крым — ранее всесоюзная здравница — впал в перманентное кризисное состояние из-за недостатка отдыхающих, прибывающих в основном из России. Украинские власти делают все возможное, чтобы изменить национальный состав населения Крыма, где до 1991 г. русские составляли более 75%. Сейчас туда разрешено переселяться всем татарам — активным носителям антирусских настроений, а также проводится целенаправленная колонизация этой территории украинцами, в руки которых переходит прежде всего административный аппарат, все силовые структуры, а также решающие позиции в управлении экономикой Крыма.

1996 год в известной степени год знаковый. Все тенденции, характеризующие состояние страны, уже определились. Качественно ничего не должно было меняться. Речь могла идти только о количественных показателях. Переизбрание Б. Ельцина, со всем пакетом его достоинств и недостатков, лишь фиксировало эту ситуацию. Если даже в отношениях с Белоруссией и Украиной дела обстояли более чем сложно, то что говорить о других государствах, возникших из бывших советских республик? Уместно вспомнить океаны горя, выпавшие на долю миллионов и миллионов русских людей, которые не по своей воле оказались в одночасье за границами своей родины — России. 25 миллионов русских потеряли свое Отечество в результате сепаратистского шабаша, разыгравшегося в 1991 г. и последующие годы. Известно, что после окончания Великой Отечественной войны официальной линией советского руководства было выравнивание социально-экономических уровней развития союзных республик. Это условие считалось базовым для укрепления единства СССР. В соответствии с этой установкой из России началась массовая миграция научно-тех-

нических кадров из центральных районов России в национальные окраины. Широкое промышленное строительство, создание новых энергетических мощностей, ирригационных систем, развитие науки и образования требовали хорошо подготовленных кадров, которые могла дать только Россия. За двадцать лет — с 1959 по 1978 год из центральных областей и краев России уехали более 2 млн человек. К 1989 г. население Казахстана состояло на 38% из русских, в Латвии наших соотечественников было 34%, в Эстонии — 30%, в Киргизии — 21%, на Украине — 22% и т. д. Русские в силу своего образования, жизненного опыта, навыков занимали ведущие позиции в промышленности, науке и образовании. Они по естественному праву входили и в административные аппараты республик. И вот когда рухнул Советский Союз, они почти мгновенно превратились в дискриминируемое меньшинство, принявшее на себя все удары этнической нетерпимости. К тому же русские не имели навыков самоорганизации, в большинстве случаев не имели родовых корней, жили в виртуальном мире, созданном официальной пропагандой, «вечной и нерушимой дружбы народов», «пролетарского интернационализма» и прочей белиберды, которая подкреплялась только силой партийно-государственной машины.

Началась волна вытеснения русских. Все республики объявили себя национальными государствами, где по фашистским образцам титульная нация получила права «арийской», а все остальные низводились до уровня второсортных. Русский язык везде (кроме Белоруссии) был лишен статуса государственного. Для меня это было поразительно, потому что я знал, что в Финляндии, где численность шведов едва составляет 5% от всего населения, шведский язык, тем не менее, считается государственным. В далеком Парагвае, где уже полтысячи лет господствует испанский язык, тем не менее, сохранился в качестве государственного и язык аборигенов — индейцев куарани. Канада является классической двуязычной страной, где в равной степени сосуществуют английский и французский языки. Везде, где

люди живут по законам демократии, проявляется уважение к исторически сложившимся языковым реальностям. Постсоветское пространство стало полем крайнего этнического мракобесия.

Где одним махом, а где постепенно было ликвидировано информационное поле на русском языке: закрыто большинство газет и журналов, ограничено поступление и распространение публикаций, радио и телевидение почти повсеместно перешли на языки «титульных» наций. Тем самым было нарушено право на свободу доступа к информации.

Преподавание на русском языке в высших и средних учебных заведениях быстро сворачивалось. Число школ для желающих учиться на русском языке катастрофически уменьшалось. Учебники перестали издаваться. Все общественные дисциплины (литература, история и пр.) стали преподаваться в трактовке «титульных» наций, где России отводилась роль империалистической державы, веками подавлявшей и эксплуатировавшей коренные народы.

Русских выдавили из всех властных структур. В Казахстане, например, нарезают границы избирательных участков таким иезуитским образом, чтобы даже при наличии компактного русского населения допустить минимум депутатов в законодательные органы власти. От 30% русского населения в местном парламенте русских депутатов всего 7%. Всякая попытка русских организовать свои национальные объединения встречается в штыки и трактуется как попытка сеять межнациональную рознь.

Лишенные возможности пользоваться элементарными гражданскими правами, не имеющие перспективы дать своим детям достойное образование на родном языке, видя перед собой закрытыми все пути-дороги для самовыражения, русские люди пытались хотя бы бегством спастись от навалившейся на них напасти. Но перед ними встала стена непроходимых бюрократических рогаток, расставленных новой властью с обеих сторон границы. Трем беловежским подельникам и в голову не

пришло подумать о судьбах почти трехсот миллионов человек, принадлежавших к одной — юридически единой — советской нации, каждый представитель которой имел одинаковый паспорт и одинаковое гражданство. За одну ночь в Беловежском логове миллионы людей были вышиблены из привычных правовых ячеек. Человек, заработавший пенсию в одном краю бывшего СССР, а живший в момент развала в другом краю, лишался пенсии: «Вам дали ее в другом государстве, вот там и получайте!». Если же человек выработал весь полагающийся трудовой стаж в одной из национальных республик, а теперь собирался уехать в Россию, ему не давали документов на право получения пенсии. В среднеазиатских республиках осело очень много бывших ссыльных и осужденных. Они теряли право на материальную компенсацию: «Ты был осужден в другом государстве, вот там и получай!».

Попытки русских людей получить российское гражданство в только что учрежденных российских консульствах и посольствах натыкались на непроницаемое безразличие. И здесь не было вины дипломатов, они выполняли указания из Центра. Моя дочь с мужем, российским дипломатом, оказалась в те годы в одной из только что учрежденных самостоятельных республик. В своих письмах на Родину она со слезами писала, как русские пожилые люди, отчаявшись выбраться в родные края, шли к православным храмам и ложились умирать на паперти. Голод и разруха в этих самостийных государствах ударили прежде всего по городскому населению. Жители городов из числа местного населения имели родственников в деревне, могли получить помощь или уехать к ним. У русских же не оказалось родственного ресурса, и они жили за чертой бедности.

Новой ельцинской власти не были нужны исстрадавшиеся беглецы из ближнего зарубежья (такой евфемизм был придуман для названия бывших союзных республик), которые на весь свет проклинали Б. Ельцина как одного из главных виновников развала Советского Союза, несущего основную ответственность за разорение миллионов семейных гнезд и искалеченные судь-

бы одной шестой части русской нации, — именно столько людей было брошено на произвол судьбы за пределами «демократической России». В разоренном отечестве для новых изгоев не находилось ни крова, ни земли, ни работы, ни теплого слова сочувствия. Писатель А. Солженицын с горечью отмечал, что и в самом русском народе на коренных русских землях угасло чувство родства со своими соотечественниками, попавшими в беду. Редко где их встречали с радостью, а все больше норовили обругать нахлебниками, обобрать, да еще и вытолкнуть из своих разрушающихся общин.

Медленно создавалась Федеральная миграционная служба России, вяло развертывались ее отделения по областям и краям. Рахитичный бюджет наполнялся едва на 15% от намеченного, да и те средства, которые поступали, разворовывались чиновниками. Ссуды были ничтожно малыми, отказывали в прописке даже у родственников. А ведь среди бежавших от этнического произвола до 40% составляли люди с высшим образованием, но угасавшей Родине они были не нужны. Своих было некуда девать, безработица и нищета выкашивали целые поколения русских интеллигентов и специалистов.

Не могу не процитировать слова Александра Исаевича Солженицына, писавшего: «Самодовольные наши правители, когда с легкостью подписывали мгновенный распад страны, безо всяких договоров и условий, — разве задумались, что значит резать по живому телу? Ни в одном российском заявлении после Беловежья память и забота об этих брошенных не прозвучала, а уж тем более не была объявлена со стороны России открытая возможность всем отторгнутым, любому — каждому, в любой изъявленный момент свободно получить российское гражданство. (Да хотя бы оценили, что возврат отторгнутых на Родину — при нашем миллионном вымирании — массивный жизненный государственный интерес. Ведь пополнили бы наш редеющий народ!) Российские власти, занятые своими расчетами, интригами и провалами, за 7 лет не нашли в себе твердости или смелости сделать решительное движение в

защиту соотечественников, брошенных в СНГ».[1] Прав был мятежный писатель, когда сравнивал безразличие Б. Ельцина к русским людям, оказавшимся в беде, с безразличием И. Сталина к 5 млн русских солдат, оказавшихся по его вине в немецком плену в первый год Второй мировой войны и лишенных Родины, отказавшейся от них.

Жутко подумать, до какого состояния власти довели страну, ее народ, если у него теряется инстинкт самосохранения. Франция времен де Голля нашла в себе решимость и силу принять около миллиона французов из потерянного Алжира. Разгромленная во Второй мировой войне Германия сумела приютить миллионы немцев, выселенных из Пруссии, Померании, Силезии. Не забудем, что Германия всегда принимала живейшее участие в судьбе немецкой колонии, оказавшейся во времена Екатерины Великой на российской земле. У России пропал инстинкт материнства, она по-кукушечьи безразлична к своим детям, а детям ничего не остается, как гасить в себе невостребованную любовь к отечеству и искать счастья на чужбине.

Если в 1994 г. из Казахстана в Россию приехали 304 тыс. русских, то уже в следующем году приехавших была 191 тыс., а в 1996 г. — немногим более 100 тысяч. Люди потеряли доверие к Родине.

Всякий, кто захочет узнать сухую статистику о безмерной гуманитарной катастрофе, постигшей в первую очередь русский народ, но не миновавшей и другие народы бывшего Советского Союза, может получить ее в бесстрастной книге «Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах», изданной Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук в Москве в 1996 году.

Ни сам Ельцин, ни его придворная обслуга, понаписавшие кучи книг-воспоминаний, ни единым словом не касаются этой массовой человеческой трагедии, сродни которой только гитлеровские зверства во Второй мировой войне.

---

[1] *А. Солженицын.* «Россия в обвале». М., 1998, стр. 64.

Всякий раз я спрашивал себя: почему российские дипломаты не ставили вопрос перед Организацией Объединенных Наций об оказании помощи русским беженцам? Почему палестинцы, согнанные евреями со своих родных мест, годами пользуются статусом беженцев, получают от международных организаций материальную и иную помощь, а многие даже цепляются за статус беженца, чтобы сохранить возможность пользоваться определенными видами помощи. Почему правоохранительные организации, крикливые борцы за права личности и демократию, расплодившиеся и в России, ни разу не подняли вопрос о систематическом и тотальном нарушении прав русских в новых постсоветских государствах? Я не могу найти иного ответа на этот вопрос, как только тот, что в 90-е годы XX века власть в России стала антинациональной — сверху донизу, от первого лица до последнего чиновника, а все так называемые «общественные» правоохранительные организации создавались и использовались исключительно в интересах своих зарубежных хозяев.

В эти же годы получила бурное развитие другая ранее наметившаяся тенденция: заселение России выходцами из бывших национальных окраин. Возникла проблема так называемых мигрантов. Еще в годы советской власти было заметно постепенное нарастание потока лиц нерусской национальности, которые мигрировали в центральные области России. В отличие от русских, командированных или направляемых по другим каналам в национальные республики и состоявших в основном из научно-технической интеллигенции, специалистов высокой квалификации, встречный поток нес в Россию в основном искателей легкой жизни, торговцев, работников сферы услуг, околорыночных дельцов и т. д. Из лиц производственных профессий можно отметить только нефтяников из Азербайджана, которые ехали осваивать новые нефтяные месторождения в Сибири.

Когда же в 1991 г. в России рухнули все внутренние скрепы и страна стала бурно криминализироваться во всех сферах сво-

ей жизни, волны нерусской миграции стали буквально захлестывать ее города. Переселялись не только любители легкой жизни, но и потенциальные нарушители законности. Например, одних азербайджанцев в России в 1989 г. было 300 тыс. человек, а всего через 7 лет — в 1996 г. — их стало уже более двух с половиной миллионов. Грузия за годы «демократических» преобразований потеряла треть своего населения, т. е. более 1,5 млн человек. В подавляющем большинстве бежавшие грузины осели в России. Сюда их привлекал более высокий уровень жизни, а главное — широкое поле для так называемой коммерческой, предпринимательской деятельности. Для русских беженцев не находилось ни жилья, ни работы, а вот для братьев с Кавказа русские власти распахнули двери. При советской власти были жесткие ограничения на прописку в Москве, а «демократические» городские власти при Юрии Лужкове стали открыто торговать правом жить в столице. Была установлена сумма, уплатив которую мигрант становился законным москвичом. Поскольку выходцы с Кавказа и из Средней Азии преимущественно занимались торговлей, они и стали обладателями первоначального капитала, который позволял им покупать квартиры, а затем и промышленные предприятия. В благоприятной среде беззакония сложились преступные кланы на национальной основе. Даже рядовой милиционер уверенно скажет, что подавляющее большинство криминальных авторитетов, называемых «ворами в законе», принадлежит к грузинской национальности. Памятна история крупного уголовного авторитета Отари Кантришвили, который вместе с братом и группой соотечественников создал преступную группировку, занимавшуюся вымогательством средств в крупных размерах с предпринимателей и коммерческих структур. Кончилось дело тем, что он пал жертвой — как и его брат — внутрибандитской борьбы.

Азербайджанская мафия оседлала в России в основном мелкооптовую и розничную торговлю, взяв под контроль практически все рынки Центральной России: продовольственные и

частью промышленные. Их засилье вызывало остро негативную реакцию со стороны населения и конкурирующих групп. Нередко города становились аренами жестких столкновений, сопровождавшихся насилием. Высокая степень внутренней организации помогает преступным сообществам выдерживать даже противостояние с властями. Известен случай, происшедший в Москве, когда на почве внутренних разборок был убит один торговец азербайджанской национальности. Проживающая в столице азербайджанская диаспора в считанные часы смогла мобилизовать своих соотечественников на демонстрацию протеста. Многотысячная компактная толпа двинулась по Комсомольскому проспекту к центру города, где путь ей преградили отряды ОМОНа. Только выдержка милицейских чинов предотвратила опасное развитие ситуации.

Выходцы из Ингушетии нашли себе в высшей степени прибыльное дело: скупку на местах добычи золота и драгоценных камней и перепродажу их в крупных городах России и за рубежом. Повязанные внутренней кровной круговой порукой, такие преступные группировки оказываются трудноуязвимыми для российских спецслужб. Арестованный с поличным уголовник наотрез отказывается сотрудничать со следствием, спокойно принимает любой приговор, будучи уверенным, что «общак» позаботится о его семье. Во всех поселках и городах — от Иркутска до небольших приисков — разбросаны опорные пункты и конспиративные квартиры преступников, которые никогда ранее не селились в этих достаточно суровых краях.

Чеченская диаспора работает в гостиничном секторе, владеет большой недвижимостью, проникла в страховое и банковское дело. Именно с ее помощью была проведена афера с фальшивыми авизо в начале 90-х годов, когда из московских банков перекачали в Чечню несколько сотен миллионов долларов в рублевом эквиваленте. Во время первой чеченской войны и после нее Россия выделяла крупные средства для восстановления и развития народного хозяйства многострадальной республики. Речь шла о 15—17 млрд рублей (в ценах 2000 г.), но все ка-

налы перекачки этих сумм были взяты под контроль преступными группировками, к которым были причастны чеченцы. Деньги практически в полном объеме исчезали, как дым в ясном небе. Существовал даже специальный «Кредо-банк», через филиалы которого, как полагали, шло финансирование восстановительных работ в Чечне. Но чиновники из федеральных структур, которые в те годы работали в Чечне, рассказывали мне, что как только становилось известным о поступлении крупных сумм в чеченские отделения «Кредо-банка», они с неизменным постоянством подвергались либо бомбардировкам, либо артобстрелам, что приводило к разрушениям, а главное, к уничтожению банковской документации и, естественно, исчезновению денег. Это повторялось до тех пор, пока центральный офис банка, расположенный в престижном здании в Леонтьевском переулке, не счел задачу выполненной и не прекратил свое существование.

Президент Б. Ельцин на прямой вопрос журналистов, куда же девались деньги, выделенные на восстановление Чечни, растерянно, но чистосердечно отвечал: «А черт их знает, куда они делись!»

Очень недалеко от истины находились люди, которые утверждали, что подавляющее большинство средств на финансирование и экипировку боевиков имело российское происхождение. Ни для кого не секрет, что все вооружение и боеприпасы, которые использовали террористы, были российского производства.

Большой резонанс получила в Москве история с захватом гостиницы «Рэдисон-Славянская» чеченской группировкой во главе с У. Джабраиловым, который считается одним из богатейших людей в России и даже позднее выставлял свою кандидатуру на пост президента РФ. Его имя в прессе тесно связывали с покушением на американского бизнесмена, претендовавшего на роль владельца гостиницы, убитого прямо в подземном переходе около станции метро «Киевская».

По данным МВД России, доля «лиц кавказской национальности» в числе правонарушителей значительно превышает их

процент в общем населении страны. Даже сам не очень благозвучный термин «лицо кавказской национальности» родился из частых словесных портретов, составлявшихся по свежим следам уголовных преступлений.

Миграция представителей периферии, лиц чаще всего мусульманского вероисповедания, отмечается и в европейских странах, но нигде она не проявляется с такой масштабностью и такой агрессивностью. Изменилось даже соотношение морально-нравственного потенциала русского народа и непрошеных гостей из национальных окраин. Русский человек стал чувствовать себя ущемленным, запуганным, подавленным агрессивным напором со стороны пришельцев, а те, в свою очередь, выставляют напоказ свое богатство, куражатся своей крутизной, каждодневно бросают вызов коренному населению. Это они безобразничают за рулем автомашин на дорогах, нагло пристают к русским женщинам, ни за что не уступят место в метро даже пожилым пассажирам. Они исчезают с улиц и даже базаров, лишь когда бывшие десантники празднуют день Воздушно-десантных войск или пограничники отмечают День пограничника. Да, вчерашние солдаты, хорошо помнящие свою службу в горячих точках на окраинах России, могут под горячую руку, да еще «под градусом», дать волю своим эмоциям. Поэтому все лица «крутой национальности» в такие дни отсиживаются по домам и дачам.

Вся Россия переживала трагедию Элеоноры Кондратюк, сочинской красавицы, избранной «Мисс Очарование-1998 г.», на которую положил глаз местный армянский бандит. Когда 18-летняя девушка отвергла домогательства скотоподобного амбала, он с помощью своих же земляков-уголовников организовал зверское покушение на нее, облив лицо серной кислотой, в результате чего она осталась навеки калекой и потеряла зрение. Сыщики разыскали и организатора, и исполнителя этого бесчеловечного преступления, они получили должное наказание, но ничто не может компенсировать загубленную жизнь русской красавицы. В суде разбирались лишь правовые аспекты дела, не было сказано ничего о морально-нравственной атмосфере во

взаимоотношениях между представителями разных национальностей, делающих возможными подобные преступления.

Все новые государства, возникшие на постсоветском пространстве, объявили себя национальными, где господствующей нацией является титульная. Русские везде ущемлены. Только одна Россия по-прежнему живет по законам социалистического интернационализма, где при правовом равенстве всех национальностей самый сочный кусок достается наиболее наглому, бесприципному, жестокому. Поэтому-то 85% российского бизнеса принадлежат сегодня лицам нерусской национальности. Не в этом ли секрет того, что топчется на месте производство, разваливается сельское хозяйство, а полноводная река долларов течет, не останавливаясь, за рубеж, в том числе и во вчерашние союзные республики. Чужим людям Россия всегда будет чужой.

Федеральная власть под предлогом защиты демократического права личности жить, где ей захочется, а на самом деле податливая на крупные взятки, постоянно потакает этому процессу. А. Солженицын в своей книге «Россия в обвале» пишет: «Типичный случай я встретил в Ставрополье. Изнемогающая от этого интернационального наплыва (и растущего против него напряжения) краевая Дума в начале 1994 года постановила: «Избыточное давление неуправляемого механического прироста населения от лиц, прибывающих в край из бывших республик СССР, часто — для криминальной экономической деятельности, приводит к ущемлению интересов коренного населения края в обеспечении жильем коммунальным, транспортным, медицинским обслуживанием и природными ресурсами. Российским же законодательством до сих пор не предусмотрен порядок въезда и пребывания иностранных (из СНГ) граждан и лиц без гражданства». И краевая Дума постановила ввести визовый режим, квотирование въезда этих иностранцев, а для принятых — установить семилетний ценз оседлости прежде удовлетворения их претензий на земельные участки и долю в приватизации.

Разумнейший оборонительный закон. Но: Главное Право-

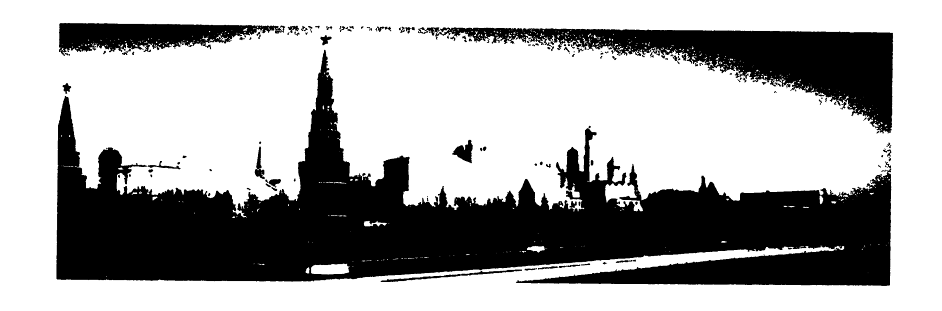
вое Управление при российском Президенте... наложило вето на этот краевой закон: «нарушаются права мигрантов», оскорбляется наша интернациональная честь».

Забегая чуть вперед, скажу, что в 2001 г. уже новый президент России В. В. Путин отдаст распоряжение Министерству по федеральной и миграционной политике подготовить законопроект, который бы регулировал миграционные потоки в Россию. Он предложит заложить в проект закона именно те положения, которые Ставропольская краевая Дума уже одобряла 7 лет назад. Я совсем не уверен, что президентский наказ будет выполнен министерскими чиновниками. Вся многомиллионная армия незаконных мигрантов навалится на тщедушное министерство своими деньгами, связями, угрозами, наконец, но не даст появиться на свет закону, защищающему права русских в своей родной земле — последнем пристанище, потому что отовсюду их уже вытеснили или ассимилировали.

Как-то в 1997 году, по случаю 80-й годовщины Октябрьской революции, меня пригласили на телепередачу, в ходе которой около десятка журналистов устроили мне перекрестный допрос. Задумка состояла в том, чтобы публично расклевать меня как личность, символизирующую прошлый период и связанную со многими революциями позднейшего времени. Среди прочих мне был задан вопрос: «Скажите, а вам не кажется странным, что вы, вчерашний яростный защитник интернационализма, превратились сейчас в столь же яростного националиста?» Я, не смутившись, ответил, что наши взгляды — это не окостеневшие «идеи фикс» душевнобольных людей, но категории, меняющиеся в соответствии с изменениями в мире и стране. Я был интернационалистом, когда мой народ — русские, признанный и уважаемый в качестве старшего брата другими народами, составлявшими СССР, вел борьбу за торжество своих идей во всем мире. Мы были великой державой, не замыкались в своем национально ограниченном пространстве и были готовы взять ответственность за устройство всего мира. Тогда, при тех целях и задачах, было естественно являться интернационалистом.

Теперь же, когда русский народ отчаянно борется за выживание, когда, по безумию своих руководителей, он оказался расчлененным, разоренным, деморализованным, подвергается нашествию иноплеменных мигрантов со всех сторон, я не могу не быть русским националистом. Но русский национализм тем и характерен, что не построен на ущемлении прав и свобод других народов. Он терпим и дружелюбен к другим этносам и верованиям. Наш национализм оборонителен и не агрессивен. Мы всегда готовы жить в добром соседстве, дружбе и согласии со всеми, кто принимает эти условия общежития, тем более когда речь идет о наших собственных землях, о нашей России.

Меня не перестает коробить воинствующая позиция некоторых граждан России нерусской национальности, которые, натужно извращая факты истории, пытаются возвеличивать заслуги или смягчать преступления своих этносов в прошлом. В Москве делались «научные» попытки некоторых историков доказать, что, мол, никогда не было Куликовской битвы, как не было и татаро-монгольского ига, что Московское государство было создано Золотой Ордой и т. п. Подобная чушь способна лишь бередить старые раны, возбуждать нездоровые националистические чувства и работать на врагов России.



КОМАНДА МОЛОДЫХ РЕФОРМАТОРОВ — ПУСТАЯ ОРЕХОВАЯ СКОРЛУПА

1997 год начинался для России хмуро и безрадостно, как тяжелое пробуждение после попойки. Все мои знакомые, кто яростно защищал демократию и реформы, обычно сводили в конце-концов свои аргументы к тому, что, по крайней мере, в стране существует свобода слова, выросшая из перестроечной гласности, что теперь можно честно и откровенно говорить о наболевших проблемах страны. На это я резко отвечал: «Какая же это свобода слова, когда все политики и журналисты в едином порыве обманули в 1996 году всю Россию, подсунув ей на второй срок беспомощного, тяжелобольного, с сильной алкогольной зависимостью президента? Такому преднамеренному и преступно ориентированному надувательству нет оправдания!».

Россия заслуживала позорного места в Книге рекордов Гиннесса по числу чиновников самого высшего ранга, которые были либо под следствием, либо в бегах, спасаясь от обвинения в коррупции. В Польше скрывался Сергей Станкевич — бывший заместитель мэра Москвы, а затем политический советник президента России. Он брал взятки за продажу права на органи-

зацию концертов на Красной площади. С февраля 1996 г. находился под арестом по обвинению в коррупции и. о. Генерального прокурора Российской Федерации Алексей Ильюшенко. Олег Лобов — заместитель премьер-министра, один из самых близких к Б. Ельцину людей, готовивший в августе 1991 г. «резервный» центр сопротивления ГКЧП в Екатеринбурге, оказался замешанным в коррупции: за несколько миллионов долларов он оказывал содействие японской террористической организации «Аум сенрике» в приобретении недвижимости в Москве; заместитель министра обороны генерал-полковник Матвей Бурлаков в самые воровские годы — 1990–1994 гг. — был главнокомандующим Западной группой войск (в Германии), а затем уполномоченным Правительства РФ по Западной группе войск. При нем хищения армейского имущества носили характер эпидемии. Знакомый офицер из охраны Б. Ельцина рассказывал мне, что во время одного из приездов президента России в Германию М. Бурлаков попросил перевода в Россию на пост замминистра обороны. Б. Ельцин полусерьезно-полушутя сказал: «Вот если ты меня на руках донесешь вон до той сосны, тогда назначу!» Не успел он закрыть рот, как Матвей Бурлаков подхватил тяжеленного президента и поволок, изнемогая от натуги, к указанной сосне. Хохот, крики «давай, давай!» помогли неслабому генерал-полковнику одолеть дистанцию метров в пятьдесят и влезть в кабинет замминистра. Но обвинения в его адрес были столь тяжелыми, что он не задержался там на долгое время и предпочел уйти в отставку, дабы не раздражать думцев и прессу. Уволенного в запас Павла Грачева, министра обороны, общественность так и кликала Паша-Мерседес. Константин Кобец — генерал армии, занимавший посты министра обороны РСФСР (при Б. Ельцине), государственного советника РФ по обороне, — снискал себе позорную славу, присвоив крупную недвижимость из имущества Министерства обороны. В аферу втянул и своего сына. Все это кончилось его увольнением из рядов вооруженных сил в мае 1997 г.

Нескончаем был бы список разложившихся и потерявших честь и совесть людей, занимавших при Б. Ельцине самые высокие посты в его окружении и в Правительстве РФ.

Нельзя сказать, что глава государства не видел этого или не понимал происходившего. Временами он сам был в отчаянии от того, что сотворил с Россией, он отчаянно искал такую комбинацию людей, которые могли бы обновить правительственную команду, двинуть вперед экономику, реформы и при этом не усилить социальное напряжение. Уверовав в эффективность Анатолия Чубайса, он решил сделать его «коренником» в правительственной упряжке. В начале марта 1997 г. А. Чубайс был назначен первым вице-премьером российского правительства, чтобы расшевеливать и подгонять медлительного тугодума Черномырдина. На помощь ему с его подачи и по его рекомендации было решено пригласить в Москву на пост первого вице-премьера нижегородского губернатора Бориса Немцова, из которого давно лепили образ «маяка строительства капитализма», создавая ему тепличные условия для формирования образцово-показательной рыночной экономики в одной отдельно взятой губернии.

Он уже семь лет управлял Нижегородской областью, сначала как назначенный Б. Ельциным наместник, а с 1995 г. как избранный народом губернатор. Ему одному из немногих и первых было предоставлено право выходить на международные финансовые рынки со своими собственными ценными бумагами — евробонами. Центральный банк России предоставил ему заем в 18 млн долларов для поднятия областной промышленности, но эти деньги были переданы скандальному предпринимателю Андрею Климентьеву, который распорядился ими «не по назначению», за что был впоследствии арестован и осужден. К Немцову в Нижний Новгород приезжал на несколько месяцев строить витрину капитализма Григорий Явлинский. И хотя все реальные показатели экономики области были печальными, пресса, тем не менее, не переставала трубить о нем, как о чуде.

Он, например, в конце чеченской войны начал кампанию по сбору миллиона подписей в пользу окончания войны, чутко уловив направление ветра в обществе. Производил впечатление открытого рубахи-парня, бойкого на язык, обещавшего не лгать, не брать взяток и т. п. В ту пору этого 37-летнего напористого, даже хамоватого кудрявого парня стали рассматривать как возможного претендента на пост президента.

Он отчаянно набивал себе цену, отказываясь ехать в Москву, и даже выдвигал условием своего согласия оставление его еще в течение двух лет на губернаторском посту. Президенту пришлось послать в Нижний Новгород свою дочь Татьяну Дьяченко, чтобы окончательно уговорить нового кронпринца приехать спасать Россию. Теперь хозяин Кремля все настойчивее думал о преемнике.

Назначение Б. Немцова первым вице-премьером укрепило команду чубайсовских единомышленников. В те дни в прессе сообщалось, что в разговоре с ним Б. Ельцин, делясь впечатлениями о тотальной продажности госчиновников, произнес слова: «Только мы с тобой, тезка, честными и остались!»

Освободившееся место главы президентской администрации занял Валентин Юмашев, в прошлом серенький журналист «Московского комсомольца» и «Комсомольской правды», в 1991–1996 гг. заместитель главного редактора журнала «Огонек». Он был приглашен в ближайшее окружение Б. Ельцина, когда президенту понадобилось писать свои книги «Исповедь на заданную тему», «Записки президента», «Президентский марафон». Юмашев стал его «литературным редактором», а по сути писал по заданным параметрам эти книги. На несколько лет он в тандеме с Татьяной Дьяченко составили дуэт, имевший наибольшее влияние на президента в силу неограниченного доступа в его покои — служебные или семейные.

В правительство был приглашен и мэр Самары Олег Сысуев, который занял пост вице-премьера по социальным вопросам. На такой же пост был назначен Альфред Кох, давнишний соратник А. Чубайса по приватизационной эпопее. Из

«ЯБЛОКА» ушел Михаил Задорнов, соблазненный предложенным ему постом министра финансов. Одним словом, правительство было полностью перекроено, обновлено по желанию А. Чубайса и стало называться «команда молодых реформаторов» (КМР). Ну, казалось, теперь с продуктивной реформаторской деятельности сняты все тормоза. Во всяком случае, ничто не мешало им проявить свои творческие способности, если они были. Кое-что было сделано, но столь мелкое и жалкое, что говорить об этом как об ожидавшемся прорыве в будущее не приходится. Борис Немцов отметился только такими «достижениями», как попытка пересадить всех государственных чиновников на «Волги» с иномарок, которыми пользовались все без исключения ответственные лица. Сама инициатива заслуживает безусловного одобрения, как и вообще политика ориентации потребления страны на продукцию собственного производства, но он не учел глубины и масштабов «озападнивания» нашего госаппарата, компрадорского духа и преклонения перед всем иностранным. Президент Б. Ельцин, вначале поддержавший почин Немцова, сам пересел с привычного бронированного «Мерседеса» на родной «ЗИЛ», но вскоре отказался от утомительной игры в патриотизм и вернулся в «Мерседес». Пронесшийся шквал саркастических, язвительных уколов в адрес Немцова привел к тому, что операция по пересадке чиновников на «Волги» захлебнулась и осталась в истории нашего головотяпства.

В России была проведена деноминация рубля, когда с банкнот убрали три нуля, т. е. стоимость рубля была как бы укрупнена в тысячу раз. Это чисто формальная мера, она не повлияла ни на уровень цен, ни на размеры зарплат. Даже купюры с новыми цифрами оставались во всем остальном облике прежними. Просто государство не могло совладать с громоздкими цифрами в финансовой документации, когда счет шел на триллионы и более в результате необузданной инфляции.

Были введены конкурсы по размещению государственных заказов, закупке продукции для государственных нужд. Если до

сих пор поставщики продукции для государственных организаций определялись просто по приятельским или родственным связям, то теперь формально должен был проводиться конкурс, т. е. вводились элементы конкуренции. Сейчас приходится удивляться, почему эта система не была введена сразу же после ликвидации прежних централизованных поставок. Для такой реформы не понадобилось ни кропотливой подготовки, ни особых усилий. Кстати, и сопротивления не было никакого.

Еще меньшее значение для общества имело упразднение института «уполномоченных» банков. Прежде были банки, которые пользовались особыми привилегиями при работе с бюджетными средствами: сбор всевозможных платежей и налогов, размещение и хранение средств государственных организаций, ведомств и структур и т. п. В порядке компенсации за эти особые привилегии «уполномоченные» банки должны были в первую очередь откликаться на просьбы правительства о покупке Государственных краткосрочных облигаций и облигаций федерального займа (ГКО-ОФЗ), т. е. о кредитовании правительства.

Была ликвидирована система спецэкспортеров нефти, при которой юридические или даже физические лица, не имевшие никакого отношения к добыче и транспортировке нефти и ее переработке, получали за счет своих связей в кремлевских верхах право на экспорт — разовое или многократное — определенных квот нефти из государственных ресурсов.

На большее у «команды молодых реформаторов» ума не хватило. Приехавшие в Москву свежие силы «реформаторов» с завистью видели, какую приличную частную собственность успели сколотить себе их старшие предшественники на государственной работе. Роскошные квартиры в домах специальной постройки, стоившие по нескольку миллионов долларов, шикарные собственные особняки в престижных районах Подмосковья, гаражи, полные иномарок, счета в иностранных банках. По сравнению с ними прежние члены Политбюро были жалки-

ми бомжами, прозябавшими в казенных дачах на время, отведенное им до пенсии. О борьбе с привилегиями было забыто прочно и надолго.

Самое первое знакомство с реальным положением дел в государстве убеждало «молодых реформаторов» в полной бесперспективности что-либо исправить в ситуации и подталкивало на простейшее решение: урвать для себя, а там хоть трава не расти. Обстановка всеобщего воровства и рвачества захватила и их. Любопытной иллюстрацией к сказанному была отставка в апреле 1997 г. главного мытаря России (сборщика налогов) Виталия Артюхова, который в последнем интервью перед уходом с должности сказал: «Меня все время упрекают в правительстве в том, что я плохо собираю налоги, и в то же время мне вяжут руки, чтобы я не делал того, что от меня требуют». У президента и правительства не было ни желания, ни политической воли, чтобы навести финансовую дисциплину в стране. Артюхов утверждал, что все крупнейшие неплательщики налогов известны поименно, их не надо искать, они никуда не скрываются, но влияние и связи спасают их от уплаты налогов. В качестве главных нарушителей законов он назвал 83 крупнейшие компании, каждая из которых задолжала более чем по 100 млрд рублей в качестве налогов. Другая группа компаний, числом около 2 тысяч, имела задолженность не менее 3 млрд рублей каждая. Более миллиона теневых предпринимателей в торговле, сфере услуг, строительстве и на транспорте вообще не встали на налоговый учет и не платили никаких налогов. В Уголовном кодексе России неуплата налогов не квалифицировалась как преступление, независимо от величины недоимки и злостности намерений неплательщика.

По нашему уголовному законодательству, как бы роскошно вы ни жили, как бы ни сорили деньгами, вы всегда оказывались чисты перед законом. Не надо было доказывать происхождение бешеных денег. Тот же злополучный мытарь Артюхов признавался, что имеется список льгот и освобождений от налогообло-

жения, который занимает 10 страниц убористого текста. Ни представители правительства, ни велеречивые ораторы от оппозиции не сделали ни одной серьезной попытки исправить эти прорехи отечественного законодательства. Как раз наоборот: был принят закон, в соответствии с которым лицо, купившее себе квартиру или построившее другое жилье (коттедж), имело право исключить из налогооблагаемой суммы своих доходов 5000 минимальных зарплат, т. е. где-то 80—100 тыс. долларов. После принятия этого закона пошли плодиться в Подмосковье шикарные поселки особняков, в основном пустующие все время, так как их хозяева предпочитают проводить отпуска за рубежом, где у них нередко имеются резервные резиденции на всякий случай.

Растущие расходы государства требовали новых и новых источников доходов, а владельцы компаний, банков, торговли отказывались давать деньги. Они считали, что вложили более чем достаточно в избирательную кампанию президента, а теперь имеют законное право победителей на трофеи. Жертвой, как всегда бывает в таких случаях, стал простой народ. Правительство выдвинуло две программы «законного отбора денег у населения»: первая называлась — реформа жилищно-коммунального хозяйства, при которой должны было быстро и неуклонно повышаться тарифы на газ, электричество, водоснабжение, вывозку мусора и т. д. Обоснование было примитивно простым: при советской власти, дескать, государство несло часть расходов по содержанию жилищно-коммунального хозяйства, изымая необходимые для этого средства из доходов предприятий, т. е. из доходов самих трудящихся. Теперь государство снимало с себя всякую заботу о коммунальном хозяйстве, но даже не обмолвилось, что оно готово увеличить ради этого размер зарплаты на ту величину, которая раньше изымалась советской властью. Таким незатейливым приемом при сохранении нищенских уровней заработной платы стали резко ползти вверх доходы казны от жилищно-коммунальных платежей.

Второй программой стало так называемое реформирование социальной сферы. Граждане России уже выработали условный рефлекс: как только они слышат слово «реформа», то сразу хватаются за карман. И правильно делают. Правительство стало убеждать население, что раньше социальная помощь оказывалась всем «без разбору», а вот теперь вводится новый порядок так называемой «адресной помощи». Здесь вообще нет никакой хитрости: речь шла о простом сокращении категорий граждан, которым в той или иной форме оказывалась государственная (социальная) помощь.

В «своих» мемуарах Б. Ельцин сетует, что эти реформы встретили непреклонное сопротивление в Государственной думе, так как для их осуществления требовалось внести изменения в существующие законы, но это пустая отговорка. Обе реформы заработали, как соковыжималки, боль от которых почувствовала каждая семья, живущая на зарплаты, а не прибыли.

На самом верху, в правительстве, сразу же началась грызня из-за полномочий, дележка сфер влияния. Почти каждый член «команды молодых реформаторов» оказался связанным финансовой пуповиной с тем или иным олигархическим кланом, интересы которого он лоббировал в Белом доме. Шел неудержимый процесс «олигархизации» государства. Авторитет президента, искусственно надутый в период предвыборной кампании, так же быстро испарился. Теперь, когда все его ближайшие помощники и сотрудники по первой администрации обзавелись крепким материальным тылом, они и сами стали смотреть на Ельцина совсем другими глазами, он перестал быть демиургом их благополучия и счастья. Его гнев не пугал вчерашних безответных шестерок. Для высокопоставленных чиновников было важнее иметь хорошие отношения с Березовским, Гусинским, Потаниным и т. д. Содержание, которое они получали от них, во много раз превышало чиновничьи зарплаты. Служить им, а не государству стало выгоднее во всех отношениях.

Прежде неуязвимый, почти обожествляемый руководитель радикал-демократов Анатолий Чубайс — вдохновитель и орга-

низатор «команды молодых реформаторов» — в 1997 г. внезапно оказался в эпицентре информационной войны компроматов, которая развернулась в связи с ангажированностью его в приватизационных процессах. Сначала в печати появились неопровержимые данные о том, что А. Чубайс уклоняется от уплаты налогов на свои сверхвысокие доходы. Были опубликованы номера его счетов и суммы накопленных денег. Деваться было некуда. И тогда, обычно холодный и наглый, Чубайс вынужден был признать, что за то время, когда он не находился на государственной службе (т. е. за каких-то шесть месяцев), он успел заработать крупные суммы. Чубайс согласился заплатить громадную по тем временам сумму — более чем 500 млн рублей — в качестве налога на доход. Ему пришлось вилять, как головастику, хвостом, чтобы выплыть в этой ситуации. Он уверял, что уплатил налоги раньше, чем обо всем поведала пресса, но так и не рассказал об истинных источниках своих доходов. Миф о чистоплотности этого государственного мужа был взорван.

Прошло немного времени, и разразился новый, куда более громкий скандал, связанный опять с А. Чубайсом. Выяснилось, что он и его подручные тайно содействовали крупному банкиру В. Потанину, владельцу ОНЭКСИМбанка в приобретении крупного пакета акций государственной корпорации «Связьинвест», на который давно и активно претендовал также банкир и телемагнат Владимир Гусинский. Теперь В. Гусинский живет в Испании, скрываясь от российского правосудия за мошенничество, выразившееся в присвоении 100 млн долларов и отмывании этих средств. А тогда он вел крупную игру, пытаясь создать с привлечением иностранного капитала мощную современную компанию по производству и обслуживанию средств связи и телекоммуникаций. Он вел переговоры с представителями государственных структур (ФСБ, ФАПСИ, Минобороны), чтобы военные частоты перевести на гражданские нужды и т. д. Борьба олигархов за «Связьинвест» превратилась чуть ли не в судьбоносное сражение за будущее России. Претенденты поливали друг друга грязью, развернули широкую разведывательную ра-

боту по сбору компрометирующих сведений друг о друге. На кон были поставлены не только конкретные деловые соображения, но и самолюбие олигархов. В таких условиях выигрыш аукциона на «Связьинвест» В. Потаниным 25 июля 1997 г. привел к взрыву. Вскоре в прессе появились неопровержимые свидетельства того, что издательство «Вагриус» заплатило группе авторов во главе с А. Чубайсом (Бойко, Мостовой и Казаков — в то время первый заместитель руководителя президентской администрации) по 90 тысяч долларов в качестве гонорара за ненаписанную книгу о приватизации в России. Журналисты мертвой хваткой вцепились во всех фигурантов этой грязной истории. Выяснилось, что никто, никогда и нигде в мире не получал таких гонораров за несуществующую работу. Более того, руководство издательства «Вагриус» не могло вразумительно объяснить, из каких средств оно собиралось заплатить такую немыслимую цену за виртуальный товар, который не мог быть положен даже на прилавок. В прессе публично обвинили А. Чубайса и его подельников в получении взятки от ОНЭКСИМбанка.

Пойманный за руку, А. Чубайс даже послал личное письмо президенту страны с объяснением случившегося. По привычке он хорохорился и утверждал, что размеры гонорара — это сугубо договорное дело между авторами и издательством, что книжка, дескать, вполне реальная, но, тем не менее, взял на себя моральную ответственность за случившееся. Добавим, что книжка действительно была написана, но значительно позже, в 1999 г., как бы в оправдание тех заверений, которые он давал президенту.

В своих мемуарах Б. Ельцин не в силах скрыть, что «книжный скандал» оказался тяжелейшим ударом и для него лично, и для российского правительства. «Команда молодых реформаторов» на поверку оказалась пустой ореховой скорлупой.

Весь 1997 год Б. Ельцина преследовали неудачи. Когда он весной шел на формирование правительства молодых реформаторов, то рассчитывал, что сможет убить сразу трех зайцев. Во-первых, успокоить нараставший ропот низов, главным лозун-

гом которых был «Правительство в отставку!». На 27 марта 1997 года готовилось массовое выступление протеста трудящихся. Из 45 млн членов профсоюзов 7 млн были готовы пойти на забастовку, еще 20 млн выражали желание поддержать своих товарищей митингами на рабочих местах. Виктор Ампилов — радикально настроенный лидер «Трудовой России» — призывал к превращению стачки во всенародное восстание. С великим трудом и с помощью коррумпированного руководства официальных профсоюзов удалось сорвать согласованное выступление и нейтрализовать угрозу. Отставка прежнего состава правительства сыграла в этом деле свою роль. «Вы хотели новое правительство — вы его получили».

Во-вторых, 27 марта в Хельсинки должна была состояться очередная встреча с Клинтоном, хорошо осведомленным о состоянии здоровья Б. Ельцина и согласившимся приехать в самый близкий к России западный столичный город, чтобы не утомлять своего коллегу. У Клинтона была одна сверхзадача для этой встречи: добиться от России если не согласия, то непротивления расширению НАТО на восток, поскольку шел процесс рассмотрения просьб Польши, Чехии и Венгрии о приеме их в Североатлантический пакт. Если отбросить весь словесный гарнир, то окажется, что по главному вопросу Б. Ельцин полностью сдал свои позиции. Он подписал Заявление по вопросам европейской безопасности, в котором признал право каждой европейской страны самостоятельно выбирать средства для обеспечения своей безопасности. В этих словах заключено согласие России на расширение НАТО. Сколько бы потом ни возмущались депутаты Государственной думы, члены Совета Федерации, журналисты и отдельные дипломаты планами продвижения НАТО на восток, все это оставалось пустым сотрясением воздуха.

Западные страны решили поощрить Россию за столь великодушное согласие на расширение блока НАТО, не ограниченное никакими списками стран и никакими сроками. России

было предложено заключить некое соглашение, которое бы регулировало в самой общей форме отношения между Североатлантическим пактом и Россией. Западники первоначально хотели назвать этот документ словом «Хартия» — необычным в дипломатической практике, — чтобы в нем было побольше декларативности и поменьше конкретности. Российское Министерство иностранных дел, в котором с 1996 г. кабинет министра занимал академик Евгений Примаков, до этого руководивший в течение почти шести лет внешней разведкой, отчаянно боролось за то, чтобы предложенный документ был нормальным договором, с конкретизацией прав и обязательств каждой стороны — источником международного права. Но Запад, уже давно привыкший к податливости России и понимавший, что деваться ей некуда, все-таки настоял на своей, хотя и измененной версии.

27 мая 1997 г. в Париже с шумной помпой был подписан документ, названный «Основополагающий акт об отношениях между Россией и НАТО». Подписи под ним поставили Б. Ельцин, генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана, а также 16 глав государств и правительств стран — членов НАТО. Когда в России стало известно содержание этого «акта», в прессе и публичной политике вспыхнула острая дискуссия по поводу его реальной ценности для государства. С одной стороны было очевидно, что речь шла о капитуляции, ибо Россия поставила свою подпись под согласием остаться на обозримое время за рамками интегрирующейся Европы, в зоне «военно-политического карантина». Сохранялось деление Европы, Россия оставалась за порогом общеевропейского дома. Да, Россия получала право открыть свое представительство при штаб-квартире НАТО в Брюсселе для решения информационно-консультативных задач. Учреждался Совместный постоянный совет, в рамках которого предусматривалось проводить взаимные консультации, но, как показала последующая жизнь, западники вовсе не собирались придавать этим консультациям обязательный характер.

Когда они вскоре решили подвергнуть бомбардировкам Югославию, а потом направить туда свои войска, то не сочли нужным проконсультироваться с Россией, а уж тем более прислушаться к ее мнению, хотя речь шла о начале военных действий блока НАТО на территории Европы.

Даже в момент подписания этого документа специалистам было ясно, что «Основополагающий акт...» не являлся юридически обязывающим, как того добивалась Россия в ходе переговоров. Он не подлежал обязательной ратификации в законодательных органах стран-подписантов и стал всего лишь неким протоколом о намерениях, а не краеугольным камнем новой политической системы, венчающей конец «холодной войны».

Чтобы хоть как-то спасти свое лицо, российские дипломаты уже на первом этапе сделали заявление, что если в НАТО будут приняты хотя бы некоторые бывшие советские республики, то Россия окажется вынужденной пересмотреть свои отношения с блоком. Вряд ли эта оговорка окажет какое-либо воздействие на практические действия западных держав в будущем.

Е. Примаков пытался включить в текст «Акта» хотя бы минимальные ограничения по уровню вооружений, чтобы ослабить российские озабоченности в связи с очевидным многократным превосходством НАТО. Он ставил вопрос об ограничении хотя бы броневого кулака НАТО цифрой в 20 тыс. танков, но западники стояли намертво: «Никакой конкретики!». Обсуждался вопрос о запрете ввода вооруженных сил НАТО на территории тех государств, которые будут вновь приняты в состав этого блока. Видя, что обсуждение заходит в тупик, Россия предложила ограничить контингент вводимых войск численностью одной бригады, но и здесь все шестнадцать натовских стран стояли бетонной стеной против России.

Российская дипломатия сделала все возможное. Ее упорство и профессионализм стали даже раздражать натовцев, о чем свидетельствовали появившиеся в прозападных российских газетах статьи, направленные против лично Е. Примакова, которого обвиняли в излишней жесткости, консерватизме и даже

предрекали ему скорую отставку. Но государство, которое сделало самому себе харакири от отчаяния и неумения управиться со своими проблемами, не могло рассчитывать на большее. За нами уже не было ни экономической, ни военной, ни морально-нравственной силы.

США и их союзники по НАТО сохранили созданный ими же в годы «холодной войны» «железный занавес», но открыли в нем систему окошечек, через которые можно проводить определенные консультации.

Никакого другого пути у России не оставалось. Нельзя было становиться в позу или делать ставку на силовые маневры. Это было бы недостойным и неэффективным блефом. Надо жить по пословице: «По одежке протягивают и ножки».

У России всегда был и оставался единственный адекватный вариант ответа на угрожающее расширение НАТО. Он заключался в максимальной интеграции с Белоруссией, в создании единого унитарного государства. Но возможность использования этого шанса пока остается под вопросом.

В течение всего 1997 г. быстро ухудшалось положение в Чечне и на всем Северном Кавказе. Здесь испытывалась крепость другого документа — Хасавюртского соглашения, подписанного после первой чеченской войны. Используя его расплывчатость и желеобразность, лидеры чеченских боевиков стали быстро политически оформлять свою военную победу над Российскими вооруженными силами. 27 января 1997 г. были проведены выборы президента Чечни и парламента. Они проходили в обстановке необычайного ажиотажа со стороны представителей средств массовой информации. В мятежную республику приехали 227 международных наблюдателей, более 300 журналистов, одна телекомпания НТВ направила в Грозный четыре съемочных группы. Ничего подобного никогда не наблюдалось при выборах глав администраций в куда более крупных краях и областях России (Ставрополье, Краснодарский край и др.). Речь шла, по существу, о легитимизации нового независимого государства. Надо было доказать всему свету, что выборы в

Чечне проведены честно, открыто. Аслан Масхадов — бывший полковник Советской армии, который с самого начала войны входил в высшее звено чеченского военного руководства и был главой штаба вооруженных сил, всегда считался наиболее умеренным, трезво мыслящим руководителем, и казалось, его избрание может привести к миру на Северном Кавказе. Но ни в тот момент, ни позже никто не мог утверждать, что власть Масхадова является достаточной гарантией решения проблем. Чечня не тот регион, где может произрастать демократия в общепринятом понимании. В дни выборов, например, выступил публично зять покойного Дудаева Салман Радуев — один из известных полевых командиров, присвоивший себе «генеральское» звание. Он сказал, что объявляет войну России и будет вести операции по всему Северному Кавказу и при этом никакая чеченская власть не сможет помешать ему в этом.

Стала четко вырисовываться проблема выплаты Россией контрибуции за те разрушения, которые были вызваны военными действиями. Общая стоимость восстановительных работ, по оценке специально созданной правительственной комиссии, должна была превысить 4 млрд долларов. Россия взяла на себя обязанность выплачивать все социальные пособия и пенсии гражданам на территории Чеченской республики. Для этого уже в бюджете 1997 г. было предусмотрено выделить 1 млрд 27 млн деноминированных рублей. При этом даже не было и речи о сборе каких-либо российских налогов в Чечне, хотя там работало более 800 нефтяных скважин с годовой добычей около 1,5 млн тонн. Чеченская сторона настаивала на том, чтобы Россия приняла на лечение или оплатила его всем пострадавшим в ходе боевых действий.

Все дела по урегулированию отношений с Чечней были поручены Ивану Рыбкину — одной из самых бесцветных личностей в окружении Б. Ельцина, — которого даже его друзья называли «улыбающейся посредственностью».

Он получил скандальную известность, когда, посетив США в качестве председателя Государственной думы (он занимал

этот пост с 1994 по 1996 год), загрузил личный самолет мебельными гарнитурами и отказался взять на борт груз медикаментов, который посылали русским детям американские благотворительные организации. В прошлом секретарь провинциального обкома КПСС, он отличался невероятной политической наивностью, за что я постоянно называл его в передачах «Ваней Рыбкиным» и получал протесты от его помощников. Выступления Рыбкина по телевидению состояли из обкатанных слов и словосочетаний, которые не оставляли информационного следа в сознании зрителей, они ускользали из памяти, как лягушачья икра с ладони. Переговоры с Чечней он вел в обстановке секретности, которые едва-едва прикрывали беспомощность российской стороны.

Его деятельность в этом процессе знаменовалась только изобретением нового термина для Чечни: «самоуправляющееся государство на территории России».

Пока шли вялотекущие переговоры, чеченские боевики наращивали силовое давление на российские власти. Начались частые похищения военнослужащих и милиционеров в пограничных с Чечней субъектах Российской Федерации, наших военных снимали с автобусов и железнодорожных поездов, проходивших транзитом через территорию Чеченской республики. Один за другим следовали террористические акты в виде взрывов в местах скопления людей. Пятигорск стал одной из излюбленных мишеней террористов.

Российское руководство все больше поддавалось панике. Когда в конце мая 1997 г. в Москву приехала чеченская делегация во главе с вице-премьером Мовлади Удуговым и настойчиво поставила вопрос о выплате военной контрибуции (вместо этих слов, разумеется, говорилось о восстановлении чеченской экономики, коммунального хозяйства и т. п.), то административный «гений» А. Чубайс придумал даже такой ход: чеченцам взыскать средства с тех регионов и стран — членов СНГ, которые задолжали России и не хотели платить. Сама Россия в это время занималась секвестрированием, т. е. урезанием собственного бюджета из-за невозможности его наполнения.

В начале июня в Кисловодске было созвано совещание глав кавказских республик, областей и краев, чтобы обсудить вопросы безопасности в регионе. Там чеченская делегация заняла уже наступательную позицию. Она предложила создать Организацию по безопасности и сотрудничеству на Северном Кавказе (по образцу ОБСЕ), но центр и руководящие органы разместить в Тбилиси. Грузия вообще была объявлена чеченскими лидерами своим «главным стратегическим партнером». Постоянный контакт с Э. Шеварднадзе поддерживал помощник чеченского президента по вопросам национальной безопасности Ахмед Закаев.

На переговорах по организации транспортировки нефти из Каспийского региона к черноморским портам Чечня вела себя с Россией как суверенное государство. Руководитель созданной в Грозном Южной нефтяной компании Хож-Ахмед Яриханов потребовал, чтобы Чечня стала самостоятельным членом Каспийского нефтяного консорциума, приравненным к субъекту международного права. Он настаивал на том, чтобы цена за прокачку тонны нефти через чеченский участок была значительно выше общероссийской, чтобы Россия не пыталась изолировать чеченский нефтекомплекс и не развивала дублирующих производств. Практически речь шла о том, чтобы Россия не вздумала строить обходной нефтепровод, минующий Чечню, а также отказалась от производства авиационных масел, которое до 1991 г. в основном было сосредоточено на Грозненском нефтеперерабатывающем заводе. В случае непринятия чеченских условий Россия могла оказаться под угрозой совершения диверсионных актов на нефтепроводах и других объектах нефтехимического комплекса.

22 августа 1997 г. в Грозном собрались представители 35 исламских партий и движений Северного Кавказа, которые приняли решение о создании так называемого Конгресса «Исламская нация». Его руководителем был избран первый вице-премьер чеченского правительства Мовлади Удугов. Конгресс сразу провозгласил постулат, в соответствии с которым «Чечня

и Дагестан впервые со времен Шамиля объединяются в одно государство». Это уже была политическая заявка на установление господства Чечни на всем Северном Кавказе. Не иначе как в шутку Генеральная ассамблея непредставленных народов, действующая в Гааге, в которую входят все самопровозглашенные, но не признанные государства вроде Турецкой республики Северного Кипра, выдвинула кандидатуры Б. Ельцина и А. Масхадова на Нобелевскую премию мира.

Растерянное российское руководство реагировало на все это лишь созывом очередных бесплодных совещаний. В начале сентября в Пятигорске была созвана громоздкая конференция, названная координационным совещанием по проблемам безопасности. На нее прибыли два вице-премьера российского правительства — А. Кулиев и Р. Абдулатипов — с большой свитой ответственных лиц из администрации президента, Федерального собрания, Совета безопасности, Генпрокуратуры, Минобороны, МВД, ФСБ, Федеральной погранслужбы, Верховного суда, высшие должностные лица республик, краев и областей Северного Кавказа. Была приглашена и Чечня, но на этот раз она вообще отказалась приехать, считая себя суверенной. В моих дневниковых записях тех дней дана характеристика этого совещания: «Без Чечни это собрание похоже на совещание мышей, которые обсуждали вопрос, как бороться с котом; кто повесит, как в басне, ему колокольчик на хвост, чтобы мыши знали, когда он выходит на охоту. Мыши разговаривали почти нормальным языком существ, наконец-то адекватно оценивающих опасность. Оценки обстановки были даны ясные... но совещание окончилось провалом, как всегда у мышей. Не было принято ни одного итогового документа. Даже заранее подготовленное «Обращение к народам Северного Кавказа» не было принято. В документ было внесено 120 (!) поправок и дополнений, в результате чего сначала был взят тайм-аут в 10 дней, а потом все разъехались и забыли, для чего собирались».

Отлично сознавая беспомощность российского руководства, чеченцы просто куражились над нашими незадачливыми

политиками. На 6 сентября 1997 г. они наметили пышно отметить 6-ю годовщину своей независимости и пригласили туда весь белый свет. Примечательно, что такие приглашения были направлены также Б. Ельцину, Е. Строеву и Г. Селезневу. Ясно, что они не могли туда ехать. Но как поступить с другими иностранными гостями, которые приняли приглашения и должны были следовать через территорию России и получать российские въездные визы? Кремль запутался в собственных штанах и не знал, давать или не давать визы. МИД кивал на Ивана Рыбкина, как особо уполномоченного по чеченским делам, а Рыбкин отсылал всех в МИД, которому положено решать консульские вопросы. В результате гости ехали через Грузию, Азербайджан, а Россия молча переживала свой позор.

Чтобы подчеркнуть независимость от российских законов, чеченцы демонстративно проводили публичные казни на городских площадях, в то время как Россия старательно демонстрировала Европе свою цивилизованность, хотя бы в виде отказа от смертной казни.

Европейские послы в Москве не знали, к кому обращаться по поводу судьбы своих пропавших в Чечне граждан, стучались в двери к И. Рыбкину, а тот только разводил руками и обещал помочь, а помощь заключалась лишь в передаче европейских озабоченностей тому же Аслану Масхадову.

Не проходило и дня, чтобы средства массовой информации не сообщали о новых захватах военнослужащих и гражданских лиц чеченскими боевиками, об угонах скота, грабежах транспортных средств, захвате сельхозтехники. Похищенных людей либо освобождали за выкуп, либо обменивали на арестованных чеченских боевиков и криминальных авторитетов. Работорговля стала самой развитой и процветающей промышленностью Чечни.

Одновременно процветал террор внутри самой Чечни. Любой гражданин, заподозренный в сотрудничестве с федеральными властями, независимо от национальной принадлежности, бесследно исчезал. По данным, приведенным в 2001 г., членом

Совета Федерации от Чечни А. Завгаевым, в период между двумя чеченскими войнами (1996–1999 гг.) пропало без вести более 5 тысяч чеченцев.

Хасавюртский мир на практике оказался хуже всякой войны, потому что боевики и не думали прекращать свои террористические и диверсионные акты. Чеченская катастрофа надломила и ее главного автора — президента России Б. Ельцина. В 1997 г. исполнялось 10 лет его публичной политической деятельности. Отсчет шел от памятного заседания Политбюро ЦК КПСС в ноябре 1987 г., когда готовились торжественно отметить 70-летие советской власти, а у Ельцина вдруг, по его собственному признанию, поднялась как бы против воли рука, и он попросил слова, чтобы излить клокотавшее недовольство своим положением в партийной иерархии. Это выступление, долго хранившееся в секрете и тем самым вызывавшее особо острый интерес, было опубликовано в «Известиях ЦК КПСС» три года спустя и поразило меня своим сумбуром, клочковатостью, даже бессвязностью. Он говорил, что уже начались славословия в адрес Горбачева, что, безусловно, плохо, что перестройка идет медленными темпами и ей мешают консерваторы. Никаких других мыслей в коротком, эмоциональном и сбивчивом выступлении не было. Но и этих слов оказалось достаточно, чтобы Горбачев и окружавшие его в ту пору консерваторы отлучили Б. Ельцина от партийного Олимпа. Так он превратился из кадрового карьериста в революционера поневоле. Дальше Ельцина повел политический инстинкт борьбы за власть, в его ушах всегда звучала фраза, которую ему бросил Горбачев: «Борис, я тебя больше не пущу в политику!». Он полез в нее без спроса, напролом, без программы, без убеждений, хватая подряд все лозунги, которые попадались или подбрасывались, лишь бы вперед, к Кремлю. И вот теперь, по истечении всего 10 лет разрушительной работы и борьбы за власть, он ломался на глазах. Вместо моложавого, красивого, уверенного в себе политика Россия видела опустившегося, опухшего, едва переставляющего ноги, с трудом шевелящего языком человека. Работо-

способность падала с каждым днем. Он редко приезжал в Кремль, проводя большую часть времени на загородных дачах. Нарицательным стало выражение: «Президент работает с документами».

В его лексиконе и поведении появились новые черты, которые ранее отсутствовали. В апреле 1997 г. он выступил с обращением к гражданам России, в котором вдруг неожиданно призвал потреблять отечественные продукты, хотя вся прежняя деятельность правительства ориентировалась на распахивание дверей перед иностранными готовыми продуктами. В этом обращении он впервые употребил слово «патриотизм», которое в России после 1991 г. приравнивалось к площадному ругательству. Им клеймили всех, кто посмел бы защищать национальные интересы.

При формировании нового правительства в марте 1997 г. он вдруг предложил пост вице-премьера Юрию Маслюкову — коммунисту, бывшему секретарю ЦК КПСС, отвечавшему за работу военно-промышленного комплекса. Это вызвало зубовный скрежет правых сил и средств массовой информации, известную растерянность даже на Западе.

В мае Ельцин в очередном радиообращении (по телевидению его уже неудобно было показывать) поведал россиянам, что подписал указ о борьбе с коррупцией. Указ был чисто популистским шагом. Президент обращался к своим коррумпированным кадрам с призывом уйти в отставку, если они оказывались не в состоянии заполнить налоговую декларацию или вразумительно отчитаться о своем имуществе. Никто из жирных котов и глазом не повел на дряхлеющего старика.

Еще летом, в июне 1997 г., в кулуарах и коридорах вовсю обсуждались перспективы выживания Государственной думы. Ее роспуск рассматривался как почти неотвратимый после того, как А. Чубайс внес на ее рассмотрение проект нового налогового кодекса. Сам Анатолий Борисович в интервью газетам 4 июня сказал так: «Все, шабаш, терпелка кончилась! У Думы осталось три недели, чтобы принять налоговый кодекс до каникул, которые начнутся 21 июня. Эти три недели для страны оз-

начают либо прорыв вперед, либо отбрасывание нас на полтора года назад». Это язык типичного последователя Льва Давыдовича Троцкого, жгучего радикал-реформатора. Но всегда робкая Дума на этот раз уперлась, более того, стала даже грозить внесением вотума недоверия правительству. Парламентарии понимали, что ничего судьбоносного в новой редакции налогового кодекса не было. Россия могла спокойно поразмыслить, стоит ли его принимать. Одобрения кодекса настойчиво требовал Международный валютный фонд как непременное условие для выделения очередного кредита. Да, А. Чубайсу этот кодекс был нужен до зарезу, и он готов был подталкивать президента к разгону Думы.

Однако Борис Николаевич Ельцин был уже не прежним. На него тяжело подействовал промах французского президента Ж. Ширака, который тоже, будучи недовольным оппозицией несговорчивого Национального собрания, распустил его и провел на свою голову новые выборы, в результате которых получил еще более радикальный — преимущественно социалистический — состав парламентариев. Поэтому он предпочел не заметить глухой оппозиции Думы и позволил ей уйти на летние каникулы небитой.

В октябре президент пошел на неслыханный компромисс с ненавистной Думой: он отозвал спорный кодекс, к тексту которого было высказано в ходе обсуждения более 4 тыс. замечаний, исправлений и дополнений. Б. Ельцин дал согласие на прямой доступ парламентариев к средствам массовой информации, в результате чего был учрежден на телевидении «Парламентский час», начала выходить газета «Голос парламентария» (теперь «Парламентская газета»). Президент согласился с идеей «круглого стола» для обсуждения наиболее важных проблем, стоящих перед страной, принял предложение о нормализации работы «четверки» (президент, премьер-министр и главы двух палат Федерального собрания). В ответ на это Государственная дума сняла свои угрозы отправить в отставку правительство.

В эти дни российская пресса занимала позорную поджигательскую позицию. Она стравливала правительство и парла-

мент, язвила над оппозицией, подзуживала на крутые меры президента. Средства массовой информации вели себя, как игроки в тотализатор. Науськивали: «Вам не подраться, а нам не посмотреть!» Доминировали призывы к разгону Думы и раздавались голоса вообще к отказу от парламентаризма. Было острое ощущение, что кто-то за кулисами старался разжечь междоусобицу, чтобы еще глубже разодрать тело России. К счастью для страны, здравый смысл возобладал.

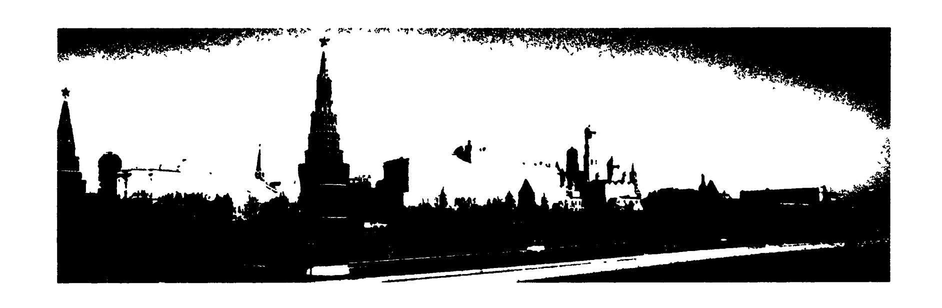
Уже под занавес уходящего года, когда Дума опять-таки жестко противилась принятию правительственного проекта бюджета за 1998 г., Б. Ельцин решился на беспрецедентный шаг. Он лично, впервые с момента учреждения Государственной Думы, решился приехать на Охотный Ряд, чтобы выступить перед пленарным заседанием Думы в защиту бюджета. В предшествующие годы, когда возникал вопрос о встрече президента с думцами, Б. Ельцин неизменно отказывался. Он хорошо был осведомлен об ожесточенном неприятии его политического курса существенной частью депутатов. Но теперь пошел против самого себя. Даже наградил предварительно орденом «За заслуги перед Отечеством» председателя Думы Г. Селезнева. Парламентарии с достоинством приняли акт смирения президента: они одобрили бюджет, исходя из того, что теперь вся ответственность за качество главного финансового документа, за его выполнимость и фактическое выполнение легла лично на главу государства.

1997 год заканчивался, но его итоги не принесли Б. Ельцину никакого удовлетворения, поэтому он с полным основанием сказал после новогодних праздников на встрече с премьер-министром и его двумя первыми заместителями: «Прошлый год по нашим обязательствам вы завалили»[1]. Похоже, что уже тогда в нем зрело желание поменять всю колоду, расстаться с реформаторами, молодость которых начала терять свою свежесть, скандалы перевешивали реальные дела[2].

---

[1] «Эпоха Ельцина». М., 2001, стр. 731.

[2] Там же.



ФИНАНСОВАЯ КАТАСТРОФА 17 АВГУСТА 1998 ГОДА

Россия буквально разваливалась в руках Б. Ельцина. Какой бы вопрос ни ставился на повестку дня, дискуссия по нему сразу же вскрывала глубокий раскол в обществе, непримиримость противостоящих позиций. Президент растерял весь запас доверия и не мог выступать в качестве влиятельной политической фигуры, «отца нации». В начале 1998 г. его рейтинг оценивался журналистами как «никакой». К февралю 1998 г. в Федеральном собрании было, наконец, закончено трехлетнее составление Земельного кодекса России. Главным в его содержании было то, что он оставлял землю в России в собственности государства. За это высказалось большинство депутатов Государственной думы и Совета Федерации, опиравшихся на волю своих избирателей. Губернатор Краснодарского края Николай Кондратенко при обсуждении кодекса торжественно заявил: «Казачество Кубани кровью записало, что никогда не допустит купли-продажи земли». В Алтайском крае, где находится 5% всех сельхозугодий страны, опрос крестьян показал, что 80% категорически выступают против превращения земли в рыночный товар. То же самое повторилось в Башкирии. Аграрная партия России целиком выступала за утверждение Земельного

кодекса в представленном виде. Аргументы защитников кодекса сводились к тому, что земля станет предметом спекуляций, а не объектом сельскохозяйственной деятельности, что, пользуясь нынешним нищенским положением крестьянства, земли будут за бесценок скуплены, а сельское население либо согнано, либо превращено в батраков.

Настаивали на введении земель в свободный оборот, разрешении купли-продажи земель только представители верхушки государственной власти (некоторые губернаторы во главе с саратовским губернатором Аяцковым), партии, называвшие себя «демократическими», пресса, контролируемая олигархами и «новыми русскими», т. е. не более 10% общества, люди, более всех выигравшие от реформ 90-х годов. Сторонники введения свободной купли-продажи сельхозземель исходили из общетеоретической предпосылки, что собственность в частных руках начинает работать более эффективно, нежели при государственном или коллективном владельце. Но Россия уже имела печальный опыт приватизации промышленности, в результате которой оказалась разрушенной вся экономика страны, поэтому сопротивление большинства против купли-продажи нарастало. Председатель Совета Федерации орловский губернатор Егор Строев даже сказал: «Все переделы земли в России всегда кончались кровью, бунтом, революцией».

Земельный кодекс, уже будучи утвержденным Госдумой и Советом Федерации, пролежал длительное время в папке у президента, который в конце концов 18 февраля 1998 г. наложил на него вето. Из сегодняшнего тупика можно было бы выйти путем вынесения кодекса на повторное голосование в Совете Федерации с целью преодоления президентского «вето». В этом случае для утверждения требовалось получить 2/3 голосов сенаторов, но это оказалось недостижимым. При повторном голосовании в поддержку кодекса проголосовали 67 человек, против — 70 и воздержались — 15. Разработанный кодекс можно было сдавать в архив. Вопрос о земле снова повис на много лет. Россия как государство утратила единое правовое поле в об-

ласти аграрного законодательства. Воспользовавшись этим, власти на местах стали принимать свои собственные законы, регулирующие порядок землевладения и землепользования. Почти в половине субъектов Федерации была явочным порядком разрешена купля-продажа земли, но и рынок не получил полномерного развития, потому что покупатели не были уверены, что через какое-то время не будет все-таки принят федеральный закон о земле, который легализует их права. Всегда оставался страх, что местное законодательство должно будет признать верховенство федеральных законов, характер которых никто предсказать не брался.[1]

17 февраля 1998 г. Б. Ельцин выступил с ежегодным посланием перед Федеральным собранием. Его бывшие соратники, участвовавшие в разработке этого послания, назвали документ «самым нереалистическим»[2].

Если говорить человеческим языком, послание представляло собой камуфлирующий документ, скрывавший подлинное положение в стране. В нем говорилось о начавшемся росте производства, о том, что в России обуздана инфляция, о том, что мы избежали финансового кризиса, захватившего мировые рынки, и т. д. Недостатки также были отмечены (бюджетный кризис, уязвимость наших финансовых институтов, недостаточно эффективная работа правительства), но все-таки доминировали фанфарные звуки, в то время как до финансовой катастрофы оставалось всего шесть месяцев. В правительстве и в администрации президента преобладали наигранные мажорные

---

[1] Эти строки пишутся в 2002 году, когда уже по настоянию правительства М. Касьянова Госдума в новом составе приняла усеченный «Земельный кодекс», который разрешал покупку-продажу земли частным лицам, включая иностранцев, если речь шла о земле, на которой расположены промышленные, строительные, торговые или иные производственные предприятия. Судьба основного земельного фонда страны — ее пахотных земель и сельхозугодий, лесов и др. — так и осталась нерешенной. Осталось неясным, кто будет решать этот вопрос: народ в ходе референдума, парламент либо местные власти.

[2] «Эпоха Ельцина». Цит. соч., стр. 735.

настроения и горячее желание как можно выигрышнее подать себя общественности, хотя в действительности для этого не было никаких оснований. Можно говорить о сознательном обмане законодателей и народа. В немалой степени это объяснялось политическими амбициями премьер-министра Виктора Черномырдина, который, чувствуя закат звезды Б. Ельцина, стал, не особенно скрываясь, примерять к себе корону первого лица. Значительно участились его появления на телеэкранах, были сняты фильмы о его родном селе в Оренбуржье, во время поездок в США его активность выходила за рамки, диктуемые форматом комиссии Гор–Черномырдин. У него были на то весомые аргументы. Он уже более пяти лет был премьером страны, чувствовал подпорку за спиной в лице топливно-энергетического комплекса, умел ладить и с «белыми», и с «красными», и если иной раз грубил Государственной думе, то мог быстро принять смиренную позу кающегося грешника. Его давно считали «тяжеловесом» в политике.

Б. Ельцин почувствовал опасность для себя лично. Достаточно было очередной продолжительной госпитализации, и власть могла ускользнуть из его рук, а к власти он относился, как к самоцели. Вот его собственные слова о власти: «Большая политика — это прежде всего удел сильных, волевых людей. В конце концов, без воли к власти нет, и не может быть, руководителя государства. Власть держит человека, захватывает его целиком. Это не проявление какого-то инстинкта, лишь со стороны кажется, что власть — сладкая вещь, на самом деле уже после нескольких лет правления уже многие из нас, я уверен, испытывают полное эмоциональное опустошение. Нет, дело не в инстинкте. Захватывают борьба с обстоятельствами, политическая логика и тактика, захватывает огромная напряженная работа, требующая от человека всех физических и духовных сил...

Да, моменты такой самоотдачи дано пережить не каждому человеку.

Этим и притягивает власть»[1].

---

[1] *Б. Ельцин.* «Президентский марафон». М., 2000, стр. 127.

Легко увидеть, что власть интересовала его сама по себе, его интересовал сам процесс ее осуществления. Здесь даже нет намека на то, что власть — это инструмент благоустройства государства и улучшения жизни народа.

26 февраля 1998 г. было устроено расширенное заседание правительства с участием президента страны, губернаторов, парламентариев. Собрание проходило в большом зале в присутствии множества телекамер. Напоминало знакомые до боли сессии Верховного Совета по утверждению бюджета и плана развития народного хозяйства СССР на предстоящий год. Доклад Черномырдина был похож на амбарную книгу, в которой перечислялись все беды российской экономики, но поданы они были аккуратно, заглаженно, чтобы не эпатировать ни сидящих в зале, ни телеаудиторию. Это было парадное шоу для публики. В докладе не было ни глубокого анализа причин бедственного положения страны, никакой вразумительной программы действий. Зато Черномырдин упрекал своих коллег в том, что в правительстве «много болтовни о разных идеях, но мало практических дел», что «гладко пишут на бумаге, да забыли про овраги», что цели и задачи носят декларативный характер, что много самолюбия и пр. Иными словами, была развешана обычная дымовая завеса достижений и критики недостатков. Телезрители не заметили, как Б. Ельцин, отказавшийся от доклада и ограничившийся кратким вступительным словом, сразу же покинул заседание. Знающие его характер поняли зловещий характер этого сигнала. Ему не нравилась парадная инсценировка, затеянная Черномырдиным. В это время в президентской администрации думали над списком кандидатов на пост премьер-министра.

Почти месяц размышлял Б. Ельцин над содержанием очередной рокировки кадров, но теперь его мысли все чаще сводились к тому, кто станет его преемником. В мемуарах он немало места уделяет своим раздумьям по поводу судьбы Черномырдина, которого решил убрать. «Черномырдин не сможет удержать страну после моего ухода в 2000 г. Для этого нужен человек бо-

лее сильный и молодой»[1]. «Виктор Степанович много раз спасал, выручал меня. Но предаваться жалости сейчас... не имею морального права. Передать власть в другие руки я обязан. В чьи? Пока еще не знаю. Думаю». «Я видел, что Черномырдин выборы (2000 года) не выиграет, сказываются политический опыт вечных компромиссов, шаблоны осторожного управления, усталость людей от привычных лиц в политике». «Сейчас всем нужна некая новая фигура. Не лоббирующая интересы одних в противовес другим. Не пришедшая из какого-то лагеря. Не примелькавшаяся в московских эшелонах власти. Чистая фигура»[2].

Б. Ельцин искал такого кандидата, который стал бы «техническим премьером», способным продвигать вперед политику реформ, и при этом не представлял политической конкуренции самому президенту. Выбор пал на министра топлива и энергетики Сергея Владимировича Кириенко, имя которого к тому времени было совсем не известно в России. Это был молодой, 36-летний провинциальный бизнесмен из Нижнего Новгорода, которого привез в Москву и всячески проталкивал наверх Борис Немцов. Они были этническими родственниками, придерживались одних и тех же позиций по социально-экономическим вопросам, были связаны деловыми узами. С. Кириенко отличается способностью быстро и без запинки, связно и логично говорить на любую тему. Это качество помогло ему после окончания в 1984 г. Горьковского института инженеров водного транспорта быстро освободиться от обязанностей мастера на судостроительном заводе «Красное Сормово» и перейти на штатную комсомольскую работу. Краснобайство вскоре выдвинуло Кириенко на пост секретаря Горьковского обкома ВЛКСМ, на котором его застали события августа 1991 г. Как человек неглупый и предприимчивый, он пошел тропой многих своих коллег из партаппарата и создал сначала АО «Концерн

[1] *Б. Ельцин.* «Президентский марафон», стр. 113—114.

[2] *Там же*, стр. 122.

АМК», затем стал председателем правления нижегородского социального коммерческого банка «Гарантия», а потом перешел в местную нефтяную компанию «НОРСИ-ОЙЛ» и уже оттуда был в мае 1997 г. перетащен в Москву на должность первого заместителя министра топлива и энергетики. С. Кириенко сделал, таким образом, самую «бешеную» карьеру в истории России: за десять месяцев — с мая 1997 г. по март 1998 г. — он совершил взлет с поста шефа мелкой по масштабам России провинциальной нефтяной компании до премьер-министра Российской Федерации. Неожиданность его возникновения на политическом небосклоне государства и личные особенности дали основание острякам назвать феномен С. Кириенко «киндерсюрпризом». Более сердитые политические оппоненты стали называть время С. Кириенко и других молодых реформаторов периодом «педократии».

Вспомнили, что первое правительство «завлабов» во главе с Е. Гайдаром называли «кабинетом мальчиков в розовых штанишках». Сказывалось неотразимое воздействие на Б. Ельцина словесного напора молодых, пробивных «реформаторов». Он и про С. Кириенко писал: «В разговоре с Сергеем меня поразил стиль его мышления — ровный, жесткий, абсолютно последовательный. Очень цепкий и работоспособный ум. Внимательные глаза за круглыми стеклами очков. Предельная корректность, отсутствие эмоций. Выдержанность во всем.

Есть в нем что-то от аспиранта-отличника...»[1]

Б. Ельцина не поразила совершенная невозмутимость кандидата в премьеры перед лицом трудностей страны, этакая механическая готовность лезть в любую воду, не спрашивая броду. Из слов президента видно, что он даже не пытался вникнуть в сущность взглядов на российскую проблематику претендента на должность второго лица в государстве. Для него важнее всего было удивить и ошарашить всех своих оппонентов — от олигархов до коммунистов — неожиданностью своего решения.

---

[1] *Б. Ельцин.* «Президентский марафон», стр. 121.

Честно говоря, это было уже авантюрное фокусничество с однозначной целью самосохранения.

23 марта 1998 г. страна была оглушена сообщением, что все правительство во главе с Черномырдиным отправлено в отставку. Вместе с Виктором Степановичем уходили и вице-премьеры А. Чубайс и А. Куликов, которые погрязли в склоках и выяснениях отношений между собой. Поскольку Б. Ельцин сохранял от всех в тайне свое решение до последнего момента, а законы собственного государства знал плохо, то получился юридический конфуз. С. Кириенко — в соответствии с Законом о правительстве — не мог даже формально занять пост и. о. премьер-министра, потому что не был вице-премьером. Пришлось срочно, задним числом, писать новый указ о назначении С. Кириенко первым вице-премьером, а уже через несколько часов очередным указом назначать его исполняющим обязанности премьера. Документы на утверждение этой кандидатуры были направлены в Государственную Думу.

В день, когда рухнуло российское правительство, журналисты опросили перед телекамерами сотни людей разных профессий, возрастов и социальной принадлежности, и все они отвечали одними и теми же словами: «шок», «потрясение», «кошмар». Прикусили языки и западные эксперты, обычно быстрые на реакцию. Даже сами пострадавшие члены кабинета не могли прийти в себя от травматического шока. Большинство из них узнало о своем выводе за штат из сообщений по радио и телевидению. Лишь два человека — Черномырдин и Чубайс — были предупреждены за несколько часов. В этих случаях даже не упоминали об элементарных нарушениях президентом положений трудового законодательства. Государство и его граждане были застигнуты врасплох.

Объяснения, которые давались властью общественности, поражали своей поверхностностью и отсутствием логики. С одной стороны, президент говорил о политической озабоченности перспективой выборов в Думу 1999 г. и президентских выборов 2000 г. и в то же время упрекал ушедшее правительство за

увлечение политическими приоритетами в ущерб экономическим и социальным. Б. Ельцин в одном выступлении акцентировал внимание на необходимости «рывка в экономике», «крена в сторону социальных приоритетов», а в другом с такой же убежденностью заверял аудиторию, что смены курса реформ не будет. Ему вторил только что назначенный и. о. премьера. Одним словом, не удалось даже пристойно закамуфлировать «рокировку», проведенную лишь ради удержания власти.

Государственная дума целый месяц не решалась утвердить нового премьера. Дважды его кандидатура не получала необходимого количества голосов, и лишь в третий раз, 24 апреля, не желая ставить себя под угрозу роспуска, Дума 251 голосом одобрила кандидатуру С. Кириенко. Все это время в стране практически не было правительства. Б. Ельцин попросил нового премьера представить ему по две-три кандидатуры на каждый министерский пост. Пошла мелкооптовая и розничная торговля интересами, голосами. Материальный ущерб от затянувшегося безвластия оценивался в миллиард долларов, так как резко упала собираемость налогов, ускорился отток капиталов из России, где под вопросом находилась политическая стабильность государства.

В Думе левая оппозиция приняла решение возбудить процедуру принудительного отстранения Б. Ельцина от поста президента в соответствии с положениями Конституции. С этой инициативой выступили генерал Лев Рохлин и Виктор Илюхин. Была создана комиссия, которая начала сбор необходимых материалов для осуждения президента.

Теперь уже и так называемая респектабельная пресса повернулась тыльной стороной к Б. Ельцину, которого она изо всех сил поддерживала добрый десяток лет. Стало модным издеваться над ним, намекать на физическую и психическую немощь. Изживший себя политически, духовно и даже физически, президент перестал рассматриваться как гарант интересов нового класса российской буржуазии.

Борис Березовский, еще вчера входивший в близкое окру-

жение Б. Ельцина и являвшийся официально советником главы кремлевской администрации, теперь открыто заявлял, что все российские предприниматели должны поддерживать безусловно экс-премьера Виктора Черномырдина не только как кандидата на пост президента на будущих выборах, но и как человека, способного сплотить вокруг себя «демократические и реформаторские силы России».

Конституционный суд, всегда вздрагивавший при президентском окрике, принял в начале апреля 1998 г, сенсационное решение: он обязал Б. Ельцина подписать вопреки его ясно выраженному нежеланию принятый Федеральным собранием «Закон о реституции», который ограничивал возвращение в Германию культурных и художественных ценностей, которые были вывезены оттуда в СССР после 1945 г.. И хотя Б. Ельцин надавал обещаний своему другу Гельмуту Колю, ему пришлось подчиниться Конституции РФ и поставить свою подпись над ненавистным законом.

Заседание Священного Синода Русской Православной Церкви в эти же дни приняло решение, в соответствии с которым иерархи Церкви не примут участия в церемонии погребения «екатеринбургских останков» (якобы имевших отношение к расстрелянной царской семье), чего очень добивались Б. Ельцин и его государственная комиссия, возглавлявшаяся Б. Немцовым. Может быть, этим актом президент хотел замолить свой грех уничтожения исторического памятника — дома купца Ипатьева, в подвалах которого в июле 1918 г. приняли мученическую смерть члены императорской семьи и сопровождавшие их лица.

Никто в России не захотел рискнуть своей репутацией, чтобы выступить в защиту президента. Один Клинтон позвонил по телефону, обеспокоенный тем, что в Москве может быть создано правительство, враждебно настроенное по отношению к США, и поддержал своего российского коллегу: «Держись, Борис, мы скоро — в мае — встретимся на совещании «восьмерки» в Бирмингеме и там обговорим, что и как».

Но все, что происходило в публичной политике весной 1998 г., было не более чем «цветочками», а ягодки тем временем вызревали на других грядках. Общественность была мало осведомлена о надвигающейся катастрофе, а в Кремле и Белом доме обязаны были видеть, куда катится страна, и предотвратить грозную опасность.

Особенностью всех молодых «реформаторских» команд было нежелание и неумение заниматься текущей повседневной управленческой работой. Они постоянно тяготели к «макроэкономическим» схемам, концептуальным подходам, которые когда-то должны были дать — теоретически рассуждая — положительные результаты. Все свои провалы они объясняли стандартно: «нам не дали достаточно времени, чтобы осуществить задуманное». По такому же пути пошло и свежеиспеченное правительство С. Кириенко. Оно тоже занялось разработкой стратегического пути развития России и не заметило, что под ногами уже горит земля, хотя не видеть этого было нельзя. Начиная с 1995 г. российское правительство, а вслед за ним и местные власти в субъектах Федерации стали садиться на наркотическую иглу займов. Обвальное падение производства в стране в результате приватизационного процесса, громадные расходы на чеченскую войну (не предусмотренные в бюджетах), неучтенные колоссальные суммы, которые тратило правительство на организацию избирательных кампаний — президентских, парламентских, губернаторских, необходимость содержания огромного бюрократического аппарата и т. д. требовали постоянного притока средств. Бюджеты верстались с громадными дефицитами. Бюджетные дыры имели устойчивую тенденцию к расширению в течение каждого года. На их латание шли частично иностранные займы, деньги, которые выручали за размещение на европейских фондовых рынках наших государственных облигаций, но их не хватало, и пришлось обратиться к внутренним заимствованиям. Министерство финансов выпустило специальные государственные ценные бумаги, получившие название ГКО (государственные краткосрочные обли-

гации) и ОФЗ (облигации федерального займа). Эти бумаги размещались в основном среди частных банков, которые успели в известной мере укрепиться, накопить солидные активы, в том числе и за счет частных вкладчиков из нарождавшегося среднего класса.

Российское правительство побуждало банкиров приобретать эти ГКО-ОФЗ, соблазняя их высокой доходностью своих ценных бумаг. Уровень доходности к тому же определялся самим правительством в зависимости от спроса и предложения. Но не только высокая доходность возбуждала аппетит банков. Те, кто проявлял готовность сотрудничать с правительством путем покупки ГКО-ОФЗ, могли получить преимущества в борьбе за обслуживание государственного бюджета, на аукционе по приватизации госимущества и т. д.

Более половины всех созданных в России в демократическое время коммерческих банков были втянуты правительством в эту финансовую пирамиду. Игра в ГКО-ОФЗ для банков на первых порах казалась крайне выгодной. Даже в бюджет 1998 г. была заложена доходность этих бумаг на уровне 15—18%, но в действительности она превышала эти показатели в несколько раз и достигала 80%, а в критические моменты и 140%. Какой же финансист откажется участвовать в операции, которая удваивает капитал в год без всяких усилий, без мучительного производственного риска, без хлопот и треволнений? Тем более, что курс рубля был относительно стабилизирован в так называемом валютном коридоре, составлявшем примерно шесть рублей за один доллар. Госзнаковские печатные станки начали выдавать на-гора один за другим выпуски ГКО-ОФЗ, а правительство получать под них живые денежки. Это занятие оказалось крайне увлекательным, и с помощью своих клиентов и агентов в эту рулетку стали играть иностранные банки и финансовые корпорации. Уже в 1996 г. в их руках находилось 16% всех выпущенных ценных бумаг, а к началу 1998 г. доля иностранцев возросла до 28%. Тем самым российское правительство незаметно для себя перешагнуло рубеж национальной безопас-

ности в экономике, отдав в руки зарубежных инвесторов почти третью часть своих ликвидных ценных бумаг, т. е. более 20 млрд долларов.

Обычные ссылки наших радикал-реформаторов на то, что, дескать, Россия как часть общемировой экономической системы стала жертвой финансового кризиса, разразившегося в 1997 г. в странах Юго-Восточной Азии, не выдерживают критики. Наша экономика никакими нитями не была связана с корнями того кризиса. На первых порах даже громогласно трубили о том, что тот — азиатский — кризис выгоден России, потому что иностранные капиталы сбежали оттуда частично в Россию. Вся беда состояла в том, что мы принимали за иностранных инвесторов международных игроков на финансовой бирже, людей, которые не вкладывали капитал в реальный сектор экономики, а играли на курсах ценных бумаг. Какая бы кризисная ситуация ни сложилась в экономике страны, но промышленное производство не может в одночасье, на птичий манер, сорваться и улететь из страны, а спекулянт-финансист только тем и занимается, что скупает и сбрасывает ценные бумаги чужой страны в зависимости от поступающей к нему разведывательной информации или от его собственной оценки ситуации в стране.

Латая бюджетные дыры, правительство систематически отщипывало средства от сумм, предусмотренных на социальные программы. В норму вошла система задержки выплаты заработной платы. Во многих отраслях люди не получали зарплату по году, периодически перестали выплачивать пенсии. Все это вело к растущему накалу внутриполитической напряженности. Безграничное терпение стало давать трещины. С весны 1998 г. взбунтовались шахтеры. Б. Ельцин пишет об этом так: «...К сезонному обострению в шахтерских регионах прежнее правительство как-то уже приспособилось. Обычно председатель правительства весной собирал у себя губернаторов, руководителей отрасли, профсоюзных шахтерских лидеров. Правительство выделяло шахтерам кредиты, списывало их долги, и с

грехом пополам каждый раз удавалось шахтерский кризис смягчить. В этот раз только что назначенный и утвержденный Думой Кириенко упустил надвигающуюся опасность»[1].

На самом деле кризис угольной промышленности имел куда более серьезные причины. Проведенная приватизация многих шахт имела самым первым результатом резкое повышение цены на уголь. Между производителями топлива и конечными потребителями выстроилась длинная цепочка фирм-посредников, каждая из которых «наваривала» свой куш, не выходя из московских офисов. В результате традиционные покупатели угля — в частности, почти все сельские районы — оказались неплатежеспособными. Рынок потребителей съежился, началось затоваривание, за которым последовало закрытие шахт и увольнение горняков. Для обывателей рассказывалась вечная байка о том, что шахты старые, оборудование морально изношенное, а уголь неконкурентный. Удивляло только то, что Россия продолжала активно торговать углем с зарубежными странами.

Шахтеры — народ организованный, когда-то, в 1990—1991 гг., их этому учили комиссары от «демократии», активно задействовавшие этот отряд рабочего класса для расшатывания социальных устоев прежнего коммунистического строя. Тогда шахтеров убеждали, что, как только шахты перейдут в руки реальных собственников, резко повысятся зарплаты, улучшатся условия труда. Теперь на собственном опыте они убедились, что все эти штучки были нужны «демократам» только для завоевания власти. Тогда они вспомнили о прежнем противостоянии власти и отправили в Москву десант, который занял Горбатый мост, что стоит на виду у Белого дома, и стал постоянно действующим забастовочным пикетом. Шахтеры стучали касками по асфальту, объявляли голодовку. Они превратились в политический фактор в Москве. К ним приезжали депутаты Думы, представители политических партий и движений. Простые мос-

---

[1] *Б. Ельцин.* «Президентский марафон», стр. 206.

квичи приносили шахтерам в их палатки горячую пищу, одежду. К ним нередко приезжали артисты, устраивавшие маленькие концерты. Правительство делало вид, что ничего не замечает, «большая» пресса старательно замалчивала протестную акцию. Но власть не учла, что за спиной этого символического пикета стояла огромная озлобленная масса горняков по всей стране. Их экономические требования быстро трансформировались в политические лозунги «Правительство в отставку! Долой Ельцина!».

Ответственный за социальную политику вице-премьер Олег Сысуев мотался по регионам с чемоданами денег и полномочиями подписывать любые соглашения с шахтерскими коллективами, лишь бы предотвратить начавшуюся «рельсовую» войну, когда доведенные до отчаяния рабочие перекрывали своими телами железнодорожные магистрали. Однажды он впопыхах даже подписал документ, в котором черным по белому было написано, что правительство согласно с тем, что Ельцин должен уйти в отставку.

2 июня в Кремле изрядно озабоченный президент встретился с одиннадцатью крупнейшими банкирами-олигархами России. Обсуждалось экономическое положение страны. Ключевым был один вопрос: где взять деньги? Президент был настроен примиренчески: «Страна у нас на всех одна, не следует раскачивать лодку, в которой все сидим вместе». Потом участники встречи признали, что речь шла о преодолении раскола в «российской элите». Банкиры-кредиторы пообещали потерпеть и не требовать немедленной расплаты по долгам ГКО-ОФЗ, правительство обещало сделать жизнь своих кредиторов комфортной. Было решено создать при правительстве некий экономический совет, в который должны были войти все представители крупнейших банков и компаний. Александр Смоленский (СБС-АГРО банк) назвал этот орган своеобразным экономическим Политбюро.

Банкиры, тем не менее, дали понять президенту и премьеру, что внутренних ресурсов России не хватит для преодоления фи-

нансовых трудностей, и настойчиво требовали возвращения А. Чубайса в состав правительства, назначения его на пост специального представителя президента по связям с международными финансовыми организациями.

Теперь, когда прошли годы после этой встречи, видно, что получение крупных иностранных заимствований было не средством выправления кризисной ситуации в России, а лишь дополнительной возможностью уворовать живые долларовые поступления в преддверии катастрофы, повесив новые займы на шею государства, а стало быть, простых налогоплательщиков.

А. Чубайс, получивший соответствующие полномочия, буквально утром следующего дня вылетел в Вашингтон, наговорил, как обычно, «сорок бочек арестантов» про угрозу неминуемого коммунистического реванша, если не дадут денег, получил шесть миллиардов долларов в качестве чрезвычайного стабилизационного кредита. Этот кредит пришел в июле и бесследно исчез в считанные недели. Все участники рынка (те самые олигархи, что заседали в Кремле) сбрасывали имевшиеся у них ценные бумаги, а вырученные доллары немедленно переводили за границу.

Сама катастрофа, в ее видимом для простого гражданина России измерении, началась 13 августа, когда Центральный банк объявил о своем намерении сократить продажу валюты банкам, где долларовые суммы исчезали, как в черной дыре. Это привело к тому, что в обменных пунктах повесили объявления: «Валюты нет!». В тот же день состоялись переговоры по телесвязи между заместителями министров стран «семерки». Никто не мог предложить никакой панацеи, все говорили только о девальвации рубля.

Сам президент в эти дни отдыхал на Валдае. 14 августа он прибыл с рабочим визитом в Новгород и там сделал заявление, «обессмертившее» его роль в финансовом кризисе. Он заявил следующее: «Девальвации не будет, это я заявляю четко и твердо. И я тут не просто фантазирую, это все просчитано, каждые сутки проводится работа и контроль ситуации в этой сфере. Без

контроля работа в этой сфере не пойдет... Сейчас идет новая волна мирового финансового кризиса, и нам надо снова поднапрячься, чтобы достойно встретить ее. Мы свои резервы подсчитали и готовы эту волну встретить». «Ни в коем случае из-за ситуации на финансовых рынках не прерву отпуск. Ведь как только я это сделаю, начнутся разговоры о том, что там заваруха, там катастрофа, дело валится»[1].

То, что президент, выступая с таким заявлением, по-черному обманывал граждан России, не вызывает сомнений, потому что он сам был достаточно информирован о реальном положении дел и даже пытался как-то выправить ситуацию. Крайне маловероятно, что мысль выступить с таким заявлением пришла ему в голову спонтанно, между рыбалкой и лежанием в гамаке. Он вообще не любил и не понимал финансовую проблематику, полагаясь во всем на «молодых вундеркиндов» из правительства. Судя по всему, именно они — А. Чубайс, С. Кириенко со товарищи оказали на Ельцина сильный нажим по каналам засекреченной связи и убедили его в интересах предотвращения паники среди населения выступить с таким заявлением. Для них самих было ясно, что удержать сорвавшуюся лавину уже нельзя, но надо было еще выиграть несколько дней для решения собственных проблем. Спасти Россию было уже нельзя, но оставались сутки для спасения личных средств или даже приумножения их. В такие моменты рушится благополучие десятков миллионов, но создается состояние для нескольких тысяч. Вот этим и занялись люди, подставившие в очередной раз недалекого шефа.

Все последующие события являются типовыми для любой страны, попавшей в финансовую катастрофу. Золотовалютные запасы сокращались на 2—2,5 млрд долларов в неделю. С межбанковского рынка валютный кризис выплеснулся на улицу. Население осознало реальную угрозу резкого обесценивания

---

[1] Цит. по кн.: «Россия-2000. Современная политическая история». М. 2000, стр. 435.

рубля и потери своих банковских вкладов. Резко возрос отток денег из банков и вместе с ним ажиотажный спрос на валюту. Люди торопились укрыться в долларовой зелени, но большая часть обменных пунктов была закрыта, а в оставшихся курс доллара рос не по часам, а по минутам. Фиктивные государственные ценные бумаги ГКО-ОФЗ перешагнули в своей доходности 120%, но они были никому не нужны. Предприниматели и банкиры давно потеряли доверие к правительству. 15 и 16 августа Россия официально обратилась за помощью к странам «семерки», но получила вежливый отказ.

В воскресенье 16 августа С. Кириенко доложил президенту о безнадежности всех попыток удержать ситуацию под контролем и предложил признать публично неплатежеспособность России. Подавленный и растерянный Ельцин предоставил правительству и Центробанку свободу действий.

В черный понедельник страна узнала, что она разорена, стала банкротом и не имеет возможности исполнять свои долговые обязательства. Правительство заявило, что отныне курс рубля по отношению к доллару будет определяться Центральным банком по итогам каждого очередного дня. С валютным коридором пришлось распроститься.

Все расплодившиеся «ценные» бумаги ГКО-ОФЗ подлежали переоформлению в новые «ценные» бумаги с гораздо более длительным сроком погашения. Объявлялся мораторий сроком на 90 дней на выплаты по всем финансовым кредитам, полученным от нерезидентов России (т. е. от иностранцев).

Все банки прекратили выдачу денег со срочных счетов своим частным клиентам, т. е. фактически признали свой крах.

В Москве, как и по всей стране, резко подскочили цены на промышленные и продовольственные товары. Всю ночь с 17 на 18 августа магазины проводили переучет своих товаров, готовили новые ценники, которые в последующие дни менялись по нескольку раз за рабочую смену. Попытки административными мерами предотвратить лавинообразный рост цен ничего не дали. Когда вице-премьер правительства Борис Федоров, кича-

щийся своей крутизной, предупредил торговцев, что налоговая инспекция будет строго наказывать за повышение цены, то один из менеджеров крупного магазина бытовой техники отпарировал: «Плевать мы хотели на вашего Федорова. Вы что хотите, чтобы мы разорились через неделю?»

Чтобы успокоить рядовых граждан, державших вклады в банках, председатель Центробанка Сергей Дубинин заявил 20 августа, что правительство готово дать гарантии частных вкладов. Для этого клиенты частных коммерческих банков должны будут переоформить свои документы и перевести вклады в Сбербанк, основным акционером которого является как раз Центробанк. Теоретически так и произошло, но пока суд да дело, пока каждый клиент занимался переоформлением, курс рубля стремительно катился вниз, и к моменту получения своего вклада в Сбербанке у него в руках оказывалась в лучшем случае одна треть первоначального вклада.

23 августа 1998 г. Б. Ельцин отправил весь состав правительства в отставку. Исполнение обязанностей премьер-министра было возложено на В. Черномырдина, которого всего пять месяцев тому назад, с жесткими негативными оценками его деятельности, отправили в отставку. Члены вышедшего в отставку правительства пока, впредь до формирования нового состава кабинета, оставались на своих местах.

Через два дня по предложению группы депутатов-аграриев Государственная дума приняла постановление, которым рекомендовала президенту России Борису Ельцину добровольно подать в отставку. За это предложение проголосовали 245 депутатов, «против» — всего 32. Остальные из 450 депутатов предпочли не явиться на голосование. Больше половины членов парламента были за отставку президента, но Ельцин не был еще готов к этому. Он не успел подобрать подходящего преемника, который гарантировал бы ему личную неприкосновенность и благополучие, да и психологически он отбрасывал мысль о том, чтобы уступить под давлением. Это уж черта характера, а горбатого, как известно, исправит только...

Б. Ельцин стал упорно цепляться теперь за кандидатуру В. Черномырдина. Уже отставленный от власти С. Кириенко советовал рассмотреть кандидатуру Егора Строева, Председателя Совета Федерации, но Ельцин сразу отверг это предложение. У него каждый день начиналась крапивница, когда он вспоминал, что Строев был членом Политбюро ЦК КПСС, человеком старой закалки. Называли Лужкова, московского мэра, но его Ельцин втайне побаивался как возможного конкурента, хотя и ценил хозяйственные таланты Юрия Михайловича. Горько было признаваться, что он наговорил лишнего при отставке Черномырдина с поста премьера в марте 1998 г., но ничего лучшего под руками не было. Он с надеждой смотрел, как идут консультации Черномырдина с руководителями парламентских фракций и лидерами партий. Виктор Степанович не скупился на обещания, на встречах с лидерами левой оппозиции клялся, что в новом правительстве не будет ни Чубайсов, ни Немцовых, ни Гайдаров, обещал, что получит согласие президента на включение в состав будущего правительства людей из компартии, был даже готов принять требование оппозиции об утверждении Думой кандидатов на должности вице-премьеров и т. д. Ельцин в своих воспоминаниях намекает на то, что руководители «Газпрома» имели особые рычаги влияния на верхушку компартии, т. е. подкармливали ее. Дело вроде бы двигалось к взаимному согласию. Президент должен был дать гарантию, что он не будет разгонять Думу до 2000 года, а правительство своей добровольной отставкой не станет провоцировать очередной политический кризис. Однако, если отвлечься от кулуарных игрищ вокруг кандидатуры Черномырдина, нетрудно увидеть, что ведь именно он и его правительство были виновны в том, что страна пришла к позорному дефолту. Катастрофа не была результатом деятельности правительства Кириенко, хотя он ничего не сделал для ее предотвращения, это был итог всей экономической политики предшествующих лет. Голосовать за возвращение Черномырдина в кресло премьера означало для любой партии полную потерю лица в глазах своих сторонников.

Поэтому когда 31 августа Государственной думе пришлось голосовать по внесенному президентом предложению утвердить в качестве премьер-министра В. Черномырдина, «за» было подано всего 94 голоса, в то время как «против» были 251 депутат, т. е. значительно больше половины всего состава нижней палаты.

В эти дни Черномырдин, перед которым замаячила снова «звезда пленительного счастья» — шанс прорваться на высший пост в государстве, развил невероятную активность. Ему удалось, обрабатывая группами и поштучно губернаторов, заручиться поддержкой Совета Федерации. Он посулами и авансами старался растопить ледяное неприятие его кандидатуры Государственной думой и старательно убеждал президента не искать другой кандидатуры на пост премьера.

2 сентября в Государственной думе был обнародован документ, разработанный известным кинорежиссером Станиславом Говорухиным, который назвал его «Обращением к народу». Он дышал решительностью и непримиримостью: «Мы заявляем, — что ни во второй, ни в третий раз не утвердим Черномырдина. Мы готовы к роспуску Думы. Готовы к тому, что нас станут обливать грязью, пугать танками. Мы готовы разделить с многострадальным народом все невзгоды, которые упали сегодня на головы тружеников, — бескормицу, голод, тьму кромешную в замерзающих городах — все, что уготовили в эту зиму стране Ельцин и Черномырдин». Это обращение было поддержано 222 депутатами, не хватило всего четырех голосов, чтобы получить большинство. Но, тем не менее, Дума приняла обращение к гражданину Черномырдину, в котором попросила его добровольно отказаться от предлагаемого ему поста премьера. Но он проигнорировал призыв думцев.

7 сентября состоялось повторное голосование по кандидатуре Черномырдина в Государственной думе. На этот раз результат был еще более огорчительным для соискателя. Против него высказались уже 273 депутата, хотя за счет мобилизации всех малодушных и уклонистов число сторонников Черномыр-

дина возросло до 138. Становилось предельно ясно, что никакой нажим, никакие административные или финансовые ресурсы не смогут переломить ситуацию. Страна уже три недели жила без правительства, что крайне негативно сказывалось на экономической и политической ситуации в ней. Регионы — субъекты Федерации, потрясенные финансовой катастрофой и политическим кризисом в Москве, стали искать спасения в автаркии, принимали меры по ограничению перетока товаров и денег в другие регионы, что грозило разорвать Россию на клочки. Но каждый спасался, как умел, в условиях административной прострации федеральной власти.

Президент понимал, что Дума пойдет до конца в неприятии кандидатуры Черномырдина и что он не решится на разгон Думы, не останется один на один с бедой. Ближайшие советники президента — руководитель администрации С. Ястржембский, секретарь Совета безопасности А. Кокошин — настойчиво лоббировали кандидатуру Ю. Лужкова на пост премьера, но Ельцин жестко отбрил их, сказав: «Сегодня кандидат в премьеры должен быть объединяющей, примиряющей фигурой. Лужков же рвется к власти со своим грубым напором, не брезгуя никаким скандалом. Кроме того, если Лужков станет премьером, неужели он удержится от попыток захвата власти до выборов 2000 года? Конечно, нет. Это может окончательно дестабилизировать обстановку в стране. Спасибо, я выслушал ваши мнения». Расставшись со своими помощниками, он уже через несколько минут позвонил Валентину Юмашеву и бросил ему только два слова: «Уговаривайте Примакова!»[1]

Читатель без труда может убедиться, что Ельцина и в этот драматический для страны момент больше всего заботила мысль о том, чтобы не потерять власть. К кандидатуре Примакова обратиться его заставила безвыходная ситуация. Евгений Максимович Примаков был приемлем для подавляющего спектра политических сил России. Он был как безразмерный носок,

---

[1] *Б. Ельцин.* «Президентский марафон», стр. 228.

подходящий к любой ноге. Ельцин знал его долгие годы как надежного профессионала на постах начальника Службы внешней разведки и Министерства иностранных дел. В личности Примакова причудливым гибридным способом сочетались черты коммуниста и демократа, русского и представителя национальных меньшинств, патриота и умеренного западника, академическая солидность с журналистской легковесностью. Но при всем этом он был здравомыслящим, осторожным политиком, значительно превосходящим по своему потенциалу и умению работать с людьми молодых верхоглядов из радикальных демократов.

Когда Е. Примакову предложили пост премьер-министра, он в отличие от своего незадачливого предшественника, начал с решительного отказа, сославшись на свой слабый опыт в руководстве экономикой. Примаков попытался заинтересовать администрацию президента кандидатурой Юрия Дмитриевича Маслюкова, который в советское время руководил Госпланом и работал при Ельцине вице-премьером правительства, но безуспешно. Ю. Маслюков, член руководства КПРФ, был неприемлдем для президента именно как коммунист.

В своих мемуарах «Годы в большой политике» Е. Примаков так описывает события тех дней: «10 и 11 сентября меня вызывал по этому поводу Ельцин. Я отказался самым категорическим образом, не оставляя никаких «резервов». Были и телефонные звонки. Они тоже не дали результата.

Мне сообщили, что 12-го в 10 утра Ельцин ждет в Кремле в своем кабинете. Был абсолютно уверен, что предстоит обсуждение общего положения дел, но опять последовало настойчивое предложение согласиться принять пост премьера. Я опять категорически отказался. Не помог сдвинуть с места и разговор Президента сразу с Черномырдиным, Маслюковым и мною. Черномырдин сказал, что готов не настаивать на третьем раунде выдвижения своей кандидатуры **только** в том случае, если будет внесена моя кандидатура. Юрий Дмитриевич Маслюков, которому после моего повторяемого не раз отказа тоже предложили

пост премьера, заявил, что готов только к одному решению — работать первым заместителем в правительстве, возглавляемом мною. На этом обсуждение в кабинете закончилось.

Вышел в коридор и направился к выходу, хотел скорее возвратиться на Смоленскую площадь. Ко мне подошли Валентин Борисович Юмашев — в ту пору руководитель администрации президента, Татьяна Борисовна Дьяченко и Владимир Николаевич Шевченко — мой старый хороший товарищ, возглавлявший президентский протокол. Говорил Володя, говорил крайне эмоционально.

— Как вы можете думать только о себе! Разве вам не понятно, перед чем мы стоим? 17 августа взорвало экономику, правительства нет. Дума будет распущена. Президент может в любой момент физически не выдержать. Разве не видите, что мы на грани полной дестабилизации?

– Как ты мог согласиться? — позже спросила меня сквозь слезы жена.

– Только потому, что на какое-то время отошел на задний план разум и победили чувства.

Конечно, я не знал тогда, в каких условиях мне придется работать в правительстве, иначе даже «чувства» бы не захлестнули»[1].

Государственная дума подавляющим большинством голосов утвердила кандидатуру Е. Примакова. Первым вице-премьером стал коммунист Юрий Маслюков. Несмотря на давление олигархов, которые уговаривали Ельцина не снимать Сергея Дубинина с поста председателя Центрального банка, президент не смог противостоять напору общественного мнения России, видевшего в Дубинине пособника олигархов и одного из главных виновников катастрофы 17 августа. Его заменил осмотрительнейший, опытный финансист с советских времен Виктор Геращенко.

Началась незаметная, мучительно трудная работа по разгре-

---

[1] *Е. М. Примаков.* «Годы в большой политике». М., 1999, стр. 427—428.

банию завалов, оставленных «молодыми реформаторами». Ни на какие внешние займы рассчитывать не приходилось. Рейтинг России как платежеспособного должника был опущен ниже некуда. Внешняя торговля, в особенности импорт, резко сократилась, потому что купленные за доллары за рубежом товары не находили спроса по новым, взлетевшим в два-три раза рублевым ценам. Население почувствовало резкое падение своего жизненного уровня, так как цены росли постоянно при неизменном размере и без того жалких российских зарплат, пенсий. Все скудные сбережения, хранившиеся в банках, обесценились вполовину, а потом и в три раза. Проклятия и стоны раздавались отовсюду. А вот как оценивал сам Ельцин итоги этой катастрофы:

«И если на мой период в истории России выпало так много кризисов — не моя вина. Кризисная эпоха между двумя стабильными промежутками. Только бы поскорее выйти к этой стабильности.

Но последний кризис был не похож на прежние. Он ударил по едва-едва родившемуся классу, по собственникам, по бизнесменам, по людям дела, по профессионалам, и это больнее всего. Ведь ради них, ради того, чтобы появилась у них какая-то уверенность, чтобы дети учились в хорошем вузе, чтобы можно было съездить за границу, чтобы появился хотя бы первоначальный достаток, чтобы можно было начать строить дом или переехать в новую квартиру, купить хорошую мебель, машину, все и затевается. Именно эти люди — моя главная опора. Если им стало плохо, если они от нас отвернутся — это гораздо более глубокий кризис. Гораздо»[1].

Опять в «момент истины» он вздыхает не о разоренной стране, обвалившейся экономике и судьбе обреченного на вымирание народа, а только о потере политической поддержки со стороны части «новых русских», которые теперь отвернутся от него, откажут в своей поддержке.

---

[1] *Б. Ельцин.* «Президентский марафон», стр. 232—233.

Взяв в руки руководство правительством, Е. Примаков в отличие от разрекламированных «профессионалов по управлению экономикой» из числа радикал-демократов стал спокойно выправлять ситуацию. Пришлось пойти на неизбежную инфляцию, чтобы восстановить систему расчетов, ограничениями успокоили валютный рынок. Началось постепенное замещение иностранных импортных товаров отечественной продукцией, ставшей вполне конкурентоспособной. Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Свободнее задышал бюджет, поскольку временно были прекращены платежи по долгам иностранным кредиторам. Правительству удалось частично погасить задолженности по зарплате и пенсиям. А вскоре подоспело и некоторое повышение цен на нефть на мировом рынке. Правительство, которое наладило нормальные отношения с Государственной думой, смогло в короткое время разработать вполне приличный бюджет на 1999 г., который не встретил оппозиции в парламенте. Все это способствовало началу экономического роста. Страна стала оживать. Зародилось доверие между российским обществом и российским правительством.

Но на этом история финансовой катастрофы не кончается. Совет Федерации (сенат) создал специальную Временную комиссию по расследованию причин, обстоятельств и последствий решений Правительства РФ от 17 августа, приведших к дефолту. Во главе ее была поставлена Валентина Николаевна Пивненко, которая в качестве представителя Законодательного собрания Республики Карелия входила в состав Совета Федерации с 1996 года. Эта решительная, мужественная женщина была обязана своей карьерой только себе: она долгие годы руководила профсоюзным движением в своей республике. В Совете Федерации Пивненко занимала пост заместителя председателя Комитета по бюджету, налоговой политике, финансовому, валютному и таможенному регулированию, банковской деятельности, так что новичком в финансовых делах ее не назовешь. Комиссия под ее руководством провела шесть официальных за-

седаний, в ходе которых заслушала ряд должностных лиц, имевших непосредственное отношение к событиям 17 августа 1998 г. Среди них был и бывший председатель Центрального банка Сергей Дубинин, укрытый в «Газпроме» на должности заместителя председателя правления. Вызванные господа Сергей Кириенко, Анатолий Чубайс и Егор Гайдар, несмотря на свою постоянно декларируемую приверженность демократии, отказались явиться на заседания комиссии и дать свои показания. Ясно, что они действовали так, заручившись поддержкой президента страны.

Комиссия получила письменные свидетельства на поставленные вопросы от Министерства финансов, Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг, Счетной палаты, Генеральной прокуратуры, Службы внешней разведки. Уклонился от предоставления информации только Центральный банк, при всех руководителях упорно отстаивающий свои претензии на «экстерриториальность».

В заключении комиссии, которое было опубликовано в «Парламентской газете» от 23 марта 1999 г. и с тех пор старательно замалчивается всеми средствами массовой информации и игнорируется всеми государственными правоохранительными структурами, говорилось, что решения от 17 августа принимались лично С. Кириенко и С. Дубининым при участии тогдашнего министра финансов М. Задорнова, первого заместителя председателя Центробанка С. Алексашенко, а также посторонних лиц — А. Чубайса и Е. Гайдара, не занимавших тогда должностей в государственных структурах, приглашенных лично Сергеем Кириенко в качестве экспертов. Эти шесть человек приняли решение келейно, без какой-либо экспертизы, не согласовали его ни в каких правительственных структурах, как того требует «Закон о правительстве», т. е. они превысили служебные полномочия и тем самым должны нести персональную ответственность за последствия своих действий.

С. Кириенко и С. Дубинин, нарушив требования национальной безопасности, позволили частному эксперту, А. Чубай-

су, вести консультации с руководителями иностранных финансовых организаций, которые имели свои интересы на российском финансовом рынке. В ходе этих консультаций им была передана информация конфиденциального характера, сознательно скрывавшаяся от российских участников рынка, представительных органов государственной общественности. При этом не было принято мер, исключающих использование этой информации нерезидентами в своих коммерческих целях, в ущерб национальным интересам России. Проекты государственных решений, таящие огромные негативные последствия для участников рынка, келейно обсуждались с представителями иностранных финансовых институтов, а российские инвесторы, представительные органы государственной власти, субъекты Российской Федерации дезинформировались руководителями правительства и Центрального банка.

Шесть вышеупомянутых «реформаторов» повинны в нарушении Гражданского законодательства, ибо статьи 310 и 817 Гражданского кодекса не допускают одностороннего отказа от выполнения добровольно принятых на себя договорных обязательств, а по их вине в результате дефолта Российское государство в одностороннем порядке расторгло договоры с большим числом юридических и физических лиц.

Оценивая последствия тех решений, которые были приняты 17 августа, комиссия отмечает в качестве наиболее значимых следующие:

1) катастрофическое снижение доверия к России, к российским коммерческим банкам, резкое удорожание кредитов для России, усиление оттока капиталов, рост требований и претензий к российским банкам;

2) в результате решений 17 августа оказалась разрушенной вся банковская система страны. Многие структурообразующие банки стали неплатежеспособными. По некоторым оценкам, до половины коммерческих банков разорились. Общая величина финансовых потерь коммерческих банков оценивалась в 100—150 млрд рублей;

3) сократился внутренний валовый продукт. Общие потери ВВП вследствие дефолта оценивались комиссией в 300 млрд рублей;

4) из-за разорения промышленного сектора, банковских структур, повышения цены за кредит и т. д. консолидированный бюджет недополучит 50 млрд рублей;

5) реальные доходы населения России только за один месяц — сентябрь 1998 г. — сократились на 31,1% и продолжали падать.

Комиссия подытожила первую часть своего доклада жестким выводом: «По масштабу нанесенного ущерба и глубине негативных последствий для населения России, государства и экономического развития страны решения от 17 августа следует рассматривать как тягчайшее преступление против общества и государства».

Главнейшей причиной, приведшей страну к финансовой катастрофе, по заключению комиссии стала финансовая пирамида ГКО-ОФЗ. Было выпущено облигаций в общей сложности на 436 млрд рублей, и доходов от новых выпусков не хватало на покрытие платежей по предыдущим. Поскольку эта порочная практика проводилась в жизнь в течение последних четырех лет (с 1994 г.), то игра в ГКО является либо признаком глубокой некомпетентности ответственных правительственных чиновников самого высокого ранга, либо аферных устремлений организаторов этой пирамиды с целью личной наживы. Комиссия резонно констатировала, что в течение всего предыдущего четырехлетнего периода для экономики России был характерен либо «нулевой», либо отрицательный показатель, при котором любое размещение государственных обязательств не имело надежных и безболезненных для будущих расходов бюджета источников их обслуживания. Даже самый начинающий школяр в экономике в таких условиях усомнится в целесообразности использования государственных заимствований для финансирования дефицита бюджета. На подобные «решения» способны только временщики, живущие по принципу «после нас — хоть потоп», но в руках таких людей находилась в те годы судьба России.

Комиссия Совета Федерации однозначно квалифицировала действия правительственных должностных лиц, и в частности бывших министров финансов А. Чубайса, А. Лившица и М. Задорнова, как профессионально некомпетентные, безответственные и халатные.

В заключении комиссии говорилось, что Центральный банк России сам превратился в игрока на рынке ГКО-ОФЗ, вместо того чтобы блюсти стабильность национальной денежной единицы. Получая громадные доходы от ГКО-ОФЗ (только в 1997 г. Центробанк получил от спекулятивных операций 5,5 млрд рублей дохода), руководство банка тратило их на создание всевозможных поощрительных фондов для своих сотрудников, на содержание которых и без того шли непомерные суммы (только в 1998 г. на это ушло 9,7 млрд рублей). Именно по этой причине Центробанк всячески отбивался от всякого контроля со стороны законодательной власти.

Была отмечена и роль Международного валютного фонда, политика и рекомендации которого лежали в основе действий российских должностных лиц. МВФ, выступая от лица иностранных инвесторов, постоянно отслеживал экономическую политику российского правительства. Без его, по крайней мере, молчаливого согласия был бы невозможен стремительный рост государственной задолженности по принципу финансовой пирамиды. Руководители МВФ были заранее проинформированы о дефолте, но не выразили ни малейшей обеспокоенности насчет последствий этого шага для экономики России, а также иностранных инвесторов. Они даже не обратили внимания на то, что Россия тем самым нарушает условия займов, которые ранее были предоставлены ей Международным валютным фондом.

Нельзя сказать, что государственные структуры страны не видели опасности, которая заключалась в пирамиде ГКО-ОФЗ. Еще в феврале 1998 г. Государственная дума приняла в первом чтении закон, в котором предлагалось незамедлительно провести реструктуризацию внутреннего долга (в том числе ГКО-

ОФЗ), превратив все краткосрочные обязательства в облигации со сроком погашения в десять лет при 4% годовых в реальном исчислении (с поправкой на инфляцию). Это было абсолютно разумное решение, но правительство в лице Бориса Немцова, Михаила Задорнова, Сергея Дубинина и Сергея Алексашенко заблокировало прохождение этого законопроекта, мотивируя свою позицию тем, что, дескать, нет нужды реструктуризировать долг, поскольку государство способно своевременно обслуживать все свои обязательства по займам. Снова задумаешься о том, что руководило этими людьми: личная заинтересованность или полная профнепригодность. С точки зрения интересов государства и то и другое является преступлением. По ходу дела комиссия отмечала, что высокопоставленные государственные лица, в частности, А. Чубайс, А. Кох, С. Алексашенко, сами азартно зарабатывали деньги на спекулятивных операциях с государственными ценными бумагами.

Комиссия рекомендовала «продолжить расследование обстоятельств принятия решений от 17 августа силами правоохранительных органов в целях выявления возможных фактов использования информации о готовящихся решениях в коммерческих интересах и в ущерб интересам государства, передачи конфиденциальной информации представителям иностранных и российских финансовых организаций, в также уточнения реальных мотивов принятия решений от 17 августа, активного участия в их подготовке А. Б. Чубайса и Е. Т. Гайдара, приглашенных в качестве «экспертов». Сам текст заключения Временной комиссии направлялся в Генеральную прокуратуру РФ.

Временная комиссия предлагала Совету Федерации обратиться к президенту России с рекомендацией запретить лицам, участвовавшим в подготовке решений от 17 августа, занимать какие-либо должности на государственной службе или в организациях, в которых имеется доля государственной собственности.

Само заключение появилось в свет лишь в марте 1999 г., когда жгучая боль от финансового обвала стала утихать. Прези-

дент, крайне озабоченный этим сенатским расследованием, сделал все возможное, чтобы не дать ему дальнейшего хода. Все названные виновники финансового краха к этому времени укрылись в «Газпроме», в РАО «ЕЭС» и других коммерческих структурах с государственным участием и старались сидеть тихо, не привлекая общественного внимания. Зато были задействованы все рычаги влияния среди законодателей, средств массовой информации, чтобы опустить на это расследование железный занавес молчания. В очередной раз можно убедиться, что хотя в России нет формальной цензуры, но и свободной прессы тоже нет. Доступ граждан к информации определяется классом новых собственников, контролирующих средства массовой информации.

Никаких реальных мер по итогам заключения Временной комиссии не было принято. Сам документ останется окаменевшим памятником суррогатной демократии 90-х годов в России.

Как раз в тяжелейшие дни финансовой катастрофы в Москву приехал Билл Клинтон (1—2 сентября 1998 г.). Визит, правда, планировался задолго до дефолта, но в создавшейся ситуации его можно было отложить. Однако Клинтону было крайне важно использовать выгодный момент, чтобы решить свои проблемы. Помнится, у меня сорвалась в одной из телепередач фраза: «Россия сидит голой хвостовой частью на раскаленной плите, а президент занимается не тем, чем надо!» В ходе встреч с Ельциным президент США без труда добился согласия России на создание «совместного» центра по наблюдению за запусками баллистических ракет из сопредельных с Россией стран. Техническое оборудование такого центра, финансирование и определение рабочих программ возлагались на США, мы же представляли территорию и частично персонал. Этот абсолютно невыгодный для России проект вызвал сразу же недовольство со стороны Китая, Индии, Пакистана. Американские аналитики уже давно начали обдумывать мысль о пристегивании России к стратегическим интересам США в противостоянии с Китаем, основным стратегическим соперником Соединенных Штатов в XXI веке.

Следуя давно уже разработанному плану лишить Россию ее ядерного щита, Клинтон поставил вопрос о дезактивации по 50 тонн оружейного плутония с каждой стороны. По публиковавшимся тогда в прессе данным, у США было в наличии 100 тонн такого плутония, а у России 150 тонн этого мощного источника ядерной энергии. Поскольку США имеют подавляющее превосходство в обычных вооружениях, в их задачу всегда входило и входит максимальное снижение уровня ядерных вооружений, чтобы сократить возможность соперничества со стороны России. Б. Ельцин даже и глазом не моргнув подписал такое соглашение.

Мне было любопытно наблюдать, как Клинтон и его свита проводили глубокую разведку состояния политического истеблишмента России. Президент США устроил прием в резиденции американского посла в Москве, на который были приглашены не только многие члены правительства, но и лидеры политических партий, парламентские деятели, не говоря уже о прозападно настроенных общественных активистах. Мадлен Олбрайт в этот вечер уделила особое внимание беседе с генералом А. Лебедем, поскольку в США имелись опасения, что в России может вспыхнуть военный переворот как реакция на финансовый кризис. Б. Клинтон отказался включить в свою программу поездку в Государственную думу, предпочел вызвать некоторых думцев к себе «на ковер». Лишь три человека, на мой взгляд, поступили в тот момент мужественно: не поехали в посольский дом, как данники к татарскому хану, хотя и получили приглашения. Это были Егор Строев, Геннадий Селезнев и Юрий Лужков. Остальные угодливо улыбались, прикладываясь к ручке. Саратовский губернатор Дмитрий Аяцков отколол «коленце», когда, выйдя из дома посла, крикнул собравшимся журналистам: «Я завидую Монике Левински. Клинтон во... какой мужик» — и увидел в ответ округленные от удивления глаза.

Правительство Примакова тем временем постепенно выравнивало государственный корабль, получивший опасный крен после 17 августа. В октябре премьер-министр выступил с

программным заявлением по телевидению, сказав, что его цель — «создание нормальных условий жизни для соотечественников». Таких слов наш народ не слышал восемь предыдущих лет безраздельного господства в правительстве «демократов». Были приняты чрезвычайные меры по преодолению продовольственного кризиса. Для облегчения подвоза в города овощей и плодов были снижены на 50% железнодорожные тарифы на эти грузы. Сняты любые ограничения на передвижение продовольственных товаров по территории России. Эти ограничения были введены под горячую руку местными властями в первые дни после 17 августа. Россия договорилась с Украиной и Белоруссией о том, что часть своих долгов они заплатят продовольствием. Снижены таможенные пошлины на ввоз некоторых видов продовольствия.

Все расчеты государства с предприятиями впредь стали производиться через федеральное казначейство, тем самым устранялись посредники в виде коммерческих банков. Обнаруженные на складах Таможенного комитета завалы импортного оборудования на общую сумму в 1 млрд долларов, находившиеся под арестом либо из-за неуплаты пошлин, либо из-за небрежного оформления документов, были разморожены и задействованы в производстве. Жесткими административными мерами взяты под контроль центры производства и оптовые базы алкогольных напитков.

Премьер-министр провел совещание с губернаторами, которым заявил без обиняков: «Правительство не потерпит удельно-княжеского подхода в отношениях регионов с Центром». Это было началом той политики, которая затем стала называться «укреплением вертикали власти». Примаков выступил с предложением принять закон, который позволял бы исполнительной власти снимать со своих должностей тех губернаторов, которые нарушали Конституцию и федеральные законы. В то же время премьер предложил ввести в состав Президиума правительства нескольких влиятельных губернаторов для лучшего понимания нужд регионов и более эффективного взаимодей-

ствия. Воссоздали Министерство региональной политики, которое было призвано разрабатывать меры по регулированию отношений между Центром, субъектами Федерации и муниципалитетами. Впервые стало прорисовываться что-то вроде осмысленной региональной политики. В этом процессе по укреплению государственности парадоксальным образом почти никакого участия не принимали специальные представители президента при главах субъектов Федерации, а им, казалось бы, полагалось заботиться об этом в первую голову. Но они были не государственными людьми, а личными соглядатаями Б. Ельцина.

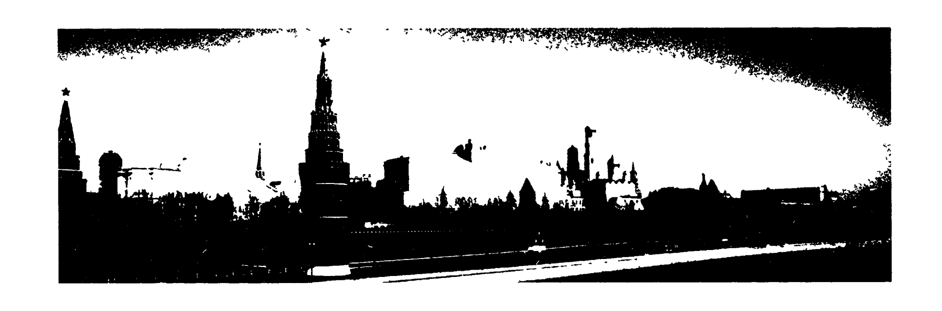
Все губернаторы признали, что заступили за правовую черту, пытаясь смягчить удар финансового кризиса для населения своих регионов, и выразили готовность к сотрудничеству.

Курс нового правительства был стихийно поддержан самыми широкими массами. Показательно, что когда на стадионе «Лужники» на футбольном матче между «Спартаком» и мадридским «Реалом» в конце сентября появился Примаков, то 50 тысяч москвичей встретили его бурными аплодисментами, которые ранее не доставались ни одному правительственному чиновнику. А несколькими днями раньше, когда на этом же стадионе состоялся футбольный матч, посвященный проводам популярного вратаря Рината Дасаева, которому управляющий делами президента П. Бородин зачитал приветствие Б. Ельцина, масса болельщиков сначала замерла, а потом разразилась свистом и улюлюканьем протеста.

Правая печать с первых дней работы нового правительства открыла по нему ураганный огонь. В действиях Примакова не нравилось все. Его обвиняли в излишней закрытости, в том, что он привел с собой из МИДа помощников (Юрия Зубакова и Роберта Маркарьяна), через которых нельзя было «протолкнуть» никакую бумагу. Антиалкогольные меры правительства окрестили кампанией «Бей до дна!», «Левая водка от левого правительства» и т. д.

Зная болезненную ревность Б. Ельцина к возможным политическим соперникам, пустили слух о том, что Примаков метит

в президенты и что его программа носит предвыборный характер. Проходило несколько дней, и в ход пускалась очередная утка: о том, что, дескать, скоро в России будет запрещено хождение доллара. Против вице-премьера Ю. Маслюкова стали распространять сплетни, будто он является владельцем 11 автомобилей, хотя ГАИ официально подтвердила, что у него лишь один старенький автомобиль. Газеты и телевидение закатывались в истерике, в то время как на митингах и демонстрациях полностью исчез лозунг «Правительство в отставку!», бывший самым популярным в предшествующие месяцы и годы. В кампанию травли премьера включился даже Григорий Явлинский, который ранее приписывал себе лавры «открывателя» Примакова как кандидата в премьеры. Он выступил с публичным заявлением, что-де правительство Примакова коррумпировано, а должности в нем покупаются. Никаких фактов и доказательств, разумеется, у него не было. Перед этим заявлением он только что вышел из больницы и, видимо, зараженный «вирусом Жириновского», решил скандальным заявлением напомнить о том, что он еще не ушел с политической сцены. Из публики ему задали издевательский вопрос: а кому надо вносить деньги за посты в правительстве: Б. Ельцину, Е. Примакову или председателю Центробанка?



НАЧАЛО РАСПАДА РЕЖИМА Б. ЕЛЬЦИНА

Конец 1998 года был чрезвычайно богат скандалами. Экстремисты справа и слева затевали шумные склоки, надеясь привлечь к себе внимание. Это уже были признаки начинающейся предвыборной кампании. Владимир Жириновский, находясь в Европе, заявил, что с 2002 года Россия станет империей, а он — императором под именем Владимира I. Над ним смеялись, как над шутом гороховым. А вот когда 4 ноября отставной генерал Альберт Макашев, выступая на митинге возле телецентра «Останкино» и отвечая на поступавшие к нему анонимные угрозы, ответил: «Я тогда захвачу с собой на тот свет десяток жидов», то в стране поднялась настоящая буря. Борис Березовский, почувствовав себя оскорбленным, потребовал запретить коммунистическую партию, членом которой состоял А. Макашов. Ему вторил Е. Гайдар. Кто-то требовал предания суду Макашова за разжигание межнациональной розни, кто-то настаивал на увольнении Березовского с государственной службы (он был в то время исполнительным секретарем союза Россия—Белоруссия). Дума поставила на голосование резолюцию, осуждающую высказывания депутата А. Макашова, но за осуждение проголосовали только 107 депутатов из 450, т. е. меньше

одной четверти. Группа олигархов, в основном лица еврейской национальности, давила на все рычаги, чтобы из этого эпизода сотворить внутриполитический кризис, но общество уже не поддавалось давлению прессы. Костяк политического истеблишмента только пожимал плечами на требование запретить компартию, как бы желая сказать: «Куда это вас, ребята, занесло!»

Внезапно, в эти же дни, в Москве было совершено еще одно провокационное действо. Невесть откуда появившаяся «дружина» организации, известной под названием «Русское национальное единство», руководимой скандально известным А. Баркашовым, демонстративно продефилировала по одному из московских бульваров. «Акция» состояла в том, что несколько десятков человек вяло прошагали на глазах у удивленных прохожих, выставляя напоказ свои нарукавные повязки с изображением видоизмененной свастики. Поразительно, что об этом каким-то тайным образом заранее узнали телевизионщики самой прозападной компании — «НТВ», возглавлявшейся Гусинским. Отснятые кадры были десятки раз прокручены на телеэкранах и выдавались за доказательство растущей угрозы «фашизма» в России. А фашизм и коммунизм демократы ставили на одну доску.

Президент потребовал, чтобы Министерство юстиции, Генеральная прокуратура занялись расследованием проявлений «экстремизма». Сам выступил с заявлением: «Любые попытки оскорбить национальные чувства, ограничить права граждан по национальному признаку будут пресечены в соответствии с Конституцией и законами Российской Федерации».

Мне как политическому комментатору телепередачи всегда было неприятно касаться вечно больной темы, называемой «еврейский вопрос», но уклониться от нее в те дни было невозможно из-за шквала телефонных звонков и писем. Я напомнил зрителям, что еврейский вопрос был поднят не генералом Макашевым и не секретарем Московского городского комитета КПРФ А. Куваевым, который тоже нелестно отозвался о неко-

торых журналистах еврейской национальности. Я напомнил, что в сентябре 1998 г. в весьма популярной и многотиражной газете «Аргументы и факты» было опубликовано открытое письмо известного журналиста еврейской национальности Эдуарда Тополя, озаглавленное: «Возлюбите Россию, Борис Абрамович!». Оно было обращено к Березовскому. Сила и значение этого письма были в том, что писал бедный еврей еврею-олигарху. В письме говорилось, что своими циничными, эгоистичными действиями сверхбогатая еврейская верхушка создает базу для роста антисемитизма. Эта верхушка безразлична к России и ее народу и улетит за границу при первой опасности, а сотням тысяч простых евреев придется расхлебывать заваренную ими кашу. (Кстати, Э. Тополь оказался прозорливцем, через два года в России уже не было ни Березовского, ни Гусинского.) К аргументации Э. Тополя можно добавить, что олигархическая верхушка была не только безразлична к судьбам России, но демонстративно куражилась над общественностью своим всесилием. Не евреи, а именно эта крошечная группка олигархов вызывала в стране неприятие и отторжение. А прикрывалась эта воровская шайка, как щитом, так называемым «еврейским вопросом».

По поводу баркашовцев приходилось говорить, что они вызывают у меня глубокие подозрения в том, что являются инструментом сил, чуждых русскому народу. Нельзя было не обратить внимания, что их устроители преднамеренно облачили своих «дружинников» в униформу, напоминающую фашистскую. В качестве символа взят знак «солнцеворота», весьма напоминающий именно свастику. Про корни древнеславянского «солнцеворота» знают немногие, а вот свастика знакома каждому. Баркашевцы приветствовали друг друга поднятием руки точь-в-точь как гитлеровцы. При всем этом тайные каменщики РНЕ не могли не знать, сколь глубоко враждебна и оскорбительна не только для русских, а для всех народов прежнего Советского Союза эта театральная бутафория (она, кстати, отвергается и во всем мире), т. е. баркашевцы заранее обрекали себя на роль катакомбной организации изгоев.

Не могло остаться незамеченным одно важное обстоятельство. «Русское национальное единство» жило странной жизнью: оно появлялось на поверхности политической борьбы в России тогда, когда у так называемых демократов была нужда в том, чтобы пришить своим оппонентам ярлык «фашистов». Тут-то и являлись баркашевцы и «прилипали» к тем, кого надо скомпрометировать. Так было в 1993 г. во время осады Белого дома, так повторялось много раз потом и завершилось в 1998 г. прогулкой по Бескудниковскому бульвару. Во все остальное время страна не знала и не ведала, что где-то живут и что-то делают какие-то баркашовцы. Они становились пугалом, но служили не русскому народу, а его врагам. В прессе мелькали сообщения о том, что эту организацию финансировал Б. Березовский. Я готов согласиться с этим.

Однажды во время моей публичной лекции в Электростали, встревоженные, организаторы сообщили мне, что в зале сидят компактной группой баркашовцы. Я к этому отнесся спокойно. Но самый первый вопрос был мне задан ветераном Великой Отечественной войны и касался моего отношения к баркашовцам. Я сказал примерно то, что написано выше. Баркашовцы встали и быстро покинули зал, а я, обращаясь к аудитории, сказал: «Если бы эти парни были фашистами, они сейчас бы учинили дебош, избили лектора, сорвали нашу лекцию. Они этого не сделали. Это честные, но обманутые ребята, которые впервые посмотрели на себя со стороны и устыдились». Уехал Березовский, и совсем не стало слышно о баркашовцах.

В ту горячую осень 1998 г. события сыпались, как Яблоки под сильным ветром. 20 ноября в Санкт-Петербурге у дверей квартиры своей матери была убита очень популярная правая политическая деятельница, депутат Государственной думы Галина Старовойтова. Она давно подвизалась на общественной арене, куда взобралась в качестве народного депутата от Нагорного Карабаха еще в 1989 году. После 1991 г. она психолог по образованию стала советником Б. Ельцина по межнациональным вопросам, яростно выступала против коммунистов и входила в

группу наиболее активных и шумных сторонников «реформ». Не скрывала своих прозападных симпатий, за что была избрана даже почетным доктором Браунского университета США. Ее арсенал аргументаций не был ни оригинальным, ни слишком обширным, но она мастерски использовала свои ораторские и полемические способности и легко могла переговорить кого угодно в дискуссионной схватке. Мне довелось лишь однажды лично пересечься с ней в приемной Б. Ельцина в Белом доме в мае 1991 г., куда прибыла группа сотрудников КГБ СССР, чтобы обсудить вопрос о создании отдельного КГБ для России. Помню, как она коршуном налетела на тогдашнего председателя КГБ Крючкова В. А. и стала крикливо требовать немедленного снятия якобы установленного за ней наружного наблюдения. Ошарашенный Крючков долго не мог понять, чего она хочет. Всегда выдержанный в личном общении, он мягко старался успокоить разбушевавшуюся Старовойтову: «Что вы говорите, Галина Васильевна? Нам и в голову не приходило устанавливать за вами наблюдение, поскольку в этом нет никакой надобности. Вы известный публичный политический деятель, ваши взгляды, ваши связи, ваши направления деятельности хорошо известны всей России. Ваша сила в публичности вашей деятельности!» Он спросил, на чем основаны ее подозрения и страхи. В ответ посыпались сбивчивые, путаные упреки, из которых ничего понять было нельзя. И вот теперь, семь с лишним лет спустя, тело этой воительницы было найдено в луже крови на лестничной площадке.

До этого момента можно было твердо сказать, что в России не было политического террора. Все попытки выдать за таковой инсценировки покушений (Лысенко Н. Н., Боровой К. Н. и др.) оканчивались, как правило, разоблачением их авторов. А тут с учетом особой важности Г. Старовойтовой как рупора «демократических сил» сразу возникли подозрения в политической подоплеке покушения. Сам Б. Ельцин писал: «Кто ее убил? Фанатики? Разгул коммунистической истерии конца 1998-го начала 99-го был таков, что участие в убийстве каких-нибудь левых

экстремистов было вполне возможно. Это создавало ощущение общей тревоги. Неуверенности. У кого-то даже страха».

«Демократы» использовали ситуацию на полную катушку. Не дожидаясь результатов следствия, однозначно приписали убийство левым силам. 22 ноября в Москве они организовали вечер памяти покойной, на котором слышались совершенно ясные адреса «убийц». Егор Гайдар сказал, что это убийство является попыткой запугивания, и призвал «ответить на это борьбой против коричневой морды, которая в последнее время выползла из-под красных знамен КПРФ». Ирина Хакамада, которая с тех пор стала считать себя как бы преемницей Старовойтовой, назвала покушение «первым по-настоящему политическим убийством», отметив, что Галина Старовойтова никогда не была связана с бизнесом[1].

«Когда убивают женщину-политика, это означает, что те, кто это сделал, ничего не боятся и считают, что еще чуть-чуть и демократы будут стоять на коленях». В таком же ключе были выступления и других демократов. Правоохранительные органы не могли устоять перед валом требований принять самые жесткие меры для поимки преступников. За десять дней после гибели Старовойтовой только в Санкт-Петербурге задержаны полторы тысячи человек. Создавались психологические предпосылки для начала массовых политических репрессий. Напуганные коммунисты, естественно, открестились от всяких намеков на их причастность к убийству и даже стали настаивать на принятии экстраординарных мер по борьбе с терроризмом.

Разбушевавшуюся общественную истерию стали приглушать только реальные результаты следствия. Выяснилось, что Галина Старовойтова летела в Санкт-Петербург с крупной суммой наличных денег — около миллиона долларов, которые предназначались для кампании по выборам депутатов городской Думы. Свой отъезд из Москвы она старательно маскирова-

---

[1] В ходе следствия было установлено, что Г. Старовойтова была учредителем 36 коммерческих структур.

ла, несколько раз заказывая и перезаказывая билеты на различные виды транспорта. Даже для отъезда в аэропорт использовала случайное такси. Сопровождал ее в поездке личный помощник Руслан Линьков, который находился рядом в момент покушения, но практически не пострадал и укрылся в квартире соседки. Сотрудничать со следствием он категорически отказался. Выяснилось, что при ней был чемодан с валютой, который и стал желанным трофеем для убийц. Ничего другого с места происшествия не пропало. Рядом валялся брошенный автомат иностранного производства. Скандал, поднятый демократами, стал угасать. Следствие, как в подавляющем большинстве аналогичных случаев, уперлось в стену. Киллеры в России приобрели к этому времени высокий уровень квалификации, и сыщики бессильны перед ними. Докапываться, от кого скрывала Г. Старовойтова факт своего отъезда и выбор маршрута и кто мог знать о содержимом чемоданчика, властям было невыгодно по совершенно очевидным политическим соображениям. «Демократы» должны были остаться с незамутненно чистой репутацией.

Признаки безвластия нарастали день ото дня. Осмелевшие чеченские боевики, которым, видимо, надоело терять время на торговлю простыми журналистами и военнослужащими, решились на дерзкую акцию. Они выкрали и увезли в горы полномочного представителя президента Российской Федерации в Чечне Валентина Власова. Бессильная федеральная власть вступила через посредство дагестанских представителей в торг с похитителями. Те требовали за возвращение Власова семь миллионов долларов, российская сторона предлагала четыре миллиона. Те не соглашались, торг продолжался, на чем сошлись, осталось «коммерческой тайной». В. Власов в конце концов вернулся на родину и с тех пор больше в Чечне не появлялся. Он пробыл в плену более шести месяцев.

Даже в кругах респектабельной новой российской буржуазии стали появляться серьезные опасения за будущее страны при продолжении ельцинского правления. Озабоченность сна-

чала проявлялась в кулуарных разговорах, затем стала выплескиваться и на публичный уровень. Потребность в стабильности становилась все более очевидной. Возможность стабильности также представлялась весьма реальной благодаря устойчивому высокому рейтингу премьер-министра Евгения Примакова и начавшему формироваться вокруг него некоему общенациональному консенсусу. До очередных парламентских выборов оставалось более года, а по действующим законам РФ для того, чтобы политическая партия или общественно-политическое движение могли принять в них участие, они должны были быть зарегистрированы не менее чем за год до даты выборов. Все эти соображения легли в основу плана создания новой общественно-политической организации «Отечество», лидером которой стал московский мэр Юрий Лужков. Он предварительно обсудил идею создания «Отечества» с рядом региональных лидеров, политических деятелей, представителями деловых кругов, которые поддержали его. 19 ноября 1998 г. состоялось первое заседание оргкомитета. В нем приняли участие более 200 человек, среди которых были непотопляемый Аркадий Вольский — председатель Российского союза промышленников и предпринимателей, Дмитрий Рогозин, возглавлявший Конгресс русских общин (КРО), бывший пресс-секретарь и заместитель главы президентской администрации Сергей Ястржембский, главы администраций Мордовии, Карелии, Мурманской, Ярославской, Архангельской и ряда других областей

Всего за один месяц удалось провести большую организаторскую работу, и 19 декабря 1998 г. в Колонном зале собрался учредительный съезд нового общественно-политического движения. Перед 1125 делегатами, 300 гостями и 450 журналистами с программной речью выступил Юрий Лужков, который довольно жестко констатировал провальное окончание «эксперимента по созданию всеобщей либерализации». Он предложил свою версию ответа на вопрос, что же стряслось с нашей Россией. Нынешние власти, по мнению московского мэра, отказались от использования квалифицированных кадров — государ-

ственная политика строилась по принципу — «что ты делал в августе 91-го?». К власти пришли «книжники», «не знакомые с практикой» и знающие только крайние рычаги управления. Именно поэтому экономические потери последних десяти лет сравнимы с ущербом, полученным в годы Великой Отечественной войны. При этом, вытаскивая страну из топи, в которой она оказалась, по мнению Ю. Лужкова, не надо хвататься за все сразу. Приоритетным направлением была избрана поддержка отечественного товаропроизводителя, восстановление предприятий, выпускающих финишную продукцию, развитие малого и среднего бизнеса. Выступление Ю. Лужкова было встречено аплодисментами.

Съезду было доложено, что в состав нового движения вошло около сорока политических и общественных организаций, что идеи «Отечества» разделяют профсоюзные организации, что на местах уже создано 88 региональных отделений.

Создание «Отечества» было реакцией наиболее здравомыслящей части российского политического истеблишмента на распадающуюся власть Семьи и сплотившихся вокруг нее олигархов. «Отечество» ни в коей мере не представляло собой социальную альтернативу режиму Б. Ельцина. Оно было далеко от левопатриотических позиций, от апелляции к низам. Здесь скорее раскол в правящей верхушке. «Отечество», как явствует из самого названия, декларировало в некоторой степени возвращение к национальным, патриотическим истокам. Для придания благородного колера новому движению в состав его руководящих органов введены такие известные деятели, как ректор Московского государственного университета Виктор Садовничий (ставший к тому же председателем московского регионального отделения «Отечества»), Александр Калягин — председатель Союза театральных деятелей, Виктор Мишин — бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ и т. д. В то же время к «Отечеству» примкнули многие вчерашние соратники и близкие к Б. Ельцину выдвиженцы, среди которых оказались генерал Борис Громов, бывший министр внутренних дел А. Куликов, быв-

ший секретарь Совета безопасности А. Кокошин, бывший пресс-секретарь Б. Ельцина С. Ястржембский и многие другие. Это была довольно пестрая компания, в которой затейливо перемешались обиженные, невостребованные, хамелеонистые политики (например, С. Ястржембский впоследствии еще раз перебежал из лагеря в лагерь, вернувшись под президентское крыло) с честными, патриотически настроенными людьми, которые увидели в «Отечестве» альтернативу «ельцинской банде».

В дни работы съезда я сделал следующую запись в своем дневнике: «Тут были и Иосиф Кобзон, друг «Япончика», которого не пускают в США из-за причастности к организованным преступным группировкам, арестовывали в Израиле и выпустили только по личной просьбе тамошнего премьер-министра и Отари Кантришвили. Тут и ультраупитанный пианист Николай Петров, бывший доверенным лицом Б. Ельцина во время прошлой президентской кампании и получивший известность за свой призыв бить оппозицию канделябрами. Тут и внук В. М. Молотова, тоже Вячеслав, как и дед, но только с фамилией Никонов, который был помощником предателя В. Бакатина, а потом принадлежал ко всем партиям, где пахло кухней. Он входил в партию С. Шахрая, в партию «Мое отечество» (Б. Громов, И. Кобзон, С. Шаталин), а потом в партию И. Рыбкина. Упокоится ли его душа теперь? Вряд ли.

Из-под крыла президента перелетела целая стая пернатых, ищущих тепла и пищи.

Но рядом с ними сидели и лидеры профсоюзов, которые обещали защитить интересы умирающих от голода учителей, врачей, шахтеров. Съезд получил теплое послание от лидера коммунистов Геннадия Зюганова.

Глядя на эту политическую супертусовку, я все время представлял себе библейскую картину Всемирного потопа. Действительно, когда Ю. Лужков говорил о том, что «беспорядок достал всех», вспоминались слова Священного Писания: «Земля растлилась перед лицом Божиим и наполнилась земля злодеяниями». В этой ситуации «Отечество» стало подобием Ноева ков-

чега, куда новый кормчий взял «всякого скота чистого по семи... и из скота нечистого по две и из всех пресмыкающихся по земле».

Пока «Отечество» представляло собой огромный не спевшийся хор с разнокалиберными голосами. На хорошую идею слетелось слишком много слишком хорошо известных своим политическим приспособленчеством господ...

Сидевший в зале бывший вице-премьер Олег Сысуев, представлявший президентскую рать, точно и правильно сказал: «Более 70% находящихся в зале, а тем более в президиуме, несут ответственность за все, что случилось с Россией».

В ходе работы учредительного съезда в воздухе витало ощущение, что российская национальная буржуазия начала осознавать себя как класс и готова побороться с абсолютно чужеродной компрадорской олигархической кликой, сплотившейся вокруг Б. Ельцина. Даже постоянный лидер правых политических группировок в России Анатолий Чубайс заявил, что он не является врагом нового общественно-политического движения. Единственное, за что он покритиковал Лужкова, так это за популистские заявления последнего о готовности пересмотреть итоги приватизации в тех случаях, когда новые собственники оказались несостоятельными в качестве эффективных владельцев и управленцев.

Б. Ельцин почувствовал, что в лице Ю. Лужкова и его «Отечества» возникает реальная угроза прихода к власти в России умеренных, прагматически настроенных кругов новой буржуазии. Он даже не послал никаких приветствий съезду. Коммунистов президент сбрасывал со счетов как возможных конкурентов, потому что в крайней необходимости мог пойти на любые противоправные меры, зная, что встретит понимание не только на Западе, но и в России, со стороны тех же самых сил, которые теперь объединяются в «Отечестве». Ведь только вчера, во время последних президентских выборов, вся Москва и пригороды были усеяны громадными транспарантами, на которых изображены обнявшиеся Ельцин и Лужков, с надписью: «Вместе мы

победим», а теперь Лужков превращался в главного политического противника. Сильно рассерженный тем, что администрация во главе с Валентином Юмашевым практически проспала процесс зарождения и формирования «Отечества», Ельцин 7 декабря 1998 г., внезапно появившись в Кремле, разогнал все руководство прежней администрации и назначил столь же решительно, сколь скоропалительно руководителем администрации генерал-полковника Николая Николаевича Бордюжу. Карьеры генералов при Ельцине были стремительны и переменчивы, как при всех деспотичных самодурах в истории России. В мирное время стать генерал-полковником в сорок лет в нормальной стране крайне проблематично, но в специфических условиях России это случалось нередко. Н. Бордюжа был честным, собранным, грамотным генералом пограничных войск и занимал пост начальника штаба Федеральной пограничной службы. Но стоило его начальнику генералу Андрею Николаеву чем-то не угодить президенту в январе 1998 г., как он немедленно был уволен из Вооруженных сил России, а в карьере Н. Бордюжи начались фантасмагорические превращения. Бывший работник кадровых аппаратов КГБ, ФАПСИ, ФПС, он теперь возглавил всю Федеральную погранслужбу. Пробыв в этой должности всего девять месяцев, он очередным указом Б. Ельцина был назначен секретарем Совета безопасности, хотя у бедняги генерала не было для этого никакой подготовки и опыта. Бордюжа еще не успел освоиться в новом кабинете, как три месяца спустя его назначили руководителем администрации президента. Трудно понять, чем руководствовался Ельцин, устраивая такую чехарду на высших государственных должностях. Скорее всего он искал лихорадочно кандидата на роль своего преемника среди военных, ориентируясь прежде всего на их безоговорочную преданность и дисциплинированность. Сам-то Борис Николаевич в воспоминаниях пишет, что он хотел милитаризовать администрацию, чтобы припугнуть совсем распоясавшуюся оппозицию. Одно дело, когда во главе администра-

ции стоит вчерашний журналист из «Огонька» Валентин Юмашев, и совсем другое, когда руль держит молодой генерал-полковник.

Всякий, кто был близко знаком с обстановкой в тогдашней администрации президента, с полным основанием утверждал, что честному человеку там было нечем дышать. Н. Бордюжа «не вписался» в команду. Он был обвинен в слишком тесном взаимодействии с Примаковым, в том, что содействовал устранению Б. Березовского с поста исполнительного секретаря СНГ и т. д. В околокремлевских кругах довольно громко шептались, что у Н. Бордюжи не сложились отношения с дочерью президента всесильной Татьяной Дьяченко, которая привыкла обращаться с должностными лицами администрации, как с посудой на кухне. Н. Бордюжа и на этом посту пробыл неполных четыре месяца, успел только получить звезду полного генерала армии и был переведен на «новую работу».

Хаотичность и малая предсказуемость действий президента вызывали в обществе кучу кривотолков. На полную политическую изжитость накладывались физическая немощь и то, что на дипломатическом языке называлось «известная болезнь». 12 декабря 1998 г. русскому писателю Александру Исаевичу Солженицыну исполнялось 80 лет. Теперь он жил замкнуто, его отлучили от средств массовой информации, после того как он написал жесточайшую для Б. Ельцина книгу «Россия в обвале». Нобелевский лауреат жил на положении политического эмигранта. Его не принимали ни власть, ни левая оппозиция, не простившая ему борьбы с советской властью, которая завершилась разрушением самой исторической России. Б. Ельцин решил привлечь на свою сторону этого патриарха литературно-публицистических баталий, имя которого еще популярно на Западе. Он поручил своим помощникам прозондировать позицию А. Солженицына на предмет награждения его орденом Андрея Первозванного, который был учрежден Петром I в 1697 г. Мысль о награждении Солженицына могла возникнуть только

в головах людей, не читавших до этого его книгу «Россия в обвале», в которой вся вина за бедственное положение страны возлагалась на руководство России. Другими словами, но с той же фактурой, в книге излагались факты, на основании которых коммунисты инициировали принудительное отрешение от должности президента Б. Ельцина.

А. Солженицын, когда ему сообщили желание президента наградить его столь высоким орденом, честно и откровенно заявил, что не готов принять награду от власти, повинной в разорении страны. Он даже направил в администрацию письменный отказ от награды в случае принятия соответствующего указа. И все-таки Ельцин настоял на своем, явно нарываясь на скандал. Когда был обнародован указ президента о награждении Солженицына, писатель публично отказался принять награду. Такого не случалось за 300 лет существования ордена.

Вообще практика награждения восстановленным орденом Андрея Первозванного вызывала много кривотолков в российском общественном мнении. Вспоминали, что Петру I в условиях войны со Швецией, больших дипломатических успехов понадобилось четыре года, чтобы появились первые четыре кавалера вновь учрежденного ордена. Б. Ельцину в условиях почти тотального развала страны по всем направлениям потребовался всего один год для выбора четырех орденоносцев. Но награжденные не воспринимались, как в полной мере достойные этой исторической награды. Первым кавалером, как известно, стал академик Дмитрий Лихачев, специалист по древнерусской литературе. В далекой молодости — в 1928 году, будучи 22-летним юношей, он был арестован и пробыл три года в Соловецком лагере особого назначения, где в те времена режим был весьма либеральным, заключенные устраивали концерты, спектакли и т. д. Когда читаешь его биографию в «Россия-2000. Современная политическая история. Лица России», то остается впечатление, что все последующие годы власть старалась загладить свою вину перед Лихачевым Д. С. Там содержится бесконечное перечисление его почетных титулов, званий, наград, но

нет даже упоминания о каких-то фундаментальных трудах, создавших славу России. В последние годы он активно выступал как общественный деятель с радикально-демократических позиций, особо отличился в 1998 г., отстаивая идею захоронения «останков царской семьи». Лихачев даже приезжал лично к Ельцину, чтобы уговорить его довести дело до конца. И вот в сентябре 1998 г. он стал первым кавалером ордена Андрея Первозванного, как бы в награду за «похоронную эпопею».

В октябре 1998 г. этим орденом был награжден Михаил Тимофеевич Калашников, создатель всемирно известного автомата. В этом случае личность не вызывает вопросов. Генерал-лейтенант, доктор технических наук, всю свою жизнь отдал созданию и совершенствованию стрелкового вооружения. В какой-то мере парадоксально, что его автомат, состоящий на вооружении 55 стран мира и даже изображенный на гербах шести государств, принесший, возможно, нашей стране известность и деньги, не принес ей военной славы. Мы не выиграли ни одной войны с автоматом Калашникова, он не дал нам военных преимуществ. Более того, нас били именно из автоматов Калашникова в Афганистане и Чечне. Он стал главным оружием преступных группировок. Конечно, конструктор совершенно не виноват в том, что политики так нерасчетливо распорядились этим в свое время революционным типом оружия российского воина, но горечь от того, что мы понесли больше потерь от огня этого автомата, чем побили врагов из него, остается. Уж если хотел президент отметить творца оружия — хранителя безопасности и независимости государства, то надо было вспомнить академика Уткина В. Ф., который стал создателем целого поколения ракет, и в первую очередь тяжелой ракеты СС-18, которую на Западе называли «Сатаной» и боялись, как огня. Эти системы вооружений были и остаются действительно надежным щитом Отечества, они имелись на вооружении только у нас. Никому не нанесли вреда, но берегли страну в самую лихую годину ельцинского безвременья.

Третий кавалер ордена Андрея Первозванного вообще выг-

лядит курьезом в практике награждений. Им стал Нурсултан Назарбаев — президент Казахстана — один из самых ревностных притеснителей русских, оказавшихся после распада СССР в пределах его улуса. Какими соображениями руководствовался российский президент в этом случае, остается ребусом для историков нашего времени. Никаких заслуг Назарбаева перед Россией, достойных столь высокой награды, отыскать невозможно.

К чему бы ни прикасалась рука «всенародно избранного», как любил величать себя Б. Ельцин, везде оставались следы хаотичного самоуправства.

Злые языки говорили, что Борис Николаевич хотел идти по стопам Петра I, который в свое время стал шестым по счету кавалером ордена Андрея Первозванного. Ельцин торопился раздать пять орденов, чтобы успеть к завершению своего президентского срока получить и самому эту награду. Но не довелось.

С конца 1998 г. в политической жизни России возник и стал усиливаться «феномен Скуратова». Речь шла о Юрии Ильиче Скуратове, профессиональном юристе, докторе юридических наук, который, кстати, получил образование и работал до 1998 г. в Свердловске, где был знаком с Б. Ельциным. Перебравшись в Москву, он все время трудился в государственных структурах, в основном в Генеральной прокуратуре. В 1995 г., когда по обвинению в коррупции А. Ильюшенко был снят с поста и. о. генерального прокурора и помещен в тюрьму «Лефортово», президент предложил на этот пост Скуратова, который и стал генеральным прокурором Российской Федерации. Три года его деятельности на новом посту ничем и никому не запомнились. Он выступал с приличествующими его положению правильными оценками тяжелой криминогенной обстановки в России, бросал общественности пугающие цифры о размахе преступности и ничего не делал для оздоровления ситуации. В памяти остались его рассуждения о том, что в России на каждое зарегистрированное преступление приходится, как правило, по 3—4 незарегистрированных, поэтому, если официальная статистика фиксирует три миллиона преступлений в год, на самом деле их

совершается более десяти миллионов. Он выступал против применения смертной казни в России, утверждая, что страх смерти остановит не более 15—20% потенциальных преступников, и так далее в том же духе.

Изменения в его поведении стали замечаться с приходом к руководству правительством Е. Примакова. В стране после дефолта в целом изменился морально-психологический климат, наметился некоторый поворот к укреплению правопорядка. Дуновение новых ветров почувствовал и Ю. Скуратов, который стал время от времени выступать с разоблачительными высказываниями. Так, в ноябре 1998 г. он заявил, что Генеральная прокуратура намерена возбудить уголовное дело по факту нецелевого использования средств рядом бывших руководителей Центрального банка России. Тем самым он показал, что готов перейти запретную черту, ограждавшую высшую элиту от всякого контроля и тем более судебного преследования.

Когда Г. Явлинский выступил с обвинениями в адрес правительства Примакова, которое якобы погрязло в коррупции, то спрошенный об этом Скуратов осторожно заменил слово «правительство» на «высшие эшелоны власти», заметив, что Генпрокуратура не одолеет всю коррупцию, но сможет почистить лишь «верхушку». В качестве примера он назвал дело бывшего заместителя министра финансов Владимира Петрова, которому якобы предстояли интересные разоблачения.

В декабре 1998 г. Скуратов пообещал разоблачить всех чиновников, причастных к махинациям с алмазами и золотом американской компании «Голден Ада». Один из учредителей этой компании Андрей Козленок был арестован по обвинению в хищении валютных ценностей на сумму 180 миллионов долларов. Ценности были взяты из Гохрана, из сверхоберегаемого хранилища, и без участия в этом деле высших лиц страны афера не могла быть осуществлена.

До президента дошли сведения о том, что Скуратов в большой тайне начинает сбор материалов по делу фирмы «Мабитекс», которая выполняла по поручению Управления делами президента работы по реставрации Кремля. Это уже переполнило чашу терпения Б. Ельцина. Он счел, что Ю. Скуратов явно

выходит из подчинения, начинает свою собственную политическую игру и становится опасным для Семьи. Ельцин отдавал себе отчет, что просто так уволить Генерального прокурора юридически невозможно, кандидата на этот пост утверждал Совет Федерации и снять мог тоже только Совет Федерации. Оставалось одно: подорвать авторитет Скуратова, вывалять его в грязи и таким образом добиться устранения строптивого чиновника. Утомлять себя поисками компрометирующего материала долго не пришлось. Практически вся государственная и деловая «элита» России жила распущенно и безнравственно. Взаимное подглядывание в спальни, перехват телефонных переговоров, преднамеренное создание ситуаций для сбора компроматов были обычным делом. Так потерял в 1997 г. пост министра юстиции Валентин Ковалев, когда в средствах массовой информации появились фотографии, на которых он в костюме Адама развлекался в сауне в обществе женщин легкого поведения.

Для Ю. Скуратова была устроена западня в виде «дома свиданий», оборудованного видеотехникой, куда его приглашали, очевидно, очень близкие ему люди, чтобы «расслабиться» в обществе девиц, готовых на все. Он явно не ожидал подвоха и развлекался, что называется, в полном объеме. Хотя в своих воспоминаниях Ельцин намекает на то, что ловушку могли устроить ему бизнесмены, напуганные скуратовскими инициативами, но без участия российских спецслужб здесь, совершенно очевидно, не обошлось. Адрес квартиры, где происходило «действо», технология и характер записи, методы распространения кассеты с видеоматериалами, время, выбранное для этого, поведение всех остальных фигурантов этой «постановки» — все говорит о том, что за спиной этой затеи стояли спецслужбы. Может быть, карьера В. В. Путина стартовала отсюда.

Мне в «Русский Дом» также прислали анонимные отправители эту порнографическую видеозапись с письмом, в котором выражали возмущение поведением Скуратова и высказывали надежду, что я предам гласности полученный материал. Мы долго совещались с друзьями и пришли к выводу, что речь шла не о борьбе за чистоту нравов в высшем эшелоне власти, а о вульгарной политической разборке, сведении счетов. В такие

игры мы решили не играть, тем более что публичный показ этого скандального «сюжета» был бы равен попранию общественной морали и христианской этики. Такую видеопленку получили на всех каналах телевидения, она гуляла по всей Москве, комментарии по поводу ее содержания слышались всюду, но публично она не появлялась.

Сам Скуратов наверняка видел ее, и 1 февраля 1999 г. вручил президенту просьбу об отставке с поста генерального прокурора, и под предлогом ухудшившегося здоровья залег в Центральную кремлевскую больницу, как делают все чиновники в подобных ситуациях.

Полтора месяца Москва только и жила «скуратовским делом». За это время сам опальный генеральный прокурор успел сделать заявления о том, что речь идет о сфальсифицированной видеопленке и что он забирает свое заявление об отставке. История невероятно запутывалась. С одной стороны, было очевидно, что Ю. Скуратов попался, «как кур в ощип». Но с другой — так же очевидно, что его собирались перемолоть в муку вовсе не по моральным, а по политическим соображениям.

В ночь на 17 марта, накануне дня, когда должно было состояться заседание Совета Федерации, на котором предстояло решить судьбу Генерального прокурора, скандальная видеопленка была показана по второму каналу российского телевидения, который полностью контролировался правительством. Команда на выброс порнографии в политику, безусловно, была дана в Кремле, но и этот грязный прием не дал ожидаемого результата.

17 марта в Совете Федерации состоялось голосование по президентскому представлению об отставке Ю. Скуратова. Его результаты оказались ледяным душем для Ельцина. Только шесть сенаторов поддержали его просьбу об увольнении генерального прокурора, 142 (!) высказались «против» и три воздержались. Иными словами, президенту показали от ворот поворот. Ю. Скуратов остался при должности.

В тот же день Б. Ельцин и Е. Примаков выступили с совместным заявлением о том, что «политиканство и нечистоплотность несовместимы с высокой должностью генерального

прокурора», часом позже была создана временная межведомственная комиссия Совета безопасности РФ по проверке поступков, порочащих честь прокурорского работника, и нарушении им присяги прокурора. Началась очень долгая тяжба между президентом и Советом Федерации относительно отставки Ю. Скуратова. Фактически президент отстранил его от исполнения обязанностей, у Скуратова были отобраны дача, автомашина, опечатан служебный кабинет, он был лишен возможности пользоваться кремлевской связью и т. д. Это Б. Ельцин отбирал у всех, кого убирал из своего окружения, но он не мог отобрать у Скуратова прокурорские полномочия.

Сложилась курьезная ситуация, при которой Скуратов мог производить прокурорские действия, но президент страны наотрез отказывался как-либо взаимодействовать с ним. Более того, против него были в спешном порядке возбуждены уголовные дела по обвинению в злоупотреблении служебным положением. Сам факт возбуждения уголовного дела являлся основанием для отстранения его от работы, и ему волей-неволей пришлось подать вторичное заявление об отставке. Но Скуратов не собирался сдаваться: он подал иск в Московский городской суд, настаивая на том, что власть незаконно начинает преследовать его в уголовном порядке. И суд принял именно такое решение: признал неправомерным возбуждение уголовного дела против него со стороны военной прокуратуры.

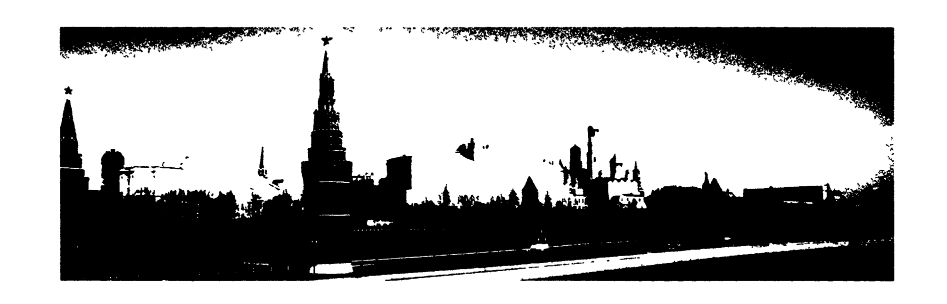
21 апреля 1999 г. Совет Федерации вторично рассматривал вопрос об отставке генерального прокурора. Прошедший месяц с небольшим был активно использован президентской стороной для обработки сенаторов. На этот раз из 144 голосовавших членов верхней палаты Федерального собрания 61 поддержал просьбу президента, но 79 все-таки голосовали «против». Воздержались четыре. На результатах голосования сказалось также и то, что не оправдались ожидания многих сенаторов получить от Скуратова убедительные, неотразимые факты о коррупции на самом верху кремлевской администрации. В своих выступлениях он больше намекал, давал понять, что располагает такими данными, но открыто поднять забрало и ринуться в бой не решался. Повторялась давно известная история, когда звучные

политические заявки не подкреплялись серьезными фактами. Так было в свое время с народным депутатом Тельманом Гдляном, который шумно заявлял о наличии у него убийственных компрометирующих материалов на руководство КПСС, но так и не смог их никогда предъявить общественности. Так же было и с бывшим охранником Б. Ельцина А. Коржаковым и полковником В. Стрелецким, которые, обозлившись на своего бывшего шефа, выбросившего их из своей команды, опубликовали книги «От рассвета до заката» и «Мракобесие» с разоблачением кремлевского «двора». Эти книги останутся в нашей памяти как свидетельства «нравов и обычаев» кремлевских постояльцев, как убийственные характеристики подельников президента, но они совершенно недотягивают до уровня политических приговоров. Ю. Скуратов повторил их пример. К тому же ему самому пришлось отбиваться от обвинений в том, что он получил в подарок пятнадцать костюмов, пошитых в кремлевских мастерских за счет администрации президента, которую он собирался разоблачать.

Противостояние президента с генеральным прокурором наглядно демонстрировало всему народу России, и даже миру, полное неуважение к закону в нашей стране. Суды меняли свои вердикты и оценки в зависимости от того, кто был их ближайшим патроном. Так, в июне 1999 г. Верховный суд России («подчиняется» федеральным властям) принимает решение о том, что прекращение уголовного дела против Ю. Скуратова является незаконным. Тот подает жалобу в Хамовнический суд первой инстанции в Москве, который постановляет считать незаконным продление уголовного дела. Это решение подтверждает Московский городской суд («подчиняется» московским властям). И так до бесконечности. В своих воспоминаниях Б. Ельцин рвет и мечет против Ю. Лужкова, которого считал главным кукловодом, стоявшим за ширмой всего скуратовского дела. Ельцин полагал, что именно Лужков «мутил воду» в Совете Федерации, побуждая сенаторов на мятеж против президента, и именно московский мэр влиял на решения московских судов по делу Скуратова.

13 октября 1999 г. состоялось третье по счету заседание Совета Федерации, которое должно было решить судьбу генерального прокурора. За отставку Ю. Скуратова на этот раз проголосовали 52 сенатора, «против» — 98. Стало ясно, что президент России окончательно проиграл схватку с Советом Федерации и настаивать на смещении генерального прокурора более не имеет смысла. Он смирился с поражением, хотя и хорохорился в своих мемуарах: «Никому еще не удавалось загнать меня в угол. Не удастся и на этот раз тандему генпрокурора и мэра, несмотря на то, что история эта, конечно, обескураживает, сбивает с толку — и своим душком и грязной прилипчивостью».

Кроме жесточайшего удара по имиджу России как государства, «скуратовское дело» выявило и еще одно серьезное явление во внутриполитической жизни страны. Совет Федерации оказался таким органом, который может успешно, с использованием своих конституционных полномочий, на совершенно законных основаниях противостоять президентскому произволу. Упорное нежелание сената подчиниться диктату Кремля, по существу, превратило верхнюю палату Федерального собрания в новый центр власти и влияния. Стоило только появиться в России новой организованной политической силе — движению «Отечество» во главе с богатым и амбициозным московским мэром, как верность губернаторов Кремлю как ветром сдуло. Они стали быстренько ориентироваться на очередного нового хозяина. Нельзя исключать, что из этой ситуации и стали впоследствии вырастать планы реформы Совета Федерации для того, чтобы избежать появления параллельного центра власти. Заканчивая историю Скуратова, скажем, что он пережил на своем посту самого Ельцина, сохраняя свой нелепый статус уволенного, но не отставленного прокурора. Завершил он свой бесславный путь в мае 2000 г., когда получил официальную отставку от Совета Федерации и сел писать свои «мемуары» в оправдание своих грехов.



ИМПИЧМЕНТ

Как в сказке о «Золотом петушке», напасти стали надвигаться на ослабевшего президента со всех сторон. В принципе это был закономерный эпилог его политической карьеры. В апреле 1998 г. в Государственной думе состоялись слушания на тему «Кризис власти и кризис нации». Они проводились в виде заседаний «круглого стола». Тон на заседании задавали представители оппозиции, среди которых выделялись генерал Лев Рохлин и бывший прокурорский работник Виктор Илюхин. Уже тогда был поставлен вопрос о начале сбора подписей под инициативой об отрешении Б. Ельцина от власти в соответствии с конституционными нормами. Это стало началом не известной еще в России процедуры «импичмента», т. е. суда над президентом. Достойно сожаления, что такой процедуре был подвергнут уже первый президент, избранный демократическим путем.

В качестве первого шага было подготовлено инициативное письмо, подписанное 177 депутатами, в котором кратко сформулированы основные обвинения, выдвигаемые против Б. Ельцина, и поставлен вопрос о создании специальной парламентской комиссии, которая должна была бы оценить правильность соблюдения процедурных порядков и фактической обоснованности обвинений, выдвигавшихся против президента Российской Федерации.

19 июня 1998 г. на пленарном заседании Государственной думы подавляющим большинством голосов — «за» — 300, «против» всего три, остальные не приняли участия в голосовании — была образована такая комиссия в составе 15 человек. В нее вошли представители всех фракций. Во главе стал Вадим Донатович Филимонов, кадровый правовед, окончивший в 1953 г. юридический факультет Томского университета, возглавлявший долгое время кафедру уголовного права в том же университете, а затем ставший первым проректором ТГУ. Доктор юридических наук, профессор, автор целого ряда монографий, он занимал в Государственной думе пост председателя подкомитета по законодательству в сфере уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исправительного права Комитета Государственной думы по безопасности. Хотя он был избран депутатом думы от коммунистической партии, он никогда не занимал в партии руководящих постов и был широко известен прежде всего как выдающийся профессионал-правовед. Всякие попытки авторов из числа бывшей ельцинской челяди представить работу комиссии как некий акт политической мести коммунистов за их фиаско в 1991 г. выглядят, скорее, жалко, чем неубедительно.

На первых порах администрация президента и его представитель в Думе А. Котенков отнеслись к созданию комиссии как к мышиной возне, затеянной исключительно из популистских побуждений. А. Котенков с первых шагов стал настаивать на том, чтобы для работы комиссии были поставлены ограничения по времени, но его требования были проигнорированы Думой, которая сочла вопрос чрезвычайно серьезным и требующим обстоятельной проработки.

Тем не менее правительство с первого дня стало ставить рогатки на пути работы комиссии. С явной подсказки Кремля ни один из бывших министров или высокопоставленных сотрудников администрации не явился, чтобы дать свои показания комиссии. А вызывались многие, прямо причастные к обви-

нениям лица, среди них В. Черномырдин, А. Козырев, С. Шахрай, Г. Бурбулис, О. Лобов, П. Грачев и др. Демонстративное игнорирование парламента публично прикрывалось якобы «нежеланием вступать в идеологическую полемику с коммунистами (хотя, повторяем, в состав комиссии входили представители всех парламентских фракций). Такая позиция в который уже раз доказывала, что российская исполнительная власть считала себя самодостаточной, ни перед кем не подотчетной и бесконтрольной. Просто так она понимала «демократию».

Комиссия, тем не менее, упорно продолжала свою работу, неизменно привлекая внимание журналистов — своих и зарубежных. 27 июля 1998 г. в Государственной думе состоялись уже открытые слушания депутатской комиссии. На них выступили В. Илюхин — председатель Комитета по безопасности и А. Лукьянов — председатель Комитета по законодательству. На повестке дня стоял один вопрос: о правомерности подписания Б. Ельциным Беловежских соглашений 8 декабря 1991 г., в результате которых был ликвидирован СССР. Оба докладчика квалифицировали действия Б. Ельцина как незаконные, но четырехчасовая дискуссия по этой теме не дала однозначного заключения. Было решено продолжить работу по юридическому обоснованию этого ставшего первым пункта обвинения.

В августе 1998 года создалась после дефолта ситуация, в которой даже импичмента не требовалось, настолько очевидным было несоответствие национальных интересов России с пребыванием в Кремле Б. Ельцина. 25 августа Государственная дума приняла специальное постановление, которым рекомендовала Б. Ельцину добровольно уйти в отставку досрочно. За постановление проголосовали 245 депутатов, т. е. больше половины, «против» — всего 32. Остальные, по отработанной технологии, не явились на заседание, уклоняясь от голосования, чтобы не определить свою позицию и иметь возможность политически мимикрировать в меняющейся обстановке. Б. Ельцин никак не прореагировал на этот призыв парламента.

В октябре 1998 г. фонд «Общественное мнение» провел опрос населения о его отношении к импичменту президента. Результаты его были удручающими для власти. 75% опрошенных россиян высказались в поддержку принудительного отрешения Б. Ельцина от власти и только 16% отвергли парламентскую инициативу. Самые тяжелые показатели для Ельцина были зарегистрированы в сельских местностях. Там за импичмент высказались 85% опрошенных, а против было только 8%. Как и следовало ожидать, самым проельцинским населенным пунктом России оказалась Москва, где 38% человек, принявших участие в опросе, осудили идею импичмента, но большинство все равно было на стороне парламента.

С какой бы стороны ни подходили политические обозреватели к проблеме импичмента, всюду вырисовывалось полное отторжение Б. Ельцина общественностью, законодательной и региональными властями. Остановить работу комиссии было уже нельзя. Ее заседания частично транслировались телеканалами и лишь усугубляли впечатление полной политической изолированности президента. Никто из его близких помощников не решался прийти и выступить в защиту даже своей собственной линии, не говоря уж о защите Б. Ельцина. Всю свою работу администрация президента сосредоточила на индивидуальной и групповой обработке думцев тайными средствами, среди которых обыкновенный подкуп всегда считался наиболее эффективным.

Наконец, наступил момент, когда комиссия закончила свою работу и представила доклад для принятия постановления об официальном выдвижении обвинения. В чем же заключалось основное содержание доклада, голосование по которому было назначено на 15 мая 1999 г.? (Кстати, все материалы по импичменту находятся в библиотеке Государственной думы и выдаются только депутатам, но полный текст самого доклада был опубликован за два дня до голосования — 13 мая — в газете «Коммерсантъ» наряду с полным текстом заключения, которое

подготовила к этому докладу Федеральная служба безопасности от имени правительства.)

Первым пунктом обвинений была роль Б. Ельцина в подготовке, разработке, подписании и осуществлении Беловежских соглашений, которые привели к уничтожению СССР. Отмечалось, что Б. Ельцин целенаправленно шел к захвату союзной власти в то время, когда был руководителем всего лишь одной республики — РСФСР. Его августовские указы о передаче в ведение РСФСР всех банков, почт, телеграфа, всех видов правительственной связи, средств массовой информации носили осознанный, целенаправленный характер, ведущий к развалу СССР. Б. Ельцин вышел далеко за пределы своих конституционных полномочий и стремился захватить союзную власть, переподчиняя союзные органы республиканским. Он совершил все эти действия вопреки ясно выраженной воле народов СССР (и РСФСР в том числе) в ходе референдума от 17 марта 1991 года о желании жить в обновленном СССР.

«Таким образом, — говорилось в докладе, — имеются достаточные данные утверждать, что будучи Президентом РСФСР Б. Н. Ельцин совершил действия, содержавшие признаки тяжкого преступления, предусмотренного статьей 64 УК РСФСР, и заключающиеся в измене Родине путем подготовки и организации заговора с целью неконституционного захвата союзной власти, упразднения действовавших тогда союзных институтов власти, противоправного изменения конституционного статуса РСФСР».

В этой части доклада отмечалось, что в результате Беловежских соглашений РСФСР превратилась из союзной республики в другое государство — Российскую Федерацию — с изменившимся государственным строем. При этом был нанесен непоправимый ущерб самой Российской Федерации: ослабла ее внешняя безопасность и обороноспособность, нарушились экономические отношения с другими республиками, миллионы граждан оказались за пределами своих национальных государств, превратившись в беженцев и вынужденных переселенцев.

Вторым пунктом обвинений фигурировал расстрел парламента в октябре 1993 года. Говорилось о незаконности Указа № 1400 от 21 сентября 1993 г., которым Ельцин превысил служебные полномочия президента РФ, постановив прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, отменил действие Конституции РСФСР, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, объявив, что они действуют лишь в части, не противоречащей Указу.

Б. Ельцин обвинялся в том, что он в нарушение Конституции объявил и ввел в действие Положение о федеральных органах власти на так называемый переходный период, присвоил властные полномочия Верховного Совета по назначению Генерального прокурора РФ, переподчинил Центральный банк Российской Федерации Правительству РФ и обязал его руководствоваться в своей деятельности не законами, а указами президента, предложил Конституционному суду не проводить заседаний до начала работы нового созыва Федерального собрания РФ. Ельцину вменялось в вину, что он по сговору с другими лицами организовал и совершил захват государственной власти народных депутатов Российской Федерации путем насильственного прекращения деятельности съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ.

При превышении своих полномочий президент использовал насильственные меры и применял вооруженную силу, что выразилось в блокировании здания Верховного Совета РФ в Москве, отключении его от водо- и электроснабжения, запрете на пропуск депутатов и граждан РФ в здание парламента, а потом привело к обстрелу Верховного Совета из танковых пушек и стрелкового оружия и к многочисленным жертвам. Штурм Белого дома сопровождался насилием, мучительными и оскорбляющими личное достоинство гражданина действиями со стороны военнослужащих Министерства обороны и Министерства внутренних дел.

Подчеркивалось, что Б. Ельцин не подпадает под действие Постановления Государственной думы от 23 февраля 1994 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии», потому что он был не участником событий сентября–октября 1993 года, на которых распространялась амнистия, а **организатором** самих событий.

Третьим блоком обвинений в адрес президента явились события в Чеченской республике в 90-е годы. Комиссия отметила, что в период 1991—1994 гг. на территории Чеченской республики возникла чрезвычайная ситуация, вызванная тем, что Исполком общенационального конгресса чеченского народа и его лидеры при попустительстве, а иногда и при прямой поддержке федеральных властей незаконно захватили власть в Чечне, и в этой республике начались массовые нарушения прав человека.

Усугубляя положение в ноябре–декабре 1994 года, Б. Ельцин издает три указа — № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской республики» от 30.11.94; № 2166 «О мероприятиях по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» от 9.12.94 г.; № 2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской республики» от 11.12.94 г. Все эти указы противоречат положениям Конституции и действовавшим законам Российской Федерации. Этими указами президент фактически объявил режим чрезвычайного положения, введя правовые понятия «особого режима въезда и выезда», «особых форм управления», «особого порядка передвижения». В соответствии с Конституцией подобные указы должны выноситься на утверждение в Совет Федерации и публиковаться. Ничего этого Б. Ельцин не сделал.

Этими же указами президент самовольно наделил правительство полномочиями по применению силовых мер для разо-

ружения незаконных вооруженных формирований. Ни Конституция, ни другие федеральные законы не предоставляли права президенту единолично решать вопрос о применении военных методов на территории Чеченской республики. И хотя в указах не говорилось о проведении крупномасштабных военных операций, но все должностные лица, которые давали показания комиссии, подтвердили, что эти операции осуществлялись в соответствии с его указаниями. Все основные действия по практическому введению элементов чрезвычайного положения на территории Чеченской республики, в том числе по проведению главных военных операций, согласовывались с ним.

Реализация «правовых» актов Б. Ельцина привела к применению насилия, повлекшего десятки тысяч человеческих жертв, материальному ущербу Российской Федерации в особо крупных размерах, нарушениям прав и свобод сотен тысяч граждан России.

Подчеркивалось, что президент пытался скрыть от общественности неконституционный характер своих указов, присвоив им гриф секретности и не допустив их публикации в печати, что является конституционным требованием для документов подобного рода.

Фактически объявляя о введении чрезвычайного положения в Чеченской республике, Б. Ельцин не создал никакого правового инструмента для контроля над обстановкой и ее нормализацией, что привело к хаосу в управлении всем процессом умиротворения Чечни.

Вывод был очевидным: президент превысил свои полномочия, нарушил Конституцию и вышел далеко за рамки правового поля, очерченного для него законами.

В **четвертом** пункте обвинений в адрес Б. Ельцина говорилось о сознательном ослаблении обороноспособности страны. Подписав Беловежские соглашения и ликвидировав систему союзных органов управления, Б. Ельцин тем самым разрушил единую систему управления войсками. На территории бывших

союзных республик остались станции раннего предупреждения о ракетно-ядерном нападении, пункты базирования военно-морского флота, укрепленные пункты управления оперативно-стратегического назначения. Из шестнадцати военных округов, имевшихся в СССР, в России после подписания Беловежских соглашений осталось только восемь, из которых пять являлись тыловыми и потому не имели необходимой для пограничных округов военной техники. Самая современная общевойсковая техника осталась за пределами России — на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. «В этих действиях комиссия установила наличие признаков государственной измены».

В результате использования Б. Ельциным властных полномочий Вооруженные силы России были фактически полностью развалены. В составе общевойсковых соединений Российской Федерации на момент составления доклада насчитывалось всего двенадцать полков постоянной боевой готовности. В их вооружении преобладают устаревшие образцы ракетной техники, практически отсутствуют современные противотанковые ракетные комплексы. Значительную часть бронетанковой техники составляют устаревшие образцы танков и бронетранспортеров. Не отвечают современным требованиям находящиеся на вооружении сухопутных сил боевые, транспортно-боевые и транспортные вертолеты. Многие из них находятся в неисправном состоянии и требуют ремонта.

В Военно-воздушных силах Российской Федерации количество исправных самолетов не превышает 55%. Истекает срок эксплуатации стратегических крылатых ракет воздушного базирования, к 2003 г. в составе стратегических ядерных сил России останется всего около 1000 боезарядов. Уже в настоящее время возможности стратегических ядерных сил Российской Федерации в 2,5 раза ниже ядерных сил США. Наряду с этим утрачена значительная часть кадрового, научно-технического и промышленного потенциала, практически остановилось воспроизводство и модернизация элементов стратегических сил.

В Военно-морском флоте Российской Федерации свыше 70% ракетных подводных крейсеров стратегического назначения требуют проведения заводского ремонта или отдельных работ по поддержанию их боевой готовности. Из имеющихся 26 атомных подводных лодок почти половина морально устаревшие. На остальных подводных судах количество боезарядов из-за окончания гарантийных сроков эксплуатации ракетных комплексов в 2003 г. должно сократиться на 75%.

Президент использовал свои властные полномочия не в интересах укрепления государства, а в целях создания класса крупных собственников, ставших опорой его власти. Военно-промышленный комплекс в результате оказался разрушенным. Комиссия установила: Б. Ельцин знал, что творимое им будет иметь тяжкие последствия для обороноспособности страны и сознательно шел на это. Государственная дума в 1995—1998 гг. неоднократно принимала постановления, обращающие внимание президента на крайне опасные для обороноспособности страны тенденции, развившиеся в оборонном комплексе и в Вооруженных силах РФ, но Б. Ельцин проигнорировал все эти обращения и постановления.

В итоге комиссия пришла к заключению, что она не нашла в действиях Б. Ельцина намерения оказать помощь иностранному государству и не сочла возможным выдвинуть против него обвинение в государственной измене, но признала, что он виновен в злоупотреблении должностными полномочиями и совершил тяжкие преступления. Далее следовали юридические ссылки на соответствующие статьи Уголовных кодексов РСФСР и РФ.

Пятым, заключительным пунктом обвинений был «геноцид российского народа». Комиссия констатировала крайне тяжелую демографическую обстановку в России, ставшую следствием той социально-экономической политики, которую проводило правительство по указам президента. Было отмечено, что численность населения страны за время правления Б. Ельцина

сократилась на 4,2 миллиона человек только за счет естественной убыли. Число родившихся детей сократилось с 1,7 миллиона в 1991 г. до 1,2 миллиона в 1997 г., в то время как число покойников подпрыгнуло за этот же отрезок времени с 2 до 4,2 миллиона. Все демографические прогнозы, составляемые официальными государственными учреждениями, предсказывают дальнейшую депопуляцию России в обозримом будущем.

Население вымирает из-за обвального падения жизненного уровня россиян, разрушения системы медицинского обслуживания, безработицы. 32,1 миллиона человек живут в России ниже уровня, называемого «прожиточным минимумом». Широкие слои населения поставлены в положение голодающих из-за систематической невыплаты заработной платы. По данным Министерства труда и социального развития Российской Федерации, суммарная задолженность по выплате заработной платы из-за отсутствия бюджетного финансирования и собственных средств предприятий и организаций постоянно растет и достигла на 1 декабря 1998 г. почти 85 миллиардов рублей.

Общая сумма задолженностей по выплате ежемесячного пособия на детей выросла за время администрации президента Б. Ельцина до 25 миллиардов рублей.

Задолженность по пенсиям выросла до 30 миллиардов рублей.

Все это в условиях непрерывного роста цен на продукты и товары первой необходимости, повышения тарифов на транспортные перевозки, увеличения платежей за коммунальные услуги катастрофически сказалось на семейных бюджетах наименее обеспеченных слоев населения.

К концу 1998 г. безработица в России, если ее рассчитывать по методике Международной организации труда, составила около 8,6 миллиона человек, или почти 12% экономически активного населения.

По данным Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ по экономической безопасности, в 1997 г. по сравне-

15 Зак. 22409

нию с 1991 г. произошло снижение потребления мяса на 55%, молока — на 41%, яиц — на 31%, рыбы — в 2,2 раза. Выросло потребление только картофеля да печеного хлеба. Это будет иметь отрицательные последствия для здоровья у сегодняшних детей.

Серьезное негативное влияние на демографические процессы в стране оказывает постоянно ухудшающееся состояние отечественного здравоохранения. Среди населения все шире распространяются тяжелые болезни. По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, число заболевших на каждые 100 тысяч населения с 1992 по 1997 год росло следующим образом: сифилис — с 13,4 случаев до 277, туберкулез — с 39 до 74, злокачественные новообразования — с 271 до 294, наркомания — с 3 до 28, психические расстройства — с 274 до 348, СПИД — с 0,05 до 2,7. При этом все время сокращалось число медицинских учреждений и количество коек в них.

Дважды — в 1995 и 1997 гг. — в России собирались Всероссийские Пироговские съезды врачей. В обоих случаях врачи обращались к президенту, правительству и Федеральному Собранию с отчаянными призывами обратить немедленно внимание на гибель населения: «беспрецедентное в мирное время уменьшение численности народонаселения». Врачи напоминали властям об их «прямой и персональной ответственности за предусмотренную Конституцией защиту жизни и здоровья граждан и за обеспечение деятельности общенациональной системы охраны здоровья народа». Но в ответ — тишина!

Президент Б. Ельцин обвинялся в том, что он своим Указом от 14 августа 1992 г. «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» нарушил действовавший в то время «Закон об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР», а, как известно, Конституция устанавливает верховенство закона над президентским указом. Замена системы именных приватизационных счетов анонимными ваучерами привела к многочисленным финансовым аферам и злоупотреблениям, скоропалительной концентрации богатства в руках кучки дельцов.

Б. Ельцин вышел за рамки своих полномочий, когда своим указом ввел в действие в июле 1994 г. «Государственную программу приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 г», после того как всего несколькими днями раньше Государственная дума отклонила эту самую «Программу».

Комиссия отметила, что Б. Ельцин неизменно отклонял все законы, направленные на облегчение положения населения, ссылаясь, как правило, на «нехватку» средств в бюджете.

При проведении своего социально-экономического курса Б. Ельцин учитывал рекомендации иностранных структур, таких, как Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, Организация международного сотрудничества и развития, Европейский банк реконструкции и развития, и, несмотря на многочисленные призывы изменить этот курс ввиду его очевидной гибельности для народов России, упорно и сознательно гнул свою линию.

Ко всем этим обвинениям, выдвинутым комиссией, я бы от себя добавил еще одно: Б. Ельцин виновен в том, что он, ликвидировав государственную монополию на производство и торговлю спиртными напитками и передав весь «алкогольный бизнес» в руки частных лиц, поставил население России под угрозу всеобщей алкоголизации и попутно лишил государство важного источника наполнения государственного бюджета. Обнищание, о котором говорилось в документе комиссии, породило в населении чувство обреченности, безнадежности и отчаяния и как следствие желание уйти от невыносимых тягот в алкогольный дурман. За время пребывания Б. Ельцина у власти резко выросло производство спиртных напитков, были открыты все ворота для их импорта. Спиртное стало самым доступным товаром в любой, самой отдаленной точке страны. Производство и продажа вышли из-под государственного контроля, что способствовало появлению на рынке спиртных напитков недоброкачественных и просто опасных продуктов. Ежегодно только от

прямого отравления фальсифицированными спиртными напитками в стране умирает около 30 тысяч человек. Потребление их на душу населения приближается к 20 литрам в пересчете на чистый спирт, что находится далеко за чертой безопасности для жизни нации.

Президент пытался пару раз остановить алкогольную смерть путем восстановления государственной монополии на производство и торговлю спиртными напитками, но оба раза был вынужден под давлением «винно-водочной мафии» отзывать свои указы и капитулировать. В настоящее время во многих районах России деградация населения под влиянием алкоголя приобрела необратимый характер.

Если уж мы привели основное содержание обвинительного заключения, подготовленного специальной думской комиссией, то справедливости ради следует привести и основные доводы в защиту президента, которые были подготовлены Федеральной службой безопасности. Сам факт, что разработка оправдательной аргументации была поручена ФСБ, вызывает некоторое недоумение, потому что подобная работа не соответствует профилю этой организации. Если бы роль адвоката взяло на себя Министерство юстиции или Генеральная прокуратура, или, на крайний случай, государственно-правовое управление администрации президента, было бы понятно, но почему выбор Б. Ельцина пал на ФСБ, понятно не сразу. Можно предположить, что после истории со Скуратовым Ельцин питал более глубокое доверие именно к ФСБ, во главе которой стоял В. Путин, нежели к другим государственным институтам. Впервые в своей истории ФСБ выступило в качестве «адвоката», хотя по своей профессиональной сущности эта служба всегда выступает в роли обвинителя.

В справке, подготовленной в этом ведомстве, содержался ответ, структурированный по тем же пяти пунктам обвинения.

По пункту первому основное возражение состояло в том, что комиссия, оценивая деяния президента России, все время

ссылалась на Уголовный кодекс РСФСР, в то время как он утратил свою силу с 1 января 1997 года. Это было расценено как «общая правовая ошибка», повторяющаяся и в других пунктах. В итоге ФСБ делала по этому разделу такое заключение: «Ошибочное применение комиссией норм уголовного и другого законодательства вызывает сомнения в ее выводах, что может повлечь, в свою очередь, нарушение прав человека по отношению к Президенту Российской Федерации...

Содержащаяся в изученных официальных документах Специальной комиссии информация не согласуется с общеизвестными фактическими обстоятельствами жизнедеятельности бывшего СССР и России и не является достаточной для квалификации действий президента РФ по статьям Уголовного кодекса».

ФСБ настойчиво проводила мысль о том, что Всесоюзный референдум 17 марта 1991 г. и его результаты не являются источником права. Он был всего лишь консультативным актом, а его результаты не были оформлены в виде Закона. Референдум же проводился с молчаливого согласия союзных властей во всех прибалтийских республиках, а также в Грузии, Армении и Молдове, так что, мол, Союз рухнул раньше Беловежских соглашений, и вина за это ложится на союзные власти, которые, к тому же, в ряде документов подчеркивали сам факт обретения суверенитета новыми республиками и даже употребляли название нового государства «Союз Советских Суверенных Государств».

«Таким образом, уже в августе 1991 г. Союз Советских Социалистических Республик должен был прекратить свое существование», и только события, связанные с ГКЧП, сорвали подписание нового «Союзного договора».

«Таким образом, участие президента России в подготовке и подписании Беловежских соглашений не противоречило союзному и российскому законодательству и не может квалифицироваться по статьям Уголовных кодексов РСФСР и РФ за отсутствием состава преступления».

По второму пункту (расстрел парламента) в «аналитическом документе» ФСБ (так текстуально названы сформулированные возражения) говорится, что Верховный Совет работал неудовлетворительно в 1992—1993 гг., и далее: «В связи с неудовлетворительной законотворческой деятельностью Верховного Совета и съезда народных депутатов в упомянутый период президент РФ был вынужден важнейшие стороны социально-экономической и политической жизни страны регулировать своими указами. Это, в свою очередь, вызывало негативную реакцию со стороны руководства Верховного Совета. Подобное противостояние не могло не вызвать чувства тревоги и беспокойства в обществе, в политических партиях и общественных организациях, несло угрозу конституционному строю РФ».

Планы президента по созыву Конституционного совещания с целью выработки новой Конституции саботировались, Верховный Совет предпочитал путь принятия поправок и дополнений в прежнюю Конституцию РСФСР, действовавшую с 1978 г., «положения которой уже не могли надежно регулировать реально сложившиеся в России общественно-политические и экономические отношения». Именно поэтому Ельцин вынужден был издать Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», который и стал детонатором событий сентября–октября 1993 г.

Вся ответственность за насилие и кровопролитие в Москве возлагалась на Верховный Совет и его бывших руководителей Р. Хасбулатова и А. Руцкого, которые «фактически спровоцировали массы людей на несанкционированные демонстрации в свою поддержку, организовали попытку вооруженного захвата Московской мэрии и телецентра в Останкино. В результате этих акций имелись жертвы среди представителей правоохранительных органов и мирного населения». Президент же действовал в состоянии крайней необходимости, чтобы предотвратить массовые беспорядки, погромы, разрушения, поджоги и другие антиобщественные действия.

Третий пункт обвинений — в развязывании военных действий в Чечне — в документе ФСБ опровергается следующим образом. Признается, что на территории Чечни к 1994 г. сложилось сложное и опасное положение, и далее: «...Главе государства пришлось решать эту задачу при отсутствии федерального конституционного закона... регламентирующего вопросы, связанные с введением военного или чрезвычайного положения. В этих условиях единственным действенным правовым инструментом для обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской республики, которым располагал в то время президент Российской Федерации, являлся институт крайней необходимости.

Данный правовой институт предусматривает, что не является преступлением действие, хотя и содержащее признаки уголовного преступления, если оно совершено для устранения опасности, угрожающей интересам государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред».

Добавим, что еще в середине 1995 г. Б. Ельцин, обеспокоенный нелегитимностью своих «чеченских» указов, обратился в Верховный суд с просьбой определить их соответствие Конституции. Состав Верховного суда был к этому времени значительно расширен за счет назначения президентом «надежных» судей, поэтому решение Верховного суда было в его пользу. И вот теперь ФСБ попрекала комиссию Думы за то, что она не соглашалась с мнением Конституционного суда и продолжала настаивать на неконституционности «чеченских» указов Б. Ельцина.

Четвертое обвинение — ослабление обороноспособности страны — ФСБ практически не рассматривала по существу, ограничиваясь констатацией того факта, что, дескать, комиссия

вышла за рамки определенных ей полномочий и стала обсуждать вопросы, которые не в ее компетенции, но должны решаться по меньшей мере, одной третью от численного состава Государственной думы. Кстати, четыре члена комиссии возражали против выдвижения обвинений по этому пункту.

По последнему, пятому, пункту обвинений президента в геноциде народов России Федеральная служба безопасности строит защиту на том, что Ельцин в России разрабатывал и проводил свою политику не в одиночку, а совместно с другими структурами государственной власти, в том числе и со всеми ветвями законодательной власти. Президент свои основные положения ежегодно докладывал Федеральному собранию в виде специальных посланий, которые носили публичный характер. Любой его указ, если он, по мнению законодателей, противоречит Конституции или федеральным законам, может быть обжалован в Конституционном суде. Базовое заключение звучит так: «При издании Указов президент опирался на высшие законодательные и исполнительные органы власти и выражал их общую волю в осуществлении социально-экономических преобразований. Иными словами, ответственность за действительно сложную экономическую, финансовую и социально-политическую обстановку, сложившуюся в России в рассматриваемый период, в равной степени ложится на все высшие органы государственной власти, в том числе и на тот из них (Государственная Дума), представители которого выдвинули обвинения против Президента РФ».

Авторы «аналитического документа» обращали внимание на то, что само понятие «геноцид» как уголовно наказуемое преступление не фигурирует в Уголовном кодексе РСФСР, действовавшем до 1997 г., а следовательно, нельзя обвинять президента в преступлении, которого вообще не существовало в нашем тогдашнем уголовном праве.

Подводя итог своим соображениям по поводу документа думской комиссии, специалисты Федеральной службы безопас-

ности констатировали, что они не нашли во всех собранных документах каких-либо признаков совершения президентом России государственной измены и других тяжких преступлений. Они также подчеркнули, что Специальная комиссия не является субъектом, наделенным правом квалификации действий лиц, виновных в совершении преступлений. Но главный вывод состоял в следующем: «Подготовленные комиссией документы носят не правовой, а политический характер, что не может быть положено в основу для принятия решения о возбуждении уголовного дела и выдвижения обвинения против Президента Российской Федерации с целью отрешения его от должности».

Эти два документа, в которых политика неразрывно переплетена с многочисленными ссылками на правовые — вчерашние и нынешние — нормы, были представлены депутатам Государственной думы, которые должны были решить: начинать или не начинать процедуру импичмента, достаточно ли для этого собранных доказательств виновности Б. Ельцина или нет.

Но правомерно ли противопоставлять политику юридическим нормам: дескать, политика есть что-то низкое, второсортное, не достойное уважения по сравнению с правом, являющимся святым, непоколебимым и сохраняющим верховенство по отношению ко всему остальному? Получается, что действия президента — это безукоризненная работа в строго очерченном правовом поле, а вот действия оппозиции — это политика с ее произволом и ангажированностью. Такой вывод не просто ошибочен, но хуже того — злонамерен. Любая правовая норма является в общественной жизни результатом политической борьбы, победой определенных политических сил и фиксирует определенные политические реалии. Закон — это политический документ, итог политической борьбы. Конституция — высший результат политической борьбы. Политика вечна, законы и другие правовые нормы меняются в зависимости от изменения соотношения сил в обществе. Политика рождает законы, сами законы консервативны в своей сущности, стараются за-

тормозить бег политики и развития общества. На действующие законы всегда и везде будет ссылаться действующая власть. Политика была и будет орудием оппозиции, стремящейся к изменению власти и ограждающих ее законов. Никогда не было и не будет некоего вечного, сверху данного, сверхсправедливого правопорядка. Поэтому-то в России в это трагическое десятилетие наблюдалось настоящее юридическое светопреставление, в котором законы, указы, постановления, распоряжения, кодексы и прочее наползали друг на друга, крошились, разваливались, вновь выпячивались из пучины общественной жизни, точь-в-точь как льдины в ледоход на бурной реке. Бессмысленно ковыряться в параграфах в исторический период, когда правит ее величество политика. Потому и работа Комиссии Государственной думы, и «аналитический документ» Федеральной службы безопасности носили, в первую очередь, политический характер, лишь старательно прикрытый одеялом из правовых отсылок. Речь ведь шла о власти президента России, сохранении ее или насильственном отрешении от нее. Достижение власти или потеря ее и составляют основное содержание политики.

Именно поэтому я сознательно не комментирую юридические упражнения авторов того и другого документа, чтобы читатель не тратил попусту время. Гораздо полезнее вспомнить примеры из практики политической жизни США, на которую мы во многом ориентировались в 90-е годы. К середине 70-х годов в Соединенных Штатах разразился шумный политический скандал, названный «Уотергейтом», суть которого заключалась в том, что во время предвыборной кампании по выборам президента США 1976 г., служители правопорядка обнаружили и захватили на месте группу подозрительных лиц, которые в нерабочее время устанавливали подслушивающие устройства в штаб-квартире демократической партии, расположенной в здании под названием «Уотергейт». Расследование показало, что работу указанной группы санкционировал в конечном счете президент США, избранный от республиканской партии — Ри-

чард Никсон. Налицо было, скорее, нарушение морально-нравственных норм, попытка получить односторонние преимущества в политической борьбе. Заметим, что ни американский народ, ни Соединенные Штаты как государство не несли в результате совершенного действия никакого материального ущерба, оно не влекло за собой ни человеческих жертв, ни насилия. Не было ни территориальных потерь, ни политических поражений. Единственным видимым последствием было нанесение ущерба имиджу американского политического истеблишмента, морально-нравственный удар по авторитету. Не более того. И, тем не менее, «Уотергейт» превратился в острый политический конфликт в американском обществе. Страна и ее граждане не захотели простить президенту Р. Никсону того, что он запачкал дотоле казавшийся белоснежным покров американской демократии. Против него была начата процедура импичмента, и он, морально сломленный, предпочел, не дожидаясь итога финального голосования в сенате, подать в отставку добровольно.

Вторично вопрос о применении процедуры импичмента в США возник в середине 80-х годов, в период, когда президентом был Рональд Рейган. «Провинность» этого руководителя, кстати, очень много сделавшего для победы США в «холодной войне», состояла в том, что, движимый неудержимой ненавистью к коммунизму, он втянулся в секретные операции против тогдашнего революционного правительства сандинистов в Никарагуа и стал тайно финансировать так называемых «контрас», т. е. политических противников сандинистов, развязавших партизанскую и диверсионно-террористическую войну. По масштабам Соединенных Штатов это были крошечные операции в маленькой центральноамериканской стране. Наверное, Р. Рейган, обратись он к конгрессу США, получил бы и официальное разрешение на тайные операции в Никарагуа, и соответствующие ассигнования. Но он решил не обременять сенат и палату представителей просьбами о выделении мизерных сумм на под-

держку «контрас», а решил продать небольшую партию оружия Ирану на сумму 30 миллионов долларов, а вырученные деньги без оприходования в национальном бюджете использовать для финансирования «контрас». В финансовом отношении вся операция носила микроскопический характер. Она составляла примерно **одну десятитысячную часть** от военного бюджета США, т. е. 0,0001%. Люди из личного аппарата президента провели эту операцию, но сведения о ней просочились в прессу и дали основание началу операции «Ирангейт-контрас». И хотя Рейган действовал в данном случае целиком и полностью в интересах США, но ему инкриминировались продажа оружия в Иран, который числился в числе злейших врагов Соединенных Штатов, затем тайное, а следовательно, незаконное использование финансовых средств и ведение несанкционированных операций за рубежом. Все это по сравнению с обвинениями, выдвинутыми Государственной думой против Б. Ельцина, выглядит детскими забавами, но Р. Рейгана спасло от импичмента только окончание срока президентства. У американских законодателей просто не хватило времени закончить расследование и вынести обвинение.

Еще курьезнее выглядят проделки Билла Клинтона, который, будучи президентом Соединенных Штатов, в середине 90-х годов вступил в аморальную связь с сотрудницей аппарата Белого дома Моникой. Трудно сказать, сколько времени длилась их близость, но Моника имела неосторожность рассказать об этом одной из своих подруг, которая из зависти или желания приобрести известность предала гласности все, что ей было доверено. Разразился громкий скандал. Опять во всей этой истории не было ничего, наносящего ущерб национальной безопасности США или интересам американского народа. Но пострадала репутация высшего должностного лица, пострадал престиж США.

В сенате США была начата процедура импичмента против Билла Клинтона. Вся страна разделилась на два лагеря. Рейтинг

президента оставался, несмотря ни на что, довольно высоким, страна переживала небывалый экономический бум, достигла небывалого военного и политического могущества в мире, став единственной великой державой (в интерпретации самих американцев). Клинтон, чтобы ослабить нараставший политический нажим, выступил с публичной речью, в которой попросил у всех американцев прощения за свои грехи. Это добавило ему сочувствия и даже симпатий, но сенат все-таки не остановил процедуру импичмента и довел ее до голосования. Не хватило всего нескольких голосов, чтобы отправить Клинтона в отставку. Сам президент после этой эпопеи выглядел измотанным, он был практически разорен, и стихийно возникший Фонд поддержки Клинтона собирал средства для оплаты его адвокатов, которые вели судебные дела, связанные с этой историей.

Мы специально вспоминаем эти эпизоды из истории той страны, откуда мы взяли и само понятие «импичмент», чтобы показать, насколько малые, не существенные в нашем понимании обстоятельства могут стать в демократических странах основанием для отрешения глав государств от должности. Судьбу людей решают не ссылки или иные параграфы действующих или переставших действовать кодексов, а прежде всего политические и морально-нравственные оценки действий должностных лиц. Выдвигавшиеся против американских президентов обвинения выглядят детской песочницей по сравнению с Эверестом преступлений, совершенных Б. Ельциным против интересов государства и народов.

Дело о первом российском импичменте тем временем двигалось к завершению. Был даже назначен день — 15 мая 1999 г. — пленарного заседания Государственной думы, на котором должно было состояться голосование по вопросу о начале импичмента. К этому времени прошел почти год, в течение которого шел сбор материалов, их проверка и формирование Заключения.

Настроение в стране, парламенте не предвещало ничего хо-

рошего. Представители администрации президента активно работали в Государственной думе, подкупая депутатов, уговаривая их или шантажируя. По предварительным расчетам, в Кремле вроде бы складывалось впечатление, что организаторам импичмента не удастся собрать двух третей голосов ни по одному пункту обвинения, но полной уверенности в «победе» не было. Разогнать Думу в это время было невозможно на законных основаниях, так как до очередных выборов оставалось чуть больше полугода. Кроме того, всему миру было известно о работе Комиссии по подготовке материалов для начала процедуры импичмента, и в этих условиях роспуск Думы выглядел бы совершенно неоправданным с точки зрения демократии. В этих условиях Б. Ельцин как истинный «большевик», привыкший идти напролом, играть ва-банк, решил вызвать в стране очередной шок, отправив в отставку правительство Е. Примакова — единственное правительство, добившееся в ельцинское десятилетие положительных результатов в своей работе и завоевавшее доверие как парламента, так и всего народа.

Кандидатура Е. Примакова возникла, мы уже говорили, в качестве единственного выхода из катастрофической ситуации после дефолта, в результате чего все ельцинские выдвиженцы оказались отвергнутыми страной и парламентом. Назначение Е. Примакова по большому счету оказалось спасательным кругом для политического выживания Ельцина. Но прошло всего несколько месяцев нормальной восстановительной, стабилизационной работы правительства, принесшей его главе высокий рейтинг доверия, как в душе Б. Ельцина возникло чувство невыносимой ревности и враждебности к Примакову. По словам самого президента, первый неприятный разговор произошел уже в январе 1999 г., когда Е. Примаков предложил Думе некий план политического примирения на ближайшее время — до выборов новой Думы и нового президента. Суть плана заключалась в том, что все три составляющие российской политической власти — президент, правительство и Дума — брали на себя

определенные обязательства, жертвуя для этого некоторыми своими полномочиями, чтобы обеспечить стране стабильную политическую обстановку до новых выборов. В частности, президент принимал обязательство не отправлять правительство в отставку и не распускать Государственную думу на этот срок, Дума, со своей стороны, обязывалась прекратить процедуру сбора материалов для импичмента и не выражать недоверия правительству. Правительство же отказывалось от права вносить в Думу вопрос о недоверии себе, какой бы острой критике ни подвергалась его работа.

На такое соглашение Б. Ельцин был согласен в сентябре 1998 г., когда он настойчиво проталкивал в Думе кандидатуру В. Черномырдина на пост премьер-министра. Подобное соглашение прежде всего было выгодно правительству, которое несло основную ответственность за состояние дел в стране и в то же время не имело никаких гарантий от произвола со стороны президента или Думы. Сам глава государства был огражден Конституцией, а Дума могла спокойно чувствовать себя в последний год своей работы, да еще в условиях проводившейся процедуры по подготовке импичмента.

Чтобы смягчить возможную отрицательную позицию президента, Е. Примаков параллельно с пактом о политическом примирении предложил руководству Госдумы разработать и принять закон о гарантиях Ельцину после окончания срока его полномочий.

Несмотря на это, президент отнесся к пакту заключения политического перемирия на этот раз крайне отрицательно. Он увидел в нем только одну сторону: ограничение его конституционных прерогатив, и ничего больше. Его обидело даже то обстоятельство, что идею пакта в общественное сознание внес не он Б. Ельцин, а премьер-министр Примаков. Пресса разжигала президентские амбиции. Я в те дни сделал такую запись в своем дневнике: «Б. Ельцин ведет себя, как один мой капризный сверстник в деревне в дни нашего детства. Тот мальчишка

требовал, чтобы корову в стадо выгонял только он лично, но и вставать не хотел в четыре часа утра, чтобы отправить буренку на выгон. Так вот его мать — бедная женщина — шла ближе к полудню в стадо, пригоняла корову домой, а потом продравший к этому времени очи мальчишка важно снова гнал животину на пастбище». И в самом деле, вскоре появился документ самого президента, точь-в-точь как премьерский, но теперь взбеленились Дума и ее коммунистическое крыло, которые на дух не принимали ничего, выходящего из Кремля. Так и повис в воздухе «пакт кота Леопольда», безуспешно призывавший: «Давайте жить дружно!».

Президент и премьер-министр прожили все отведенное им время на этих постах, как два супруга, ненавидевшие друг друга, но понимавшие, что время для развода еще не наступило. И в первую очередь это относится к Ельцину, от которого и зависела в основном степень прочности брака. У премьера все время рос рейтинг доверия, у президента он все время падал.

Когда в марте 1999 г. НАТО приступило к массированным бомбардировкам Югославии, то Примаков решился на демонстративно протестный маневр: он летел в США на встречу с американским руководством, когда узнал по шифровке, что завтра самолеты Североатлантического альянса обрушат на Югославию ракетно-бомбовый удар. Тогда премьер отдал приказ пилоту развернуть самолет, который уже приближался к побережью США, и взять курс назад, на Родину. Ничего другого Россия тогда сделать не могла, но «разворот» Примакова в какой-то мере спасал честь и достоинство нашего государства, иначе оно становилось прямым пособником НАТО и соучастником агрессии. Этот шаг еще больше повысил авторитет Примакова, а у Ельцина вызвал приступ изжоги. Он сам об этом написал в своих воспоминаниях: «Косовский кризис усилил в обществе антизападные настроения, и Примаков был вполне способен объединить ту часть политиков, которые мечтали о новой изоляции России, о новой «холодной войне». Правда,

потом Б. Ельцин сам взял на вооружение подобный прием, когда отдал распоряжение батальону российских десантников из числа миротворческих сил совершить театральный бросок из Боснии в Косово. Толку от этого марш-броска не было, но моральный эффект был впечатляющим и вызвал всплеск патриотических чувств.

Хотя публично президент продолжал заверять общественность, что он не намерен отправлять в отставку правительство Примакова, и однажды даже в телекамеры, четко фиксируя каждое слово, сказал: «...Позиция моя — я работаю до выборов 2000 года. Позиция премьера — он работает до выборов нового президента». Здесь, если смотреть с позиций сегодняшнего дня, что ни слово, то неправда. Оправдание может быть только в том, что Ельцин никогда не говорил о своем намерении говорить народу только правду.

Ближайшее окружение президента активно нашептывало ему о необходимости скорейшего устранения Примакова. Борис Березовский принародно похвалялся: «Свалим Примакова, и не таких убирали!». Олигархическую верхушку пугала личная неподкупность премьер-министра, его готовность дать ход следственным делам против ведущих криминальных авторитетов. Особенно напугала их одна неосторожная фраза, оброненная обычно сдержанным на резкие высказывания премьером. Весной 1999 г. в правительстве обсуждался вопрос о предстоящей в мае амнистии части осужденных, проходящих по «нетяжелым» статьям. Предстояло освободить около 100 тысяч человек. Тогда Примаков сказал, что амнистия необходима и для того, чтобы освободить места для тех, кого сажать будем за экономические преступления. Это заявление вызвало растерянность и страх среди так называемых «новых русских», которые сами неустанно повторяют, что все они сколачивали свои состояния в 90-е годы с нарушением несовершенных законов или при отсутствии таковых. Это их единственное потенциальное оправдание. По этому поводу Б. Ельцин замечает: «В стране

16 Зак 22409

происходили... довольно тревожные процессы. Возбуждались непонятные уголовные дела. Под арест попадали невиновные люди. Часть сотрудников спецслужб не скрывала при допросах и обысках бизнесменов, что ждут реванша за прежние годы. Почти весь российский бизнес, деловая элита пребывали в тоске и унынии по поводу своего ближайшего будущего. Эта ситуация грозила настоящим расколом страны в главном вопросе, вопросе экономических реформ». Именно к этому времени относится и отставка руководителя администрации Н. Бордюжи, которого Б. Ельцин заподозрил в излишней близости к премьер-министру.

Ни для кого не было секретом, что отставка премьер-министра не за горами. Лидер коммунистов Г. Зюганов заявлял, что его партия готова организовать массовые выступления и забастовки в поддержку правительства. Я во время неофициальной личной встречи с руководителями КПРФ высказал свое мнение о контрпродуктивности подобных заявлений, потому что у компартии не было, по существу, опыта организации их, да и массы не были готовы к подобному проявлению активности, а ущерб от невыполненных угроз обычно наносится самим себе.

27 апреля 1999 г. Б. Ельцин издал указ об изменении в составе правительства. Министр внутренних дел Сергей Степашин был неожиданно для широкой публики назначен первым вице-премьером правительства, заменив занимавшего эту должность бывшего губернатора Ленинградской области Густова. С. Степашин оказался на редкость незадачливым на посту министра внутренних дел. По всему периметру Чечни нарастали кризисные явления, названные ростом диверсионно-террористической деятельности боевиков. Он лично ездил в те районы Дагестана, где назревали опасные конфликты, провоцировавшиеся ваххабитами, и приехал в самом благодушном настроении, заверив общественность, что они мирные, порядочные люди. У него в ведомстве произошла только что страшная трагедия: сгорело здание Самарского УВД, причем в огне погибли

более шестидесяти сотрудников и, разумеется, вся служебная документация. В Москве грохотали взрывы, сначала на Кузнецком Мосту — прямо у приемной ФСБ, потом в гостинице «Интурист». У самых начинающих аналитиков назначение его вице-премьером вызвало подозрение: он готовится к должности премьера.

12 мая 1999 г. то, чего ждала и чего опасалась общественность, случилось. За три дня до голосования по вопросу об импичменте Б. Ельцин своим указом уволил Е. Примакова и отправил в отставку весь состав правительства. Накануне он пригласил Евгения Максимовича и предложил ему написать прошение об отставке, но получил категорический отказ. «Увольняйте, если хотите, это ваше конституционное право, но подавать прошение об этом я не стану. Не вижу оснований!»

Мне пришлось комментировать сложившуюся ситуацию по телевидению. Я сказал примерно следующее: «Ни один серьезный политолог ни в России, ни на Западе не может считать разумным такой вариант развития событий. Он настолько антигосударствен, что не вписывается в политическую логику. Причин, на мой взгляд, две: **первая** — маниакальное состояние президента, не желающего делить власть ни с кем. Диктаторское отрицание всякой демократии, нетерпимость к любой оппозиции, какой бы разумной она ни была. Об этом психологическом феномене Ельцина десятки раз писали газеты. Он стал фактором нашей несчастной жизни. Когда-то Ленин предупреждал съезд коммунистов относительно такого же феномена у Сталина. Сейчас предупредить оказалось некому. Россия забыла письмо шести руководящих работников Верховного Совета РСФСР, среди которых было несколько заместителей Б. Ельцина, занимавшего тогда пост председателя Верховного Совета, которые также на заре политической карьеры Ельцина предупреждали страну о нетерпимом характере его и диктаторских замашках.

Вторая — кровная заинтересованность ближайшего окру-

жения президента в сокрытии своей воровской жизни, желании не допустить никаких попыток со стороны государства положить ей конец. Главная цель этих людей — продолжить свою «сладкую жизнь» — «дольче вита» — хотя бы до окончания срока президентства Ельцина. Эти лица больше других влияют на него, толкают его на рискованные, даже опасные шаги, активно играют на его болезненном властолюбии».

Самодурство Б. Ельцина в один день обошлось России в миллиарды долларов вследствие падения акций крупнейших российских компаний на мировых фондовых рынках. Курс доллара всего за два дня подскочил с 24 до 27 рублей. Иностранные кредиторы заявили, что они приостанавливают рассмотрение вопросов о выделении новых займов России до выяснения обстановки.

Мне постоянно приходилось одергивать самого себя по части излишне резких оценок деятельности Б. Ельцина и оглядываться на мнение иностранных источников, чтобы сверять меру собственного отклонения от объективной оценки. В те дни американский политолог, специалист по России, профессор Нью-Йоркского университета Стивен Коэн сказал: «Шаг Ельцина безответствен. Он, видимо, понял, что Примаков уже не сможет защитить его, и назначил новым премьером «человека с ружьем». Господин Степашин не политик, а полицейский».

Другой кремленолог со стажем Дмитрий Саймс, в свое время эмигрировавший из Советского Союза и пользовавшийся в течение многих лет большим уважением в кругах российских демократов, писал: «Уже одна внешность российского президента в момент объявления об отставке Примакова свидетельствовала о его физической и интеллектуальной неспособности выполнять возложенные на него функции главы государства».

Доминирующим мнением в политических кругах Вашингтона было убеждение, что друг Борис нанес удар по другу Биллу, потому что всем ясно показал, что защищает не демократию, а себя лично.

Французская газета «Либерасион» писала: «Можно было надеяться, что Россия, коснувшись в своем погружении дна, начнет потихоньку всплывать. Но вряд ли. Эту разрушенную страну ждут новые испытания».

Испанское телевидение высказалось крайне эмоционально: «Ельцин делает шаги, с каждым разом все более свидетельствующие о его политическом безумии». О Степашине нигде не было слышно ни одного лестного комментария. Самая мягкая форма оценки его звучала примерно так: «У него нет никаких идей, ни во внутренней, ни во внешней политике». Кто-то даже высказал предположение, что в лице Степашина Б. Ельцин подыскивает человека на роль Пиночета и что Россию ожидает длительный период закручивания гаек. Однако опытные российские наблюдатели давно знали, что С. Степашин не обладал личными качествами жесткого администратора. Всегда холеный, упитанный, довольно складно строящий ничего не значащие фразы, он был известен как просто преданный Б. Ельцину человек. В его характере преобладали размытость, мягкость, обтекаемость. Сам президент рассматривал его как «премьерского покера», т. е. переходную фигуру на время подбора «настоящего полковника».

Кандидатура Степашина, внесенная в Государственную думу, никого не интересовала, потому что все помыслы депутатов были сосредоточены на судьбе импичмента. В канун «судного» дня на слушания в Думу были приглашены М. Горбачев, П. Грачев, В. Руцкой, И. Рыбкин, В. Шумейко. Их просили выступить в качестве экспертов для оценки объективности сформулированных обвинений. И все указанные бывшие политические деятели, в той или иной мере причастные к обсуждавшимся вопросам, предпочли скрыться от общественности, уклониться от явки в Государственную думу. Сказались личная трусость, боязнь вызвать гнев президента, от которого каждый из упомянутых лиц получил немалые подачки, привилегии, и традиционное неприятие демократических институтов и проце-

дур со стороны тех, кто больше всего говорит о своей приверженности к демократии. Привести силой их никто не имел права, а рассчитывать на их совесть не приходилось. Лидер фракции «Аграриев» Н. Харитонов так и сказал: «Их можно доставить в Думу только под конвоем в “воронке”».

Три дня шли в Думе дебаты по заключению Специальной комиссии, предложившей начать процедуру импичмента. За все это время ни одна парламентская фракция, ни один депутат не решились публично выступить в защиту президента. Роль единственного «штатного адвоката» выполнял его личный представитель в Государственной думе Котенков. По существу, шел общенародный суд над политическим деятелем, которого всего восемь лет назад народ считал своим кумиром.

В день голосования правительство и администрация президента мобилизовали все свои ресурсы, чтобы не допустить «политического Ватерлоо». Из 450 депутатов 102 в той или иной форме уклонились от голосования. Эту часть депутатского корпуса я всегда называл «политическим мусором», так как в решающие моменты они постоянно внезапно заболевали «медвежьей болезнью» и покидали свои рабочие места. Всего было роздано 348 бюллетеней. Голосование было только личным и открытым. Уже в самый последний момент струсили еще пятнадцать депутатов, получивших бюллетени, но не опустивших их в урны. В результате этих цифр можно сделать однозначный вывод о том, что 27% состава депутатского корпуса либо были полностью развращены государственной властью, либо предали интересы своих избирателей и играли в данном случае только на себя, уклоняясь от решения государственных проблем. Исправно получая высокую депутатскую зарплату (равную министерской), пользуясь большими льготами и привилегиями, эти люди, по существу, уклонялись от исполнения даже своих профессиональных обязанностей в критический момент. Невозможно себе представить хирурга, который, вскрыв полость больного на операционном столе и увидев, что надо принимать

кардинальное решение, вдруг снимет перчатки и скажет: «Извините, у меня заболел живот, я не стану участвовать в операции». Наши депутаты поступали именно так.

В российских средствах массовой информации публиковались данные о том, что за уклонение от голосования или за испорченный бюллетень платили по 30 тыс. долларов. Если предположить, что каждый из «дезертиров» получил такую сумму, то получится, что Кремль израсходовал на эту кампанию всего три миллиона долларов. Эта сумма представляется ничтожной, если считать ее ценой за власть над Россией. Но такая сумма для каждого возможного «взяточника» вдвое превышала общий фонд депутатской заработной платы за все годы его пребывания в должности парламентария.

Фактические результаты голосования оказались следующими:

— За обвинение по развалу СССР и подписанию Беловежских соглашений было подано 240 голосов, «против» — 72. Недействительными оказались 7 бюллетеней.

— За обвинение по расстрелу Белого дома высказались 263 депутата, «против» проголосовали 60, 8 недействительных бюллетеней.

— За незаконное начало чеченской войны 288 депутатов выразили свою готовность обвинить президента, «против» — всего 43 голоса, 4 бюллетеня были признаны недействительными.

— За обвинение в развале армии и подрыве обороноспособности страны высказался 241 парламентарий, «против» — 77, недействительных бюллетеней — 14.

— За обвинение в геноциде народов России проголосовали 238 человек, «против» — 88, недействительных бюллетеней — 7.

Для того, чтобы можно было официально начать процедуру импичмента, нужно было по любому из пяти пунктов обвинения набрать 2/3 голосов от списочного состава депутатов Государственной думы, т. е. получить не менее 300 голосов. Импич-

мент не состоялся, не удалось набрать двух третей ни по одному вопросу. Судьбу президента спасли «мертвые души» в парламенте. Примерами таких «душ» были в прошлом известный политический комментатор Александр Невзоров, который просто исчез в день голосования, популярный эстрадный певец И. Кобзон, который выехал из Москвы в канун голосования, но распространил записочку, в которой говорилось, что, мол, я поддерживаю все пункты обвинения, хотя прекрасно знал, что такой «документ» никогда не будет принят счетной комиссией. Он действовал по принципу, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. Фракция «ЯБЛОКО» специализировалась на порче документов для голосования, «яблочники», считающие себя самыми интеллигентными парламентариями, испортили 23 бюллетеня, которые были признаны недействительными. Один заместитель Явлинского по партии С. Иваненко испортил три бюллетеня из выданных ему пяти. Вот до какой степени доходили борцы за демократию в «момент истины».

По партийной принадлежности голосовавших можно определенно сказать, что все левые фракции: КПРФ, Народовластие, Аграрии дружно и очень дисциплинированно проголосовали за импичмент. «Наш дом — Россия» — правительственная партия — голосовала либо против импичмента, либо уклонилась от голосования. Вся фракция ЛДПР (В. Жириновский) солидарно воздержалась от голосования, что было равнозначно поддержке президента. «Яблочники» формально получили свободу голосования, но на деле, голосуя вразброд, портя бюллетени, сыграли на руку противникам импичмента. Своей ясной, принципиальной позиции по отношению к импичменту эта партия не определила. Кстати, среди «яблочников» оказалось как раз много тех, кто получил бюллетени, но так и не решился опустить их в урну.

Вся информационная структура России в дни после голосования раскалилась от пафосных восторгов и торжеств по случаю неудачи затеи с импичментом. Итоги голосования подавались

публике как крупная политическая победа президента, хотя для любого стороннего наблюдателя ситуация выглядела как раз наоборот. Несмотря на формальную неудачу идеи «импичмента», Ельцин потерпел тяжелейшее политическое поражение. Ведь из числа «живых» депутатских голосов, поданных людьми, сидевшими в зале, более 2/3 было подано за его обвинение по каждому из пяти пунктов заключения Специальной комиссии. Заметим, что процедура счета от числа списочного состава характерна только для Думы. При выборах самих депутатов в избирательных округах, губернаторов и самого президента страны не принимается в расчет списочный состав избирателей. Расчет ведется только от числа явившихся на избирательные участки и проголосовавших избирателей. Не явившиеся, «мертвые души», в учет не принимаются. Только в Думе именно «мертвые души» могут решать судьбу важнейших вопросов. Безусловно, следовало бы распространить принципы общероссийского избирательного права и на думцев, чтобы они не имели возможности камуфлировать свою коррумпированность физической неявкой на голосование или порчей бюллетеней.

Циничный пример политического торга с Кремлем дал Владимир Жириновский, уже 18 мая 1999 года направив личное письмо Б. Ельцину, в котором предложил 17 кандидатур в состав нового российского правительства от либерально-демократической партии как плату за участие в саботировании импичмента. Зная о крайне натянутых отношениях между президентом и московским мэром, В. Жириновский включил в письмо такой пассаж: «...Учитывая роль столицы в жизни страны как политического, финансового, экономического центра, оказывающего важное влияние на субъекты Российской Федерации, предлагаю ликвидировать должность мэра столицы, введя вместо нее должность члена Правительства Российской Федерации — министра по делам Москвы.

При этом прошу учесть следующие обстоятельства: на сегодня в подчинении мэра Москвы находится огромное количе-

ство сотрудников силовых структур (ОМОН, РУБОП, милиция, ФСБ и т. д.), а также около 100 тысяч хорошо вооруженных охранников частных коммерческих структур. Таким образом, в данном субъекте Федерации под управлением мэра Москвы находится больше военизированных объединений и организаций, чем у Президента и Правительства Российской Федерации». (Письмо опубликовано в газете «Советская Россия» от 20 мая 1999 г.)

Президент в первые дни после завершения дела об импичменте пережил очередное ухудшение состояния здоровья. Многие уже объявленные встречи были отложены или заменены телефонными разговорами. В западных средствах массовой информации появились сообщения о нездоровье Б. Ельцина. Американская телекомпания Эн-Би-Си передала озабоченность официальных лиц, по свидетельству которых российский президент выглядит слабым, анемичным, страдает затемнениями сознания и провалами в памяти. 9 Мая во время церемонии возложения венков на могилу Неизвестного Солдата он едва не упал. Президента то возили в Сочи, то оставляли в «Горках-9», изредка привозили в Кремль. В связи с этим Государственная дума приняла постановление, в котором просила Конституционный суд дать толкование по формулировке, что значит «стойкая неспособность президента выполнять свои функции» (так гласит Конституция), хотя суд никак не хотел давать трактовку, невыгодную президенту.

Формирование нового правительства шло под диктовку Б. Березовского. Министром внутренних дел стал В. Рушайло, который публично называл себя учеником бывшего министра внутренних дел Щелокова, снятого с поста и отданного под суд за коррумпированность Ю. Андроповым. Народная молва прямо связывала нового министра с Борисом Березовским. Были прекращены все ранее начатые уголовные дела по экономическим преступлениям. В Россию возвратился бывший мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак, который более двух лет находил-

ся в бегах и укрывался от правосудия в Париже, куда ему помог уехать его бывший заместитель В. Путин. Возвратился и А. Смоленский — бывший владелец СБС-АГРО банка, обвинявшийся в финансовом мошенничестве в особо крупных размерах. Часто стал, без особой огласки, появляться в России С. Станкевич, нашедший убежище в Польше, после того как был обвинен в получении взяток за предоставление Красной площади в качестве театральных подмостков. Никто просто не упоминал, снято ли с него обвинение или нет.

Первым вице-премьером стал Н. Аксененко, которого называли «министром путей обогащения» (министра путей сообщения). Он составил себе, по сообщениям печати, огромное состояние, играя на тарифах, которые устанавливал по собственному усмотрению для различных клиентов, — от жестких до средних, мягких и совсем пуховых — в зависимости от того «навара», который получал сам. В свое время был обвинен в незаконной продаже Чечне 240 цистерн с бензином, что составляет около 10 тыс. тонн. Эта миллионная сделка носила и политический характер, так как была совершена в нарушение правительственного распоряжения об экономическом бойкоте Чечни. Аксененко систематически не платил налоги в бюджет, и к моменту его назначения долг железных дорог перед казной составлял около 2 миллиардов рублей. За то время, пока он находился во главе Министерства путей сообщения, этот долг вырос в 2,3 раза.

Управляя огромным народно-хозяйственным комплексом с годовым оборотом в 100 миллиардов рублей (4 миллиарда долларов), Н. Аксененко втянулся в торговые операции. Не гнушался брать натурой за перевозки, причем, пользуясь своим положением монополиста, устанавливал цены на «оплату натурой» значительно ниже рыночных, чтобы потом, перепродавая полученные товары, получать сверхприбыль.

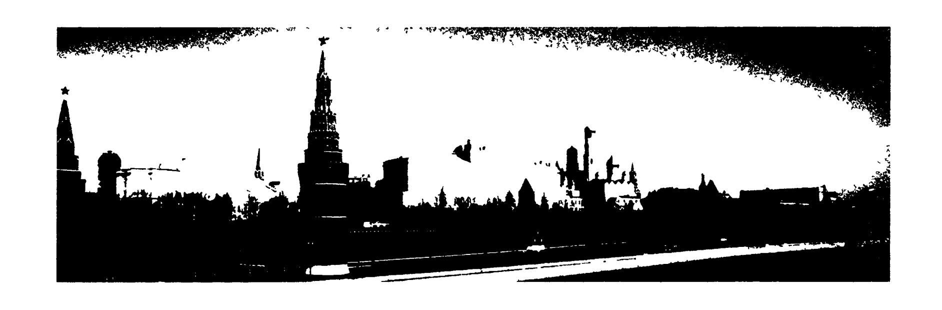
В 1997 г. он закупил в Японии партию железнодорожных рельсов на сумму 33 миллиона долларов, в то время как отече-

ственные производители рельсов простаивали и наши рельсы по качеству ни в чем не уступали, а даже превосходили японские и к тому же были дешевле. Но все расчеты с японцами велись через кипрскую офшорную фирму, и какая часть комиссионных от этой сделки была «отстегнута» министру, останется коммерческой тайной.

Сын министра возглавлял швейцарскую фирму «Трансрейл», которая специализировалась на перевозке иностранных грузов по российским железным дорогам. Она была монополистом на этом рынке, потому что конкурировать с ней было невозможно. Государственная дума не могла контролировать работу этой компании. В кругах парламентариев Аксененко стал олицетворением «экономики, построенной на “черных” или “серых” деньгах».

И этого человека Б. Ельцин собирался назначить премьер-министром после увольнения Примакова! В телефонном разговоре с председателем Госдумы Геннадием Селезневым накануне голосования Б. Ельцин четко и ясно произнес: «Аксененко», о чем по телевидению Селезнев поведал всем гражданам России. Видимо, брякнув эту фамилию, президент одумался и наутро прислал в Думу официальное письменное представление на имя Степашина.

Три месяца пребывания С. Степашина на посту премьер-министра России были для него унизительными. Он не имел никакого влияния на процесс формирования команды, у него не было никаких полномочий и не было воли отказаться от поста в силу привычки механически подчиняться президенту.



АГОНИЯ. ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Обычно летом во всех странах Северного полушария политическая жизнь замирает. Россия не исключение. Президент Б. Ельцин уехал в свой очередной отпуск в Карелию, где для него была выстроена еще одна государственная резиденция в местечке Шуйская Чупа. Дума ушла на каникулы. Тяжелая засуха и жара расслабляли волю горожан, которые в России и в прохладную погоду политически малоактивны, а тут окончательно превратились в истекающих потом ленивцев. Самые счастливые уехали на лоно природы и коротали дни под сенью дерев и дачных навесов.

Информационный голод мучает в такие периоды дипломатов, разведчиков, журналистов. Последние выходят из положения, раздувая малозначительные события до слоновьих размеров. Газеты выходят в прежнем формате, но качество информационной продукции явно второсортное.

Однако в России лето 1999 года выдалось совсем иным. События мая — провал импичмента и отставка правительства Примакова — по своим последствиям оказались равными дворцовому перевороту, мириться с которым страна уже не хотела. В наличии оказались объективные и субъективные факторы, которые при их элементарно правильном использовании способ-

ны положить конец затянувшемуся ельцинскому безвременью законными демократическими средствами. В стране, наконец, четко определился приемлемый для подавляющего большинства населения кандидат в будущие президенты страны — Евгений Максимович Примаков. Все громче заявляло о себе общественно-политическое движение «Отечество», в фундаменте которого лежали колоссальные потенциальные возможности Москвы и Подмосковья. По существу отставка Примакова дала старт новой избирательной кампании.

Я с группой товарищей также загорелся идеей сделать все возможное для обеспечения победы Е. М. Примакова на будущих выборах. Мы были готовы сформировать общественный комитет по выдвижению его кандидатуры на высший пост в государстве, привлечь к работе большую группу влиятельных лиц, в разное время и в разных общественно-политических секторах сотрудничавших с ним. Рейтинг Примакова после отставки пошел устойчиво вверх, как ртутный столбик на градуснике, поднесенном к огню. Правда, мы исходили из того, что Е. М. Примаков не должен связывать себя ни с какой из известных в стране политических группировок и выступать как независимый общенародный кандидат, который может принять поддержку той или иной партии, движения в зависимости от их политических ориентиров. Главное — независимость. Очень влиятельные группировки деловых людей стали зондировать возможность подключиться к поддержке кандидатуры Примакова своими финансовыми ресурсами. Наши контакты с представителями армии и силовых структур обнадеживали, почти все заверяли, что настроение среди военнослужащих однозначно в поддержку Е. Примакова. Все понимали, что физический ресурс человека не бесконечен: Евгений Максимович приближался к рубежу в 70 лет, но на посту премьера он показал высокую работоспособность, справляясь с исключительно большими нагрузками. К тому же все, кто знал Примакова, были уверены, что он, никогда не имевший никаких вредных для здоровья привычек, постоянно живший в напряженном поле ин-

теллектуальной работы, без труда послужил бы России на посту президента хотя бы один срок, за который сумел бы оздоровить саму политическую обстановку в стране и изменить в корне судьбу России. У него были очевидные способности объединять вокруг себя людей, внушать им веру в себя и в дело. В конце концов, стране на посту руководителя нужен был человек высокообразованный, обладающий эрудицией, умеющий отстаивать свою точку зрения как на переговорах на высоком уровне, так и в митинговой обстановке.

Однако, к нашему величайшему сожалению, у Евгения Максимовича не хватило как раз той критической массы политического мужества и решимости, которая отделяет хорошего политика от самостоятельного политического лидера страны. Он не решился играть уготованную ему роль общенародного кандидата. Видимо, не хватило веры в себя, веры в народ. Примаков начал склоняться к тому, чтобы влиться в «Отечество», стать его кандидатом на президентский пост, опереться на финансовые и пропагандистские возможности этой политической силы. Тем самым совершил, на наш взгляд, первую, но непоправимую ошибку. При поверхностном взгляде казалось, что его расчет безупречен: за спиной стояло «Отечество», к которому вскоре присоединился блок региональных лидеров, возглавляемый президентом Татарстана Шаймиевым, информационную поддержку обеспечивал мощный холдинг, руководимый В. Гусинским, который с давних времен работал рука об руку с московским мэром. Против такого мощного блока, казалось, невозможно противодействие.

Но в то же время было нетрудно наметанным глазом увидеть очевидные слабые места этой коалиции. Она была наскоро сшита из плохо стыкующихся материалов. К примеру, М. Шаймиев известен как знаменосец сепаратистских настроений. Он отвоевал у федеральных властей больше всего суверенных прав. В годы чеченской войны даже отказался посылать призывников из своей республики в действующую армию за пределы Татарстана. Он все время порывался выступить в качестве посредни-

ка между Москвой и чеченским руководством. В то же время его основной партнер по блоку — московский мэр Ю. Лужков — стал выразителем идей укрепления центрального правительства. Временами в его словах звучали нотки нового собирателя русских земель. Он взял под свое попечительство Черноморский флот, демонстративно финансировал достройку флагманского корабля «Москва», восстанавливал больницу в Буденновске, разрушенную во время нашествия Басаева, выпуская новые марки легковых автомобилей под символическим названием «Юрий Долгорукий», и др.

Е. Примаков — человек с лично незапятнанной репутацией — примкнул к лужковскому клану, за которым тянулся длинный шлейф обвинений в коррупции и лихоимстве. Целое десятилетие Б. Ельцин, которого неизменно поддерживал Ю. Лужков, позволял ему полновластно управлять Москвой как своей вотчиной. Концентрация в столице громадных капиталов, а следовательно, и доходов московского бюджета (к примеру, налоги со всех своих доходов «Газпром», РАО «ЕЭС», МПС, нефтяные компании платили в Москве, поскольку именно там находились их головные управленческие структуры) делали московскую политическую «элиту» самодовольной, хвастливой и излишне уверенной в неизбежности своей победы.

Эта группировка, а следовательно, и примкнувший к ней Е. Примаков, не видела того враждебного отчуждения, которое испытывала остальная нищая Россия к сытой, не в меру упитанной столице.

Все знали об особых отношениях, связывавших Лужкова с В. Гусинским, являвшимся не только крупным медиа-магнатом, но и президентом Российского еврейского союза, влиятельной общественной организации, стоящей на защите интересов еврейской диаспоры. Сам Ю. Лужков бывал почетным гостем на съездах Российского еврейского союза и охотно позировал журналистам в ермолке — атрибуте еврейского национального костюма. И потому народу было непонятно, как могли оказаться в одной лодке в такой ответственный момент Е. Примаков и Ю. Лужков, провозглашавшие патриотические лозунги и выступавшие в общем с левоцентристских позиций, а рядом с ними

еще и холдинг В. Гусинского «Медиа-мост», который последовательно и упорно отстаивал прозападные, а точнее, проамериканские позиции. Не было секретом, что правая рука В. Гусинского И. Малашенко регулярно ездил в США, где во время встреч с ответственными работниками госаппарата отрабатывал единую линию поведения в информационно-пропагандистских делах.

Е. Примаков, давая согласие возглавить этот блок, терял ауру всенародного кандидата, превращался в одного из рядовых участников предвыборной борьбы за государственные посты. Он оказался на положении бесприданницы-одиночки в богатой, крепко сколоченной клановой структуре. Примаков взял на себя ответственность за всю ее «славу». Будучи премьер-министром при Б. Ельцине, он чувствовал, что его руки связаны, но и теперь, примкнув к основной оппозиционной группировке, понял, что путы ослабели лишь чуть-чуть. Свободы действий он не обрел. Если бы Евгений Максимович продолжил ранее намеченную им линию на сотрудничество с левой, национально-патриотической оппозицией, то ничто не смогло бы помешать победе этого альянса. Сами парламентские и президентские выборы стали бы просто формальными процедурами для легализации прихода к власти новых сил. Но этого не произошло. В публичных выступлениях Е. Примакова тема союза с левыми стала звучать все реже и все глуше и, наконец, исчезла совсем. Таково было требование новой «семьи», которая диктовала свои правила.

Несостоявшийся союз «Отечества» и левых был самым крупным подарком Б. Ельцину и его окружению, которые увидели в этой ситуации реальный шанс удержаться у власти путем срочного создания совершенно новой политической организации. Кремль не без оснований рассчитывал, что рыхлое «Отечество», верхушка которого состояла из политиков, готовых в любой момент либо продаться, либо перекинуться на ту сторону, у которой больше шансов на победу, достаточно уязвимо, если против него выдвинуть «административный ресурс». Что касается левой оппозиции, то Кремль отчетливо видел, что в ее недрах начался процесс распада, вызванный усталостью от бес-

перспективности словесного противостояния. От КПРФ начали откалываться ее вчерашние сторонники. Аман Тулеев стал создавать свое собственное движение «Возрождение и единство», причем в этих условиях он получил поддержку со стороны президентской администрации. Летом 1999 г. определился раскол коммунистов и с руководителем движения «Духовное наследие» А. Подберезкиным, который сначала вышел из коммунистической фракции, а затем повел борьбу против КПРФ. Постепенно дрейфовало в сторону от КПРФ и «Движение в защиту армии и оборонной промышленности», которое создавали Лев Рохлин и Виктор Илюхин.

Компартия уже давно перестала говорить о «весенних» и «осенних» наступлениях, застыла в кадровом отношении, пользовалась одними и теми же приемами политической борьбы. Ее руководство, почти целиком вошедшее в парламентскую фракцию, обрекло себя на «охотнорядский плен», результатами которого могло быть, по мнению большинства политологов, только медленное «усыхание».

Инициатором воплощения идеи создания нового движения и главным организатором его на начальном этапе был Борис Березовский. Он на личном самолете стал совершать блицналеты на центры субъектов Федерации и, демонстрируя недюжинную энергию и напористость, убеждал региональные власти, не теряя времени, включиться в работу по созданию избирательного блока под названием «Единство», который должен был ворваться неожиданно для всех в предвыборную кампанию по выборам в Государственную думу, намеченным на 19 декабря 1999 года. Создавать новую политическую партию было некогда, не хватало ресурса времени. Для того чтобы партия могла выступить на выборах с самостоятельным списком, было необходимо иметь не менее года деятельности после регистрации. Ясно, что времени у «Единства» не было. Сейчас о роли Березовского предпочитают не вспоминать, но тогда — летом 1999 г. — он представлялся как кремлевский спаситель. Его основным козырем в беседах с местными властями было запугивание их перспективой прихода к власти «московской мафии», которая отнимет у регионов все привилегии, завоеванные ими

за прошедшие десять лет, и кроме того начнет расследование экономических и иных преступлений, под топор которых попадут любые местные руководители. Запугивание — излюбленный прием во время российских избирательных кампаний. По большей части слова Березовского встречали сочувствие у собеседников, под контролем которых находилась большая часть территории и населения страны.

Надо было срочно подобрать и новых лидеров, так называемую «партийную тройку», олицетворявшую избирательный блок. В качестве первого номера остановились на кандидатуре министра по чрезвычайным ситуациям Сергее Шойгу, который всегда появлялся на экранах телевизоров в роли доброго спасителя, был узнаваем и не проходил по скандальным коррупционным делам, сотрясавшим ельцинскую администрацию. Попытки политических противников Шойгу скомпрометировать его материалами о роскошном личном коттедже с бассейном и собственными теннисными кортами не смогли нанести ему ощутимого ущерба, потому что подобные «трофеи» в процессе приватизации уже не считались особенно компрометирующими в глазах уставших граждан.

На вторую позицию был приглашен известный борец в тяжелом весе Александр Карелин — многократный чемпион мира, трехкратный победитель на Олимпийских играх, Герой России, лауреат премии «Человек года» и т. д. Он был простым советником правительства С. Степашина по вопросам спорта и вдруг превратился в руководителя проправительственного избирательного блока.

Третьим знаковым лидером стал генерал-майор милиции Александр Гуров, который ушел с работы в правоохранительных органах в 1994 г. защитил докторскую диссертацию и занимался научно-исследовательской работой. Он пользовался известностью как публичный борец с организованной преступностью, написал книгу «Красная мафия» и считался честным профессионалом.

Выбор лидеров являлся, очевидно, эклектичным. С. Шойгу к тому же как генерал и руководитель федерального министерства не имел права заниматься партийной работой, ибо силовые

структуры давно были департизированы. Но, как говорится, если нельзя, но очень хочется, — тогда можно.

Центральная избирательная комиссия шла против закона и совести, когда регистрировала избирательный блок «Единство», разрешая ему принять участие в кампании по выборам депутатов Госдумы.

Это был поистине цирковой политический трюк, когда из пустого цилиндра фокусник вдруг вынимает упитанного кролика. Я записал в своем дневнике: «Вряд ли где в мире возможно такое, чтобы политический авантюрист Б. Березовский — граф Калиостро нашего времени, облетев на самолете 39 субъектов Федерации, смог в кратчайший срок уговорить губернаторов и «туземных» президентов объединиться в избирательный блок, возглавляемый первоклашками из начальной школы политической грамотности, блок, который без вразумительной программы стал ведущей силой на российской политической сцене».

В ходе предвыборной борьбы вся страна стала свидетельницей невероятно грязной и жесткой «разборки» между двумя главными претендентами на власть: блоком «Единство» и блоком «Отечество — вся Россия». Старое противостояние между коммунистами и «демократами» ушло в прошлое. Теперь уже не существовало альтернативы «социализм — капитализм». Прошедшее десятилетие привело к необратимым последствиям в расстановке политических и социальных сил. Новый класс российской буржуазии победил всерьез и надолго, теперь он уже не боялся «коммунистического реванша». В 1999 г. встал вопрос какая группа победившей буржуазии станет ведущей политической силой — либо компрадорская по своей сути олигархическая когорта, группировавшаяся вокруг Б. Ельцина, либо коалиция сил, ближе стоявшая к национальным производителям, а следовательно, окрашенных в национально-патриотические тона, собравшихся под замена московского мэра. Схватка между ними развернулась в средствах массовой информации и носила свирепый характер, своей яростью шокировавшая страну.

Б. Березовский отыскал среди журналистов самого цинич-

ного, наглого и беспринципного наемника — Сергея Доренко, которому было поручено, не останавливаясь ни перед чем, «мочить» двух главных политических противников — Юрия Лужкова и Евгения Примакова. Для сбора компрометирующих материалов были использованы все частные и государственные ресурсы, и на головы ошарашенных зрителей полились водопады лжи, клеветы. Главным направлением удара по Е. М. Примакову стало состояние его здоровья. Ведущий показывал по телевизору рентгеновские снимки больной ноги Примакова, рассказывал о других его недугах, спекулировал на возрасте и всячески изо дня в день старался убедить аудиторию, что это конченый человек, который не в состоянии занимать руководящий пост в государстве. Бесстыдство, с каким все это преподносилось, было прямо пропорционально размеру гонораров, получаемых этим телекиллером, как стали называть С. Доренко.

Московский градоначальник оказался под огнем разоблачений по причине своей довольно широко известной коррумпированности. Почва для его обвинений была подготовлена давно, в газетах не раз публиковались материалы о том, что его супруга Е. Батурина — владелица фирмы по выпуску пластмассовых изделий — использовала свое семейное положение для получения бесконкурсных заказов. Проводились проверки фирм, через которые семейство Лужковых отмывало и переводило за рубеж капиталы. Поэтому, когда на голову Юрия Михайловича посыпались обвинения в том, что он приобретает недвижимость в Испании, имеет крупные счета за границей, то люди с легкостью были готовы в это поверить. Первый канал телевидения — оплот Б. Березовского — не переставая долбил по своим жертвам.

Попавшие под жесточайший прессинг лидеры «Отечества» не смогли организовать эффективный отпор. Лужков обратился в суды с жалобами на С. Доренко, хотя и знал реальную эффективность российских служителей Фемиды. Суды проводили свои заседания, признавали С. Доренко виновным в распространении непроверенных, а иногда и недостоверных фактов, присуждали его к уплате штрафов в размере 100 тысяч рублей, и

все. В такой крупной игре, где ставкой является власть в России, 100 тысяч рублей выглядят как ничтожно малая величина, которой можно пренебречь. Адвокаты Доренко вносили эти суммы, а сам телекомментатор продолжал свою убийственную кампанию. Ю. Лужков и Е.Примаков растерялись, и хотя в их распоряжении имелись немалые информационные ресурсы, в том числе и общероссийский канал телевидения — ТВЦ организовать сопротивление им так и не удалось. Во-первых, они явно не ожидали, что их родственный по социальной природе соперник прибегнет к таким крутым мерам борьбы, а во-вторых, у них не оказалось в распоряжении своих геббельсов, готовых действовать по принципу «клин клином вышибается». Ощущение собственной замаранности связывало им руки и не позволяло ответить ударом на удар. Сказались общая классовая солидарность и опасение перед тем, что широкое развертывание межклановой борьбы может оказаться на руку левой оппозиции и вновь возродить угрозу прихода к власти коммунистов.

В эти дни я записал: «Из московского мэра не получилось ни Юрия Долгорукого, ни Ивана Калиты. Не хватило ему политического роста, чтобы возглавить национально-патриотические силы русского народа. Сам — кровное дитя кремлевской свиноматки — он знал только тот набор средств борьбы, который входит в арсенал его более опытных, более беспощадных и лучше экипированных соперников. Всенародному ополчению он предпочел рать наемников из перебежчиков, подельников, сепаратистов и случайных карьеристов. Не святая хоругвь развевалась над его разномастным воинством, жаждавшим трофеев, а многолоскутное полотнище клановых и групповых интересов».

Телевидение доказало, что в руках беспринципных политиков оно действительно превращается в оружие массового поражения и способно решать в условиях политически незрелого гражданского общества самые трудноразрешимые задачи. Блок «Отечество — вся Россия» начал рассыпаться еще до выборов, как только пошатнулась вера в его неотвратимую победу.

Лето 1999 года принесло и еще одно обстоятельство, сыгравшее громадную роль в развитии политической борьбы в стране. В нашу и без того растерзанную жизнь снова ворвалась Чечня, в новой, более грозной форме. Прошли почти три года после Хасавюртского соглашения, но они не были годами мира и спокойствия. Несмотря на то, что в Чечне президентом был избран А. Масхадов, его власть не распространялась дальше Грозного. Полевые командиры, сохранившие свои отряды и вооружение, творили, что хотели. Все это время практиковались захват заложников и торговля ими. Самыми лакомыми жертвами были граждане западных государств, затем шли журналисты, военнослужащие и гражданские лица. Крали людей где попало, иногда в сотне метров от здания чеченского управления по борьбе с похитителями людей в Грозном, иногда далеко от Чечни. Так произошло с дочерью саратовского бизнесмена двенадцатилетней Аллой Гейфман, которую захватили по дороге из школы домой и увезли в Чечню. Заложников держали в нечеловеческих условиях, пытали под видеокамерой, а затем отсылали пленку родным и близким, требуя выкупа. Долгое время Борис Березовский наваривал себе политический капитал, организуя выкуп общественно значимых лиц, попавших в чеченский плен. Весь мир был в шоке, когда в пригороде Грозного нашли мешок, в котором находились отрубленные головы четырех англичан и новозеландцев, работавших по контракту с чеченским правительством на установке аппаратуры связи.

Один из руководителей спецслужб Чечни цинично заявил с экрана: «Чеченцы крадут людей не потому, что они так хотят, а потому, что им не на что жить, они бедствуют». Стало быть, фактическое обретение самостоятельности не подвигло чеченцев на восстановление промышленности, оживление сельского хозяйства, а лишь развязало руки для разбоя.

В марте 1999 г. террористы, ворвавшиеся в самолет, отправлявшийся по маршруту Грозный–Москва, выкрали российского представителя МВД в Чечне генерал-майора Геннадия Шпигуна. Это уже была не пощечина, а оплеуха России, но, кроме словесных демаршей, кремлевские власти никак не отреагиро-

вали. Забегая вперед, скажем, что несколько месяцев спустя останки генерала Шпигуна были найдены в горных районах Южной Чечни.

В июле в Москву непонятно зачем пожаловал министр государственной безопасности Чечни Турпал Агериев, который участвовал в свое время в нападении на город Кизляр, на село Первомайское, находился во всероссийском розыске. Уже когда он собирался отбыть в Грозный, его арестовали представители российских спецслужб прямо в зале для ВИП-пассажиров и отправили в «Матросскую Тишину». Чеченская сторона заявила, что он приезжал в Москву, чтобы подготовить встречу между Масхадовым и Б. Ельциным, но за время пребывания в Москве Адгериев ни с кем из официальных лиц не встречался. Хотя в день ареста Адгериева в Ставропольском крае около станицы Галюкаевая были убиты чеченцами шесть человек, двое из которых были милиционерами, последовал звонок от С. Степашина в тюрьму, и через сутки арестованный Адгериев благополучно отбыл на родину. Российская власть демонстрировала свою неспособность защитить своих граждан.

Оценивая в целом ситуацию в России, наиболее радикально настроенные чеченские руководители приходили к выводу о том, что Российская Федерация находится в столь глубокой фазе распада, что можно нанести по ней решительный удар, от которого она окончательно развалится. Со стороны полевых командиров и даже от правительства Масхадова не раз раздавались угрозы перенести вооруженные действия на территорию собственно России. На эти провокационные выпады не было никакой реакции, что только возбуждало аппетиты боевиков, которые давно присматривались к соседнему Дагестану, как наиболее уязвимому субъекту Российской Федерации. Там уже имелось довольно компактное чеченское население в Хасавюртском районе, которое симпатизировало своим соотечественникам и оказывало им помощь сбором разведывательных данных, предоставляло кров и убежище во время диверсионно-террористических рейдов из Чечни в Дагестан. Опорой для боевиков могли служить села ваххабитов, расположенные в горных — Цумадинском и Ботлихском — районах Дагестана. Отту-

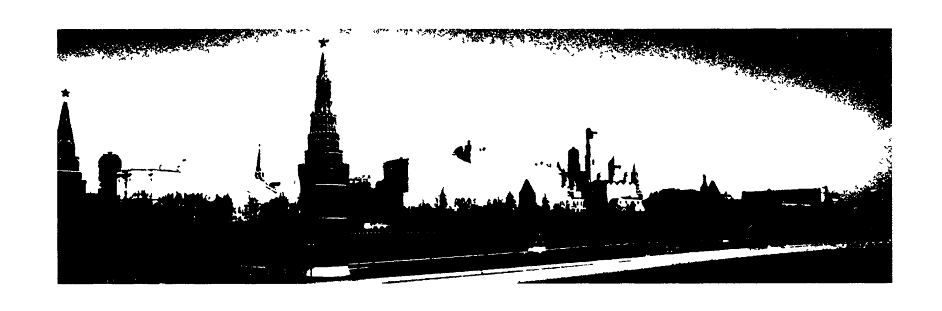
да давно поступала информация, что ваххабитские села превращаются в мощные укрепленные районы, что туда не допускаются представители местной власти и правоохранительных органов. Разумеется, расчет делался на то, что Дагестан является самой многонациональной республикой в составе России и там в случае возникновения кризисной ситуации может вспыхнуть национальная рознь. В пропагандистской работе делался упор на то, что когда-то, во времена имама Шамиля, Дагестан и Чечня составляли единое исламское государство и теперь наступило время для его восстановления. Присоединение Дагестана выводило боевиков на границу с Калмыкией, президент которой Кирсан Илюмжинов давно уже кокетничал с идеей отделения от России. Выход чеченцев к Каспийскому морю открывал безграничные перспективы на участие в нефтяных проектах по добыче и транспортировке нефти на Запад.

Пока в Кремле находилась агонизирующая ельцинская клика, пока Российская армия демонстрировала свою недееспособность и вся страна пребывала в моральной прострации и духовном упадке, казалось, боевики и в самом деле в состоянии осуществить свой план. С первых чисел августа 1999 г. на территорию Дагестана началось просачивание первых групп и отрядов чеченских боевиков. Вторая чеченская война затеплилась незаметно, а затем стала разгораться, как сухой валежник. Командовали бригадой вторжения Шамиль Басаев, хорошо известный по нападению на город Буденновск, и дотоле не очень знакомый россиянам загадочный араб Хаттаб, который якобы происходит из Саудовской Аравии, является если не учеником, то последователем террориста бен Ладена, ревностным ваххабитом. Численность вторгшихся точно определить было нельзя, потому что к ним быстро примкнули ваххабиты из местных жителей и другие сторонники, но, по оценке дагестанских спецслужб, пришельцев из Чечни было не менее двух тысяч.

4 августа Госсовет Дагестана обратился к Москве с просьбой о срочной присылке воинских сил для предотвращения массированного вторжения боевиков. В Москве поднялась паника. В штаб Северокавказского военного округа полетели приказы мобилизовать все транспортные средства для переброски боеспо-

собных частей в Дагестан. В Махачкале и Буйнакске приземлялись почти непрерывно самолеты с поднятыми по тревоге подразделениями, которые тут же перегружались в военно-транспортные вертолеты и отправлялись в горные села Ботлихского и Цумадинского районов, где уже несколько дней шли бои местной милиции и ополченцев из местного населения с вторгшимися боевиками.

Б. Ельцин отдал приказ премьер-министру С. Степашину лично выехать в Дагестан, чтобы разобраться в обстановке и принять неотложные меры, но бывший пожарник только раздражал своими неуместными распоряжениями вроде приказа «атаковать Басаева и Хаттаба где бы то ни было». Выяснилось, что на границе с Чечней не было сделано ничего для предотвращения новой войны. Не был приведен в действие давнишний план, разработанный еще под влиянием похищения Г. Шпигуна и предусматривающий занятие российскими войсками левобережья Терека. Не был установлен военный контроль над господствующими высотами на дагестано-чеченской административной границе, а теперь там хозяйничали боевики Басаева. Раздраженный Б. Ельцин уже 5 августа вызвал к себе С. Степашина и объявил ему о предстоящем смещении с поста премьер-министра и предложил завизировать проект Указа о назначении В. В. Путина вице-премьером. Это была необходимая формальность, чтобы назначить Путина через несколько дней премьером. Решение президента оказалось неожиданным даже для лиц из самого близкого окружения. А. Чубайс, узнав о выборе кандидатуры Путина, стал настойчиво добиваться встречи с Б. Ельциным, чтобы отговорить его от этой затеи. Чубайс переговорил и с самим Путиным, стращая его невообразимыми трудностями, ожидавшими его в случае принятия поста премьера, но все было тщетно. Впервые Б. Ельцин не послушался своего вечного кукловода, он явно понимал, что никто из чубайсовских птенцов в складывающейся ситуации не сможет удержать контроль над страной. Нужна была совершенно новая фигура. Общество было сыто «чубайсятами» по горло.



ВОСХОД ЗВЕЗДЫ ПУТИНА

9 августа 1999 года, когда в Дагестане уже шли широкомасштабные бои, были сбиты первые два вертолета Российской армии, Б. Ельцин объявил об отставке С. Степашина и назначении премьером В. Путина, который сразу начал формирование правительства как кабинета войны. В. Путин получил от президента все необходимые полномочия для руководства операцией и энергично взялся за дело. Во-первых, он поставил вопрос о должном материально-техническом оснащении войск, дислоцированных на Северном Кавказе, честно сказав, что не считает справедливым, когда российские миротворцы в Боснии получают по тысяче долларов в месяц, а военнослужащие, рискующие жизнью на Кавказе, не вовремя получают даже свою зарплату. Было дано указание исправить это ненормальное положение.

Управление войсками было передано Генеральному штабу. Мы перестали стыдливо делать вид, что не используем регулярную армию, а лишь восстанавливаем конституционный порядок с помощью сил и средств МВД. Теперь в действие были введены ВВС, установки залпового огня «Град», тяжелая артиллерия. Местные дагестанские ополченцы получили оружие и выполняли боевые задачи наравне с военнослужащими. Их роль в отражении агрессии очень велика, они служили про-

водниками для армейских подразделений, мужественно обороняли родные селения до подхода подкреплений, несли караульную службу и прочее.

Но главным фактором стала постоянно демонстрируемая новым премьер-министром политическая воля к победе над зарвавшимися террористами. В памяти народной остались его слова: «Бандитов, если понадобится, будем мочить даже в сортире». Такая позиция резко контрастировала с вялым двоедушием всех предыдущих российских политиков, болтавшихся между угрозами и трусостью, меж войной и миром. Б. Ельцина в эти недели и месяцы как волной смыло со всех публичных подмостков.

Официальное руководство Чечни предприняло было попытки развязать информационную войну против России, которая так помогла ему выиграть первую войну. Посыпались намеки, что, дескать, российские спецслужбы сами организовали вторжение в Дагестан, чтобы получить предлог для действий против Чечни. Поговаривали, что и сам Шамиль Басаев на российских вертолетах летал из Чечни в Дагестан и обратно, но в это мало кто верил. Американский журналист Павел Хлебников, автор нашумевшей книги с разоблачениями Б. Березовского, имел в те дни интервью по телефону с Масхадовым, пытавшимся заверить американца, что он не имеет отношения к событиям в Дагестане: «Басаев — это рядовой гражданин Чечни. Он может ехать в Дагестан, Косово, Боснию, но он представляет только себя, Шамиля Басаева. Он ни в коем случае не представляет чеченский народ, тем более чеченское правительство. Это десяток людей, которые отпустили бороды, сторонники большого джихада. Это управляемые кем-то, откуда-то профинансированные, даже не без участия финансовой олигархии из Москвы, которая окружает Ельцина»[1].

---

[1] *П. Хлебников*. «Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М., 2001, стр. 296.

Однако ни в этом интервью, ни в десятках аналогичных ситуаций Масхадов не дал четкой оценки действий Ш. Басаева, не осудил их, не призвал чеченцев отказать ему в поддержке. Он отмежевался от них, не больше. В этом случае было резонно предположить, что либо Басаев действует с молчаливого согласия Масхадова, либо Масхадов вообще не контролирует обстановку в республике и не является властью в общепринятом смысле слова.

Почти месяц шли напряженные бои в дагестанских горах, когда обозначился определенный перевес федеральных сил, начавших вытеснять боевиков с территории Дагестана. В этот момент Россия содрогнулась от варварских террористических актов против мирного гражданского населения. 9 сентября в 5 часов утра был взорван жилой дом в Москве на улице Гурьянова. Здание из сборного железобетона развалилось, похоронив под обломками 94 человека. Через четыре дня на Каширском шоссе был взорван еще один жилой дом. Погибли 118 человек. Вскоре взрывы раздались и в провинции — в Волгодонске, Буйнакске, Каспийске. Российские города были охвачены тревогой. Начали формироваться народные дружины для охраны жилищ. Ответственность за взрывы почти однозначно легла на чеченских боевиков, но, кроме ответственных за взрыв дома в Буйнакске, никто не был арестован. Террористы успели скрыться и уйти в подполье.

К чести русского народа, террористам не удалось добиться своей главной цели — запугать, деморализовать население, направить его возмущение, гнев против собственной власти. Вместо этого произошел всплеск ненависти к ним, впервые за прошедшие десять лет население стало активно поддерживать правительство в его стремлении подавить очаги бандитского терроризма на Северном Кавказе. Рейтинг В. Путина стремительно рос. Замолчала та самая российская пресса, которая в годы первой чеченской войны вела злобную антироссийскую кампанию, шельмуя армию и всех, кто подпадал под категорию «патриотов-государственников». Теперь морально-политичес-

кий климат в стране изменился полностью. Осознание реальной опасности разрушения Российского государства сплотило население и власть.

К 1 октября 1999 г. сильно потрепанные, но не уничтоженные силы боевиков в основном покинули территорию Дагестана, а на административных границах Чечни сконцентрировались российские войска численностью около 60 тысяч человек. Передовые отряды вошли в пределы Чечни и заняли господствующие высоты вдоль границы. Чеченское руководство, явно паразитировавшее на безволии и бесхребетности российской власти, забеспокоилось всерьез. Оно объявило всеобщую мобилизацию, рассчитывая собрать не менее 50 тысяч бойцов, но многие чеченцы охотнее уезжали из республики, нежели шли на призывные пункты. Среди боевиков возникла растерянность, они осознали, что перешли все границы и тем самым вызвали гневную реакцию всей России. Российские власти отвергали все предложения о начале переговоров. А. Масхадов попытался подать на Россию в Гаагский трибунал жалобу, но получил отказ. В Европе перестали давать шенгенские визы известным чеченским политикам, пытавшимся путешествовать по старым российским паспортам. В такой обстановке началось продвижение российских войск в глубь Чечни в первых числах октября.

За первую неделю был установлен контроль над тремя районами — Шелковским, Наурским и Надтеречным, которые расположены на левом берегу Терека, но ни политическое руководство, ни военное командование не допускали мысли о том, что контртеррористическая операция на этом закончится. Трудностей, как политических, так и чисто военных, хватало. Хоть и не с прежней энергией и эффективностью, но все-таки затарахтела машина «правозащитников». Застиранные до дыр фигуры типа Юшенкова, С. Ковалева, В. Новодворской снова заговорили о необходимости соблюдения Конституции при проведении операций. Лидеры Запада остались верны своему правилу — продолжать «холодную войну» против России. Теперь

французский президент Ширак и германский канцлер Шредер собирались устроить головомойку Б. Ельцину, но еще не в полной мере понимали, что ответственность за действия в Чечне взял на себя полностью премьер-министр В. Путин, который к этому времени получил согласие президента на руководство силовыми министрами, председательствовал на заседаниях Совета безопасности, наращивая свои властные полномочия.

Конечно, доведенные до крайности разорения Российские вооруженные силы не обладали тем ударным потенциалом, который бы обеспечил быстрый разгром боевиков. Армия была оснащена устаревшим оружием, бронетехникой, которые стояли на вооружении в 60–70-х годах, остро не хватало боевых и транспортных вертолетов, отжили свой век средства связи и управления войсками. Приближались зимние холода, а у армии не было в достаточном количестве тыловых служб, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение. Впервые после Великой Отечественной войны население, общественные и религиозные организации начали добровольный сбор теплых вещей, продовольствия, табачных изделий для воюющих частей. Это был добрый знак возрождающегося уважения и доверия к армии после почти пятнадцати лет ее непрерывного поношения в прессе и на политических тусовках.

После печального опыта первой чеченской войны армия теперь не пыталась решать боевые задачи методом рейдов-наскоков, шло планомерное накапливание сил и средств, и наступление подчинялось более осмысленным планам. С середины октября начался второй этап, включавший в себя освобождение предгорной части республики и города Грозный. Если в первую войну у федеральной власти не было даже численного перевеса над боевиками и ставка делалась на огневую мощь и бронетехнику, то теперь российские войска превосходили по численности боевиков в 5–7 раз. Западная группировка войск, наступавшая из района Моздока, и Восточная, выдвигавшаяся из Дагестана и Ставрополья, применили новую тактику: они шли не по дорогам, где их ожидали минные загражде-

ния, а по верхним водоразделам Терского и Сунженского хребтов. В окруженных населенных пунктах не было боев, а проводились зачистки. К 8 декабря город Грозный полностью блокировали, и началась осада, длившаяся два месяца. Федеральные войска, избегая больших потерь, строго придерживались правила: сначала подавить огнем узлы сопротивления боевиков и только потом продвигаться. Такая тактика, естественно, приводила к большим разрушениям в городе, обрекала население на колоссальные трудности и лишения, но сберегала жизни российских солдат и офицеров.

В то время как в отрезанном Грозном агонизировали боевики, основная группировка российских войск приступила к третьей — последней — фазе операции — подавлению боевиков в горных районах Чечни.

Шансов на победу, как в первой войне, у боевиков не оставалось. Российские десантники вскоре взяли под контроль основные ущелья, в первую очередь Аргунское, по которым чеченские сепаратисты поддерживали связь с Грузией. Вскоре сформированный Итум-Калинский пограничный отряд наладил охрану государственной российско-грузинской границы на чеченском участке, и последние надежды боевиков на получение подкреплений из-за рубежа испарились. Война в принципе была закончена с ликвидацией последних крупных воинских формирований боевиков, хотя сама антитеррористическая операция тянется в Чечне до сих пор и будет длиться еще долгие годы. По опыту послевоенных лет мы знаем, как живучи корни бандитского движения. После 1945 года советской власти пришлось потратить почти десять лет на ликвидацию всех очагов диверсионно-террористической деятельности националистического подполья в Западной Украине и Прибалтике. При этом тогдашняя власть располагала эффективными и хорошо оснащенными спецслужбами, могла привлечь к проведению операций войсковые части армии, только что победившей германский вермахт, пользовалась поддержкой большей части населения. В нынешней Чечне условия куда труднее, но если не

ослабнет политическая воля российского руководства, то окончательная победа над коварным и опасным врагом целостности Российского государства будет обеспечена. Чеченский террор, как и действия ирландских и баскских террористов, не могут принести людям ничего, кроме крови, жертв и страданий, но террор всегда был и останется олицетворением бессилия и отчаяния.

Дорогой ценой заплатила Россия за ельцинское военно-политическое плутание в чеченских джунглях. Более 350 тысяч русских были вынуждены бежать из республики, где они родились и выросли. Те, кто остался и не смог уехать, в большинстве своем заплатили за это жизнью. Только после Хасавюртского соглашения и до начала второй чеченской войны по данным Министерства по делам национальностей, в республике погибли 21 тысяча русских. У русских отобрано более 100 тысяч домов и квартир, отнят весь домашний скот. Пятьдесят тысяч человек обращены в рабство, почти половина из них использовались в качестве рабочей силы на строительстве шоссейной дороги через ущелья в Грузию. Все православные храмы в Чечне были разрушены, а священнослужители похищены и убиты боевиками. Бандиты не жалели и своих соплеменников, замеченных в лояльности по отношению к России. Более пяти тысяч чеченцев были убиты по подозрению в симпатиях к русским. Автоматная очередь представлялась самой «гуманной» формой казни. Большинство же зарезаны самым зверским образом, а некоторые свидетели показывали, что на их глазах боевики бросали в негашеную известь свои жертвы, отпиливали им головы ручной пилой, пробивали черепа молотками и т. д. В дудаевско-масхадовской Чечне был создан режим, у которого есть только один предшественник — кровавая диктатура Пол Пота в Камбодже.

В разгар военных действий состоялись очередные выборы в Государственную думу, в результате которых коммунисты получили 24,4% голосов, на втором месте оказалось «Единство» с 23,7%, на третьем «Отечество — вся Россия» — 12%, далее

следовали «Союз правых сил» — около 9%, блок Жириновского получил чуть больше 6% голосов и столько же «ЯБЛОКО». Такой итог означал, что правительство В. Путина имеет вотум доверия от избирателей. Эти выборы в очередной раз продемонстрировали уязвимость наших граждан перед лицом хорошо срежиссированных пиаровских акций. Блок «Единство», который вообще ранее не принимал участия в выборах, создавался на ходу, кандидаты которого известны в очень узких кругах, одержал убедительную победу только благодаря финансовой и пропагандистской поддержке со стороны власти. В Государственной думе вообще значительно укрепились позиции буржуазных партий за счет ослабления левопатриотических сил.

Мне на себе пришлось испытать всю горечь неравного соперничества кандидатов на роль депутатов Госдумы. По настоянию друзей и многочисленных сторонников нашей телевизионной передачи «Русский Дом» я дал согласие баллотироваться на этих выборах под знаменами «Российского общенародного союза», возглавлявшегося Сергеем Бабуриным. У меня не было никаких финансовых спонсоров, штаб сложился стихийно из добровольцев, ранее мне не известных, но честных людей. Мы не готовились заранее к избирательной борьбе. Могли предложить нашим избирателям только наш жизненный опыт бескорыстного служения Отечеству, незапятнанность имени и горячее желание достойно представлять полумиллионный 195-й избирательный округ города Москвы в Думе. У жителей этого округа уже был печальный опыт, когда они на предыдущих выборах избрали известного предпринимателя Бориса Федорова, обещавшего молочные реки в кисельных берегах, но бросившего депутатский мандат при первом же более «хлебном» предложении со стороны правительства. Теперь моим главным соперником был «чайный король», владелец фирмы «Майский чай» Игорь Лисиненко. В списке кандидатов была и еще дюжина имен, включая действующего депутата Госдумы Е. Панину и др. Большинство из кандидатов были бизнесменами и отличались

друг от друга только размерами капитала. Кстати, такое положение типично только для России, где власть используется предпринимателями для своего обогащения. Только этим объясняется неистребимая тяга Березовских, Абрамовичей, Брынцаловых и им подобных к постам в законодательной или еще лучше исполнительной власти. Предприниматели на Западе исправно занимаются своим бизнесом, используют, если понадобится, лоббистов, но свое кровное дело ради места в нижней палате парламента никогда не бросят. Да и законами большинства демократических государств такое «совместительство» запрещается.

Во время своей избирательной кампании я выступал за безусловную территориальную целостность России, против затягивания долговой западной петли на нашей шее, за решительный союз с Белоруссией, за приведение реальных доходов населения в соответствие с прожиточным минимумом, за государственную политику борьбы против наркотиков, алкоголизма и курения, за защиту русского народа, его культуры, традиций, национального своеобразия. Я видел, что эти взгляды разделяются подавляющим большинством слушателей. Но главными для них были бытовые проблемы квартала, района, в которых я был беспомощен, а мой соперник — «чайный король» — выглядел «витязем в тигровой шкуре». Руководители Совета ветеранов округа открыто намекнули, что за избирательную поддержку надо платить, и платить больше, чем конкуренты. Выступаю как-то в интернате для ветеранов труда: все слушают, аплодируют, а потом говорят: «Вы уж не обижайтесь, что мы будем голосовать за Лисиненко, он нам подарил широкоформатный телевизор и еще кое-что обещал подбросить!»

Мои доверенные лица рассказывали, что дворники признавались им, что получили указание срывать нежелательные избирательные листовки. А в случае победы заранее избранного кандидата им «светила» премия. Пара компьютеров, подаренных школе до начала избирательной кампании, оказалась более эффективной, чем самое жаркое, искреннее обсуждение государственных проблем на встрече с родителями школьников.

Наш «коллега» по выборам уже задолго до начала официальной избирательной кампании зарезервировал за собой все наиболее выигрышные места для размещения агитационных материалов. Вся структура муниципальных органов власти работала на него, потому что он шел от партии московского мэра, от блока «Отечество», а противоречить «человеку в кепке» в пределах кольцевой дороги считается недопустимой вольностью. Недаром во всех (за незначительным исключением) избирательных округах города Москвы победили кандидаты партии Ю. Лужкова. «Чайный король» практически не вел избирательной кампании, полагаясь полностью на финансовые и административные ресурсы. Он только спускал с цепи своих адвокатов, которые засыпали избирательную комиссию бесконечными жалобами на якобы имевшие место нарушения со стороны других кандидатов. На встречи с избирателями он не ходил, от «круглого стола» на местном телевидении отказался, игнорировал и другие формы прямых встреч и дискуссий со своими соперниками. Он победил, набрав более 20% голосов, а мне досталось второе место — 13%. Честь нашей телепередачи была спасена, но реального толку от затраченных усилий не оказалось.

Уже после обнародования результатов выборов я подумал, что И. Лисиненко должен неуютно чувствовать себя в Госдуме, где «Отечество» на первых порах оказалось в лагере оппозиции. Но не успел я это подумать, как «чайный король» перебежал из «Отечества» в «Единство» и снова удобно устроился под крылом у власти. Вот такие депутаты все гуще и гуще населяют теперь российский парламент, и избирателям не стоит удивляться, что проваливаются законы о коррупции, что принимается весьма опасный по стратегическим последствиям Земельный кодекс, что одобряется новый КЗоТ, от которого рабочему человеку станет тошно при первом же столкновении с его статьями.

Горечь от неудачи на выборах я испытывал совсем недолго. Другие заботы полностью поглотили внимание. Зародилась мысль о написании этой книги, чтобы подвести итоги ельцин-

ского десятилетия, конец которого явственно приближался. Другие ветры подули над Россией, они не несли летнего тепла, но запах весны в них чувствовался.

Конечно, ни мне, ни подавляющему большинству граждан России тогда не могло прийти в голову, что Б. Ельцин в глубоком раздумье ищет вариант, как бы ему наиболее безопасно «слинять» с борта государственного корабля, который по его вине за прошедшие годы получил столько опаснейших пробоин, едва сохраняя плавучесть. Ощущение свой физической и политической изношенности уже не покидало его. Оставалась главная забота — как обеспечить себе гарантии неподсудности и сохранения материальных благ, которые ему давала власть. Еще с советских времен он хорошо помнил, что потеря власти сопровождалась и крутым спуском с социальной лестницы. Устранявшийся с первого поста в государстве человек как бы «нырял в прорубь», уже не появлялся на общественном горизонте, лишался подавляющего большинства тех привилегий, которыми пользовался прежде. Да Ельцин и сам прекрасно помнил, как обошелся с первым и последним президентом СССР М. С. Горбачевым, которого сразу же после отставки попросили убраться с прежней дачи, отобрали охрану и т. д. В первое время в состоянии эйфории от полученной власти Б. Ельцин распорядился передать Горбачеву часть зданий бывшего Института общественных наук под «Горбачев-фонд», но вскоре велел отобрать часть своего «царского» подарка, решив, что это слишком жирно для отставного перестройщика. Сам Ельцин в течение восьми лет не виделся со свергнутым им Горбачевым, и только смерть Раисы Максимовны чуть-чуть смягчила остроту враждебности. Тогда на похороны приехала супруга президента Наина Иосифовна. Если бы не настойчивое стремление западных лидеров, в первую очередь руководителей США и Германии, поддерживать на плаву личность Горбачева, подкармливать его сверхвысокими гонорарами за пустяшные лекции и публичные признания об отречении от коммунизма, то его имя давно было бы забыто новым поколением россиян.

Вот такой судьбы для себя страстно не хотел Б. Ельцин. Вскоре после парламентских выборов, а точнее 22 декабря 1999 г., он попросил премьер-министра В. Путина приехать в Кремль для важного разговора. Вот как описывает эту встречу сам В. Путин: «Недели за две-три до Нового Года Борис Николаевич пригласил меня в свой кабинет и сказал, что принял решение уходить. Таким образом, я должен буду стать исполняющим обязанности президента. Он смотрел на меня и ждал, что я скажу.

Я сидел и молчал. Он стал более подробно рассказывать — что хочет объявить о своей отставке еще в этом году... Когда он закончил говорить, я сказал: «Знаете, Борис Николаевич, если честно, то не знаю, готов ли я к этому, хочу ли я, потому что это довольно тяжелая судьба». Я не был уверен, что хочу такой судьбы... А он мне тогда ответил: «Я когда сюда приехал, у меня тоже были другие планы. Так жизнь сложилась. Я тоже к этому не стремился, но получилось так, что должен был даже бороться за пост Президента в силу многих обстоятельств. Вот и у Вас, думаю, такая судьба складывается, что нужно принимать решение. И страна у нас какая огромная. У Вас получится».

Он задумался, было понятно, что ему нелегко. Вообще это был грустный разговор. Я не очень серьезно относился к назначению себя преемником, а уж когда Борис Николаевич мне сообщил о своем решении, я точно не был к этому готов.

Но надо было отвечать что-то. Вопрос же был поставлен: да или нет? Мы ушли в разговоре куда-то в сторону, и я думал, что забудется. Но, Борис Николаевич, глядя мне в глаза, сказал: «Вы мне не ответили!»[1]

После этого действительно судьбоносного разговора оба собеседника стали разрабатывать два документа. Один — о «сдаче дел», а второй — о «приемке дел». Б. Ельцин размышлял, как бы ему построить свое прощальное обращение к гражданам России, чтобы вызвать к себе побольше сочувствия, как бы подпустить «слезы», покаяться. Он знал, как ненавидит его народ,

[1] От первого лица: разговоры с Владимиром Путиным. М., 2000, с. 185—186.

и рассчитывал разжалобить его своим досрочным уходом в отставку, да еще в такой момент — в канун Нового года, на пороге нового тысячелетия. Б. Ельцин хороший психолог, он понимал, что в новогоднюю ночь, под звон бокалов с шампанским ему многое простится или, по крайней мере, забудется на какое-то время. Новогодние праздники на Руси нынче тянутся аж до Старого Нового года. Это самое разгульное время, когда политическая жизнь замирает и у всех на душе одно чувство, что вот теперь-то, наконец, можно начать с нового листа писать новую счастливую жизнь.

В. Путин тем временем создал рабочую группу, которая в спешном порядке готовила статью «Россия на рубеже тысячелетий», которая должна была появиться за его подписью в прессе за день-два до объявления об отставке Б. Ельцина. Статья должна была стать первым программным документом нового главы Российского государства.

Б. Ельцин до последнего момента не ставил точку на своем решении. 27 декабря он снова вызвал Путина и снова стал вести разговор о передаче власти, как бы в последний раз проверяя верность своего фаворита. Даже записал в этот день свое новогоднее обращение к гражданам, в котором ни словом не обмолвился о предстоящей отставке. Прошли еще два дня в томительных терзаниях: «Уходить или не уходить???» Вечером 29 декабря президент пригласил к себе руководителя администрации Александра Волошина, своего придворного летописца Валентина Юмашева, и они втроем начали составлять, наконец, «настоящее» телепослание. Для достижения максимального театрального эффекта было решено делать всю работу в строжайшей тайне, выступление приурочить к 12 часам дня по московскому времени, чтобы заявление об отставке было выслушано страной на всем протяжении ее территории еще в границах старого года.

Формально Б. Ельцин к моменту выступления в телеэфире перестал быть президентом России, потому что в 9.30 утра, еще до начала записи обращения на телекамеры, он уже подписал Указ о досрочном сложении с себя полномочий главы государ-

ства. Затем в присутствии более широкого круга официальных лиц, среди которых был и Патриарх Всея Руси Алексий II, передал В. Путину «президентский» текст Конституции и ядерный чемоданчик. Запись телеобращения началась в его кремлевском кабинете только в начале одиннадцатого. Когда Ельцин закончил читать текст, на его глазах показались слезы, он достал платок и стал вытирать их. Дочь, Татьяна Дьяченко, подошла к отцу, взяла его за руку, чтобы успокоить и... тоже заплакала. Никогда — ни раньше, ни потом — страна не видела их плачущими, но в этот момент они прощались с самым дорогим для них — властью, удерживать которую дальше у них не оставалось сил.

В своем последнем обращении к гражданам России Б. Ельцин сказал: «...Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока. Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми — умными, сильными, энергичными — людьми. А мы — те, кто стоит у власти уже многие года — мы должны уйти...

Я хочу попросить у вас прощения за то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком — и все одолеем. Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались через ошибки, через неудачи. Многие люди испытали в это время потрясение...

Я ухожу, я сделал все, что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение тех, кто может сделать больше и лучше...»

Комментировать текст этого прощального телеобращения нет никакой нужды. Он говорит сам за себя. В нем признание полной несостоятельности и опустошенности.

Как бы подчеркивая тяжесть своих грехов перед Россией и ее народами и желание просить прощения за все свои дела, Б. Ельцин уехал в первых числах января, под православное Рождество, на Святую землю, чтобы в Вифлееме и Иерусалиме помолиться в базилике Рождества Христова, в Троицком соборе, и найти облегчение своей душе. Одному Господу известно, действительно ли Б. Ельцин раскаивался в сотворенном или это было продолжением инсценировки с целью вызвать сострадание со стороны православных. Бог ему судья!

Весь мир и вся Россия отреагировали на отставку Б. Ельцина, как на долгожданный подарок небес. Самый быстрый и самый показательный индикатор — это курс российских ценных бумаг на международных и отечественных биржах. Как только было объявлено об отставке Б. Ельцина, этот курс взвился на 30–50%. За все время его пребывания у власти таких колебаний в столь короткий срок отмечено не было. Отставка Б. Ельцина озолотила российских предпринимателей. Их рупор газета «Коммерсантъ» выпустил даже 5 января специальный номер газеты, одна из полос которого была озаглавлена: «Указ об отставке оказался ценной бумагой». На фотографиях видны сияющие лица брокеров, бизнесменов, банкиров, которые приветствовали окончание мучительно долгого периода политической, а следовательно, и экономической неопределенности, нестабильности.

В редкой российской семье в новогоднюю ночь не поднимались бокалы за будущее страны без Б. Ельцина. Всем казалось, что и в самом деле самоустранилось одно из главных субъективных препятствий на пути выздоровления России. Ничего не поделаешь, людям свойственно персонифицировать все зло в одном человеке. Для нашей страны это особенно характерно из-за необычайно широких, а порою неограниченных полномочий, сосредоточенных в руках одного человека. Свою историю мы подсознательно делим на периоды, соответствующие годам администрации того или иного государственного деятеля: сталинская диктатура, хрущевская «оттепель», брежнев-

ский «застой», горбачевские перестроечные зигзаги и ельцинские рефоры. Радость от ухода Б. Ельцина была неподдельной, глубокой и всеобщей. Люди, не веря своему счастью, называли известие об уходе президента «новогодней сказкой». Эстрадные юмористы шутили: «Какая была самая интересная новогодняя передача? Передача власти!»

Я сам с друзьями не выдержал и вышел на Тверскую улицу, чтобы принять участие в невиданном дотоле народном гулянье, в котором обычные в такой вечер новогодние мотивы заглушались ощущением радости от наступления нового тысячелетия и отставки Б. Ельцина. Трескотня петард, музыка, праздничная иллюминация центра столицы, хмельное веселье высыпавших на улицу и площади москвичей подчеркивали исключительную особенность этого дня для людей. Раньше новогодний праздник был преимущественно домашним, семейным, а тут неожиданно вырвался на городские просторы. Мысленно я благодарил Господа за то, что он дал мне возможность увидеть своими глазами этот стихийный праздник, чем-то отдаленно напоминавший мне праздник Победы 9 мая 1945 года. И тогда и сейчас людям совершенно искренне верилось, что вот теперь-то и начнется — после пережитого страшного испытания — новое светлое время.

Ложкой дегтя в бочке праздничного меда был Указ № 1 исполняющего обязанности президента России В. В. Путина о предоставлении гарантий Б. Ельцину. Таких гарантий вообще в предыдущей России не было для бывших глав государств. Привилегии для Б. Ельцина носили исключительный характер, и, как бы ни оправдывался Борис Николаевич в том, что он не был причастен к составлению этого указа, вряд ли найдутся наивные легковеры, которые приняли его слова за правду. Общественность была однозначно убеждена в том, что Указ № 1 был частью пакетной сделки о передаче власти. По этому указу Б. Ельцин получал пожизненные гарантии неприкосновенности. Он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности, задержан, арестован, подвергнут

обыску, допросу либо личному досмотру. Неприкосновенность распространяется на занимаемые им жилые и служебные помещения, используемые им транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на его переписку.

За счет федерального бюджета ему предоставлялось право содержать аппарат помощников, причем их число не определялось. Они несли ответственность за исполнение своих обязанностей только перед бывшим президентом. Для размещения аппарата помощников предоставлялось отдельное служебное помещение, оборудованное оргтехникой с правом подключения ко всем государственным информационным системам и оснащенное правительственной связью.

Денежное довольствие Б. Ельцина устанавливалось на уровне 75% от месячного денежного вознаграждения Президента Российской Федерации. Это означает гарантию постоянной индексации пенсионного содержания бывшего президента. Для примера укажем, что пенсия, установленная для Горбачева в декабре 1991 г., была полностью «съедена» гайдаровским «шоком» в 1992 г., поскольку не была предусмотрена ее индексация.

Устанавливалось обеспечение государственной охраной не только самого президента, но и членов его семьи, постоянно с ним проживающим или его сопровождающих. Никогда прежде такие привилегии не давались членам семьи, но в данном случае речь шла о безопасности Татьяны Дьяченко и ее семьи, ставших сильным раздражителем для многих людей по самым различным причинам.

Даже в случае смерти Б. Ельцина его семья была застрахована. Все они в этом случае получали бы ежемесячное пособие в размере 6-кратного размера минимальной пенсии по старости, а также право на пользование элитной медицинской помощью и автотранспортом.

Много критики было высказано в адрес этого указа, в первую очередь из-за того, что это указ, а не закон. Ведь и раньше Б. Ельцину предлагались разные варианты закона о гарантиях для бывшего президента, последний раз это сделал Е. Прима-

ков в бытность премьер-министром, но Б. Ельцина, очевидно, не устраивали размеры привилегий, которые предусматривались в тех проектах.

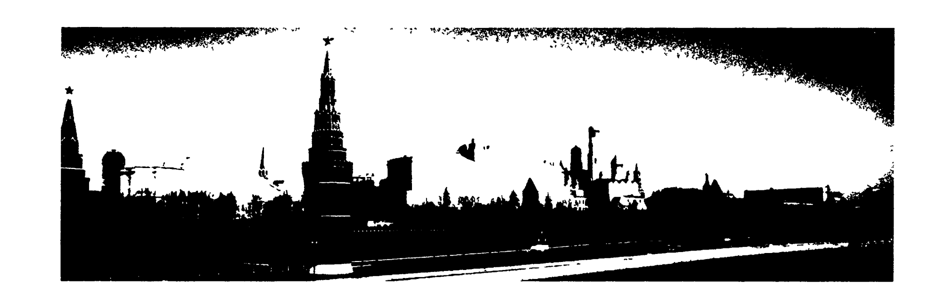
Больше всего возмущала общественность пожизненная неподсудность и неприкосновенность. Было ясно, что включение этого несовместимого с Конституцией положения о равных правах и обязанностях граждан перед законом вызывалось тем, что Б. Ельцину было что скрывать и чего бояться.

Беспрецедентную заботу о членах семьи можно объяснить только требованиями самого Б. Ельцина.

Поскольку текст Указа № 1 оглашен в тот же день, чуть позднее объявления об отставке, можно констатировать, что это был последний государственный документ, к разработке которого прямо и непосредственно приложил руку Борис Николаевич Ельцин. Приступая к исполнению своих обязанностей Президента Российской Федерации, Б. Ельцин клятвенно обещал превратить Россию к 2000 году в великую, процветающую страну, а уходя, заботился в первую очередь о своей неподсудности и неприкосновенности. Sic transit Gloria mundi![1]

---

[1] Так проходит мирская слава!



ЭПИЛОГ

В астрономии есть понятие «черная дыра». Оно применяется по отношению к загадочным областям космического пространства, в которых исчезают небесные тела, оказавшиеся поблизости, даже свет. Предполагается, что в центре этих «черных дыр» находятся застывшие, сколлапсированные звезды, которые обладают огромной массой и силой притяжения — как бы заглатывают все окружающее. Применительно к «черным дырам» даже говорилось о том, что там происходит аннигиляция материи, т. е. ее бесследное исчезновение. Время Б. Ельцина представляется именно такой «черной дырой» в российской истории, в которую бесследно провалились все материальные и моральные ценности, создававшиеся на протяжении целого тысячелетия поколениями русских людей и других народов, входивших в Российское государство. При оценке конечных результатов правления Б. Ельцина разумные читатели не должны и не станут пользоваться теми формулировками, которые предложат выходцы из ельцинского государственного аппарата и его ближайшего окружения. Эти люди крайне ангажированы и более чем пристрастны. Ими движет только желание выгородить себя, реабилитировать время правления Б. Ельцина.

В практике мировой политологии принято считать, что жизненность государства, его безопасность, а следовательно, и

его живучесть в мировой истории характеризуются четырьмя основными показателями, за сохранение и укрепление которых призваны бороться все государственные деятели, если они считают себя выразителями высших национальных интересов.

Первым таким критерием является государственная территория, в собирание и развитие которой, как правило, вложены колоссальные труды всех предшествующих поколений. Конституции всех стран мира считают целостность государственной территории важнейшим характерным признаком национального суверенитета. Любой государственный деятель стремится использовать унаследованную или данную ему иным путем власть для сохранения полученных им в управление земель, понимая, что территория расселения народа есть непреложное условие его успешного развития. Всякий настоящий политический лидер стремится к расширению этого жизненно важного для своего народа ареала. Территорию так и называли — «жизненное пространство». Этот стереотип поведения всегда одинаков, идет ли речь о демократическом государстве, как, например, США, управители которых на протяжении 230 лет своей истории только приобретали территорию, не уступив ни одного квадратного сантиметра из полученного или завоеванного, или о тоталитарном фашистском государстве времен А. Гитлера, или о консервативно-монархическом королевстве Великобритания, один из наиболее выдающихся политических деятелей которого Уинстон Черчилль сказал в свое время: «Я не хочу председательствовать при распаде Британской империи», увидев, что он не может уже действовать в соответствии с нормальным инстинктом политического деятеля.

Б. Ельцин мыслил и действовал в совершенно противоположном направлении. Возглавив российский сепаратизм в конце 80-х и начале 90-х годов XX века, он призвал руководителей национальных республик соединиться в борьбе против центрального федерального правительства СССР, т. е. исторической России. Власть, пусть на меньшей территории, но свободная от

конкурентов и соперников, — таков был основной побудительный порыв Б. Ельцина. В результате его последующих действий развал Советского Союза стал неотвратимым. Перестала существовать великая держава, формировавшаяся на протяжении многих веков. В нынешней России, существующей под названием Российская Федерация, осталось только 17 млн квадратных километров территории вместо 22,4 млн квадратных километров, составлявших территорию СССР. Утрачено 5,5 млн квадратных километров земель (территория равная 10 Франциям), на которых сформировалось 14 самостоятельных государств. Потеряны наиболее населенные и весьма обжитые и развитые пространства. Достаточно сказать, что население теперешней России составляет всего 146 млн человек вместо 272 млн, проживавших в прежнем СССР. Из 22 городов с населением более 1 млн в России сталось всего половина — 11 городов.

Да и об оставшейся территории у Б. Ельцина не особенно болела голова. Он чуть было не отдал японцам Курильские острова, и только стихийно возникшее движение протеста, охватившее всю страну, не позволило в конце концов свершиться непоправимому. Только досрочный уход Ельцина от власти предотвратил отделение Чечни от России. Он был той высшей политической инстанцией, которая благословила создание самостоятельного государства Чеченская республика, или Ичкерия, путем заключения Хасавюртского соглашения. Поощренные его небрежением к вопросам территориальной целостности России, чеченские сепаратисты предприняли в 1999 г. вооруженную попытку отделить Дагестан и создать крупное исламское государство на Северном Кавказе.

Безответственно брошенный им лозунг «Берите суверенитета, сколько можете проглотить» привел практически к дезинтеграции остатков Российского государства. Возникла реальная угроза распада Российской Федерации. Иностранцы отчетливо видели эту характерную черту Б. Ельцина, и потому американс-

кие аналитики предсказывали в один голос неминуемый раздел России на несколько самостоятельных государств.

Можно однозначно сказать, что в вопросе о сохранении территориальной целостности государства Б. Ельцин проводил не просто неумелую, а смертельно опасную для интересов национальной безопасности политику.

Вторым критерием национальной безопасности государства считается количество и качество его населения. Только люди, населяющие территорию, способны вдохнуть в нее жизнь, использовать во имя процветания страны все природные богатства, дарованные им Господом Богом. Обязательством всякого ответственного государственного мужа была и остается забота о населении страны. Еще на заре мироздания Господь Бог напутствовал первых людей: «Плодитесь и размножайтесь! Населяйте землю и украшайте ее!» Во все века и во всех уголках земли в зависимости от цивилизационного уровня народов забота о населении не переставала стоять на одном из первых мест в деятельности властей предержащих. В принципе все системы здравоохранения и образования, миграционная политика, демографические меры и т. д. были направлены на то, чтобы людей в государстве было больше и чтобы эти люди были физически и умственно развитыми, способными составить конкуренцию гражданам других государств. Непредвзятый, объективный взгляд на политику Б. Ельцина в этом направлении показывает, что он проводил линию прямо противоположную тому, что является для других политиков азбучной истиной.

Пользуясь в период борьбы за власть усталостью народа от коммунистической системы, невысоким уровнем гражданского сознания подавляющего большинства людей, Б. Ельцин применял самые примитивные формы популистской демагогии: ездил на дешевых народных автомашинах, появлялся в обычных районных поликлиниках, демонстрировал свою «растворенность» в народе, генетическую принадлежность к нему и готов-

ность отдать все силы служению ему. Получив же в 1991 г. полную власть над страной, он рывком отшатнулся от народа, нанес по нему сокрушительный удар в виде гайдаровского «шока» и с тех пор во всей своей политике проявлял полнейшее преступное равнодушие к страданиям и мукам народа, абсолютного большинства населения России.

Б. Ельцин превратил русский народ в разъединенную нацию вопреки общемировой тенденции формирования государств по этническому принципу. На наших глазах произошло воссоединение вьетнамского народа, объединился народ Северного и Южного Йемена, начался процесс воссоединения Северной и Южной Кореи, не говоря уже об имеющем мировое значение воссоединении германской нации. Пожалуй, только русский народ перенес национальную катастрофу, в результате которой за пределами этнической родины осталось 25 миллионов наших сородичей, что составляет чуть меньше одной четверти всего русского населения России. Громадное количество наших братьев по крови брошены были Б. Ельциным на произвол судьбы, обречено на принудительную ассимиляцию во всех постсоветских государствах, за исключением Белоруссии. Россия Б. Ельцина не предоставила русским людям, оставшимся на чужбине, никакой достойной возможности возвращения на родную землю. Более того, она отмежевалась от них, демонстрируя свою непричастность к их дальнейшей судьбе.

Но и та часть русских и других народов, которые оказались гражданами нового государства — Российской Федерации, возникшего в 1991 г., стали жертвами социально-экономической политики так называемых реформ. Неумолимая статистика свидетельствует о том, что прирост населения на исторической территории России прекратился как раз к концу перестройки, а с 1991 г. начался неуклонный процесс вымирания коренного населения страны. К настоящему времени темпы потери населения в стране составляют 1 млн человек в год. Прогнозы всех специалистов-демографов носят неутешительный характер и

сводятся лишь к разным показателям скоростей вымирания. Сам факт прогрессирующей гибели населения России не оспаривается никем. Лица, причастные к формированию государственной политики в эти годы, стараются в своих публикациях лишь найти наиболее удобные аргументы для объяснения этой трагической для русского народа тенденции. Обычно ссылаются на пример западноевропейских стран, где, мол, также наблюдается сокращение численности титульных наций, забывая о том, что эти страны находятся на другом этапе социально-экономического и культурного развития. Высокий стандарт жизни, большие квалификационные требования, которые общество предъявляет к своим новым членам, что связано с крупными капиталовложениями в формирование нового гражданина, повсеместное укоренение потребительских стандартов жизни, порождающих эгоизм и стремление пользоваться более дешевым трудом эмигрантов из слаборазвитых стран, быстро остывающее религиозное чувство ведут к снижению рождаемости и в Европе, но не в таких размерах, как в России. У нас нет даже и в помине высокого стандарта жизни. Мы по внутреннему валовому продукту на душу населения находимся на 95-м месте в мире. Эмигранты, прибывающие в Россию из менее развитых окраин страны или из-за границы (кавказцы, китайцы и пр.), не представляют собой дешевую рабочую силу. Наоборот, они молниеносно превращаются в наиболее богатых, сплоченных этнически граждан, использующих именно русских и другие коренные народности в качестве своих наемных работников. В России нет упадка религиозности, скорее наоборот, влияние Русской Православной Церкви растет. В нашей стране в силу традиций еще не укоренился родительский эгоизм, типичный для Запада. Мы еще заботимся о наших детях, даже внуках, живем их чаяниями. Наша слабая рождаемость скорее объясняется не потребительским эгоизмом, а страхом за будущее своих детей. На своей судьбе родители знают, сколь безразлично и жестоко относится нынешнее Российское государство

к своим гражданам, поэтому родители не желают подвергать свое возможное потомство всем тем опасностям, которые выпали на их долю.

Большинство серьезных исследователей утверждают, что в основе депопуляции России лежит внезапно, обвалом, свалившееся на население бремя унизительной нищеты. Даже по официальной статистике, сейчас половина граждан России живет либо ниже, либо на границе минимального прожиточного уровня. Иначе говоря, биологически существуют, но не живут в общепринятом смысле слова.

Все банковские сбережения населения были уничтожены в 1992 г., все общественные фонды (пионерские лагеря, детские сады и ясли, дома отдыха, санатории и т. п.) ликвидированы. Размер заработной платы отставал от роста цен по меньшей мере в десять раз. В 2000 г. при ценах на продукты питания и товары широкого потребления, стабилизировавшихся в масштабе мировых цен, уровень заработной платы в России в десять раз меньше, чем в Европе и большинстве других развитых стран. Надо признать, что и при предыдущей власти граждане СССР не жили по европейским стандартам, но их бедность смягчалась ощущением всеобщности бедности, ожиданиями постепенного улучшения и, конечно, немалыми социальными гарантиями в виде бесплатного здравоохранения, образования, жилищно-коммунального обеспечения. Раздуваемые в пропагандистских целях некие привилегии партноменклатуры носили ничтожно крошечные размеры — дачи, машины, пайки предоставлялись только на период службы, не были наследственными и не формировали особый социальный класс. Они не были и не могли быть социальными раздражителями, да к тому же их заботливо скрывали от населения. Скромность была официальной нормой поведения, потому никто не чувствовал себя униженным. После 1991 г. привилегии стали безмерно огромными, они измерялись громадными имущественными состояниями, банковскими счетами. Богатство стало наследственным, что дало на-

чало формированию нового социального класса. Новые хозяева России выставляют напоказ свое богатство в виде роскошных автомашин, богатых домов и загородных вилл, а это оскорбляет подавляющее большинство населения, делает его нищету еще более мучительной. Вот где корни демографической катастрофы, опустошающей просторы нынешней России.

Россия стала страной, не годной для нормальной жизни, это привело к сокращению ее населения. Как и после Октябрьской революции, когда неприемлемые для значительных слоев русского народа, в первую очередь интеллигенции, дворянства, купечества, условия жизни привели к массовой эмиграции, так и теперь — после 1991 года — наиболее талантливые люди уезжали в поисках лучшей доли за границу. «Утечка мозгов», поощряемая развитыми западными странами, сманивание сомнительными посулами молодых женщин и девушек, для которых даже установлен льготный режим получения въездных виз, выезд на учебу с последующим закреплением молодежи на работе на Западе безвозвратно губят генетический фонд русского народа и еще больше ухудшают демографическую обстановку.

Алкогольное отравление оставшейся части населения имеет катастрофические последствия. Российская власть сквозь пальцы смотрит на то, как алкогольная мафия губит народ. В целом ряде районов страны, особенно в сельской местности, деградация населения под влиянием алкоголя приобрела необратимый характер. Виновников сброса в реки ядовитых отходов, губящих рыбу, хотя бы штрафуют в административном порядке, а преступников — торгашей алкоголем, убивающих нацию, относят к категории «предпринимателей». Потребление алкоголя в пересчете на чистый спирт в России достигло 20 литров в год на душу населения, в то время как критическим для здоровья народа считается 7—8 литров.

В последние десять лет XX века Россию захлестнула волна наркомании, ранее обходившей стороной нашу страну. На начало XXI века среди наших соотечественников насчитывалось

25 млн человек, пораженных наркозависимостью. Не счесть числа случаев, когда распространители смертельного зелья угрозами вовлекают молодежь в употребление наркотиков. Российское государство безвольно фиксирует масштабы распространения этой страшной эпидемии, полагаясь только на аппарат МВД, который сам без меры засорен коррумпированными людьми, покрывающими преступников.

Развал системы здравоохранения не дает возможности оценить реальные размеры поражения населения СПИДом, туберкулезом, сифилисом, распространение которых носит наиболее галопирующий характер.

Сокращение русского населения ведет к массовому заселению просторов Российского государства мигрантами из-за рубежа — Китая, Азербайджана, Грузии, Армении, государств Средней Азии. Анклавы чужеземцев, оседающих на русской земле, становятся очагами межнациональной напряженности, конфликтными зонами. Власть сознательно создает условия для неизбежного превращения России в будущем в Косово или Македонию.

Суммируя все сказанное, нельзя не видеть, что ельцинское время стало гибельным для русского народа, для населения России в целом. Если в прежние годы наше государство преодолевало критические периоды своей истории — Смутное время, наполеоновское нашествие, революции и гражданские войны XX века, опираясь на огромные, неисчерпаемые по тем временам демографические ресурсы и высокую репродуктивность населения, то теперь эти факторы окончательно подорваны. Силы нации исчерпаны, и пока не видно, чтобы власть хотя бы ударила пальцем о палец, чтобы начать выправлять положение.

Третьим базовым критерием здоровья государства и народа является его материально-техническое богатство, состоящее из природных ресурсов, дарованных нам Господом Богом, и всего того, что создано руками наших предков и нашими собственными. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт — все,

что создает материальное богатство народа, надо беречь и приумножать. Народы всех стран с благодарностью помнят тех правителей, которые приумножили богатства страны, создали условия для открытия и эксплуатации природных кладовых, новых технических возможностей, строительства каналов, транспортных магистралей и т. д. Забота о сохранении материального богатства государства — обязанность любой власти, она несет за это ответственность. Любые реформы, как правило, направлены на то, чтобы быстрее и в больших размерах прирастить общенациональное достояние. Разве не помнит Россия Александра II — Царя-Освободителя, реформы которого дали мощный толчок развитию России? Под стать им были реформы П. Столыпина. Да и советские правительства немало сделали для превращения исторической России в мировую промышленную державу (правда, они же одновременно провели коллективизацию, которая предопределила разрушение сельского хозяйства).

Ельцинские «реформы» самым катастрофическим образом сказались на материальном богатстве государства и народа.

28 декабря 1996 г. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II и Священный Синод Русской Православной Церкви выступили с заявлением, в котором говорилось: «Не желая вступать на поле политических симпатий и антипатий, не вмешиваясь в политическую борьбу, Церковь, однако, не может не выразить глубочайшую тревогу за судьбу России, за духовное состояние народа, его культуру, науку, социальное положение. Свободы, обретенные ценой многих трудов и потерь, могут быть обесценены разрушением материальной основы их реализации» (подчеркнуто нами. — **Н. Л.**). А под материальной основой реализации свобод понимается социально ориентированная экономика, опирающаяся на динамично развивающееся производство, постоянно генерирующее увеличение занятости и повышение благосостояния населения.

Летом 1998 г. в Москве прошла научная конференция на

тему «Оценка национального богатства страны», в ходе которой были обнародованы данные о глубине катастрофы, постигшей российскую экономику. За 1991–1997 гг. прямые потери национального богатства России составили 1,75 триллиона долларов, превысив в четыре раза ущерб, нанесенный СССР в годы Великой Отечественной войны. За это время ВВП сократился на 83%, объем промышленного производства — на 81%, выпуск сельскохозяйственной продукции — на 63%, объем капитальных вложений — на 92%, строительство жилья — на 44% и т. д.

За семь лет постсоветского периода остановилось более 70 тысяч заводов и фабрик, из которых 5 тысяч — крупных и крупнейших (численностью рабочих 1 тыс. человек и более). Не используются или используются с убытком 60% пригодных для пахоты земель. Безработица, учитывая скрытую, достигла 15 млн человек.

Если на восстановление разрушенного хозяйства страны в годы после Второй мировой войны потребовалось неполных пять лет, то теперь для восстановления утраченного национального богатства, даже при условии выделения на эти цели 20% ежегодного ВВП, понадобится, по расчетам ученых, не менее 65 лет, т. е. жизнь двух поколений[1].

Погибла практически вся обрабатывающая промышленность России, за исключением производства легковых автомобилей. Моторостроение, производство промышленных транспортных средств, станков, средств управления и связи, сельскохозяйственное машиностроение находятся в разрушенном состоянии. Из тяжелой промышленности сохранились лишь такие производства, которые выгодны западным покупателям. Например, черная металлургия выжила потому, что Запад предпочитает, чтобы вся грязная в экологическом отношении часть производства металлов осталась в России (добыча

[1] «Россия — 2000. Современная политическая история», М., 2000. т. 1, стр. 1081.

руды, доменное производство, грубый прокат). На рынок «цивилизованных стран» поступают металлические болванки, крупнопрокатные изделия, дальнейшая работа над которыми представляет минимальную опасность для окружающей среды.

По этой же причине сохранилось производство алюминия, также представляющее серьезную опасность для окружающей среды и здоровья населения, требующее громадного количества электрической энергии, имеющегося в изобилии в сибирских регионах России.

Выжила частично химическая промышленность, и в первую очередь производство удобрений, охотно приобретаемых на рынках западных стран, у которых, во-первых, нет достаточной сырьевой базы для подобного производства и к тому же они более щепетильны по отношению к неизбежным вредным выбросам в атмосферу.

Добыча и вывоз топливного сырья — газа и нефти — практически сохранились на докризисном уровне исключительно в силу того, что при минимальных затратах на поддержание производственного комплекса новые частные владельцы этих природных богатств получают баснословные прибыли от высоких мировых цен на энергоносители.

Нет контроля над вырубками деловой древесины, которая в массовом количестве вывозится за границу в виде круглых бревен. Сведения, идущие из лесных районов России, — Дальний Восток, Сибирь, Коми, Карелия, — говорят о том, что хищнически вырубают леса, даже не достигшие зрелости, но оказавшиеся в пределах транспортных возможностей заготовителей.

И так же обстоят дела во всех секторах российской экономики. Можно сказать одно: зарубежные рынки притягивают к себе, как сильный магнит, все сырьевые товары России — от лома цветных металлов до продукции алмазных карьеров и дальневосточной рыбы. Именно на этом — добыче и продаже за рубеж природных богатств России — и сосредоточена основная деятельность «новых русских», т. е. той самой буржуазии, которую ученые мужи всегда называли компрадорской.

В то же время почти все готовые товары, от которых зависит жизнеобеспечение страны, теперь Россия ввозит из-за границы. От шурупов и гвоздей до иностранных самолетов в небе — все пространство промышленной продукции или уже занято или победоносно осваивается иностранными кампаниями.

Более половины сельскохозяйственной продукции мы теперь закупаем за рубежом: мясо, растительные масла, сахар, порошковое молоко, кондитерские товары, табак, алкоголь и пр. Страна утратила продовольственную независимость. Мы уже забыли годы, когда Россия была уважаемой кормилицей Европы.

Уничтожена за одно десятилетие почти половина крупного рогатого скота, 60% свиней, 40% домашней птицы, в реликтовых животных превращаются овцы и козы.

Под корень изводятся рыбные ресурсы страны. Уже международные организации бьют тревогу по поводу уничтожения ценных осетровых пород в Волге и Каспийском море. Сейчас стоит вопрос о международном запрете на лов этих уникальных рыб. Еще чуть-чуть — и встанет вопрос о международном силовом контроле над ареалом обитания осетровых. На Дальнем Востоке положение с рыбой стало настолько опасным, что бывший губернатор Приморья Е. Ноздратенко (недавно назначенный руководителем Комитета по рыболовству) призвал к установлению моратория на ловлю рыбы в экономической зоне России на несколько лет. Нельзя не удивляться, читая газетные сообщения о том, что весь бюджет Приморского края составляет 9 (девять) миллиардов **рублей**, и в то же время только в Японию за год поступает на 2 млрд **долларов** контрабандной рыбы и крабов, доставляемых российскими добытчиками. И это обычные масштабы разворовывания национального богатства. Если весь бюджет России около 50 млрд долларов, то незаконно вывезенные капиталы превышают 25 млрд долларов ежегодно.

Можно до полного изнеможения приводить все новые и новые данные о разграблении национального богатства России

и постоянно констатировать, что государственная власть ничего не делает для его сохранения.

На шею будущих поколений повешен гигантский долг в 150 млрд долларов, в основном набранный в годы перестройки и реформ. Он будет страшным тормозом для любого государственного деятеля, который захотел бы придать импульс развитию России, оказавшейся выброшенной ельцинскими «реформами» с проезжей части мировой дороги в глубокий заболоченный кювет.

Четвертым и последним критерием жизнеспособности и стабильности государства является образ жизни его населения. Это духовная компонента национальной безопасности. Под образом жизни понимается вся совокупность исторически сложившихся взаимоотношений личности с обществом и государством. В XIX веке эта совокупность нашла свое выражение в знаменитой уваровской формуле — «Самодержавие, Православие, народность». Но в драматическом XX веке уклад жизни народов России дважды подвергся коренной ломке. После Октябрьской революции стал насаждаться искусственный, построенный на чисто теоретических предпосылках так называемый советский образ жизни, основными чертами которого было подчинение личности интересам государства, отказ от религии, переходящий в воинствующий атеизм, проскрипция частной собственности, нивелировка личности. Историческое понятие «соборности» низводилось до примитивного «коллективизма». Государство брало на себя монопольное право проводить патерналистскую политику в отношении граждан. 70 лет советской власти теоретики и практики социалистического строительства ломали голову над тем, как обеспечить оптимальное сочетание личных и общественных интересов, но решить эту задачу в отведенный им исторический срок так и не смогли.

События 1991 г. привели к новой, не менее разрушительной ломке образа жизни населения. На смену коммунистическому

утопизму пришла агрессивная политика навязывания самобытному русскому обществу чужого образа жизни, заимствованного из практики западных стран. Снова чужеродные семена стали вноситься в развороченную русскую почву без ясного понимания, какие мутанты могут взрасти на нашей ниве, совершенно неприспособленной и неготовой для таких посевов.

В срок, равный историческому мгновению, были сломлены юридические, морально-нравственные устои общества. Впервые в истории России государство сняло с себя всякую ответственность за материальную и духовную жизнь народа. Своими актами государство открыло ворота для анархии во всех областях общественной жизни.

Формирование системы частной собственности приобрело характер безконтрольного дикого грабежа государственного имущества. Публично было заявлено и постоянно постулировалось, что личность имеет приоритет перед интересами общества и государства. Безудержный всплеск индивидуализма пришел на смену укоренившемуся чувству коллективизма в обществе.

Отказ от коммунизма вылился в отказ от всякой идеологии, что привело к полной дезориентации людей, расколу их на бесчисленное множество партийных и общественных групп, потерявших из виду общенациональные интересы России.

Грубый, вульгарный материализм ворвался в нашу жизнь, в которой с незапамятных времен безмерное личное обогащение не было идеалом, обеспечивавшим общественное признание. Вся привычная шкала жизненных ценностей человека была исковеркана. Все, на чем строилось воспитание личности, начиная с библейских заветов и кончая «кодексом строителя коммунизма», было в одночасье опрокинуто. Деньги стали единственным мерилом успеха в жизни, все духовное было попрано и подвергнуто осмеянию.

Под лозунгом «свободы религий» в страну хлынули чуждые нам конфессии, располагавшие для своей прозелитистской деятельности большими финансовыми возможностями и пользо-

вавшиеся покровительством государственных властей. Даже такие преступные секты, как японская «Аум сенрике», с помощью высокопоставленных государственных чиновников разворачивали деятельность в России.

Наше общество утратило какой-либо эталон нравственности, образец поведения.

Нет ничего удивительного в том, что Россия в течение всего десяти лет дала миру образчик повальной общественной деморализации. Мы вошли в число самых коррумпированных стран мира. Масштабы воровства в России дали основание многим иностранцам говорить о том, что у нас установлена диктатура клептократии. У граждан России даже пропадают человеческие инстинкты: матери отказываются от своих детей, а то и просто убивают их после рождения, выбрасывают в мусорные ящики; подростки кончают коллективно жизнь самоубийством, разрушается традиционная семья — самый надежный кирпичик здорового государства.

Разрушение образа жизни граждан России представляет собой мученический венец хождения России по кривым дорогам революций, перестройки и реформ.

Часто думающие люди задаются вопросом: выживет ли Россия, вернется ли она когда-нибудь в сообщество уважаемых и сильных государств мира, выполнит ли она свое предначертание быть уделом Богородицы? А. Солженицын в своей горькой книге «Россия в обвале» приходит к мысли, что Россия «расплющена» под обломками рухнувшей железобетонной конструкции коммунизма. Но все-таки он верит, что если мы воспрянем духом, то еще сможем поставить на ноги свое Отечество. Ему вторит и американский профессор Стивен Коэн, отдавший свою жизнь изучению России и пристально наблюдавший все реформаторские перипетии в нашей стране. Русский по национальности, но американец по гражданству, Павел Хлебников, посвятивший много лет разоблачению и развенчанию Бориса Березовского – этой символической фигуры ельцинского вре-

мени, зловещего порождения, — завершает свою книгу такими словами: «Принесет ли катастрофа ельцинской эры фатальный результат? Это зависит от того, сумеет ли страна вовремя проснуться, услышит ли молодое поколение зов предков, захотят ли женщины посвятить себя созданию больших и здоровых семей, сумеют ли правительственные чиновники поступиться собственными интересами ради чувства долга, проснется ли у российских бизнесменов гражданское сознание».[1]

Каждый раз, когда мне задавали такой же вопрос, я глубоко вздыхал и говорил, что как профессиональный аналитик я не вижу сегодня, в начале нового века и тысячелетия, достаточно оснований, чтобы предсказать возрождение России, но как сын этой земли и этого народа я не могу смириться с холодным заключением разума. Я верю всем любящим Россию сердцем, что она воспрянет. Я знаю на опыте русской истории, как много значит для судьбы нашего Отечества то, кто стоит во главе государства, и буду молиться, чтобы Господь поставил у державного руля человека, достойного этой великой миссии.

---

[1] Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. М., 2001, с. 323.

Содержание

Наш журнал «Русский Дом» нужен!

Тем, кто не продал свою душу чужим богам, кто не разучился отличать добро от зла, друзей от врагов.

Тем, кто хочет проснуться от лености и уныния, очнуться от духовной слепоты, слабости и неверия.

Тем, кто любит Христа, кому ненавистно зло, сатанинское беззаконие, чья душа не может примириться со смрадным и мутным потоком богоборчества, насилия, бесстыдства, русофобии, ненависти к России и активно с этим борется.

Тем, кто хочет, чтобы Православная Вера стала для человека нормой жизни.

Все события, происходящие в стране и за рубежом мы рассматриваем с позиции православного, национально-государственного мировоззрения.

Надеемся, что **«Русский Дом»** станет желанным гостем и в вашем доме.

В редакции вы можете приобрести видеокассеты по материалам «Русского Дома».

Адрес редакции: **Москва, Малый Кисельный пер., д. 4, стр. 1.**
Для писем: **103031, Москва, а/я 16.**

Телефон отдела распространения и рекламы **(095) 921-46-18.**
Факс **(095) 921-35-02.**
Адрес электронной почты: **RD@RUSK.RU.**

Подписка на журнал «Русский Дом»:
«Роспечать». ***Индекс*** **45987.** **«АПР».** ***Индекс*** **38424.**

Для читателей за рубежом существует подписка **через агентство «МК-PERIODIKA».** ***Телефон в Москве*** **(095) 238-46-34.**
WWW.PERIODICALS.RU **WWW.MKNIKA.RU**

Николай Сергеевич ЛЕОНОВ

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РОССИИ 1991–2000



ИЗДАТЕЛЬСТВО РУССКИЙ ДОМ

Редактор
Александр Николаевич Крутов

Корректор
Элла Ивановна Денисьева

Обложка и оригинал-макет
Георгий Анатольевич Коннов

ЛР № 066851 от 01.09.99 г.

Подписано в печать 27.03.2002 г. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 33 п. л.
Гарнитура Ньютон. Тираж 10 000 экз. Заказ № 22409

Адрес издательства: 113184, Москва, ул. М. Ордынка, д. 39, стр. 2.

Отпечатано в типографии ОАО «Молодая гвардия»:
103030, Москва, ул. Сущевская, д. 21.

Николай Сергеевич ЛЕОНОВ – генерал-лейтенант, доктор исторических наук. Проработал в разведке 33 года, из которых 15 лет за рубежом, 12 лет на посту руководителя информационно-аналитического управления. В 1984-91 гг. был заместителем начальника разведки, ответственным за работу на американском континенте. Ушел в отставку в 1991 г. с поста начальника Аналитического управления КГБ СССР.

В 1994-2000 гг. работал профессором кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений МИД РФ.

С 1996 г. бессменный политический обозреватель телепрограммы и журнала «Русский Дом».

Профессиональный историк и журналист рассказывает о событиях самого трагического периода русской истории – «эпохе Ельцина», ставшей вторым, ухудшенным «изданием» Смутного времени.

Опираясь на свой богатый жизненный опыт аналитика общественно-политических явлений, автор вскрывает подоплеку многих событий, покрытых мифами и пропагандистской шелухой, показывает подлинное лицо активных фигурантов российской национальной трагедии.

Автор – живой свидетель описываемых событий и участник многих из них, дает им свою интерпретацию, окрашенную глубоким патриотизмом и болью о судьбе Отечества.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ДОМ»

